

**НОВЫЙ
МИР**

12

1934

Н О В Ы Й

М И Р

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И**

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

**К Н И Г А
ДВЕНАДЦАТАЯ
ДЕКАБРЬ**

**М О С К В А
1 . 9 . 3 . 4**

Статформат В/5 176 × 250

Уполн Главд В—99715 Объем 15½ печ лист по 64 000 зн Техн ред В Белокопъ Зак 2124

Тип им И И Скворцова-Степанова «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти С. М. Кирова

	Стр.
1. Десятилетие «Нового мира». Приветствия	7
2. Л. СЕЙФУЛЛИНА. — Молодость, рассказ	17
3. ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ. — Стихи	23
4. А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ. — Под ление пегухов, из 2-й книги «Дусима»	26
5. БОР. ПИЛЬНЯК. — Камень, небо, рассказ	34
6. АЛЕКСЕЙ КАРЦЕВ. — Магистраль, роман, окончание	46
7. ВАСИЛИЙ КАЗИН. — Два стихотворения	71
8. С. СПАССКИЙ. — Хибиногорский дневник, стихи	74
9. Г. САННИКОВ. — Рассказ о пустыре, стихотворение	75
10. М. ЮЖИН. — Начало, драматические картины из эпохи пер- вой революции	77
11. Л. ВЫШЕСЛАВСКИЙ. — Песня о варениках, стихотворение.	109
12. Н. НИКАНДРОВ. — Пловучий дворец, рассказ	110
ЛЮДИ и ФАКТЫ:	
13. Проф. В. Ю. ВИЗЕ. — Поход «Литке»	120
14. МАКС ЗИНГЕР. — «Литке», ты сделал хорошо!	130
ЗА РУБЕЖОМ:	
15. М. СПЕКТАТОР. — Два года депрессии особого рода	139
16. АЛ. ХАМАДАН. — В лагере фашистской реакции	151
НАУКА и ЖИЗНЬ:	
17. В. Е. ЛЬВОВ. — Научное обозрение	165
ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО:	
18. И. ГРОНСКИЙ. — Десятилетие	185
19. А. ЛЕБЕДЕВ. — Верещагин и война	189
20. Е. МЕЛИКАДЗЕ. — Мысли мастеров искусства об искусстве	226
21. ПИСЬМА ЖОРЖ САНД, окончание	231
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ:	
С. Д—в. — Книга страшной правды	244
Б. АНИБАЛ. — Корней Чуковский. «От двух до пяти»	245
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 1934 г.	246

ПОНЕСЕМ ЕГО ЗНАМЯ В ПЕРЕД!

Рукою ненавистного классового врага убит товарищ КИРОВ, соратник СТАЛИНА — пламенный трибун революции, кристально чистый и мужественный солдат из старой железной гвардии большевизма. Он убит на своем посту, в тех самых стенах бывшего Смольного института, где в легендарные октябрьские дни заседал штаб социалистической революции и билось великое сердце Владимира Ленина.

Сергей Киров стоял во главе славного ленинградского пролетариата, во главе города-форпоста революции. Он погиб в тот момент, когда дело социализма окончательно победило в нашей стране, когда Союз советских республик стал могучим и непобедимым государством. И потому так тяжела для нас утрата.

Но наши ряды не дрогнут от выстрела гнусного убийцы. Диктатура пролетариата стальным ударом сокрушит агентуру контрреволюции.

Советские писатели поднимают выше и гордо понесут вперед славное и непобедимое знамя партии Ленина и Сталина, то знамя, под которым сражался и погиб на своем посту товарищ КИРОВ.

И. Гронский, Ф. Гладков, Л. Леонов, Вс. Иванов, А. Малышкин, А. Новиков-Прибой, Л. Сейфуллина, Вл. Лидин, Б. Пастернак, П. Васильев, П. Низовой, Маритта Шагинян, В. Ставский, В. Григоренко, А. Нарцев, Макс Зингер, А. Гарри, П. Рожков, Н. Смирнов, В. Белоконь, А. Зингер, Б. Короткин.

„НОВЫЙ МИР“

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

1924 ДЕКАБРЬ 1934

М. И. КАЛИНИН

Журналу «Новый мир»

Горячо приветствую в день десятилетия редакцию и весь его творческий коллектив.

Желаю дальнейших успехов в борьбе за социалистическую культуру.

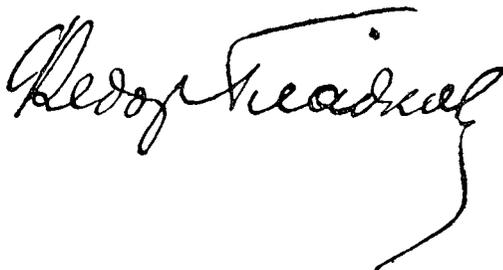

ФЕДОР ГЛАДКОВ

Горячо приветствую «Новый мир», мой родной журнал, в день десятилетия его славной работы. В развитии советской журналистики «Новый мир» играл исключительно важную роль: он был ведущим журналом, он был центром, вокруг которого шло собирание самых талантливых и значительных сил советской литературы. За эти десять лет своего яркого пути «Новый мир» запечатлел на своих страницах лучшие художественные произведения современности, которые вошли в историю литературы. В боях за социалистическое искусство он шел победоносно вперед, и теперь, после Всесоюзного съезда писателей, борьба за социалистическую эстетику, борьба с эклектизмом, с пережитками старых понятий, во имя торжества пролетарской литературы, является основой его дальнейшей боевой линии.

Лично я связан с «Новым миром» с самого начала его возникновения. Вся моя литературная работа была непосредственно связана с этим ярким, прекрасным журналом, и связь эта останется навсегда.

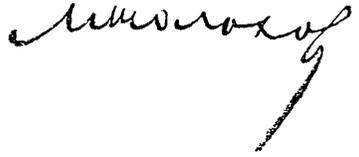
Крепко, дружески, радостно жму руки своим друзьям-новомирянам.

М. ШОЛОХОВ

Редакции «Нового мира».

Желаю и дальше так же успешно работать. Дружеский привет!

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

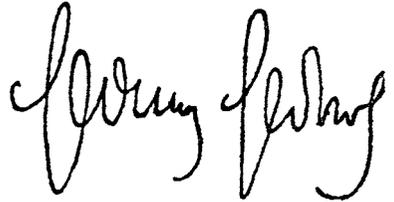
Нашему лучшему журналу, прошедшему славный десятилетний путь, — душевный привет и пожелание блестящих успехов в дальнейшей борьбе за большевистское художественное слово.

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

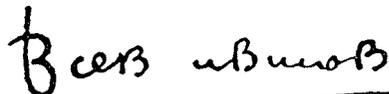
За эти последние годы почти все наиболее заметные произведения стихотворных, драматических и прозаических жанров прошли через страницы «Нового мира». Юбилей этого журнала — поистине юбилей советской литературы, наш юбилей. И оттого приветствовать его — означает для нас еще упорнее работать над тем, чтобы наименование его с каждым годом дальнейшего существования получало бы все более высокое значение и оправдание.

И мы делаем это с сознанием полной ответственности перед всеми остальными строителями нового социалистического мира.

ВС. ИВАНОВ

— Что такое советская литература? Это рассказ о том, как, переделывая себя, люди переделывают отсталую страну, причем переделка эта совсем иного типа, чем в странах капитализма. Советская литература не есть просто запись фактов, а это прежде всего борьба с противоречиями в нашей работе, рассказ о том, как лучше всего побеждать и уничтожать эти противоречия. «Новый мир» тем, что имеет большой круг наших читателей, доказал, что за 10 лет своей жизни он успешно отразил достижения советской литературы. Я желаю журналу: дальнейшего совершенствования, дальнейшего расширения круга своих читателей, а также и активного воздействия на писателей: через указания недостатков в работе, через пропаганду поисков новых методов работы — для лучшего восприятия и показа нового мира, мира социализма, мира Советов!

Б. ПАСТЕРНАК

Поздравляю редакцию с десятилетием журнала. Не верится, что это всего десятилетие, — столь определяющая часть жизни падает на эти годы. Кажется, чуть ли не с первого литературного рождения журнал вел меня, воспитывал и переделывал к лучшему. В особенности, наряду с нынешним его руководством, относится это к годам редактирования Вячеслава Павловича Полонского. В моем представлении последние семь лет неразделимы, и для меня высшая честь и радость принести благодарность за них Ивану Михайловичу Гронскому.

БРУНО ЯСЕНСКИЙ

В борьбе за высокое качество советской литературы десять лет существования «Нового мира» — праздничная дата. Пожелать юбиляру можно разве что еще больше требовательности и взыскательности к писателю, больше боевой устремленности и дерзания в смелой постановке и разработке проблем новой социалистической культуры.

А. М. Горький на съезде пожелал современной советской литературе пять гениальных и сорок очень талантливых писателей. Мое пожелание моему журналу: чтобы все сорок пять выросли и выдержали испытание эпохи на страницах «Нового мира».

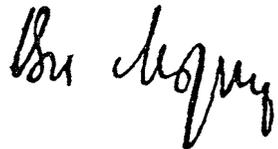

ВЛ. ЛИДИН

Десять лет назад вышла первая тощая книжка журнала «Новый мир». Это была начальная пора созидания советской литературы. За десять лет «Новый мир» сумел объединить вокруг себя основных писателей. На его страницах впервые были напечатаны вещи, которые отмечают главные пути нашей литературы.

Участники журнала привыкли считать его удаchi и неудачи своими собственными удачами и неудачами. Во всем этом смысл большого культурного значения, которое перерастает скромную дату десятилетия журнала. Поэтому большинство из нас ощущают десять лет его существования как свой собственный праздник. Это лучшая цель, к которой может стремиться каждый журнал.

Приветствуя редакцию «Нового мира», я думаю, что следует приветствовать и тех многочисленных его читателей, которые на протяжении десяти лет были верными друзьями журнала.

БОР ПИЛЬНЯК

Во все времена, которые стоят впереди нас, годы, прошедшие от семнадцатого до наших дней, будут изучаться с тщательнейшей скрупулезностью, с волнением и восхищением, потому что эти годы были — и есть — фундаментом новых, будущих человеческих отношений. А стало быть — и литература: одно из созиданий этих лет, один из путей познания этих лет.

Первым в СССР — тогда еще в РСФСР — «толстым» журналом был журнал «Красная новь». Вторым журналом был журнал «Новый мир». Эти два журнала были — ведущими журналами. Первые годы «Красная новь» была первым журналом. С годами «Новый мир» в первую очередь занял место «Красной нови».

Лучший журнал в СССР сейчас — «Новый мир». Этот журнал празднует десятилетие. В течение десятилетия этот журнал давал советскому читателю лучшие советские литературные произведения и делал советские читательские вкусы. Во все времена, которые стоят впереди нас, этот журнал, ведший советскую литературу в годы, прошедшие от семнадцатого, останется и будет изучаться тысячекратно больше, чем — ну, предположим — пушкинский и некрасовский «Современники».

Бор Пильняк

Л. СЕЙФУЛЛИНА

Привет! Желаю великолепных побед в борьбе за социалистическое искусство страны Советов

Л Сейфуллина

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

От души приветствую «Новый мир» с десятилетием его ценной и культурной работы. Читатель знает ее по результатам, а мы, писатели, знаем и ее тыловую сторону: редкостное внимание к автору и умение пойти ему навстречу в самом важном для него вопросе. в его борьбе за качество печатаемой вещи. Частенько приходилось надоедать дополнительными корректурами, разрушать набор, давать еще и еще вариант, — так у меня было с «Гидроцентральной». И «Новый мир» был максимально терпелив к этой авторской «болезни» ювелирной шлифовки вещи

Мариятта Шагинян

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Нужно ли говорить о том, что «Новый мир» является самым талантливым, содержательным, самым ярким из чаших толстых журналов. Это прекрасно знаем и мы, писатели, знает это и наш читатель. Вокруг «Нового мира» собрано все творческое, деятельное, умное советской литературы

Сегодня «Новый мир» читают миллионы людей нового социалистического общества. Именно потому журнал должен ежедневно, ежечасно овладевать новыми высотами.

Три существенные задачи, на мой взгляд, стоят сейчас перед «Новым миром». Первая из них — кадры. Журнал должен воспитать писательскую смену и познакомить с ней читателей. «Новый мир» должен стать журналом критической мысли. Критика, который сумел бы сочетать в себе мужество теоретика, глубокое понимание технологии творчества, темперамент бойца-революционера, — его мы ждем и не находим еще сегодня в журнале.

Кроме литературы, читателя волнуют музыка, живопись, архитектура, танец. Этим видам искусства «Новый мир» несомненно будет уделять больше внимания, чем уделял до сих пор.

Первый год второго десятилетия, в который вступает журнал, станет годом новых творческих достижений.

Ленинград

ПЕРЕДАНО ПО ТЕЛЕГРАФУ

Горячо приветствуем редакцию и сотрудников «Нового мира», празднующих десятилетие существования передового крупнейшего журнала.

В истории советской журналистики роль «Нового мира» велика и почетна: ряд лучших произведений современной литературы читатель нашел впервые на страницах этого журнала «Новый мир» пользуется заслуженным вниманием писательской среды, видящей в нем активного проводника идей социалистической культуры.

Широкий охват тем современности, борьба за высокое художественное мастерство, постоянная связь со своим авторским коллективом, — вот те качества «Нового мира», которые делают его одним из наиболее популярных журналов в нашей стране

Искренний и дружеский привет «Новому миру» от нас, литераторов и деятелей его

КОНСТ. ФЕДИН, МИХ. СЛОНИМСКИЙ,
МИХ. КАЗАКОВ, НИК. ТИХОНОВ, БОР ЛАВРЕНЕВ,
НИК. НИКИТИН, АЛЕКСЕЙ ЧАПЫГИН.

Ленинград

АЛЕКСЕЙ КАРЦЕВ

Дорогие товарищи!

Десятилетие «Нового мира» — большое, очень большое событие. Оно должно быть праздником всей нашей литературы. Оно вызывает в душе не гладкие, отшлифованные формулы стандартных приветствий, а гордую радость за достижения советского писательства — за те бесспорные яркие достижения, которые в «Новом мире» отражены больше, чем в любом другом из наших журналов.

Мне, совсем недавно вошедшему в обширный творческий коллектив, объединенный «Новым миром», вряд ли уместно оценивать весь его десятилетний путь. Но если журнал и в первые годы дал многое, то ведь именно второе пятилетие его работы завоевало «Новому миру» место, по праву занимаемое в художественной литературе сейчас.

Пусть читатели — та огромная и все растущая масса постоянных, неизменных подписчиков, которыми так тесно связан «Новый мир» со всеми краями великой нашей страны, — пусть они вспомнят эти последние годы. Пусть они перелистают теперь свои пожелавшие комплекты «Нового мира», бережно хранимые от номера к номеру. Ведь это будет смотр! Это будет победоносный смотр успехов, завоеванных журналом, его редакцией и авторами, в борьбе за социалистическую литературу!

«Севастополь», «Соть», «Гидроцентральный», «Дзусима», «Петр I», «Поднятая целина», «Энергия», «Скутаревский», «Человек меняет кожу», «Похождения факира», — ведь это не только хронологический список лучших произведений, данных читателю «Новым миром», но это в то же время и почти полный список самых любимых, самых распространенных сейчас в стране беллетристических книг!

Не к самодовольству, не к почиванию на лаврах привели эти очевидные победы редакцию «Нового мира». Упорная, любовная работа ее над дальнейшими достижениями видна все больше и больше: и в непрерывном росте тиража, и в постоянном обогащении содержания журнала, и в блестящих (далеко опередивших всю нашу художественную периодику!) темпах выхода номеров.

Но особенно хочется мне сказать о работе редакции с новыми своими кадрами. Может быть, лучше многих я знаю теперь по собственному опыту, как нужна, как неопределима помощь чуткого, культурного авторитетного редакционного коллектива писателям начинающим. (Да и только ли им?)

Для меня лично лучшей памятью об этом останутся две пачки листов: одна — это рукопись моей «Магистральной» до сдачи в «Новый мир», другая — это «Магистраль» в том виде, в каком помогла мне выпустить роман редакция «Нового мира».

Пройдет еще десять лет, и — я убежден — такое же «признание» услышат читатели журнала от многих новых начинающих советских писателей.

Алексей Карцев

ПЕРЕДАНО ПО ТЕЛЕГРАФУ

Приветствую коллектив журнала, являющегося в течение десятилетия высшей апробацией для советского литератора. Свою пятилетнюю работу в нем ощущаю, как партийную и художественную школу, как величайшую честь для себя. В этот день со скорбью вспоминаю основоположника журнала — покойного Вячеслава Павловича Полонского, отдавшего «Новому миру» огромную любовь и весь блеск своего редакторского таланта.

Кисловодск

А. МАЛЫШКИН

ПЕРЕДАНО ПО ТЕЛЕГРАФУ

Сердечно приветствую «Новый мир» в день его десятилетия. Душевно желаю дальнейшего процветания для блага нашей социалистической литературы.

Кисловодск

ЯНКА КУПАЛА

ПЕРЕДАНО ПО ТЕЛЕГРАФУ

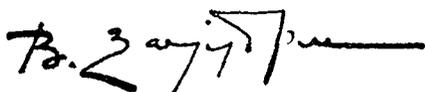
Горячий привет и поздравление редакции «Нового мира». Верю в новые славные десятилетия журнала.

Ялта

ПЕТР ШИРЯЕВ

ВЛАДИМИР ЗАЗУБРИН

Советская общественность давно оценила журнал «Новый мир» как один из лучших в нашем Союзе. Я не буду говорить о журнале, чтобы не повторять истин, ставших старыми за десять лет. Мне хочется сказать о тех людях, фамилии которых никогда не упоминаются ни в журнале, ни в рецензиях в его вышедших номерах. Я говорю о тех, с кем автору приходится иметь дело прежде, чем его рукопись попадет к ответственному редактору. Может быть, следуя установившейся традиции, не нужно называть их и сегодня, тем более, что каждому писателю они хорошо известны. Однако совершенно необходимо сказать одно — такого отношения к автору, какое существует в «Новом мире», я не встречал нигде. Все, чем может гордиться «Новый мир», в значительной мере создано этими скромными людьми, и о них должно быть сказано первое слово в день десятилетия журнала, — охотно это делаю

МАКС ЗИНГЕР

«Новый мир», тагам!

«Тагам! Поехали!» — так восклицают чукчи, уезжая вглубь тундры на поиски мха-ягеля своим оленям, снимаясь вместе с ярангами для далеких, волнующих перекочевков.

«Тагам!» Это чукотский клич «Вперед!». Самое бодрое слово на чукотском языке. Это слово означает движение.

Через заснеженную высокогорную чукотскую тундру, отряхивая пушистые куржаки столетних елей и лиственниц морозной якутской тайги, волкоподобные собаки Севера вынесли меня в Москву к воротам «Нового мира» Я вошел в них без стука, как в чукотскую ярангу, и был принят с полярным гостеприимством.

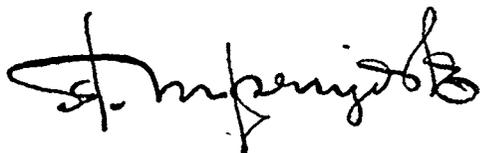
Сегодня я восклицаю «Тагам» «Новому миру» — родному и замечательному журналу Движение «Нового мира» вперед есть движение всей моей великой социалистической родины

Тагам, «Новый мир», тагам!

А ПЕРЕГУДОВ

Искренно и горячо поздравляю журнал «Новый мир» и его руководителей с десятилетним юбилеем.

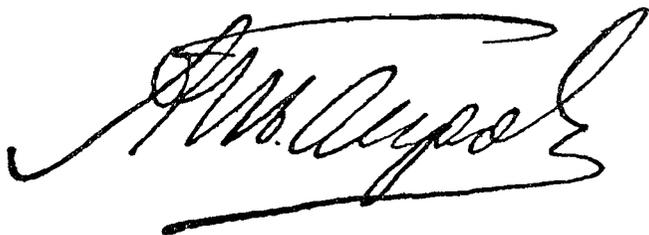
А. ТАИРОВ

Дорогие товарищи!

Десять лет работы «Нового мира» вписали интересную и значительную страницу в историю становления и развития советского художественно-литературного журнала, непоколебимо стоящего на страже социалистической культуры и искусства

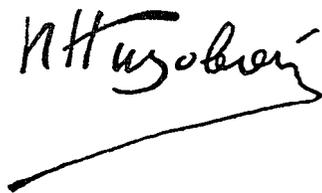
Вы уделяете большое место произведениям крупнейших мастеров нашей литературы. Вы неустанно следите за творческими устремлениями литературной молодежи, помещаете в «Новом мире» их лучшие образцы и стимулируете их художественное развитие. Вы содействуете тому, чтобы наша литература в совершенной, художественной форме отражала самые захватывающие и волнующие страницы нашей многообразной и неповторимой жизни

В день вашего славного десятилетия мой горячий, дружеский привет редакции и всем сотрудникам «Нового мира».

ПАВЕЛ НИЗОВОЙ

«Новому миру» — лучшему из журналов — в годовщину десятилетия его славного существования искренний писательский привет. Шлю сердечное поздравление товарищам, руководителям, сумевшим объединить вокруг журнала все наиболее яркое и талантливое.

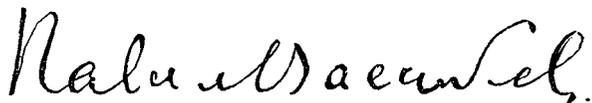

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

За все время моего сотрудничества в «Новом мире» я неизменно чувствовал постоянную поддержку и подлинное руководство.

Я, как никто, обязан «Новому миру», который помог мне по-новому организовать мое поэтическое существо.

Тем горячее и искренней мой привет журналу-юбиляру, журналу-бойцу за подлинную социалистическую литературу.

Технические работники «Нового мира»:

Д. КОМКОВ, С. ГУРЕВИЧ, А. ПОСПЕЛОВА, С. КЕЛИН,
И. ЧАШКИН, А. ЖУРАВЛЕВ, Н. ЧАЙНИКОВ, С. ДМИТРИЕВ,
К. ХАРЛАМОВ.

Шлем горячий пролетарский привет «Новому миру», ведущему журналу советской литературы, ко дню его вступления во второе десятилетие последовательной борьбы за пролетарскую культуру, за социалистический реализм в литературе и искусстве

Мы, технические работники печати, первыми читающие, при наборе рукописей и чтении гранок, произведения корифеев литературы нашей великой эпохи, особенно ценим в журнале «Новый мир» то, что он, помещая наряду с лучшими художественными произведениями очерки о делах и людях нашей великой родины, статьи научные, критические и по вопросам международной политики, умеет сочетать серьезность материала «толстого» журнала с доступностью изложения.

Скромные труженики по доведению живого слова от писателя к читателю, мы ценим благотворную обстановку работы редакционного коллектива. Желаем редакции «Нового мира» дальнейших успехов по обогащению содержания журнала и его оформлению.

Дмитриев

Харламов

Келин

Комков

Чашкин

Журавлев

Гуревич

Чайников

Поспелова

Молодость

Рассказ

Л. СЕЙФУЛЛИНА

I

На московских бульварах рдела осень. Листья, увядая, но яркая, прекрасно умирала. В чистом, холодном свете она реяла, как бы танцуя, и падала мягко. Соня возвращалась тоже с похорон. Сегодня сожгли в крематории Нину Короткову, девятнадцатилетнюю девушку, любимую сонину ровесницу. Глаза у Сони были еще заплаканы, но чудесный осенний воздух бодрил молодую кровь, и Соня никак не могла заставить себя думать только про Нину. Навстречу шла дорогó и хорошо одетая женщина. И собой она была красива. Тонка, легка, хоть явно немолода. Соня завистливым взглядом сразу охватила короткую меховую кофточку, легкую обувь, фетровую шляпку и тонкие черты лица. Она сердито подумала:

«Если так одеваться, так кто не будет красивым? А тут вот туфли — елживы, и на пальто никак денег не накоплю. Ну что ж, зато я молодая, а ей, наверное, все тридцать».

В огорчении снова ясно вспомнилось, что подруга умерла. Сегодня ее мать рассказывала о последних минутах дочери. Нина заматалась в постели, настойчиво и жалобно повторяя:

— Дайте . Ну, дайте же мне! Дайте!

С тоской и надеждой мать спросила:

— Что дать тебе, доченька, что?

Нина взглянула на мать совершенно сознательно и ответила строго:

— Откуда я знаю? Я умираю в первый раз.

Потом повернулась лицом к стене и умерла. Соня всхлипнула.

«В первый раз...» Она, когда грустила, всегда, бывало, скажет, как мы никто не умеем. Иронически-печально. Вот этот памятник Пушкину, как она любила! Она говорила про него: «Стоит кудрявый и мудрый!» Ах, Ниночка, ну зачем умерла? Тебе и памятника не поставят. Да если б и поставили, какая разница? То-то Пушкину теперь нужно, что торчит он на бульваре, кудрявый и мудрый. Лучше был бы он каким-нибудь прыщавым счетоводом, да ходил бы сейчас живой по земле».

Но, поровнявшись с памятником, Соня уважительно, точно отвечая урок, вспомнила:

В багрец и золото одетые леса

Эти стихи читала тоже Нина. А Соня их слушала равнодушно. Обычно даже просила:

— Ты лучше письмо Татьяны почитай.

Но сегодня, была ли душа ее подготовлена печалью, или восстало в памяти сердечное нинино волнение, только особым внутренним вниманьем Соня охватила и падающую листву, и всю багряную осень вокруг, и силу пушкинского слова. Она даже прошептала восхищенно:

— Это — да!

И сильно вздрогнула: сзади схватил ее за локоть Василий Спирин, однокурник. Соня недолюбливала его, а сейчас еще рассердилась за свой испуг.

— Нельзя ли поделикатней, Спирин.

— Не сердись, комсорг, меня Зорина послала тебя догнать. Вон и она спешит.

Маленькая, живая, как воробей, Катя Зорина подхватила Соню под руку.

— Двигай с нами в столовку. Я сейчас твоего Илью встретила.

— Ну, где?

Катя шутливо толкнула локтем Соню.

— Ты лучше спроси, с кем! С Наточкой Семеновой, идут под ручку нежной парочкой. Я его спросила, почему Нину не хоронил. Он говорит: «Мертвецов не люблю».

Соня деланно-равнодушным голосом спросила:

— А Ната тоже не была на похоронах?

Катя засмеялась, прихлопывая ладошками.

— Ревнует, ревнует. Честное слово, ревнует!

Спирин присвистнул и приятным баритоном пропел:

— «Полюбил он пепельные косы и губ нетронутый коралл». Сонечка, тебя замарьяжил еще малюткой и снова стреляет по юным девочкам..

Соня сильно рассердилась.

— Бросьте, ребята, трепаться, а то не пойду с вами. Что я, мешанка?

Но сердце у ней тоскливо сжалось. Илья в последнее время какой-то раздражительный и неласковый. Наташа — хорошенькая. Ну и пусть! Зато уж сына никто не отнимет у нее. Скорей бы поцеловать Кимуську. Она ясно представила себе чудесную нежность щек своего годовалого сына и перестала слышать, о чем спорят Катя и Спирин. Катя сильно трянула ее руку.

— Ну объясни ему, что иначе нельзя. Надо какую-нибудь норму, если все хотят учиться танцевать? А и помещенья нехватает, и на учителей — расход.

— Танцевать? Что?

— Да ты уснула, что ли? Я о том, что у нас постановили в институте, чтоб танцам учить в первую очередь тех, кто внес весь кооперативный пай.

Соня рассеянно подтвердила:

— Это правда.

Василий покачал головой.

— А я считаю, что глупо. Вы бы уж тогда лучше ударников. Да в порядке дисциплины.

— И ничего не было бы плохого, — сердито заявила Катя, — танцы развивают радостное тело. А у кого мы хо-

тим видеть радостное тело? У дорогих, у лучших.

Соня обхватила Катю за плечи и поцеловала ее в щеку.

— Верно, Кагюша. И у нас у всех долго будет радостное тело. Мы брюха не отрастим. Не надейся, Вася.

Спирин пожал плечами.

— Я не против, танцуйте. Но при чем тут кооперативный пай? Где денег взять?

В столовке он с'язвил:

— Танцы танцами, а от такого рыбного уныния радостного тела не наживешь!

Обед, действительно, был плох. Рыбный суп без рыбы и вязкие рыбные котлеты, не то свежие, не то нет. Зато подающая еду Нюра шуршала новым коленкоровым халатом, и на столах топорщились такие же новые белые скатерти Илья спросил:

— Что это у вас сегодня белизна ковром стоит?

Нюра усмехнулась:

— Нарком, говорят, по столовкам ходит.

Соня проворчала недовольно:

— Нужны ему ваши коленкоры. Вот котлеты попробует, так узнаете.

Илья похлопал ее по плечу:

— А нужны ему наши котлеты? Он дома поест.

Васины слова звучали, как добродушная шутка. И все же знала Соня, что таились в его усмешке недоброжелательство и злость. Вуз достался Васе нелегко. Он попал после трудной работы на заводе. Отец его был крестьянин, но в обширной степной губернии владел сотней десятин и гуртом скога. Жалко ли стало юноше отнятого достатка, или мучил его молодой гнев за пережитое унижение, только ранняя морщина пролегла у него около рта. Его шутки редко бывали беззлобны, порой жестоки. Соня всегда настороженно с ним разговаривала. А он в беседе с ней обычно впадал в искательный или слащавый тон, не идущий к значительному, недоброму его лицу. И сейчас он сделал неудачную попытку замать свою шутку, неприятную для Сони.

— Все это ерунда! Нику вот жалко.

Хорошая девка была. Незаменимый товарищ.

Соня побледнела. От длинных черных ее ресниц на нежную эту бледность упала прелестная тень.

Спирин подумал:

«Красивая ведь какая тварюшка».

А Соня дрожащими губами, но сдержанно ответила ему:

— Незаменимых людей на свете нет, особенно у нас. Потому что иначе жизнь остановилась бы.

Потом доела котлетку, тщательно вытерла неяркие твердые губы и добавила:

— Нехорошо как звучит об умершей: «Нинка» и «девка». Ведь смерть очень большое событие.

Вася снова не удержался. Он приподнял плечи, широко развел руками.

— Уж больше некуда. Окончательное!

Катя и студенты, сидящие с ними за столом, громко засмеялись. Соня посмотрела на них с досадой и, точно защищаясь, подняла узкую смуглую руку.

— Ты, Спирин, такой комсомолец, о каких в книжках пишут. У писателей этих никогда не назовут один другого Ваня или Маня, а обязательно Ванька, Манька. Точно мы ласкать или уважать не умеем. Ну, ладно. Шамай, Васька, братишечка, да хорошень лапай свою шару.

Соня уже вышла из столовой, а вузовцы смеялись. Так нелепо исказилось в лад грубым словам тонкое сонино лицо. Она, ожидая на трамвайной остановке, думала о том, почему так неприятен ей Спирин. Сейчас она даже покривила душой. Большинство из них и сама Соня не под кисейным пологом вырастали. Одни в бедных кварталах прифронтовых мест, в деревне, в рабочей казарме. Другие на самом фронте. Слова солдатские, блатные или просто свойственные грубому языку бывших подневольных людей нередки в их обиходе.

«Ведь правда, — размышляла Соня, — они и не могут сразу исчезнуть. Только соотношение меняется. Ой, затра зачет по биологии! «Жизнь есть процесс бесконечно изменяющихся соотношений». Это я вчера записала. Успею

ли подчитать? И все же на Василия напала я справедливо. Ничего серьезно вредного никогда не сделает. Он хочет создать себе имя в науке. Не станет рисковать. Но вредный он, как мышь. И не стыдно ему? Такой талантливый, а вредит по-мышинному».

Вдруг одно соображение о мышинном вредительстве пришло в голову Соне. Она перешла на другую трамвайную остановку, чтоб ехать не в ясли за сыном, а в райком комсомола. Шварц слушал ее сердито и беспокойно. Сегодня в Большом театре ждала его любимая девушка. Она просила не опоздать к началу спектакля. А Соня затянула рассказ. Фрида Спивак на курсовом собрании комсомольцев заявила, что надо сократить занятия по диалектическому материализму. В стенгазете Фриду изобразили в дружном единении с классовыми врагами. Предстоит общепинститутское комсомольское. На нем готовится выступление против Фриды. Это ранит самолюбивую, нервную девушку.

— А ты понимаешь, Шварц, этого допускать не следует! Ее заявление по форме не соответствует тому, что хотела она сказать по существу. Она — польская еврейка, эмигрантка, еще плохо говорит по-русски. А некоторые вузовцы, в целях юдофобства, очень скрыто-го, тонкого...

— Рассказывай арабские сказки, рассказывай! Чего ты хочешь?

Соня покраснела до самых волос.

— Поговори с Фридой сам. И увидишь, что не надо ее на общепинститутском..

Шварц положил короткопалую ладонь на сонину руку.

— Если каждый комсорг курса заставит меня разговаривать отдельно с каждым членом ячейки, зачем тогда вы, комсорги?

Соня вышла от него нахмуренная, красная, чуть не со слезами. Главное было в том, что Шварц прав. Соня сама проморгала историю с Фридой. Тогда как-раз Нина заболела. Ну, и Нины не спасла, и Фриду во-время не выручила. Таких комсоргов бить мало! И прибежала еще, как маленькая, защиты просить. Фу, стыд какой! Теперь скорей за

Кимом в ясли — и домой, домой. Ноченьку придется над книжкой посидеть. Неужели Илья изменяет? Сердце снова затосковало. Соня тяжело вздохнула и подумала:

«Молодым труднее жить, чем старым. И работаешь, и ревновать, и любить еще приходится. А Ниночка-то вот сейчас, бедная, — прах...»

II

В тесной двухкомнатной квартирке было людно. У совиной свекрови, Ксении Васильевны, сидели трое из автобусного парка, где она работала. В другой комнате дожидались Илью его два товарища. Ксения Васильевна, большая, стриженная, ясноглазая женщина, вышла в тесную переднюю взять ребенка. Но приняла она его от Сони неловко. Ким проснулся и яростно заплакал. Соня так сильно устала сегодня, что сама сказала плачущим голосом:

— Что вы, мама, право? Так и голову ему оторвать можно.

Ксения Васильевна засмеялась:

— Ему — неважно, твоя была бы це- ла. Другого родишь.

Она любила Соню, и та отвечала ей хорошей, родственной приязнью. Кроме того, Соня уважала Ксению Васильевну, как старую большевичку. Но из-за Ки- ма у них часто случались перебранки. Свекровь находила, что сноха сыншкву слишком нежит. На шум их голосов вы- глянул в переднюю коренастый, седой человек. Он покачал головой:

— Такие теперь молодые матери по- шли, что и не разберешь, кто плачет: мать или ребенок.

— Молодое с молодым — самое пра- вильное дело. А вот ты, старый бобер, на молоденькой женился, это я счи- таю — зря.

Старичок хитро прищурил глаз.

— Нам, Ксения Васильевна, по си- лам, так вы зачем наперекор?

Разговор смешной. Соня посмеяться любила, но сейчас она чуть улыбнулась. Утомлена, и потом, где же заниматься? Товарищей Ильи свекровь увела к себе, но из одной комнаты в другую все слышно. Пропагандист из автобусного

парка горячо жаловался Ксении Ва- сильевне:

— Здесь — коридорчик, извиняюсь, и уборная, и кондуктора сменяются, и библиотечный шкаф. Ну конечно, сколь- ко же там книжек? У нас, товарищ Са- зонова, газет даже мало. Как же жить?

Потом старичок кричал:

— Меня захотят, потому что дело ме- ня хочет.

Хныкал Ким, никак не желавший снова заснуть. Но автобусные скоро ушли. Соня вошла к свекрови, думая, что товарищи Ильи тоже поднялись. Те сидели еще, хотя Ксения Васильевна на них смотрела хмуро. Лазарь Рубинчик, по прозвищу Яша Ячкин, по обыкно- венью рассказывал о себе.

— Я на ворошиловского стрелка пой- ду сдавать...

— Затоскует Ворошилов от такого стрелка! — угрюмо перебил его Сергей Студенцов. — Вот что, товарищ Са- зонова, мы по делу к вам. Не хотелось без Ильи, как-то противно заглазно. Да не дождешься его.

— Что такое? — спросила Соня, по- бледнев.

— Нехорошее дело. — Студенцов встал, прошелся по комнате. — Нехоро- шее, Соня. Мало того, что Илья водку пьет, девчонок соблазняет, он еще в карты стал играть. Вон Лазарь расска- жет.

Лазарь смущенно развел руками.

— Я — человек наблюдательный. Я, видите ли, давно замечал. А теперь так, с Нащокиными я живу через площадку, вечером часто забегая..

Студенцов хлопнул его по плечу.

— Не тяни ты, Яшка, чорт!

Рубинчик, знал свое прозвище. Он обиделся:

— Совсем даже не остроумно, если я — Лазарь. Рассказывай сам. Если так, слова не скажу.

Но все же они оба, перебивая друг друга, рассказали, что Илья втянул в картежную игру Нащокина. Тот сильно к игре пристрастился и много проигры- вал. Главным образом Илье. В послед- ний раз ему нечем было расплатиться с Ильей. Виталий украл у отца часы, от- дал Илье.

— Вообще страшнейшее пошлячество! В нашей, комсомольской среде не должно этого быть, — размахивая руками, горячо заключал Студенцов. — С Наташей Семеновой теперь хороводится. Такая барышенция, думает только о тряпках да о пудре! Ей духи покупает. И все это на карточные выигрыши. Да и выигрыши-то, говорят, от ловкости рук.

Во все время их рассказа Ксения Васильевна не проронила ни слова. Лицо ее как будто отекло в тяжелой каменной задумчивости. Теперь она поднялась, сказала глухо:

— Вот оно, притупление классовой бдительности. Собственный сын... прохвост.

Она вышла из комнаты, грузно ступая. Молодежь молчала. Соня сидела, с'ежившись, как в мороз. Слышно было, как за дверью Ксения Васильевна говорила по телефону со старым Нащокиным

— Утешать нам друг друга нечего. По возможности надо исправить зло.

Студенцов медленно, нерешительно проговорил:

— Соня, у меня есть письмо для тебя.

— Давай, — чуть слышно отозвалась она.

Но, взяв конверт в руки, Соня вскрикнула:

— Это что? Что такое?

На конверте было написано: «Другу Соне от Нины».

Студенцов кивнул головой:

— Это от Нины.

— Она же умерла! Ой, даже страшно стало. Письмо из небытия. Почему, как?

— Она дала мне его, когда была в сознании. Ведь не сразу обострилось у нее крупозное-то. Но почему-то она думала о смерти. Сказала: «Если умру, отдай».

Пальцы у Сони дрожали, и она долго распечатывала конверт. Письмо было недлинное.

«Подруга милая, прости меня. Я принадлежала Илье. Прости обман! Я любила его, но тебя люблю глубже и чище. Оттого и признаться не могла. Ты не думай, это все давно кончилось. Но я знаю, что Илья — дурной человек.

Не из ревности, не по зависти, а из любви и уваженья к тебе пишу: уйди от него. Я, Соня, не скверная. Я думала, отчего не помечтать под луной, а вышли измена и обман.

Нина».

Когда Ксения Васильевна возвратилась в свою комнату, студентов уже не было. Соня горько плакала, положив лицо прямо на стол, а руки заложив за спину. Свекровь нежно приподняла ее голову, поцеловала спутанные волосы и смуглую руку.

— Прости мне слепоту мою...

Соня припала головой к ее плечу.

— Мама, я уйду от него. Вот прочитайте... Он и Нину обманул.

Ксения Васильевна прочитала и молча вложила письмо опять в конверт.

Соня громко всхлипнула, проговорила сквозь рыданье:

— Ну зачем, зачем на свете существует любовь?

Ксения Васильевна усмехнулась невесело.

— Ну, милая, этого еще напросишься. В девятнадцать лет от любви не убежишь.

Соня встала.

— Нет, убегу. Я уйду от Ильи.

— Да я не про Илью говорю, другого найдешь, хорошего. Но как же это с ним случилось? Когда он так испортился, ай-ай-ай! Не надо бы вас женить.

Соня проговорила спокойней.

— Нет, я ни в чем не раскаиваюсь. Была с Ильей счастлива, и материнством счастлива. Хорошо, что так рано родила. Мы с моим сыном еще вместе будем расти. Ведь я еще тоже расту. Мы с ним лучше друг друга будем знать, чем вы с Ильей, только... только ведь очень тяжело разочароваться. И в дружбе, и в любви. Ой, мама, как тяжело... Я даже слов таких не знаю, чтобы рассказать. Ведь, мы не привыкли жаловаться...

Она снова горько заплакала. Ксения Васильевна покачала головой.

— Верю. В первый раз — нож острый ранит! А потом притерпишься. Пойдут, как булавочные царапины, — многие разочарования.

Соня всплеснула руками.

— Что вы говорите? Вы ужасную вещь говорите! Неужели жизнь так дурна?

— Она не дурна, а трудна. Иди, ляг, успокойся. Завтра надо решить, что делать с Ильей. Эх, милая, скорби-то сколько!

III

Через месяц Ксения Васильевна ходила около института, поджидая Соню, и увидела ее издали. Ей показалось, что Соня стала выше ростом.

«Сильно похудела, бедняжка» — подумала она.

Соня удивилась, смутилась и не сразу обняла Ксению Васильевну. Но потом несколько раз ее крепко поцеловала. Они пошли рядом.

— Ну, как живешь-то?

— Хорошо. Работы очень много. Я ведь хвостов оставлять не могу: комсомолка. Анатомия больше всего замутила.

— Где живешь-то?

— Теперь в общежитии дали комнаточку маленькую, но отдельную. Да вы придите ко мне, а?

Ксения Васильевна нахмурилась и не ответила.

— А Кимка-то как?

— Все так же, в яслях, а ночью со мной. Трудно во время зачетов. Ну, на эти дни приходившая няня ко мне ходит.

— На стипендию выкручиваешься?

— Нет, пришлось еще работу взять. У нас же, в институте, но платная.

— То-то глаза-то стали по чашке, бледненькая. Ну, ничего, вывеска у тебя и при худобе красивая. Замуж не вышла?

Соня засмеялась.

— Ой, не собираюсь! Хватит пока.

Ксения Васильевна взяла ее под руку.

— Соня, ты вот меня к себе приглашаешь, а я ведь хочу просить: переселайся ко мне. Илья в провинции. Я его на работу под хороший начал сдала. Доучится потом, когда поуспеет. Одна я живу, тоскую по тебе и по внуку.

Задумчиво глядя на багровый закат, Соня огрицательно покачала головой.

— Не могу, мама. Я по ниточке обрезать не люблю. Надо, чтоб чистое дело, без трагедии. Я не орел, птица серенькая... У нас в комсомоле разве такие? Но все же мы не для прежней клетки. Вы думаете, что я забыла Илью? В том-то и дело, что нет! Иногда приснится, так я в слезах проснусь. Но ведь не для снов люди живут! А на старой квартире не только душе, телу все будет его напоминать.

Ксения Васильевна прокашлялась и несвойственным ей робким голосом спросила:

— А, может быть, простишь? Я верю, что вернется он другим человеком.

— Если другим, то все равно прежнего не будет. Появится прощение, снисхождение, подозрительность. Нет, я уж обо всем передумала. Вы говорите: простишь! Во мне ни злобы, ни обиды уж нет. А если опять сойдемся, они могут опять воскреснуть. Нет, мама, нет мне пути к Илье обратно.

Ксения Васильевна покачала головой.

— Жесткая ты, девушка, все-таки. В жизни бывает, что надо и помягче.

— Не надо, мама, не надо мягче! Мы должны быть неуступчивы. Я дорожу своей молодостью и должна ей дорожить.

— Ну, что же, кончено, значит! Прощай, Соня.

Ксения Васильевна прижала к себе Соню, поцеловала и тяжело вздохнула. Соня уходила медленно. Она оглянулась с милой, чуть виноватой улыбкой. Но Ксении Васильевны уж не увидела. Другие люди закрыли ее от сонинных глаз. Какое множество людей в Москве! Дорогой, любимый, весь взрытый город! Домишки какие вырастают! Интересно, какой вид будет иметь эта площадь, когда Ким начнет ходить в школу. Закат еще горел, но с востока, хмурые и грузные, поползли облака. Стал падать снег, крупный, рыхлый и бессильный. Он таял на лету. А все же идет зима.

«Побежим на лыжах. Чудесно за гором сияют снега.. А на коньках как я понесусь! Теперь я еще немножко похудела, легкая. Нет, жизнь — хорошая штука!»

С Т И Х И

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ДРУГУ-ПОЭТУ

Здравствуй в расставаньи, брат
Василий!
Август в нашу честь золотобров,
В нашу честь травы здесь накосили,
В нашу честь просторно настелили
Золотых с разводами ковров.

Наши песни нынче подобрили —
Им и кров, и припасень готов.
Что же ты, Василий, в самом деле
Замолчал в расцвет своих годов?

Мало сотоварищей мне, мало,
На ладах, вишь, нехватает струн.
Али тебе воздуху не стало,
Золотой башкирский говорун?

Али тебя ранняя перина
Исколола стрелами пера?
Как здоровье дочери и сына,
Как живет жена Екатерина,
Князя песни русские сестра?

Знаю, что живешь ты небогато,
Мой башкирец русский, но могли

Пировать мы все-таки когда-то —
Высоко над грохотом Арбата,
В зелени московской и пыли!

По наследству перешло богатство
Древних песен, сон и бубенцы,
Звон частушек, что в сенях толпятся..
Будем же, Василий, похвалиться,
Захмелев наследством тем, певцы.

Ну-ка спой, Василий, друг сердечный,
Разожги мне на сердце костры.
Мы народ не робкий и не здешний,
По степям далеким безутешный,
Мы, башкиры, скұлами остры.

Как волна, бывалая прибаска
Жемчугами выстелит пути —
Справа ходит быль, а слева — сказка,
Сами знаем, где теперь итти.

Нам пути веселые найдутся,
Не резон нам отвращаться их,
Здесь, в краю берез и революций,
В облаках, в знаменах боевых!

ГОРОЖАНКА

Горожанка, маков цвет Наталья,
Я в тебя, прекрасная, влюблен.
Ты не бойся, чтоб нас увидали,
Ты отвесь знакомым на вокзале
Пригородном вежливый поклон.

Пусть смекнут про остальное сами.
Нечего скрывать тебе, — почто ж! —
С кем теперь гуляешь вечерами,

Рядом с кем московскими садами
На высоких каблуках идешь.

Ну и юбки! До чего летучи!
Ситцевый буран свиреп и лют...

Высоко над нами реют тучи,
В распрах грома, в молниях могучих,
В чревах душных дождь они несут.

И, темня у тополей вершины,
На передней туче, вижу я,
Восседает, засучив штанины,
Свесив ноги босые, Илья.

Ты смеешься, бороду пророка
Ветром и весельем теребя...
Ты в Илью не веришь? Ты жестока!
Эту прелесть водяного тока
Я сравню, с чем хочешь, для тебя.

Мы с тобою в городе, как дома
Дождь идет. Смеешься ты Я рад.
Смех знаком, и улица знакома,
Грозные витрины Моссельпрома,
Как столы на пиршестве, стоят.

Голову закинув, смейся! В смехе,
В громе струй, в ветвях затрепетав,
Вижу город твой, его утехи,
В небеса закинутые вежи
Неудач, побед его и слав.

КЛЯТВА НА ЧАШЕ

Брата я привел к тебе, на голос
Обращал вниманье. Шла гроза.
Ядра пели, яблоко кололось,
Я смотрел, как твой сияет волос,
Падая на темные глаза.

Голос брата неумел и ломок,
С вихрями грудными, не простой —
Ямшиковских запевал потомок,
Ярмарочный, громкий, золотой.

Так трехкратным подтвержденьем
славной,
Слыханной и прочной простоты,
Тыщи лет торжествовавшей, явной,
Мы семьей сидели равноправной —
Брат, моя поэзия и ты.

Брат держал в руках своих могучих
Чашу с пенным, солнечным вином,
Выбродившим, выстоянным в тучах,
Там, в бочагах облачных, шатучих,
Там, под золотым веретенем!

Брат рожден, чтоб вечно отражалась
В нем страна из гнева и огня,
Он — моя защита и родня,

Из стекла и камня вижу стены,
Парками теснясь, идет народ.
Вслед смеюсь и славлю вдохновенно
Ход подземный метрополитена
И высоких бомбовозов ход.

Дождь идет. Недолгий, крупный,
ранний.
Благодать! Противиться нет сил!
Вот он вырос, город всех мечтаний,
Вот он встал, ребенок всех восста-
ний, —
Сердце навсегда мое прельстил!

Ощущаю плоть его большую,
Ощущаю эти этажи, —
Как же я, Наталья, расскажи,
Как же, расскажи, мой друг, прошу я,
Раньше мог не верить в чертежи?

Дай мне руку. Ты ль не знаменита
В песне этой? Дай в глаза взглянуть.
Мы с тобой идем Не лыком шиты —
Горожане, а не кто-нибудь.

Он — все то, что позади осталось,
Все, что было милым для меня.

Чаша у тебя в руках вторая..
Ты ее поднимешь вновь и вновь
Потому, что, в круг нас собирая,
Вкруг нее горя и не сгорая,
Навсегда написано. любовь.

Как легко ты эту держишь тяжесть —
Счастье, основу, вечный свет!
Вот он бродит, пенясь и куражась,
Твой настой из миллионов лет!

Сколько рук горячих исходила
Эта чаша горькая, пока
И твоя в ней потонула сила?
Я ее, чтоб ты сильнее любила,
Поцелую в мутные бока.

Я клянусь. На чем мне больше
клясться?
Нет замены, верен твой сосуд —
Начиная плакать и смеяться,
Дети, им рожденные, теснятся,
Громко матерям соски сосут.

Ну, а я? На лица глядя ваши,
Радуюсь, скорблю, но на беду
Я среди вас, соратник ваш, без чаши...
Где ее, скажите мне, найду?

Я стою пред миром новым, руки
Опустив, страстей своих палач,
Не познавший песни и науки.
Позади — смятенье и разлуки,
Хрип отцовский, материнский плач.

Впереди, с отставшим не считаясь,
Часовые заняли места.
Солнце косо вылетит. Шатаясь,
Гибельная рухнет чернота.

Так смелей! Сомнения разрушу,
Вместе с ними, молодость, вперед!
Пусть я буду проклят, если струшу,
Пусть тогда любовь мою и душу,
Песнь мою, гранатой разорвет!

В ЗАЩИТУ ПАСТУХА-ПОЭТА

Вот уж к двадцати шести
Путь мой близится годам,
А мне не с кем отвести
Душу, милая мадам

Я был хитрей, веселый, крепко сбитый,
Иртышский сплавщик, зейский
гармонист,

Я вез с собою голос знаменитый
Моих отцов, их гиканье и свист. .

Лукавоглаз, ширококорот, тяжел,
Кося от страха, весь в лучах отваги,
Он в комнату и в круг сердец вошел
И сел среди нас, оглядывая пол,
Держа подмышкой пестрые бумаги.

... Ну, милый друг, повертывай
страницы,
Распахивай заветную тетрадь
Твое село, наш кров, мои станицы!
О, я хочу к началу возвратиться —
Вновь неумело песни написать.

О, эти свертки, трубы неудач,
Свиная кожа доблестной работы,
Где искренность, притворный смех
и плач,
Чернила, пятна сальные от пота.

Читай, читай.. Он для меня не новый,
Твой тихий склад. Я разбираю толк:
Звук дерева нецветшего, кленовый,
Лесных орешков звонкий перещелк.

Заглавных букв чумные соловьи,
Последних строк летящие сороки...
Не так ли начинались и мои
С безвестностью суровые бои, —
Все близились и не свершались сроки!

И вдруг пошли, выламываясь хило,
Слова гостинных грязных. Что же он?
Нет у него сопротивления силы.
Слова идут! Берут его в полон!

Так он вошел Поэзии отцы,
Откормленные славой пустомели,
Говоруны, бывалые певцы,
Вокруг него, нахохлившись, сидели.

Ах, пособить! Но сбоку грянул гогот.
Пускай теперь высмеивают двух —
Я поднимаюсь рядом: «Стой,
не трогай!

Так он вошел, смиренный. И когда-то
Так я входил, смеялся и робел, —
Так сходятся два разлученных брата:
Жизнь взорвана одним, другим почата
Для важных, может, иль ничтожных
дел.

Поет пастух! Да здравствует пастух!
Да здравствует от края и до края!»
Я выдвинусь вперед плечом, не дам,
Я вслед за ним, в защиту, повторяю:
«Нам что-то грустно, милая мадам»

Пускай не так сбирался я в опасный
И дальний путь, как он, и у меня
На золотой, на яростной, прекрасной
Земле другая, не его родня.

Бывалые охвостья поколенья
Прекрасного. Вы, патефонный сброд,
Присутствуя при чудосотвореньи,
Не слышите ль, как дерево поет? .

Под пение петухов

(Из второй книги „Цусима“)

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

Утром 14 мая, по сигналу адмирала Рожественского, на крейсере «Владимир Мономах», как и на других кораблях, пробили боевую тревогу и зарядили орудия боевыми снарядами. Вскоре эскадра вступила в перестрелку с японскими разведочными судами. «Владимир Мономах», находясь в это время по другую сторону русской боевой колонны, огня по ним не открывал. Неприятельские разведчики удалились.

Командир крейсера, капитан 1-го ранга Попов, вышел из рубки на мостик, самодовольно покручивая большие черные усы. На его худощавом, толстоносом лице радостно засияли карие глаза, из которых один сильно косил. Обращаясь к старшему артиллеристу, лейтенанту Нозикову, командир медленно заговорил, как бы вытягивая из себя каждое слово:

— Кажется, прогнали японцев. Больше они не посмеют тревожить нас. Мы без боя придем во Владивосток. Кстати, скажите, Николай Николаевич, ведь ваши шестидюймовые орудия не заряжены?

Лейтенант Нозиков, молодой, тонкий, подтянутый блондин, вежливо отчеканил:

— Заряжены, Владимир Александрович. Иначе и не могло быть. После боевой тревоги все орудия должны быть заряжены боевыми снарядами. В начале девятого часа я вам докладывал о полной готовности нашей артиллерии к действию.

Командир одним глазом смотрел на Нозикова, а другим, будто нарочно скошенным в сторону, как бы следил за горизонтом, — и продолжал:

— Досадно! Как же мы теперь их разрядим? Японские крейсера едва ли к нам подойдут. Стрелять по ним не придется. Если ваши пушки заржавеют, то вы будете в этом виноваты.

— Разрядить их всегда можно, хотя бы выстрелив в «Идзуми». Вот он справа идет. Расстояние до него — не больше 50 кабельтовых. Он вполне доступен для наших 6-дюймовых и 120-миллиметровых снарядов.

— Можно-то можно, но лучше не стрелять. Во всяком случае на ночь чем-нибудь закройте дула орудий, чтобы они не ржавели. Так будет целесообразнее.

Командир направился в рубку. Нозиков с огорчением посмотрел на его длинную удаляющуюся спину. Другие офицеры, слышавшие этот разговор, иронически переглянулись.

Некоторые на крейсере уверяли, что когда-то Попов был неплохим моряком парусного флота. Но во время похода на Дальний Восток все убедились, что он как командир боевого корабля сильно отстал. В артиллерии, в минном и механическом деле он имел очень скудные познания. Повидимому, это смущало и его самого — он боялся показываться на глаза начальству. Мягкий характером и не слишком требовательный, он редко прибегал к дисциплинарным взысканиям и ограничивался лишь выговорами. Ему доставляло большое удовольствие подсчитать в офицерской среде о недостатках других командиров, за что он и был прозван во флоте «чиншницей». Больше всего он любил уют, тихую жизнь и глубоко верил в то, что если во-время ложиться спать, то можно прожить до ста лет. Поэтому поздней ночью он не оста-

вался на мостике. Пусть бушует буря, пусть нарастает любая другая тревога, — командир в 10 часов уходил к себе в каюту, предварительно наказав своим помощникам:

— Если случится что-либо особенно важное, требующее моего распоряжения, то разбудите меня.

Но сон командира лишь в редких случаях нарушался его подчиненными. Не было надобности в этом, — все равно его не могли поднять с постели. Он давал им какие-то указания, иногда не совсем вразумительные, перевортывался на другой бок и снова засыпал.

В канцелярии и судовой отчетности Попов был очень аккуратен и педантичен. Каждая копейка у него считалась на учете. Это был настоящий хозяйственник. Он по какой-то ошибке попал в военные люди и занял пост командира судна. Из него вышел бы хороший фермер. Недаром на всех остановках, где только можно было, он скупал кур. Он относился к ним с особой любовью и не давал их резать даже для кают-компаний, хотя и знал, что офицерам иногда приходилось питаться плохо. К приходу в Цусимский пролив на судне накопилась масса кур. Клетки с птицами висели над полубаком на штагах, прикреплялись по сторонам на леерах между шлюп-балками, ярусами стояли на полуде Военный корабль превратился в курятник.

И теперь, обуреваемые приливом весенних чувств, кудахтали куры, пели пестухи.

Матросы смеялись:

— За что любит их командир? Курица — самая глупая птица на свете. Другая раскритичит часа на два Думаешь — бог знает, что сотворит. А она всего только одно яйцо снесет.

После обеда эскадру продолжали сопровождать неприятельские разведчики, держась от нее на большом расстоянии.

На мостик поднялся подполковник Маневский и, увидев вышедшего из рубки командира, заявил:

— Я готов к вашим услугам, Владимир Александрович. Хочу быть хоть чем-нибудь полезным в бою. Поэтому

предлагаю себя в ваше распоряжение ординарцем.

Командир Попов ласково улыбнулся ему.

— Спасибо, Виталий Александрович. Очень рад. Но я думаю, что мне не придется воспользоваться вашим благородным порывом.

— Почему?

— Противник, как видно, едва ли посмеет вступить с нами в открытый бой.

— Такое заключение, по-моему, можно вывести только в вечеру.

Они продолжали разговаривать.

Подполковник Маневский, занимая должность обер-аудитора в отряде адмирала Небогатова, плавал на крейсере «Владимир Мономах» и не принадлежал к судовому составу офицеров. Он не стоял на вахте и никакой ответственности за какую-либо материальную часть корабля не нес. Работа обер-аудитора заключалась лишь в том, чтобы следить за всеми юридическими делами отряда, разбираться в преступлениях, совершенных моряками, и определять, кого из провинившихся отдать под суд, а кого подвергнуть дисциплинарному взысканию. Если бы не лысина на голове, он выглядел бы моложе своих сорока лет. Среднего роста, плотный, он ходил легко и бодро. Спускающиеся от висков бакенбарды, густые брови, короткие усы и клинообразная бородка черными и правильными штрихами очерчивали его сытое и краснощекое лицо. Он имел особую страсть к казенным, официальным бумагам. Замечая на какой-нибудь из них пятно или кляксу, он расстраивался и брезгливо морщил тонкий, с горбинкой, нос. Измятую официальную бумагу он сам осторожно разглаживал слегка нагретым утюгом и аккуратно подшивал ее к делу. Если же перед ним лежал рапорт, написанный хорошим, без помарок, точерком, то ласково улыбаясь, показывая белые зубы, и влюбленно смотрел на него, как на красивую женщину.

Накануне боя подполковник обратился к командиру.

— Скажите, Владимир Александрович: если вы выйдете из строя, кто вас будет замещать?

— Ясно, что старший офицер, — не задумываясь, ответил Попов.

— Совершенно правильно, но не ясно будет в дальнейшем. Может случиться, что и старший офицер окажется раненым или даже убитым. Кто тогда примет на себя роль командира? А между тем, по смыслу морского устава, эта честь должна принадлежать мне как старшему по чину среди остальных офицеров крейсера. Но об этом вам придется заранее объявить приказом по кораблю. Все должно быть официально оформлено. Без этого, как без света, люди начинают действовать вслепую — каждый по-своему.

Маневский настоял на своем: фамилия обер-аудитора среди перечня заместителей командира значилась в приказе второй.

Когда эскадра вступила в бой с главными силами противника, старший артиллерист «Мономаха», лейтенант Нозиков, приблизился к командиру.

— Разрешите, Владимир Александрович, открыть огонь по «Идзуми». Он является для нас самой подходящей целью. Расстояние до него не очень большое.

Командир Попов возразил:

— Как же мы можем начать стрельбу, если на это не было сигнала адмирала? Нам потом влетит за самовольность.

— Адмирал больше и не будет поднимать сигнала, так как вся эскадра уже сражается.

Командир упорствовал. Нозиков доказывал:

— Кстати наступил удобный случай разрядить наши 6-дюймовые орудия.

С такими доводами командир наконец согласился. Но лейтенант Нозиков обратился к нему с новой просьбой:

— Разрешите мне управлять огнем с верхнего мостика.

— Согласно морскому уставу вы должны находиться во время сражения в боевой рубке.

— Я знаю это, но в то же время полагаю, что вы согласитесь со мною, если учтете, что из боевой рубки открыта лишь одна треть горизонта. Впереди — фок-мачта и клетки с курами. Справа и слева — минные катера, баркасы и

опять клетки с курами. Позади — дымовая труба, ростры, прот-мачта с большой площадкой для прожекторов, катера, вельботы, шестерки, висящие на шлюп-балках. При таких условиях я не могу корректировать стрельбу, не видя падений своих снарядов.

Командир нехотя протянул:

— Вы всегда что-нибудь придумываете вопреки уставу. Ну, хорошо, найдитесь на верхнем мостике. Только почаще докладывайте мне о результатах стрельбы.

До «Идзуми» измерили расстояние, проверили его пристрелкой. И только после этого открыли огонь всем правым бортом по неприятельскому крейсеру. В ответ полетели снаряды и со стороны противника.

Достаточно хлопнуть в ладоши, чтобы любую птицу привести в нервное состояние. А здесь бухали пушки, разрывались вокруг судна неприятельские снаряды. С курами началась истерика. Им никогда не приходилось переживать такого прохота. Они неистово кричали и, в безумном порыве скрыться куда-нибудь от ужаса, беспрестанно подпрыгивали, ударялись о крыши своего жилья, падали друг на друга, опрокидывались, размахивали крыльями и бились, как в судорогах. От клеток летели перья, носившиеся над палубой судна, словно хлопья снега. Шум крыльев и гомон птичьих голосов, вместе с раскатами орудийных выстрелов, заглушали командование начальства. Нельзя было разобрать слов. Офицеры и матросы, находившиеся на мостиках, на все лады проклинали кур.

— Чтоб им сдохнуть!

— Сбесились окаянны!

С первых же русских выстрелов крейсер «Идзуми» начал терпеть поражения. Попадания приходились по его передней части. Он стал зарываться носом. Через пятнадцать минут неприятельский крейсер повернул вправо и, увеличив ход, стал удаляться. На короткое время он скрылся во мгле. Но вскоре снова увидел его. Он шел «Мономаху» навстречу в 40 кабельтовых. По нему опять открыли усиленный огонь. На этот раз корма «Идзуми» окуталась дымом, и это за-

ставило его покинуть поле сражения и направиться влево¹⁾).

«Владимир Мономах» оставался целым. Неприятельские снаряды делали недолеты или перелеты, и только один из них попал в корабль. Командир Попов ликовал. Когда к нему приблизился старший артиллерист Нозиков, он, стараясь перекрычать гомон все еще не успокоившихся кур, торжествующе заговорил: — А ведь ловко мы его разделили! Как задал стрекача! Полным ходом по-несся от нас.

Командир не понимал, что он был тут не при чем. Успех стрельбы зависел главным образом от лейтенанта Нозикова и от комендоров, воспитанных им. Этот образованный офицер хорошо знал свою специальность. Еще в 1903 году, плавая в учебно-артиллерийском отряде, он получил приз за искусное управление орудийным огнем и меткую стрельбу. Во время похода от Либавы до Цусимы все внимание его было обращено на то, чтобы держать в исправности артиллерийскую часть и лучше обучить своих подчиненных. Ему не приходилось прибегать к ругани и мордобитию. Комендоры, дальномерщики и прислуга подачи боевых припасов понимали его с одного слова. Выполняя свои непосредственные обязанности, он увлекался и военно-морской историей, изредка занимался и литературной работой²⁾. Его характеру были свойственны две противоречивых черты — сентиментальность и воинственность. Он любил людей, независимо от их расовых различий, любил их до слез и в то же время с восторгом мог бы пустить ко дну неприятельский корабль, наполненный человеческими жизнями.

Командир Попов посмотрел вокруг. Ему показалось, что русская эскадра поворачивает на восток и расходится с японской. Он сказал:

— Сражение кончилось. Мы мирно пойдем во Владивосток. Ну, а как ваши 6-дюймовые пушки? Надеюсь, что вы их разрядили по нескольку раз? И больше не заряжали?

¹⁾ В английской газете «The Japan Daily Mail», издававшейся в Иокогаме, от 31 мая 1905 г. было напечатано: «Крейсер «Идзуми» (прежде «Эсмеральд», 2.950 тонн) был тяже-

— Нет, они опять заряжены, — ответил Нозиков. — После сигнала «дробь» полагается...

Попов, рассердившись, перебил его:

— Как же это так? Я вам говорил, что не следует заряжать, а вы все-таки по-своему делаете. Ведь сражение кончилось.

— Напротив, оно только начинается. Командир больше не стал с ним разговаривать.

Вскоре, по сигналу адмирала Энквиста, «Владимир Мономах» вступил в кильватер «Дмитрию Донскому» и открыл огонь по неприятельским крейсерам. Он стрелял довольно метко, но сам страдал мало. Японцы, стараясь сначала выбить лучшие русские корабли, не интересовались старым крейсером. И все же около четырех часов он только случайно спасся от гибели.

У носового элеватора разорвался 6-дюймовый снаряд. Из элеватора вырвалось яркоежелтое пламя и, ослепляя, закурчавилось, как гребень волны. Это загорелся порох в погребе. Матросы, находившиеся внизу, заметались от ужаса. Только двоим из них удалось нырнуть в шахту, откуда они, ушибаясь головою о скобы трапа, спешили выбраться наверх. Остальные были обречены на смерть. Некоторые прижались по углам и, закрыв руками лица, задыхались в атмосфере раскаленных газов. Трое, ближе стоявшие к элеватору, сразу же были охвачены огнем. Всем, оставшимся в погребе, предстояло заживо быть зажаренными. Еще один момент — и весь крейсер со страшным грохотом попрузился бы в морскую пучину. Но неожиданно со стен и потолка погреба брызнул искусственный дождь. Из угла, у самой палубы, забил могучий фонтан, разбрасывая широкие струи воды. Огонь погас. Жар спал, люди стали дышать свободнее. Через минуту-другую матросы, ис-

ло поврежден и должен был покинуть поле сражения.

²⁾ Впоследствии Н. Нозиков написал следующие книги:

1. «Поход 2-й эскадры Тихого океана». Изд. морского генерального штаба. 1914 г.

2. «На кораблях Крузенштерна». Изд. «Молодой гвардии». 1930 г.

3. «Кругосветное путешествие «Литке». Изд. «МТП». 1933 г.

терзанные, в обгорелых лохмотьях, с волдырями на коже, находясь по пояс в воде, двинулись к выходу из погреба. Выбравшись на батарейную палубу, все они пошли в перевязочный пункт, еще не понимая, кому обязаны своим спасением.

На корабле во время сражения часто случается, что избавление всего экипажа от гибели зависит от находчивости и смелости одного человека. На «Мономах» таким человеком оказался трюмный старшина, заведующий затоплением патронных погребов по правому борту. Трюмный старшина в момент взрыва неприятельского снаряда стоял вблизи злополучного элеватора, держа в руке большой ключ от клапанов затопления. Это был высокий и жилистый человек, молчаливый, с черными глазами, мрачно смотрящими из-под густых вороных бровей. Вырвавшееся из элеватора пламя заставило его вздрогнуть, но он не растерялся и никуда не убежал, а сейчас же начал действовать. Клапаны затопления ему хорошо были известны. Несколькоими энергичными поворотами ключа то в одном из них, то в другом он избавил от гибели крейсер.

До конца дневного боя «Мономах» понес незначительные повреждения. В левом борту зияла лишь одна пробоина. Взрывом снаряда разрушило обе каюты кондукторов. Наверху были повреждены некоторые шлюпки, перебиты переговорные трубы, уничтожены фонари Табулевича, порваны фалы. Крейсер отделался пустяками. Из его личного состава вышло из строя лишь несколько человек.

С наступлением ночи против «Мономаха» начались минные атаки. Он удачно от них отбивался. В начале девятого часа к нему приблизилась какой-то миноносец. С крейсера, приняв его за противника, открыли по нему огонь. Миноносец показал свои позывные, и стрельба прекратилась. Это был «Громкий».

Когда он подошел к борту крейсера, то между командирами этих двух судов произошел повышенный разговор:

— Согласно приказу начальника эскадры я должен следовать за «Мономахом», — твердо заявил капитан 2-го ранга Керн.

— Хорошо. Но если вы будете крутиться около крейсера, то я вас расстреляю из своих орудий, — раздраженно, чего с ним никогда не бывало, ответил капитан 1-го ранга Попов.

Керн выкрикнул на это:

— Попробуйте! Если хоть один ваш снаряд попадет в миноносец, то и сами вы никуда не уйдете с этого места! Я вас утоплю миной...

— Все эти разговоры излишни. Поговорим завтра. А сейчас я вам приказываю держаться на левой раковине крейсера.

— Есть!

Около 9 часов за кормою, по направлению правой раковины, наметились три низких силуэта. Это были миноносцы, но чьи? Догоняя крейсер, они шли сближающимся курсом. По ним открыли огонь. Один из них показал какие-то световые сигналы. На крейсере заколебались: одни уверяли, что это неприятельские миноносцы, другие утверждали, что — русские. Командир Попов вероятно не забыл угрозы Керна и, повысив голос, закричал:

— Что вы делаете? Зачем стреляете в свои миноносцы? Немедленно прекратить огонь! И вообще не открывать его без моего разрешения!

На шкафуте и на шканцах это приказание немедленно было исполнено, но с полуюта продолжали стрелять. Туда, сбежав с мостика, направился подполковник Маневский. Вскоре послышался его голос.

— Миноносцы русские... Командир запретил...

Миноносцы приближались к крейсеру. Теперь их было только два. Куда же девался третий? Только после догадались, что он отделился от других и ближе подошел к корме «Мономаха». Клетки с курами, стоявшие ярусами на полуюте, заслонили этот миноносец от человеческих взоров. Его увидели, когда он, вынырнув из-под кормы и очутившись справа, почти рядом с крейсером, дал на мгновение огненную вспышку. Раздался крик «банзай», от которых у каждого русского моряка, найдяшегося наверху, сжалось сердце и остановилось дыхание. Ночь, ветреная и

бесприютная, взорвалась заревом и стала еще более мрачной. Раненный на смерть крейсер сразу лишился освещения и беспомощно закачался над бездной. Потом начал крениться на правый борт.

Миноносец, пустивший мину, сейчас же был уничтожен носовыми орудиями.

Минуты через две-три на крейсере наладили электрическое освещение. Выяснилось, что пробойну он получил с правого борта во вторую угольную яму, но своими ответвлениями она захватила первую и третью угольные ямы. В жилом помещении разошлась по швам броневая палуба, от нее оторвались некоторые пиллерсы. Переборка, граничащая с передней кочегаркой, выпучилась и дала трещины, пропускавшие воду. Котел № 1 немедленно пришлось вывести из строя. Вентиляционные трубы, проходившие через угольные ямы, были также повреждены и начали пропускать воду в заднюю кочегарку.

На верхней палубе люди долго возились над тем, чтобы подвести пластырь на пробойну. Старания их оказались напрасными. Были пущены в работу все водоотливные средства, но крен «Мономаха» продолжал увеличиваться.

Вахтенный начальник, лейтенант Мордвинов, будучи, как всегда, порядочно пьяным, громко произнес:

— Гуси Рим спасли, а эти проклятые куры крейсер погубили.

Командир на это ничего не ответил. Удрученный, возможно считающий себя виновником этого события, он молчал. Слякани давно отбили десять часов. Он устал, — до изнеможения. Привычка вовремя ложиться спать брала верх. Наконец он заявил своим офицерам:

— Я пойду к себе в каюту. Если что-нибудь случится, доложите мне.

Когда он сошел с мостика, подполковник Маневский, обращаясь к своим коллегам, спросил:

— Что же это еще может случиться?

Кто-то подавленно ответил ему:

— Скоро начнем переселяться на морское дно.

Японцы продолжали преследовать крейсер. Но теперь, при отсутствии на мостике командира, старшему артиллеристу Нозикову уже никто не мешал.

Даже в такой обстановке, когда подорванное судно захлебывалось водой, он сумел отбить еще пять минных атак и нанести противнику серьезные повреждения.

Положение крейсера все ухудшалось. Около двух часов ночи вода, проникая через угольные ямы, появилась в машине. Казалось, что старое судно, словнистлевший парус, расплзается на части. Все котлы передней кочегарки были выключены из действия. Пока машины работали, решили использовать время на приближение к берегу, чтобы спасти экипаж. Повернули на запад к корейским берегам.

Утром не сразу узнали, что перед людьми открылся остров Цусима. Крейсер, сопровождаемый контр-миноносцем «Громкий», направился к берегу. Крен в это время дошел до 14 градусов. Мотылы правой машины работали в воде.

К этому же острову приближалось еще какое-то судно. Вскоре по его позывным узнали, что это был броненосец «Сисой Великий». С него просигналили лучами прожектора: «Прошу принять команду». На это «Владимир Мономах» ответил: «Через час сам пойду ко дну».

Командир «Мономаха», капитан 1-го ранга Попов, был уже на мостике и начинал распоряжаться. Он был менее утомлен, чем его помощники, — ночью ему удалось несколько часов соснуть. Он приказал «Громкому» отправиться в распоряжение «Сисоя Великого».

Миноносец помчался по назначению. Когда он приблизился к «Сисою», тот, имея задний ход, еле двигался к гористой полосе Цусимы. Накануне в дневном бою он получил в носовую часть несколько подводных пробоин. Форштевень его настолько погрузился в море, что вода дошла до передней башни. Избитый, обгорелый, с подведенными на пробоины пластырями, он имел такой вид, словно побывал в перевязочном пункте. Грузная корма великана, подорванная в ночных атаках миной, была приподнята. Он не шел, а барахтался, бурля винтами воду, как будто стремился вырваться на поверхность моря.

На горизонте показались неприятельские суда. Командир «Сисоя Великого»,

капитан 1-го ранга Озеров, надеясь на их помощь в спасении людей, отослал свой миноносец обратно к крейсеру «Громкий», развивая ход, густо задымил всеми четырьмя трубами.

К «Сисою» приближались три неприятельских вспомогательных крейсера — «Синано-Мару», «Явата-Мару» и «Тайнан-Мару». При них находился еще миноносец «Фубуки». Броненосец, не дожидаясь стрельбы со стороны японцев, предупредил их сигналом: «Тону и прошу помощи». Японцы запросили: сдается ли он? Капитан 1-го ранга Озеров приказал ответить им утвердительно. Спустя час к броненосцу подошла неприятельская шлюпка. Японцы, взойдя на палубу, первым делом подняли на гафеле свой флаг, но никак не могли спустить русского флага, развевавшегося на фор-стеннге. Корабль, погибая, грустно покачивался под флагами двух враждебных держав. Японцы хотели взять его на буксир, но он не дался им: в 10 часов утра «Сисой Великий», покинутый всеми, перевернулся и затонул в трех милях от берега. Русские офицеры и матросы перебрались на неприятельские корабли.

Часа через два «Владимир Мономах» остановился в четырех милях от острова и стал спускать уцелевшие шлюпки, чтобы переправить на берег команду. В это время на горизонте показался японский миноносец «Ширануи», а затем — вспомогательный крейсер «Садо-Мару». С противоположной стороны вернулся к крейсеру «Громкий». Командир крикнул ему в мегафон:

— Идите во Владивосток.

За «Громким», когда он повернул на север и стал увеличивать ход, погнался «Ширануи». Между ними завязался бой. Русский миноносец, отбиваясь от противника, развил ход до 25 узлов. Может быть, ему и удалось бы справиться со своим преследователем, но к месту боя подоспели еще два японских миноносца. «Громкий» боролся с ними, проявляя исключительную отвагу, и двум из них нанес значительные повреждения. Но ему трудно было устоять против утроенной силы. К концу сражения на нем были убиты: командир, капи-

тан 2-го ранга, Керн, 1 офицер, 1 кондуктор и 20 нижних чинов; ранены: 3 офицера и 23 нижних чина. А между тем весь его экипаж состоял из 74 человек. Он выпустил по неприятелю две мины и расстрелял все патроны. И только после этого, избитый и окровавленный, он открыл кингстоны. Оставшиеся в живых люди, надев спасательные пояса, начали прыгать за борт. Японцы, спустив шлюпки, бросились подбирать их. «Громкий», накренившись, уходил в пучину, окутанный дымом, словно серым саваном.

«Владимир Мономах» стоял на одном месте, наполняясь водою. «Садо-Мару» произвел в него несколько выстрелов, но он не ответил на это. На спущенных с него шлюпках разместилось около 250 человек и направились к берегу. Приблизился еще неприятельский вспомогательный крейсер — «Манжу-Мару».

При виде противника старший артиллерист Нозиков забеспокоился и командовал:

— Прислуга — по орудиям! 26 кабельтовых!

Но командир рассердился и закричал:

— Не стрелять! Там могут быть русские, подобранные из воды. Спасаться! Я приказываю продолжать спасаться!

И, обращаясь к старшему артиллеристу, сказал строго официальным тоном:

— Лейтенант Нозиков! Я вам запрещаю стрелять! Да и снарядов у нас почти не осталось.

Команда, прыгая за борт, спасалась на плотках, анкерках, буюх и пробковых поясах. «Садо-Мару» и «Манжу-Мару», приблизившись к русскому крейсеру, спустили шлюпки и стали подбирать людей. Одна из них пристала к борту «Мономаха». На его палубу поднялись японцы, чтобы овладеть им, но сейчас же убедились, что крейсер, наполненный водою, едва держится на поверхности моря. Они ограничились только тем, что взяли в плен командира Попова и старшего офицера Ермакова и направились к «Садо-Мару».

Плавающих людей продолжали спасать японские шлюпки и свой барказ № 2. На него вытащили из воды лейтенанта Нозикова. Этот барказ уже

сделал один рейс и теперь вторично пристал к борту «Манжу-Мару». Пленные офицеры и матросы быстро поднялись на палубу неприятельского судна. На барказе остались лишь лейтенант Нозиков и два матроса. Они не хотели выходить. К ним спустились два японских квартирмейстера с ружьями за плечами. Один из японцев крикнул по-русски:

— Марш на палубу!

Другой достал из-под кормовой банки какой-то сверток и стал разворачивать его. Это оказалась барказный андреевский флаг. Японец успел только улыбнуться своей находке, как Нозиков левой рукой выхватил у него флаг, а правой обнажил свою саблю. На момент противник растерялся. Флаг, вместе с саблей, пронзившей его, полетел в воду и затонул. Сейчас же и сам Нозиков, получивший в плечо удар ружейным прикладом, свалился на банки и стиснул от боли зубы. Потом его насильно вытащили на палубу «Манжу-Мару».

Среди матросов, державшихся на воде, оказался и обер-аудитор подполковник Маневский. С посеревшим лицом, в пробковом спасательном поясе, он одной рукой выгребал, стараясь скорее отплыть от гибнущего крейсера, а другой высоко поднял, словно напоказ, огромный черный портфель. Косые лучи солнца играли на никелированных углах и застежках портфеля. Какие документы находились в нем? Отчеты о законченных и начатых судебных процессах и дисциплинарных взысканиях, касающихся команды.

Один из матросов посоветовал ему:

— Бросьте, ваше высокоблагородие, портфель. Без него удобнее будет вам плавать.

— Не могу — здесь официальные бумаги, — ответил обер-аудитор Маневский.

Послышались еще голоса:

— Разве чернильная душа расстанется с документами?

— Не слушайте их, ваше высокоблагородие, этих неучей. Что они понимают? Дома вам эти бумажки пригодятся для хозяйства.

Обер-аудитор оглядывался на тех, кто бросал ему злые реплики, и приме-

чал их лица. Быть может, в его голове всплывали статьи военно-морского закона, определяющие наказания нижним чинам за оскорбление офицера? Но теперь он сам находился в бедственном положении и, ежась от холода, молчал. Он заботился лишь об одном — как бы сохранить портфель. Все рушилось: погибла 2-я эскадра, а вместе с нею погибли и последние надежды Дальневосточной армии. России больше не на что было рассчитывать, чтобы одолеть противника. Но подполковник Маневский не понимал этого и все еще придавал значение своим пустяковым бумажкам. Качаясь на зыби, он крепко держал над головою портфель, как знамя, олицетворяя собою бюрократическую власть Российской империи.

«Владимир Мономах», словно уменьшаясь ростом, осаживался в море. Вода дошла до его иллюминаторов. Он дрожал всем корпусом, теряя последнюю пловучесть. Из всего экипажа на нем теперь находились четыре матроса и один мичман. В пробковых поясах, готовые в любой момент прыгнуть за борт, они стояли на полуюте и ждали. Подошел свой барказ и снял их. На крейсере остались одни куры — частичные виновники его гибели. Они успокоились. На палубе было тихо. Куры мирно, как в деревне, разговаривали между собою на своем птичьем языке, словно делились впечатлениями о минувших ужасах боя.

Барказ, уходя, направился к «Манжу-Мару». Позади раздалось пение петуха. На барказе все оглянулись. На миг крейсер выпрямился и стал тонуть, мрачно чернея на солнце краями бортов. На вызов первого петуха победоносно откликнулся его соперник, взяв нотой выше. Возбужденные радостью весны, они считали себя вне опасности и не подозревали, что это пение их будет последним. Куры не успели дослушать еще более залихватский и покоряющий голос третьего петуха — полное «кукареку»: он не дотянул и оборвался на самом высоком переливе. От «Владимира Мономаха» оставались лишь его мачты, но и они уходили в глубину сияющего моря, увлекая за собою боевые стеньговые флаги.

Камень, небо

Рассказ

БОР. ПИЛЬНЯК

Глава первая

Камни обглоданы тысячами и ледниками, бывшими до этих тысячелетий. Тысячелетья одели трещины каменьев в мох. На мху растут одинокие сосны, корявые, старые уже с молодости, и злые. Сосны держатся за камни корявыми корнями, которые злобно ползут по мху во все каменные трещины, точно громадная птичья нога, точно щупальцы спрута. За камнями, меж сосен, — озеро. Дальше еще озеро. И еще дальше — море. И в море из воды выползают обглоданные гранитные глыбы, во мху и в соснах. И надо всеми этими камнями, водою и соснами — низкое, пустое небо.

Среди камней, между сосен, на дерне из моха, посреди раскорчеванной поляны, на берегу озера стоит дом. Из дома выходит человек, высокий, тяжелоплечий, с белыми глазами, аккуратно бритый, писатель, слава своей литературы. Он идет к воде, он садится в лодку, он плывет вдоль озера, он повторяет слова старинной песни и те слова, которые он только-что сказал жене:

— Камень подо мною — постель моя. Ветры вокруг меня — стены мои. Небо надо мной — крыша моя. Мое! мое!..

Он видит озерное дно сквозь студенейшую, прозрачнейшую воду — камни, обглоданные ледниками. Он переплывает озеро. Он идет замшелой тропинкой. Он недооценивает того места, куда он идет. Он идет на фабрику невест, которую так конечно никто не называет.

Это называется — женская сельскохозяйственная школа, — и это название неточно. Девушки всех родительских сословий, но главным образом дочери богатых хуторян, основы страны, приезжают сюда — по средствам родителей — на шесть месяцев, на год, на два, на четыре. Те, которые окончили среднюю школу и пребывают здесь четыре года, получают диплом высшего учебного заведения. В школе обучаются — быть примерными хозяйками и женами. В школе обучают: огородничеству, цветоводству, садоводству, полеводству. В школе обучают: умению впрок солить, мариновать, сушить, тушить, коптить. В школе обучают: животноводству, — умению кормить, доить коров и выпаивать телят, запрягать и кормить лошадей, об'езжать их и править ими, — откармливать свиней, — стричь овец. В школе обучают: кулинарии. В школе обучают: ткачеству, — умению сучить основу и ткать полотна и ковры на прапрадедовских ткацких станах, где челнок подается рукою, а основа перемежается ногами. В школе обучают: шитью, вышиванию и вязанию. В школе обучают: материнству, — из сиротских домов из большого города привезены дети, подброшенные родителями, от грудного до семилетнего возраста, — и школьницы обучаются на них умению пеленать грудных, искусственно кормить, дать первое знание, первую грамоту, первую вежливость. В школе обучают девушек от шестнадцати до двадцати лет: вежливости, добросердечию, прекраснодушию,

покорности, воспитанности. Девушки ходят в синих платьицах, в белых фартучках и в белых наколках, сотканых, выкрашенных и сшитых в школе же, руками школьниц. Каждая девушка готовится в школе так, чтобы она могла в любом необитаемом месте, на любой гранитной глыбе создать человеческий очаг, одежду и уют мужу — своими руками, без помощи соседа. В спальнях девушек узкие кровати под белыми покрывалами, со Христом в изголовии и с родительскими фотографиями.

Писатель идет в школу для того, чтобы послушать и проследить приготовления к национальному празднику. У нации есть праздник — певческий праздник, певческие недели. В июне, около Ивановой ночи, по приходам, по уездам и губерниям собираются певцы и певицы, чтобы хорами, иногда по несколько тысяч человек, петь песнопения былинного эпоса. В четыре года раз эти песнопения добираются до столицы, перенося столицу в древность, превращая пение в национальное событие. Писатель идет в школу для того, чтобы проследить приготовления к певческому празднику всех учащихся страны.

Вечер бледен, бел. До завтрашнего утра, как все недели до Ивановой ночи, ночь не будет темнее вечера. Усадьба школы разместила в зеленом парке. У пруда, под ясенями, горят факелы. Девушки одеты в национальные костюмы, которые давно уже переселились в музеи. Белые волосы девушек овиты венками из васильков и ромашки. Белая ночь пахнет туманами. Девушки стоят рядами. Приходский регент играет на скрипученной скрипке. Девушки поют старинные песни, похожие на псалмы. В креслах против девушек сидят преподаватели, местные помещики и местная интеллигенция. Почетное место занимает губернатор, которого называют генералом. За спиной генерала склонился директор школы. Генерала встречали кантатой. Девушки поют час, два, три. Девушки поют старинную песню викингов:

Камень подо мною — постель моя,
Ветры вокруг меня — стены мои.
Небо надо мною — крыша моя!.

На пении девушек с фабрики невест писатель встретил коллегу. Два писателя уходят с певческого праздника в зеленую муть мхов, сосен и гранитных глыб. Они переплывают озеро к дому около шхер. Они проходят заснувшим и совершенно пустым домом в кабинет писателя, в комнату стойка, где на деревянном самодельном столе разложены книги, где на нары положен самодельный, дмотканый ковер. Хозяин достает из погребка — из гранитной расщелины — бутылку самодельного крыжовенного вина. Огня зажигать — нет надобности.

— Это пение девушек и вся эта школа, — разве это не реклама для хороших женихов, и не потому ли тратятся родители, чтобы сбыть с рук дочерей?..

Ты знаешь судьбу Дана, — говорит писатель-гость. — В нашей стране заботятся о чистоте. В нашей стране не должно быть ни инфекций, ни насекомых, ни нечистот, ни болезней, об этом заботится государство. В нашей стране все дома должны дезинфицироваться два раза в год. Это был замечательный писатель, Дан, наша национальная гордость, теперешняя наша знаменитость. Теперь подсчитано — за всю свою жизнь он получал от издательства только однажды, что-то на месяц жизни. Его книги никогда не оправдывались, и издатели ничего не платили ему. Это была последняя его книга, когда ему заплатили, и именно она погубила его, этого человека, о котором сейчас кричат все газеты, как о национальном гении. Я видел его последний раз в парке, в старом городе, около библиотеки. Он спал на каменной библиотечной скамье. Сторож не прогонял его, почитая в нем писателя, — сторож, должно быть, решил, что писатель чудит по профессии. Я разбудил Дана, он спал на библиотечной скамейке, за каменной стеной, где хранились его собственные книги, просто потому, что у него не было денег на ночлег. Дан получил гонорар, первый и последний, — и он снял себе комнату в мебелирашках. В этих мебелирашках жили люди, не имевшие дела с писателями и встававшие по команде традиций в седьмом часу утра. Дан отсыпал-

ся после библиотечной скамейки. Стены в мебелированных комнатах не доходили до потолка. В соседнем номере в восемь часов утра травил клопов. Их травил удушливыми газами. Никто не предполагал, что в соседнем номере существует поэт, который не встает в семь часов. В нашем государстве чистоты и чистоплотности отравили вместе с клопами замечательного писателя, который стал знаменитостью через день после своей смерти, знаменитостью и богатым человеком, очень богатым человеком, наследники которого, дети и внуки, могут жить рантье.

— Да, у нас признаются писатели только тогда, когда они мертвы, — сказал хозяин. — В нашей стране живой писатель не должен быть богат и знаменит, для этого он должен умереть.

— Ты знаешь историю Эдварда, — сказал гость. — Его книги выходили в семистах экземплярах. Ему надоело голодать и кормить голодом жену. Он решил пережить традиции. Ему помог журналист Пэнэн. Эдвард ушел матросом в море и оказался на юге Франции. И оттуда пришло письмо Пэнэна к матери. Пэнэн писал, — «передо мною стоит урна с прахом Эдварда, это всё, что осталось от гениального человека и нашего соотечественника. Я выкупил этот прах за пять франков, и я повезу его за собою в своем чемодане... Как трагически погиб писатель и человек!..» — И всё, больше ни слова. Через день после того, как пришло это письмо, газеты сошли с ума. На первых страницах печатались фотографии Эдварда, предположения и варьяции предположений. Эдвард умер от голода. Эдвард покончил самоубийством. Повесился, застрелился, отравился. Отравился — цианистым калием, настоящим из спичечных головок, газом. Эдвард был убит алашами в ночной матросской гулянке. Но это не главное. Две типографии, две крупнейшие типографии днём и ночью печатали переиздания книг Эдварда на роскошной бумаге и в роскошных переплетах. Не зная и не имея на своих книжных полках книг Эдварда каждый обыватель считал для себя позором. Типографии не успевали печатать. Жена Эдварда, наследница, получала громад-

ные гонорары. Критики не унимались утверждать гениальность Эдварда. Лучший критик стал лучшим другом жены Эдварда. И в газетах тогда пронесся кислый слух, что Эдвард жив. Это был скандал. Издатели срочно послали в Париж и затем по всей Франции адвоката, чтобы он установил истинность смерти Эдварда. И адвокат привез страшную весть — весть о том, что Эдвард жив и живет впроголодь на юге Франции, ожидая славы, денег, возможности работать. Это был невероятный скандал!.. — Как!? — обманывать общественное мнение!? — обманывать бога!? — прикидываться мертвым!? — нарушать традиции! — позор! недостойно писателя! издевательства! против бога и против человеческой — и совести, и традиции!.. Газеты хлестнули громадной волной презрения. Эдвард украл сам себя и опозорил звание писателя нашей страны. С тех пор прошло три года. Эдвард пишет прекрасные книги. Эдвард забыт. Его имя вычеркнуто из нашей литературы. Его книг нет в издательских портфелях. Я сам был свидетелем, как один адвокат, почтенный человек, у себя в банголо, в деревне растапливал камин роскошным посмертным изданием Эдварда. Я крикнул: «что вы делаете!» — и мой адвокат смущенно ответил: «неудобно, знаете ли, мы все попались на эту хулиганскую удочку!..» Эдвард голодает. Жена Эдварда, получившая его гонорары, ушла от него с гонорарами к лучшему критику, который писал об Эдварде лучшие статьи. Эдварда больше нет в нашей литературе, он хотел пережить нашу традицию, когда писатель для того, чтобы стать богатым и знаменитым, должен умереть!..

Два друга пьют самодельное крыжовенное вино. Хозяин через окно смотрит на шхеры. Над пустым морем летают чайки. Говорит хозяин:

— Ты знаешь, большевики, собственно, большевистские женщины всех этих грузинских, татарских, узбекских, киргизских, русских, украинских, карельских и прочих республик — в один год поставляют большее количество человеческих душ, чем всё население нашей

страны. Представь — все наши ученые, интеллигенты, купцы, чиновники и все наши хуторяне, — всех их вместе меньше, чем молокососов, пруденящих под себя, в стране Советов, в возрасте от трех дней до девяти месяцев. Наш язык знаем только мы. Он так же неизвестен миру, как язык этих прудельщиков. Моя последняя книга вышла в пятистах двадцати пяти экземплярах. Сегодня утром в моей оранжерее созрели абрикосы. Я хотел было сорвать один абрикос сыну, но жена сделала такие глубокие глаза, и я понял, что этот абрикос надо послать в город, в магазин, на продажу. Я ответил моей жене словами прекрасной песни викингов, — я сказал жене, улыбаясь: «Камень подо мною — постель моя. Ветры вокруг меня — стены мои. Небо надо мною — крыша моя! Мое! мое!..»

Г л а в а в т о р а я

Столицы этих стран стоят на фьордах, на шхерах, на островах, на граните и среди гранита. В столицах этих стран запрещены автомобильные гудки. В дни, похожие на сумерки, и в ночи, похожие на дни, по улицам безмолвно идут автомобили, уступая дороги несчастным прохожим, причем среди прохожих очень много стариков и очень много людей в трауре, ибо не только жены и братья, но племянники и дяди до третьего поколения в честь умершего сородича надевают на рукав и на шляпу черный крап. В столицах этих стран, на главных улицах, поют соловьи, и по улицам, из одного парка в другой, по асфальту перебираются белки, считающиеся дикими. По главной улице в определенный час, от национального театра (иль от библиотеки) до королевского (иль президентского) дворца проходит национальная сумасшедшая, которая вообразила себя принцессой и невестой принца-регента, — она в подвенечном платье, с громадной охапкой цветов, с глазами, подведенными синее, чем цвет василька, — про нее известно, что она везде, даже в кино, садится в первом ряду, как подобает ее рангу, и про нее известно, что ей шестьдесят семь лет. В сто-

лицах все знают друг друга, и все кланяются друг другу. В июле, когда будут ужасные — с точки зрения жителей этих стран — жары, столицы будут пустовать, ибо все зажиточные сословия, как буйволы на Кавказе, все свободное время будут сидеть в воде, в фьордах и бухтах. В столицах нельзя будет приежму человеку постирать белье, ибо прачечные будут распущены в отпуск на дни солнца. Все человеческие зажиточные сословия и возрасты будут сидеть в воде от утра до ночи, высовывая из воды лишь головы, — и врачи будут устанавливать, что в воде пристойных фьордов скапливается шесть процентов урины, человеческой мочи. В декабре, когда будут нормальные — с точки зрения жителей этих стран — многосаженные снега и морозы, все свободные часы люди будут проводить на лыжах, и в газетах будет подсчитываться количество поломанных ребер и бедер. И все жители этих стран — мужчины и женщины — мореплаватели.

Семнадцать лет тому назад над миром прошла мировая война. Иные из стран этих широт взяли штыки (иль вынуждены были взять штыки) и послали своих сыновей умирать от штыков, от пуль, от осколков шрапнелей, от удушливых газов, от холода, от болот, от вши. Иным из этих стран приходилось отбиваться и от врагов, и от друзей, ибо друзья становились врагами. Иные из этих стран — торговали на пушечном мясе, на многомиллионном человеческом убое. Семнадцать лет загладили раны. Эти семнадцать лет не стояли даром. В тех странах, которые отбивались от врагов и друзей, тем, которые отбивались с винтовкой в руках, дали (иль вынуждены были дать) землю, — не больше сорока гектаров на каждого, подставявшего свою жизнь с винтовкою в руках под пули. Землю дали не бесплатно, конечно, но под ссуды из банков, с тем, чтобы хуторяне трудолюбиво выплачивали эти ссуды и проценты по ним, — с тем, чтобы банки выросли в бред недоимок. Писатель командовал отрядом. Писатель был в окопах, спал на снегу и в воде. Писатель был ранен дважды. Ему казалось, что

он борется за родину, за нацию, за национальную самобытность, за право петь свои песни, и солдаты тогда в окопах пели:

Камень подо мною — постель моя! —

вкладывая в эти слова глубочайший, как им казалось, смысл, тот смысл, что — пусть они бедны и у них есть только гранит, сосны и вода, пусть их немного, пусть их язык никто не знает, — пусть! пусть! — но они будут самостоятельны, потому что они — нация, потому что они пришли из веков, и они хотят быть самостоятельными. Они дрались, жестоко, направо, налево, кругом. Они умирали от пуль, от холода, от болот. Война кончилась. Писателю, как и его солдатам, всем, которые дрались, остались живы и были героями, — им дали землю, их передали в банковские расчеты, и им оставили оружие. Им дали землю от пяти гектаров, но не больше сорока. Вся страна покрылась хуторами. Во всей стране на хуторах, в красном углу налипли банковские квитки, и в изголовьи постели повисли винтовка, шашка и военный мундир. И страна превратилась в страну кулаков, хуторян, земледельцев. Страна догнала после разорения войны соседей своих широт — именно этими хуторянами, которые возникли у соседей за счет военных нажив. Другие страны этих широт — не воевали. Они — торговали. Они продавали железную руду англичанам и немцам. Они продавали англичанам и немцам химические продукты. Они покупали химические продукты у немцев и продавали их англичанам. Они покупали у англичан канадский и аргентинский хлеб и продавали его немцам. Они помогали врагам убивать друг друга. Они наживались. Они морепластвовали под нейтральным флагом, чтобы наживаться и помогать человеческой смерти. Они богатели. Они отъедались и жирели. Они строили фабрики и заводы, чтобы помогать европейскому разорению. Они строили бумажные фабрики, чтобы делать целлюлозу, доказывая, что бумага — культурнейший двигатель человеческого знания, и скрывая, что та же целлюлоза есть страшнейшее взрывча-

тое вещество войны и разрушения. Они отстраивались на войне, приняв войну за благополучие. Каждый в этих странах становился кулаком. И в этих странах — в одних на человеческой смерти, в других от человеческой смерти — поселился человек, воспетый Гамсуном. «Индивидуалист». Хуторянин. Он антиколлективен и одинок, и он подозрителен, и ему страшновато. От человеческого убоя он пришел на голое место среди гранита и сосен, около озера. Он пришел один. У него были руки, топор и винтовка. Он раскорчевал землю и выстроил дом. Тогда он привел жену. Через год тогда появился первый ребенок.

Они, хозяева этих стран, муж и жена, просыпаются на рассвете. Он идет к лошади и на двор, в поле или в лес. Она идет к корове, к телку и в дом. В доме она затапливает печь и обстирывает детишек. В изголовьи их постели висит винтовка. Хутор огорожен забором там, где может пройти человек, и водою, и камнем там, где человек не может пройти. Первое, что было построено на хуторе, — это были ворота, и на воротах надпись: «Приват», — частное, собственное, мое, никто не должен заходить. И никто не приходит. Муж и жена неделями никого не видят. Между ними все сказано, они понимают друг друга без слова. Это кажется нормой. От человека со стороны надо быть как можно дальше. Самое лучшее — совершенно отказаться от человека со стороны. Идеально, если муж может сделать на дворе всё, что ему нужно, — плуг, подкову, гвоздь, хомут, телегу. Идеально, если жена может сделать в доме все, что ей нужно, — засолить редьку, соткать полотно, приготовить свечи, крыжовенное вино, лекарство, хмель, дрожжи. На воротах, около слова «приват», находится почтовый ящик, туда кладутся сельскохозяйственная газета и повестки от банка, от прихода — и очень редко письма. В письмах лишутся поздравления, — эти письма забываются. Но в письмах пишутся также и события. Хорошие события также скоро забываются, но плохие помнятся долго. И лучше б писем совсем не было. А банк! а приход! а сообщения от му-

ниципалитета!.. — ну пусть остается одна сельскохозяйственная газета, этого совершенно достаточно для познания мира!.. Это познание мира в дни, когда приходят повестки из банка, приводит размышляющие взоры к винтовке у изголовья. Мир конечно страшен. Утром человек идет на конюшню. В запертой на ночь конюшне сперся конский запах, запахи конского пота, навоза, мочи, лошадь приветливо ржет. Хозяин дышит полною грудью довольства, он отвешивает овес. Конская моча есть отличнейшее удобрение, она стекает по желобу в лсханку, — хозяин сладостно тащит лсханку за конюшню, в яму, где собираются конюхи и коровьи отбросы до весны и до осени. Жена за стеной собирает коровий помет, еще теплый, от которого идет пар. Жена задала уже жмыхов свиньям, и свиньи блаженно чавкают, хрюкают, пукают, взвизгивают, насыщаясь, пишеваря, воняя. Три недели тому назад хозяин зарезал одну свинью. Он резал ее у себя на дворе, собирая в таз для мытья головы свиную кровь. Он и жена ошпаривали мертвую свинью кипятком, чтобы собрать шетину для продажи. Бекон и окорока хозяин просолил, и хозяйка прокоптила для экспорта. Это было три недели тому назад, хозяин тогда ездил расплачиваться с банком. Сейчас свиньи отхрюкали и отвоняли над жмыхами, хозяин вылил лошадиную мочу, хозяйка убрала коровий помет. Они вернулись в дом и отмыли руки от свиного, лошадиного помета. Хозяин снял свой шарф и взялся за хомут, от которого также пахнет конским потом. Хозяйка подала на стол поджаренную резаную свинину, политую двумя яйцами, и ячменный кофе. Хозяин питается. За окнами сосны и тишина. Никто не придет. Никого не надо. Утро прошло прекрасно. Надо не забыть, пойти посмотреть, как причиняет «швицка», — та «швицка», швейцарской крови в которой вот уже много поколений не осталось ни на грош, — и надо пойти перещупать кур, то-есть слазить указательным пальцем в куриный задний проход.

Семнадцать лет не прошли даром! — В той мировой перетасовке экономиче-

ских сил, которая прошла по миру, в Европе возникли новые социальные сплавы, ибо и Европа эти семнадцать лет не стояла даром. Германия и Англия, даже Франция и Италия, делали машины и все, что идет от машинной индустрии, лучше, чем страны этих широт. Германия и Англия в международной торговле покупали у этих стран свиные окорока, коровье масло, кожу, пеньку, коноплю и лес. Хуторянин этих стран производил именно пеньку, свиные окорока, масло, мясо и жил в лесу, на сплавных озерах и реках, около моря. Хуторянин оказывался хозяином, и он рассуждал хуторянки: он вообще не хотел покупать, но если уж быть вынужден, он предпочитал купить — иглоку, нитку, керосин, плуг — по самой дешевой цене, безразлично, свою национальную, иль немецкую, иль английскую. Немецкая стоила дешевле своей, и свои иголки перестали выделяться. В экономических справочниках стали появляться фразы по поводу иных из этих стран: «... если до мировой войны страна была аграрно-индустриальной, то теперь она становится чисто аграрной». Так писалось в экономических справочниках.

В столицах запрещены автомобильные гудки. В столицах доют соловьи. В столицах перезванивают средневековьем кирпичи. У королевских и у президентских дворцов в столицах дежурные офицеры ставят почетные караулы из людей, расшитых золотом, с медвежьими ранцами и в медвежьих, в полметра высотой, шляпах, причем эти люди маршируют около дворцов, как заведенные игрушки, не сгибая колен, и как хронометры, по которым можно проверять время. Но в семи километрах от столицы иных из этих стран был машинно- и кораблестроительный завод. На заводе работало тридцать тысяч пролетариев. Завод лежал на полуострове, на самом берегу моря, на гранитной скале. С трех сторон эту глыбу обмывало море. В штырь морская пыль перелетала через эту гранитную глыбу. Заводские доки упирались в воду. Заводские цеха пятились от воды. Рабочие казармы ползли на гору. У моря гремела заводская жизнь,

дымили мартены, сверкали огнем горячие цеха, глушили кузнечные, клепальные и сварочные. В заводском поселке жили пролетарии, и там нарождалось пролетарское сознание. Завод этот закрыт с войны. Завод этот был продан впоследствии большевикам и увезен большевиками. На месте завода остались кирпичные корпуса с выбитыми окнами, заросшие бузиной, лопухом и крапивой, тишина, ветры, море, гранитная глыба. Впрочем три цеха переоборудованы: один превращен в кирпичный завод, другой — в лесопилку, в третьем делают фанеру. Над заводом дуют просторные ветры. Летом там гоняют скотину. В белые ночи к морю туда приходят любовники. Заводской поселок заброшен, разрушен, там ютятся бродяги. Пролетарии исчезли отсюда. И министр торговли и промышленности с гордостью сказал однажды о своей стране. «у нас нет пролетариев!.. мы — крестьянская страна». В этой стране господином считается хуторянин, возлюбивший чавканье свиный и коровий помет, читатель сельскохозяйственной газеты, обладатель винтовки, боящийся чужого человека и чужого глаза. Но сельскохозяйственная газета, — этого недостаточно для того, чтобы понять, что китайский рабочий из Учана, такой же китайский рабочий из Кульджи, американский рабочий и фермер из Перу соподчинены в судьбе своей друг другу, что он, этот «индивидуалист», возлюбивший одиночество, свой дом, свой огород, каждой своею, посаженной на своем поле, картофелиной подчинен и банкирам с Уолл-Стритт и из Лондон-Сити, и немецкому иль французскому (иль английскому) рабочему, не с'евшему этой картофелины. Об этом не писалось в сельскохозяйственной газете, но англичане вдруг приказом кризиса сократили вдвое ввоз бекона из этой страны, а немцы в честь фашизма запретили вывоз своих марок, — и бекон пал вдвое в цене, застряв в государственных холодильниках. Хуторянин узнал об этом, когда поехал продавать очередную свинью, чтобы вырученные за нее деньги уплатить в банк, не продал своих окороков и в банк не заплатил.

Он вернулся домой в еще большем убеждении необходимости одиночества, и целый вечер он чистил и смазывал винтовку, рассказывая жене в тридцатые раз, как он дрался с этой винтовкой. Тот же министр, который сказал однажды с гордостью: «у нас нет пролетариев! мы — крестьянская страна!..», на заседании совета министров этот министр предложил закрыть — один единственный в этой стране — инженерный институт, чтобы поправить бюджет, чтоб выправить цену бекона и потому, что инженеры этой стране не нужны. И не только инженеры, но и философы, но и юристы, и даже врачи. Их школы также сокращались. Хуторянина нужен был купец, и купец разместили в городах, где запрещены автомобили гудки и где на главных улицах веснами соловьи утверждают феодальную любовь.

Но семнадцать лет не стояли даром и для тех стран, которые наживались на многомиллионной человеческой смерти, продавая врагам средства человеческого убога, сделанные ими самими и купленные у врагов по воле вольной капиталистической конкуренции. Эти, ожиревшие на человеческом мясе, полюбившие жир во образе свиньи, разбогатевшие не только купцами и мореплавателями, не только делателями целлюлозы, не говоря уже о хуторяnine и помещике, — эти поставили до будущей войны корабли на прикол, законсервировали военнопromышленные фабрики и собирались жить буйволиным обывательством. Но над миром пошел социальный сплав, именуемый кризисом. Кризис приказал стране перестать барствовать. В одной из этих стран застрелился человек, смерть которого шквалом закрыла двери сотен банков, пошедших в разорение не только в его стране, — застрелился капиталистический король Крэггер. К слову следует сказать, что на ночном столике в комнате, где застрелился Крэггер, лежал том русского писателя, только-что прочитанный, роман Эренбурга «Единый фронт», в котором описывался сам Крэггер, в котором Крэггер застрелился раньше, чем он это сделал в жизни. На самом деле смерть Крэггера

закрывает двери банкирских контор, и имущество Крэгера пошло с молотка. Крэгер был холост, он жил в прекрасном особняке. Квартира его распродавалась. В его шкафах и комодах найдены были сотни комплектов женских ночных пижам, рубашек, чулок, панталон, — достойная картина!.. Человек, король, Крэгер, обувивший свою холостую квартиру женскими панталонами, своею смертью качнул не только страны своих широт, не только мировыми банковскими крахами, и не только мировыми деревообделывающими и целлюлёзными предприятиями — и не только до железорудных своих рудников. Крэгер ставил страну на место своих широт. Страны человеческой смерти и страны на человеческой смерти — уравнивались. Банки лопались. «Индивидуалист» хуторянин все с большим страхом смотрел в город и на банкирскую контору в городе.

Семнадцать лет не стояли даром! — чего доброго, они возвращали феодальный быт, на самом деле они принесли обнищание, на самом деле эти страны стали превращаться в пустыри аграрных огородов, пусть одни из этих стран наживались на мировой войне, а другие перестраивались: мировой хор привел их на одни широты одного гранита, одних фьордов, моря, шхер, сосен, пустого неба. Семнадцать лет породили пустыри социального одиночества, распад, запустение, — моральным хозяином стал хуторянин.

Камни обглоданы тысячелетиями и ледниками, бывшими до этих тысячелетий. Тысячелетия одели трещины камней в мох. Среди камней, между сосен, на дерне из мха, среди раскорчеванной поляны, на берегу озера стоит дом. Из дома выходят двое, высокие, тяжелоплечие, с белыми глазами, аккуратно бритые. Они идут на скотный двор, где в ряд в стойлах, шесть, стоят коровы. Под коровьими хвостами проходит желоб, чтобы стекала моча. В конце коровника греется плита, чтобы варить и греть пищу коровам. Двое проходят коровник насквозь и выходят к сепаратору. За коровником и за конюшней сад. В оранжерее в саду созревали абрикосы.

— Вот это тот самый абрикос, — сказал писатель, — который я хотел сорвать для сына и не сорвал, потому что этот абрикос поедет в город, в фруктовую лавку и продается там на дипломатический обед министра. Я буду на этом обеде и с ем его там или в кармане привезу сыну, но моя жена купит на него иголок, ниток, карандаш, соль. Я бываю на обеде министра, но пять лет уже я никуда не могу поехать, дальше нашей столицы. А моя жена уже два года не выезжала дальше станции. Поистине, эти сосны — стены мои!..

Сосны держатся за камни кривыми корнями, которые злобно ползут по мху во все каменные трещины. За камнями меж сосен озеро. Дальше еще озера. И еще дальше — море. И в море из воды выползают обглоданные гранитные глыбы. Двое идут к воде, садятся в лодку. С порога дома жена машет мужу рукой. Писатели едут встречать иностранного гостя.

В столицах этих стран и в литературах, кроме соловьиной тишины и правила, что писатель может быть богат и знаменит только после смерти, есть и другие традиции и правила. Чего доброго, пьянство по понятиям этих стран никак не шорок, но доблесть, и кабаки в этих странах — почетное место. В одной из этих стран, где якобы проживал Гамлет, по дороге к замку, в котором якобы произошла трагедия Гамлета, есть кабак, куда каждую ночь является привидение Гамлета на коне и пьянствует со всеми кабачными пьяницами. В другой стране, в столице, в старом городе имеется кабак, организованный в семнадцатом веке пьяницей и веселым художником Михаилом Бельманом. Этот Бельман откупил подвал от бочек с дегтем и от канатов, расставил там бочки с элем, содержательствовал этот кабак, пил там и помер, оставив завещание, в коем значилось, что ни пьяниц, ни художников весельчак-пьяница-художник не забыл. Права собственности на кабак Бельман завещал Академии живописи с условием, что ежегодно Академия будет сдавать с торгов подвал специально и исключительно под кабак, дабы в кабаке пили и поминали

Хороших пьяниц, дабы арендная плата с кабака шла на стипендии молодым и талантливым художникам. Академический подвал существует поныне, в нем пьют министры, писатели, художники и туристы. В третьей столице писательский кабачок именуется Клубом Красноносых. Почетные члены этого клуба — лучшие пьяницы от искусства — наделены грамотами на право именоваться красноносыми, грамотами, орденами и гербами, копии которых развешены в клубе.

В столице живут купцы и мореплаватели. Купцы реставрируют быт русского города Саратова времен девятисот тринадцатого года. Мореплаватели ждут у моря погоды. Заводчики ждут войны. В городе цветет желтая акация, и мальчишки из стручков делают свистульки. Все знают друг друга и кланяются друг другу. Все помнят Крэгера. Все все свободное время проводят в воде, как буйволы на Кавказе. В городах ничто не строится, но реставрируется, как реставрируются в национальном масштабе народные певческие праздники, и города пахнут Ганзой.

Глава третья

Десять лет тому назад в Берлине, в Прагер-диллэ, семь лет тому назад в Париже, в кафэ Ла-Куполь, писатель встречался с другим писателем, писателем страны Советов. Сейчас писатель страны Советов проезжал столицы этих широт. Клуб писателей этой столицы помещался в крепостной башне старого королевского замка; под амбразурами бойниц, откуда видны город и море, размещены были диваны; в башенном подвале, где раньше хранился порох, теперь стояли бочки с пивом и пустые бочки, за которыми пили.

Писатель страны Советов остановился в доме посольства своей страны. Два старых знакомых встретились на чзе в министерстве. Писатели за чаем, перед кофе, с'ели по абрикосу. Писатель страны Советов в то утро был за городом, в домах двух фермеров, в доме губернатора, в сельскохозяйственной школе для девушек. Губернатор оказался просве-

щенным помещиком, на письменном столе его лежали Леонард Франк и Жан Жионо, уже прочитанными, и раскрытым лежал Джан Дос Пассос. Из кабинета губернатор повел гостя в коровник и в сепараторную. Эстетика коровника дополняла эстетику Марселя Пруста. В этих странах наряду с музейными древностями всегда показывали коровью современность. За завтраком губернатор сказал: «Все, что вы видите на столе, это с моей фермы, все, даже вино и колбасы, даже водка, хотя это и маленькое нарушение закона!.. Я прикушаю к столу, кроме соли и корицы, только кофе, коньяк и сигары!..» — и губернатор заговорил о Леонарде Франке. И губернатор очень внимательно спросил о переоборудовании сельского хозяйства в СССР. Писатель за неделю до отъезда из Москвы был в деревне, в рядовом колхозе, и существеннейшее, что он мог сказать губернатору, это то, что колхозники почти не говорили с писателем ни о литературе писателя, ни о своих домашних делах, но потребовали, чтоб писатель рассказал о Японии и об Америке, о делах на Дальнем Востоке, это было существеннейшим для колхозников.

— Почему? — спросил губернатор.

— Попомните, что, ковыряя землю и доя коров, колхозники и знают, и уверены, что они делают и общественное, и государственное дело, — сказал писатель, — и поэтому они полагают, что судьба каждого из них зависит не только от их поля и коровы, но и от того, что делается в Америке и на Дальнем Востоке.

— Это колхозники знают? — спросил губернатор.

— Да, господин генерал, это колхозники знают очень хорошо, в первую очередь. Это основа их мироощущения и оправдание не очень эстетического занятия вроде уборки навоза.

— Не понимаю! — сказал губернатор, и сказал очень искренно, и спросил:—Позвольте узнать, когда мы осматривали школу жен, как пошутили вы, вы спросили, как оплачивается право обучения, и сообщили, что за право обучения в СССР — не то чтобы пла-

тили родители или учащиеся, но, наоборот, школы дают пособия всем учащимся. Так ли я вас понял?

— Да, именно так.

— Но почему? — спросил губернатор.

— Потому же, почему колхозники спрашивали о Японии, — потому что обучение в высшем учебном заведении есть общественное дело, и в людях с хорошими знаниями заинтересовано государство, а не только родители.

— Не понимаю! — сказал губернатор, и глаза его сделались лирическими и даже добрыми, то-есть бессмысленными для губернатора.

Писатели, два старых знакомых, встретились на чае в министерстве. Вечером в этот день в писательской башне устраивалось заседание в честь заезжего гостя. В подвале на бочках и за бочками писатели по непонятным причинам походили и на таких апашей, которых никогда нигде не бывало, и на таких ганзейских купцов и феодальных рыцарей, которых также никогда и нигде не было. На самом деле было много выпитого. На самом деле были тридцатые годы этого века. Гремело радио бигунами и румбой. Алкоголь путал понятия и пространства, вываливал из сознания то, что лежит наверху сознания, и старый знакомый наблюдал, как женщины подходили к заезжему гостю, ломали язык, чтобы перелезть через заборы разноязычий, своими коленами охватывали колено гостя, притираясь животами к его бедрам, эти писательницы, журналистки, художницы и эти, с неопределенной профессией, пребывающие при искусстве, известные уже много лет, отношение к искусству из коих уже выветрилось. Глаза у женщин были совершенно доступны и ничего не прятали. Женщины терлись коленами и пытались друг у друга изучить русскую фразу, самую необходимую: «я люблю вас!..» — чтобы сейчас же выкрикнуть ее в ухо заезжему гостю. Пьянейший залез на бочку и, не то викингом, не то купцом, говорил:

— Вы знаете, как получал нобелевскую премию Х! — он назвал громчайшую писательскую фамилию. — Утром, по

регламенту, он был с Академией на приеме у короля и получил грамоту. Как второстепенность, секретарь Академии передал ему чек на двести тысяч крон. Лауреата отвезли в его номер в гостиницу, и его оставили там одного с женой до вечера, до парадного обеда. Вечером приехали академики. Лауреата посадили между президентом Академии и Сельмой Лагерлеф. Он был трезв, он ничего не пил за этот день, он выпил стакан вина, и он сразу опьянел. Это конечно была нервная разрядка. Он закричал. Он схватился за голову старухи Лагерлеф и растрепал ее прическу. Он кричал: «Ну что, старуха, как ты пишешь!? — вот, как надо писать, — как пишу я! — сам король поздравлял меня сегодня!.. я лучше всех пишу!.. ну что, старуха, как ты пишешь!? — как вы все пишете! — а я, а я!..» — он полез в карман, и на лице его изобразился ужас, самый первобытный ужас скупости. Он не крикнул, он взвизгнул — о том, что пропал чек. Человек неистовствовал. Он был бессмысленен. Он требовал, чтобы сейчас же позвонили в банк, во все конторы банка, в редакции газет о том, что чек такой-то недействителен. Гостиница была оцеплена и поставлена вверх дном. Все было обыскано, номер, уборные, коридоры, мусорные ящики, ресторан. Чека не было. Чек найден был засунутым под обшивку дивана. Жена лауреата видела, как лауреат возился около дивана. Двести тысяч! двести тысяч! двести тысяч! — вы понимаете — две-сти ты-сяч!.. у лауреата был аффект, он сам запрягал чек под обшивку дивана, и он забыл это от счастья!.. Страшно? — невероятно?! — факт!..

За амбразурами древней башни проходила белая ночь. Женщина, которая сдавливала своими коленами колено заезжего гостя почти до боли, предлагала на английском языке — или пойти к ней, в ее мастерскую, или поехать на моторке по фьорду, вдвоем, без этих прокуренных людей.

Два старых знакомых вышли вместе, в город, пустой, как музей, и пошли из одного музейного переулка в другой. Ночь бледнела, как день. В тридцати

шагах сзади появился и пошел следом человек, зеленоватый в белой ночи.

— Шпик, — сказал гость.

— Шпик, — нехотя ответил писатель.

— За мною? — спросил гость

— Конечно, — ответил хозяин.

— Боятся большевиков? — спросил гость, — не любят?

— Боятся, — ответил хозяин, — не любят, не понимают.

— А ты? — спросил гость.

Хозяин не ответил.

— Боятся, — сказал хозяин, — боятся, не любят, не понимают. Раньше все-го боятся, до оцепенения, до бессмыслицы. Но это не я и не мы. Мы — завидуем. На какие средства ты путешествуешь? — тебе правительство помогает?

— И на свои, и помогает правительство.

— Почему? — это служба?

— Нет, не служба и не на жалованьи. Я рассказывал сегодня вашему губернатору, которого вы называете господином генералом, который ездил со мною днем, а сейчас послал за мною шпика, что в наших высших школах не студенты платят за обучение, но студентам платят за то, что они учатся, и для того, чтобы они учились. По той же причине. Когда я ездил в Таджикистан, — в одну из наших республик на Памире, о Памире ты знаешь, но об этой республике, чего доброго, и не слышал, — в Таджикистане таджикское правительство дало в мое распоряжение бесплатно — верховую лошадь, автомобиль, верблюда, аэроплан, осла и железнодорожную дрезину. Здесь сейчас я остановился в нашем посольстве, среди соотечественников и друзей, я не плачу за номер в гостинице, это тоже помощь. Ты был когда-нибудь в нашем полпредстве?

— Нет. Если бы ты не сделал визита в министерство, мы бы не могли с тобою встретиться. Ты же знаешь, что пишут в наших газетах о вас и о вашем полпредстве в частности.

Они подошли к дому, на парадном которого была медная полпредская вывеска, очень небольшая, — «Полномочное представительство Союза Советских Со-

циалистических Республик», — к самому популярному и самому страшному дому в столице.

— Сколько сейчас времени? — два? — зайдём ко мне, — сказал гость, — я приготовлю кофе.

В тридцати шагах шел шпик. В белесой мути перед домом взад и вперед ходил зеленый полицейский. Была белесая ночь. За купами деревьев вдали виднелся фьорд. Писатель этой страны был широко- и тяжелоплеч, глаза его были белы. Глаза его стали суровы.

— Да, зайдём, — сказал он.

Позвонили. Дверь отворилась механически, электрическим рычагом. Хозяин и гость поменялись ролями. Гость ступил на порог, опустив плечи. Чего доброго, таинственный большевистский дом был ему страшен почти мистически. Прошли пустым коридором, вышли на внутренний дворик, пошли новым коридором до лифта. Все было совершенно обыкновенно и по-ночному тихо. Хозяин своим ключом отпер дверь. Обыкновенная комната, книги, на столе электрический чайник, в соседней комнате постель, опять книги, дверь в ванную. За открытым окном белела белая ночь. Вымыли руки, хозяин заварил кофе, и писатели сели друг против друга.

— Кулак! — сказал гость, хозяин этой страны. — Мужик, хуторянин!.. о нем уже все написано, нечего писать. — Глаза гостя стали тяжелыми, как его ж плечи. — Мужик! — ему нужны только хорошие свиньи и — чтобы окорока этих свиней кто-то где-то ел в расплату с банками. Ему страшно от людей, он хочет спрятаться в свой хутор. Ему не нужна литература, ему не нужны университеты, ему легче жить без них. Он думает, что Гитлер прав, когда утверждает, что немецкий пупок не похож на другие пупки, он не совсем согласен, что самый лучший пупок — это немецкий пупок, но он задирает свою рубашку и рассматривает пупок свой собственный, стремясь выискать в нем что-нибудь национальное. Мы уже придумали одну национальную особенность — наши певческие праздники в национальном масштабе. Мы реставрировали и узаконили в государственный праздник костры Ива-

новой ночи, ты увидишь эти костры, на ночь этих костров пустеют города и деревни, все идут в леса, на гранитные скалы, за озера и болота, жгут костры и прыгают вокруг них. Это во всех наших странах, — ты увидишь. Все наши земли будут пахнуть дымом в белой ночи, и все будут петь около костров. Ты спросил, был ли я в этом доме? — нет, никогда не был. Я пришел сейчас — не только к тебе, но именно в этот дом, сейчас, когда в сознании у нас суббота, но фактически вот уже третий час, как идет воскресенье, я пришел сюда в полночь, пусть провожали шпики. Я пришел спросить тебя — что я должен сделать, чтобы навсегда уехать в твою страну, навсегда работать в твоей стране? Нам, писателям, нечего делать на этих пустырях, поросших бурьяном бывшего и превращенных в свиноводческие пастбища для континента. Это не случайно, что в своей стране — в этом доме я гость, — я гость в своей стране!..

Глава четвертая

Непонятно — день или ночь. С белого неба падает мелкий-мелкий дождичек. Камни обглоданы тысячами и ледниками. На камень ползет мох. На мху растут одинокие, корявые, злые сосны. Из дома выходят двое — хозяин и гость, писатель страны Советов. Они идут к воде и садятся в лодку. Они переплывают озеро. Они идут замшелой

тропинкой. Земля уже пахнет дымом сгоревшей хвои. Это — Иванова ночь. Писатели идут праздновать. Падает, падает с неба мелкий, мелкий дождик. Свет белес. На каменной глыбе сложен громадный костер, — на гранитной глыбе, совершенно лысой и гладкой. Вокруг костра ходят пожарные в страшных шлемах и с топорами в руках, полные гордости. За пожарными табором разместились люди в военной форме, с винтовками и с шашками, — хуторяне, приехавшие к празднику на своих фурах и в полных доспехах, полные гордости. На площадке, под каменной глыбой, приходский оркестр играет допотопный вальс, и парами прыгают девушки. За танцевальной площадкой расположились буфет и тир. Ровно в полночь зажигают костер. Он вспыхивает бенгальскими огнями. И, когда он разгорается, рядом к нему подходят девушки из сельскохозяйственной школы, в венках и в национальных костюмах, — будущие образцовые жены поют:

Камень подо мною — постель моя!
Ветры вокруг меня — стены мои!
Небо надо мною — крыша моя!

Писатель склоняется к гостю и шепчет злобно:

— Действительно, камень, ветер да небо, — это их! — моя собственность! мое! мое! — смотрите, как усердно горят бенгальские огни! — смотрите на пожарников!..

Улица Правды,
23 сент 934

Магистраль

Роман

АЛЕКСЕЙ КАРЦЕВ

(Окончание ¹)

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Москва НКПС Главжелдорстрой. Секретно.

Приказ консервации новостройки срывает все усилия руководства строительства зпт ликвидирует намечающийся перелом зпт дезорганизует кадры тчк Категорически протестую тчк Вследствие переутомления прошу предоставить отпуск лечения тчк Гедвилло.

Москва НКПС Главжелдорстрой. Секретно.

Начальник строительства Гедвилло заболел зпт прошу назначить партийного заместителя тчк Главный инженер Гесс.

Москва НКПС Главжелдорстрой. Секретно.

Вторично прошу распоряжений тчк Ввиду болезни Гедвилло нести дальнейшем единоличную ответственность отказываюсь Главный инженер Гесс.

Москва НКПС Главжелдорстрой. Секретно.

Настоятельно прошу освободить обязанностей врид начальника строи-

тельства зпт положение усложняется каждым днем тчк Категорически протестую откомандирования инженера Рыбакова Ваше распоряжение тчк. Главный инженер Гесс.

Москва НКПС Главжелдорстрой. Секретно молния.

Работать не могу тчк Прошу разрешить выезд Москву личных объяснений тчк. Гесс.

.
.
.

«Товарищ Платон, здорово.

Получил твой адрес. Ну и разметало нас всех! Ты с Рыбаковым — вон где, я, как видишь, опять в пекло поез, проработ на реконструкцию узла, Кульшина, беднягу, на консервации оставили—развороченную землю сторожить да на пустых складах печати накладывать... Так-то, брат. Перед отъездом из степи, с Каменки нашей, встретил я старого знакомого—Бермана. С чемоданом, с корзинкой в райкоме сидит. Там, оказывается, дождались-таки: Орвиса сняли, Берман — на его место. Эх, кабы пораньше это, Платон, а? Помню, на фронте у нас, в германскую войну, перед самой революцией так пошло: командиров меняют, приказы шлют, а фронта-то уж и нет... Ну, ладно. Дела у нас попрежнему — дрянь. Пишу с вокзала, жду по-

¹) См «Новый мир», кн кн 6, 7, 8, 9, 10 и 11 с. г.

езда: еду с пункта в город, в управление — ругаться. Новостройку бросили — реконструкция не лучше идет. Тычемся, как слепые, в землю, роем, а что делаем, хорошо ли делаем, не знает, кажется, никто! За месяц, что я тут кручусь, опять драку начал с профессорами нашими: проект узла охаял в доску, а проект-то, оказывается, одобрен самим Гессом. Понимаешь, узел старый, как его папаша; состоит из двух станций, одна от другой — шесть километров, и поезда между ними мечутся, словно в западне. По проекту решено и теперь так оставить. Ну, я, как попал сюда, сам облазил всю местность, а потом — бац! — докладную записку: предлагаю двух станций не строить, а создать одну, на новом месте, и в ее пределах организовать всю эксплуатационную работу узла. Только представил — моментально вызывают по телефону...»

... Зазвонил колокол на платформе. Дорофеев сунул блокнот в карман, вышел. На путях стояли составы — платформы с лесом, с кирпичом, товарные вагоны с цементными бочками, потом с какими-то тюками брезента, видными в отодвинутых вагонных дверях.

«Палатки?» — пригляделся прораб. Он быетро перешел пути, направляясь к железнодорожнику, который осматривал вагоны. Но спрашивать не пришлось. Надписи на вагонах, на платформах кричали хором, что состав идет именно туда, где месяца два назад днем и ночью ждал всех этих грузов Фаддей Дамианович Рыбаков, ждали габары Охрима Кочубея, ждали землекопы на Каменке, и он сам, Дорофеев, их прораб... Но куда же, кому же везут все это теперь?

Железнодорожник, лениво почесываясь, ответил:

— Ничего не известно. Пятый день стоят.

— Но ведь груз-то наверно переадресован уже?

— А кто его знает.

Прораб, выругавшись в душе последними словами, принялся было толковать железнодорожнику, что там, куда адресованы грузы, постройки сейчас

уже нет, что он должен справиться, проверить, чтобы груз не проездил напрасно еще с полмесяца туда и обратно. Железнодорожник равнодушно слушал его, делая около вагонов свое дело.

— Постройка — она к нам не касается, — неторопливо и даже как будто сочувственно говорил он. — Наше дело возить, ваше — строить... Вот постройте — и по вашей возить будем, а покуда и своих делов хватит...

— Во-он что... Эх, дядя! А для чего постройка-то, знаешь? Вам же легче будет, ведь зашились совсем с перевозками.. Эх, вы, извозчики!!

Дорофеев, чертыхаясь, зашагал к показавшемуся на платформе начальнику станции. Это был тот же густогривый молодой человек, который встречал здесь когда-то Максима Робертовича Гесса. С Дорофеевым, как с прорабом, он успел за эти недели переругаться вдрызг: один считал, что постройка вторых путей только грязнит всю станционную площадку, что от развороченной земли, от мусора и камня скоро совсем не будет проходу и что вообще эти постройщики — чистое наказание для настоящего железнодорожника-эксплуатационника; другой выходил из себя оттого, что работники станции, от начальника до стрелочника, словно сговорились всеми способами тормозить постройку.

— Товарищ Соколов! Куда вы эти вагоны отправите?

— Куда надо, туда и отправлю, товарищ Дорофеев.

— Так чего же вы их держите?

— Есть телеграмма, задержать в пути до последующего распоря..

— Да какой же дурак... да кто же может распоряжаться этим грузом, кроме управления строительства?

— Вот оно и распорядилось, товарищ Дорофеев. Дураки-то, выходит, не у нас, а у...

Дорофеев собрался было поговорить покрепче, но подошел его поезд, а в вагоне вспомнилось про начатое письмо Платону Гветадзе. Он опять вытащил блокнот.

«... Требуется главный инженер. Являюсь. Гесс щурится, записка моя — у него на столе Оказывается, он сам со-

бирался еще весной так же сделать, как я предлагаю, но «темпы, темпы не позволяют, товарищ Дорофеев! Товарищ Гедвилло требует максимального ускорения!» Серьезен, а чувствую — издевается в душе. Говорю в ответ, что темпы постараясь сохранить, зато возможна большая экономия, если подсчитать как следует.

«Все это прекрасно, — отвечает, — но увь, поздновато! Перепроектировать надо, утверждать в центре надо, даже если вы докажете экономию в миллион рублей, то вам скажут, что время дороже, товарищ Дорофеев». Я говорю: «Кто это скажет?» — «Партия» — говорит. Это он-то! Мне! Да откуда он знает, что думает партия! Да и темпы, на которые он всё упирает, какие тут к чорту темпы, когда чуть не все работы — бросовые, когда участки попрежнему задыхаются без материалов, а грузы стоят на всех станциях! Наменяю ему на это — стоит, косится. Гладит бороду, злой, обрюзг, чорт знает, отчего. Вообще с тех пор, как Гедвилло «заболел», руководство наше (если оно и было когда-нибудь) держится вовсе набекрень. Что будет дальше, никто не знает, работы идут безобразно, в довершение всего всплывает, что пять миллионов рублей, специально ассигнованные наркомом...»

Вагон начало так, что писать становилось невозможно. Дорофеев, посмотрев в окно, узнал перегон, на котором три раза в год ряд за один месяц делали ремонт. Каждый раз ремонт делали быстро, лихо, громко хвалились этим в районной газете, а потом, начиная сначала, делали вид, словно ничего не было и ремонтируют в первый раз. Вагон трясло и качало, как тарантас на ухабах; но машинист тоже вел поезд лихо, от тоже не хотел, видимо, допустить у пассажиров мысли, что возможна какая-либо неисправность...

«Стараяются...» — с какой-то усталой злобой подумал Дорофеев. Эту атмосферу показной бодрости, эту раздражающую манеру делать вид, что всё вдруг стало сразу замечательно хорошо, он всё чаще наблюдал у людей транспорта с того памятного дня, как вместе с Пла-

тоном и другими услышал от «летучего голландца» о транспортных политотделах.

В городе, в управлении строительства, было то же самое. Правда, еще не известно было, будут ли политотделы и на новостройках, или только на старых дорогах, но десятки людей, спрашивая об этом других, изображали на лицах своих такое радостное и бодрое нетерпение, словно политотделы обозначали не тяжкую заботу страны о рельсовых своих путях, а какой-то веселый праздник, на котором обидно было бы оказаться обойденным.

В приемной начальника строительства Дорофеев увидел Магдалину. Он дрогнул бровью, едва успев сделать спокойное лицо.

— Ты... разве не в Москве? — нелепо спросил он, подходя. — Ведь ты говорила, что едешь в Москву?..

— Я только отвезла Чирика к бабушке.

— Га-ак... А сама — на старое место? — Не совсем. Я теперь — секретарь главного инженера. Передай об этом Анке. Она у тебя ведь?

Дорофеев, задыхаясь, сжимал в карманах кулаки. Эта женщина спокойно, деловито смотрела на него — новыми, никому уже не зовущими глазами, смотрела, словно на чужого, и губы ее, яркие и крупные, были слегка поджаты, тоже по-деловому, как будто никогда не целовал их стоявший перед нею человек.

— Брось ты... секретарь! — грубо сказал прораб любимой своей жене. — Ему нужно... просто это... хорошую работницу!

Не спрашиваясь, он толкнул дверь в кабинет. Гесс быстро встал:

— Привезли подсчеты? Ну-ну, давайте ваш миллион экономии...

Он криво улыбался, стоял вполороты, не глядя прорабу в лицо.

— Я привез не миллион, а четыре миллиона, — сухо сказал прораб. — Вот все цифры...

— Ого! Да вы — щедрый!

Дорофеев потемнел. Он понял. Но он не хотел понимать, он не хотел даже в мыслях признать свои личные соперником этого бородатого барина.

— Вы — щедрее, товарищ Гесс, — кашлянув, сказал он. — Вы с Гедвилло пять миллионов бронированного фонда зарплаты по ветру пустили...

Он в упор, вызывающе смотрел на начальство, и серые глаза его шурились, словно от ветра.

Теперь он сам предлагал бой. Здесь он сам признавал себя соперником профессора Гесса.

— Кто... я? — беспокойно, быстро сказал главный инженер. — Что вы, что вы... да я тут совсем непричем! Это — Ян Михайлович...

Он моргал набрякшими, тяжелыми веками, этот пятидесятилетний человек, явно проведший бессонную ночь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Генрих Гейне не мог понять, каким образом он и Иисус оказались евреями.

Даниэль де-Леон удивлялся, каким образом Плеханов может быть русским.

Платон Гветадзе тоже часто изумлялся тому, почему, собственно, многие товарищи по работе любят называть его «кавказским человеком».

На кессонных и каменных работах у великой реки, на стройке гигантского моста, уже много месяцев трудились украинцы, татары, евреи, русские, грузины, немцы, шведы, узбеки и англичане. Они делали самые разные работы, — и бывало так, что на одной работе сталкивались, обучая друг друга, люди трех или четырех национальностей. Правда, татары больше стояли на земляных работах, а немцы и шведы командовали машинами, и вид у них был более гордый, чем например у татар; но появлялся на работах новый начальник мостового участка Фаддей Дамианович Рыбаков, русский инженер с тысячами украинскими усами, — и немцы и шведы первые кланялись ему и смотрели уже совсем не гордо; а однажды — за несколько дней до того, как заболел Рыбаков и слег, — приехал заместитель председателя всероссийского Совнаркома, и он оказался казак-киргиз, и Фаддей Дамианович на глазах у всех выслушивал его замечания, как командир полка слушает командующего армией.

Платон Гветадзе был очень доволен всем этим. Особенно же радовало его то, что здесь, вместе с партработой, ему дали и работу практиканта на производстве. Ему не нравилось только, что Тукин, переведенный сюда же, ставший здесь уже прорабом и, таким образом, косвенным начальником Платона по работе, при каждом техническом споре с улыбкой говорил ему:

— Ой, и горячий ты человек, Гветадзе, сразу видать — кавказский человек! В нашей работе выдержка нужна и расчет, ты вперед гляди и рассчитывай, тогда и горячиться не будешь!

— При чем тут кавказский человек? — сухо говорил Гветадзе.

Только этим и не нравилось ему Тукин, которого раньше на трассе у Дорофеева он знал больше не как техника, а как старательного, но еще неопытного секретаря прорабской партийной ячейки.

В последнее время Платона для практики поставили на облицовку, к строймастеру Савелию Кнышу, который перешел и сюда вместе с Рыбаковым и Тукиным. В качестве практиканта Платон первые дни старался не отходить от него и однажды, вернувшись после обеда на облицовку правого устоя, увидел еще снизу, что наверху разыгрывается что-то похожее на очередную историю с Савелием. Платон обошел каменные стены устоя и поднялся наверх.

Кныш ползал там на четвереньках, осматривая кладку, словно агент уголовного розыска, напавший на след преступления. Четверо каменщиков стояли над ним, угрюмо наблюдая события. Трое молчали. Четвертый же — видимо старший по работе — изредка и нехотя вставлял в осмотр свои замечания, из которых без труда можно было понять, что и он, и его товарищи считают столь тщательную инспекцию занятием никчемным и даже обидным для их, каменщиков, достоинства.

— Чать, на совесть старались, Савелий Ипатыч. Как хошь, гляди... — говорил он, сворачивая пропыленными пальцами тоненькую крученку. Видно было, что махорки в щыгарке ему еле хватает на одну хорошую затяжку, но каменщик

скручивал ее бережно, как драгоценность. В то же время он успевал искоса поглядывать в сторону строймастера и — всякий раз, когда внимание мастера задерживалось на каком-нибудь месте кладки, — незаметно и словно машинально передвигался в ту же сторону.

— Кабы не на совесть, нешто бы эстолько выработали... Вон на Оке у прораба у Сергея Иваныча матюшинская-то артель сработала, вот это да, было дело...

Он многозначительно смолк, заметив подходившего Платона.

Платон молча поздоровался и встал поодаль, ближе к строймастеру. Но, когда тот, оглянувшись, поднялся с колен и шагнул к Платону с протянутой рукой, как к старому знакомому, каменщик, видимо, счел конспирацию обязательной. Он оглядел своих и сказал погромче прежнего.

— Треснул на Оке бык-то, вот оно как. Насквозь расселся, ровно из глины лепили. Зато по-ударному! И деньгу грести почем зря... Кабы нам эдак-то, мы бы... А тут — на совесть старались...

— Уж как ни старались, а с шишом остались! — неожиданно отозвался один из молчавших, долгоносый парень лет тридцати.

Строймастер разговаривал с Платоном, повернувшись спиной к каменщикам и явно не слушая их. Но на слова долгоносого он круто обернулся и внимательно осмотрел всех четырех. Этот взгляд явно спрашивал о чем-то, требовательно и жестко. Один за другим все четверо отвели глаза.

— Эй, сорветесь, ребятки, — тихо и предостерегающе сказал мастер. — Изнахальничались на советских-то харчах! Вы что думаете — и со мной в дурака сыграть?

Лица каменщиков приняли непроницаемое, равнодушно-тупое выражение, словно мастер обращался вовсе не к ним. Долгоносый исподлобья глянул на старшего. Тот все еще неспеша слюнявил крученку; широкий язык свисал изо рта, выгибаясь, как живой, и обнаженная влажность этого гладкого яркорозового

мяса придавала какой-то особый, бесстыдно-наглый смысл прищуренному взгляду каменщика — как будто он по-мальчишески дразнил строймастера.

Долгоносый усмехнулся, словно ободренный этим.

— Зачем дурака, — дураков теперь не-ет! — нараспев заговорил он. — Мы глядим, самим бы в дураках не остаться! За эндаку цену работу навязали, да еще придраться норовят...

— Шкура! — рявкнул строймастер, багровея.

Это было так неожиданно, что каменщики попятнулись. Гветадзе с любопытством смотрел на них. Строймастер отстранил его рукой, хотя Платон вовсе не стоял на дороге, — шагнул вперед.

— Ах, ты, шкура!.. — протяжно повторил он тонким от гнева голосом. — Да вы што, в самом деле... С подрядчиком, што ль, говоришь? С государством говоришь, портач сопливый! Ты думаешь, я вашей работы не вижу? Я, брат, когда первый мост ставил, тогда и вонюю твоей еще на белом свете не пахло... Расценку им не потрафили, а? Да ты-то работой своей потрафил аль нет, как полагаешь? «За эндаку це-е-ну...» — передразнил он долгоносого. — Вон куда загнул, лодыри окаянные! А ты знаешь, что я у вас такую работу совсем не приму? И никто не примет, хоть до самого Рыбакова иди! Это вот што?

Он опять присел на колено, тыча пальцем в камни:

— А тут? А это што?

Каменщики не двигались с места. Тот, который походил на старшего, только издали посмотрел на показанные мастером места кладки и, сунув крученку в рот, с деланным спокойствием начал закуривать. Но спички ломались у него одна за другой. Он яростно плюнул и шагнул к мастеру:

— Не тычь, Савелий Ипатыч. Зря тычешь... Ну — чего увидал? Работа обыкновенная, который год эдак кладем, ай не знаешь!..

Остальные каменщики постепенно придвигались к месту спора. Платон подошел тоже и с одного взгляда на кладку понял всё.

Работа была, действительно, такая, какую на спешных стройках нередко принимали прорабы, специализировавшиеся исключительно на «темпах». Но здесь небрежность и грубость отделки особенно резко бросались в глаза.

Строймастер, не вставая с колен и присев на пятки рыжих сапог, потрясенно воззрился на говорившего. Каменщик все продолжал отстаивать работу, утверждая, что «так везде кладут», ссылаясь то на один, то на другой примеры, очевидно известные и строймастеру, и остальным. Те поддакивали наперебой и при этом все чаще упирали опять на расценки. Выходило так, что они и эту работу считали чрезмерно добросовестной по сравнению с расценками; а то качество, которого требовал от них мастер, оказывалось с их точки зрения не то что невыполнимым, а, так сказать, бессмысленно-идеальным.

— Постои-ит, — приговаривал долгоносый, ковыряя кладку носком рваного сапога. — Постоит, не завалится...

Строймастер смотрел на них, онемев от злости.

— Идолы!.. — прошипел он наконец. — Ударнички советские, матери вашей чорт...

И вдруг, закипев, рявкнул опять во весь голос:

— Душегубы вы советской власти, а не ударники! Тебя, дубину такую, государственней мост поставили класть, а ты — словно короле хлев наляпал: «постои-ит, не завалится»... Это што наделали, а? Ты гляди, гляди, товарищ, — показывал он Платону, тыча ладонью в расщелины кладки. — Айда к прорабу, вредители вы бессмысленные! Он вас разберет!..

— Ты не лайся, — угрюмо оборвал старший, покраснев и косясь на Платона. — Больно размахался! Чать, не старый режим, чтобы такими словами обзывать... Мы и сами к прорабу пойдем, ай он нашей работы не видал? Айда, ребята!

— Сам сюда идет, — внезапно сказал долгоносый, присматриваясь.

Все смолкли и обернулись.

Тукин быстро шел к ним, издали махая рукой. Он очень торопился — по-

бежал, опять пошел шагом и снова пустился рысью, хотя до устоя оставалось всего метров пятнадцать. Лицо его было тревожно и вместе радостно — какое-то особенное выражение освещало его, и все поняли: что-то случилось.

— Не галдеть, ребята, — торопливо сказал он, добежав. — Почему не работаете?

Строймастер принялся было объяснять, но прораб, не слушая, проговорил на ходу: «после, после» — и нагнулся с устоя к берегу:

— Табельщик где, товарищи? Хабибуллин, ты? Сейчас же звони начальнику участка, скажи от моего имени, что его присутствие необходимо на мосту как можно скорее... Понял?

Бегло осмотрев площадку, прораб устремился назад. И только теперь все увидели, что вслед за ним к мосту подходили двое. Встретив их, прораб стал горячо объяснять что-то, и они остановились втроем, издали оглядывая реку и мост. Потом двинулись опять, и прораб снова заторопился было вперед тех двоих, но один из них — повыше ростом и поплотней — с улыбкой взял его под руку, и все трое пошли вместе, в ногу. Гветадзе, каменщики и строймастер ждали, застыв на местах. И вдруг каменщик, который все собирался закурить, тихо проговорил:

— Братцы, да ведь это...

Платон всматривался, не веря глазам. Того, плотного, что держал под руку прораба, он узнал сразу: это был частый гость строительства, первый секретарь краевого комитета партии. Но второй, чуть ниже, в своей обычной полувоенной фуражке и в этой куртке, такой же самой, как на всех портретах...

«Не может быть...» — подумал Гветадзе.

Но было уже ясно, что это — именно он. Вождь подходил к устью, внимательно осматривая мост. Он выглядел, пожалуй, старше, чем в рамке на стене клуба: но что-то необычайно знакомое, близкое показалось Платону в его походке, во всем облике, и он с изумлением спросил себя:

— Неужели я его вижу в первый раз?

В этот момент вождь, поздоровавшись, медленно прошел мимо них.

Каменщики дружно ответили, Платон был без шапки, он поклонился и покраснел. Строймастер стоял дальше всех. Он медленно поднимался с колен, не сводя глаз с подходивших. Он отряхнул штаны, вытер ладони о пиджак и вдруг, всей грудью выдохнув воздух, проговорил истово, громко и торжественно:

— Признал! С-под Царицына помню, как есть...

И, выпрямившись, сразу посуровев блеснувшим взглядом, по-воински взял под козырек.

— Здравствуй, тозарищ, — негромко сказал вождь, останавливаясь. Они коротко обменялись рукопожатием, так, как будто виделись каждый день. — Когда мост будет готов?

Строймастер крякнул. Он ждал какого угодно, но не этого вопроса, секунда ушла у него на размышление, другая — на выразительный взгляд в сторону каменщиков.

— Мы, значит, от Мостотреста, — ответил он, вспотев. — Наше дело — опоры, так они — вót. Готовы. Только малость...

— А дальше чье дело? — коротко улыбнувшись, спросил вождь. Он опять смотрел на быки, пристально и неторопливо, словно оценивая будущий мост.

— Дальше Стальмост будет работать, — сказал секретарь крайкома. — И фермы, и все верхнее строение.

Вождь молча смотрел. Оглянувшись, он увидел прораба — и оба они одновременно шагнули друг к другу.

— Скажите, товарищ. Тут, видимо, пройдет только одна колея?

— Да, одна.

— Стало быть, мост будет однопутный?

— Да, однопутный, — кашлянув, твердо сказал прораб и оглянулся. Платон понял, что он ждет не дожидается начальника участка, и ответил кивком на берег: автомобиль уже несся по изрытому шоссе.

Секретарь крайкома заговорил вполголоса, очевидно поясняя что-то. Платону видна была его широкая спина и

крутой затылок склоненной головы, и ему вдруг захотелось узнать, кем работал секретарь крайкома, когда был простым рабочим.

«Может быть, тоже строил мосты...» — подумал Платон о секретаре. Он подошел ближе, каменщики за ним. Только строймастер остался на месте, вытянувшись по-военному.

— Ты был в обороне Сталинграда, Савелий Ипатыч? — тихо спросил его Гветадзе.

— Царицын тогда был, — строго сказал строймастер.

В этот момент послышалось ясно и негромко:

— Вы делаете ошибку, товарищи.

Все смолкли вокруг.

— Вы делаете ошибку, — повторил вождь в тишине. Он посмотрел на секретаря крайкома, потом повернул голову к прорабу: — Однопутный мост на такой магистрали — это не мост, а препятствие. Через несколько лет у вас будут с каждого конца очереди из поездов.

Он замолк и опять обернулся к мосту. Тишина стала напряженной.

Слышно было, как внизу плескалась о камни вода, на подмостях у ближайшего быка перекликались рабочие. Все смотрели на прораба, и Платон с изумлением увидел, как изменился Тукин в лице. Жаркий румянец залил его щеки до самого лба. Сдвинув брови, он сверкнул взглядом на величественно-широкую пойму реки. Далеко к горизонту уходила она — раздольною полосой зелени между светло синеющими просторами неба и воды. Но только вверху простор оставался свободным: внизу — словно гигантский пояс — сковывали реку быки. Через все многоводное пространство растянувшись их каменный строй — тысячетонная громада серых колонн под командой худощавого юноши в стоптанных сапогах. И, как полководец, осмотревший армию перед боем, четко и громко ответил прораб:

— Однопутность моста не задержит грузопотоков. Здесь рассчитано все. Благодаря автоблокировке пропускная способность может быть очень поднята. Если понадобится, мост будет пропу-

скать до семидесяти пар поездов в сутки. А такой мощности грузопотоков магистраль по расчетам НКПС достигнет не раньше, чем через пятнадцать лет.

Сказав всё, он побледнел от волнения. Он видел, что машина начальника участка подехала к насыпи; но теперь помощь была уже не нужна. Все смотрели на прораба, как на героя, а он стоял, готовый отвечать и дальше, напряженно-спокойный, умный и худой. Вождь тоже мельком взглянул на него, и Гветадзе, стоявший сбоку, вздрогнул от зависти: молчаливое одобрение блеснуло в этом взгляде, как летучий отсвет на непроницаемом смуглом лице.

«Я построю такой же мост, — сказал себе Платон. — Я построю мост еще больше, чем такой».

— Пятнадцать лет... — спокойно, как бы раздумчиво повторил вождь. — Это много или мало?

Тон был полувопросительный. Пристальный взгляд вождя переходил с лица на лицо и остановился на каменщике, который собирался закурить. Взгляд вождя был серьезен, усмехались только морщинки у глаз и усы. От неожиданности каменщик тоже усмехнулся. Он мял крученку в пальцах. Тонкая бумажка разлезлась, и он не успел подставить руку: крупные крошки просыпались, на ладонь попала только махорочная пыль. Уши покраснели у парня с досады.

— Закуривай, товарищ, — шагнул к нему секретарь крайкома.

Каменщик взял из протянутой коробки папиросу и осторожно сунул ее в карман гимнастерки. Весь красный от смущения, он все-таки собрал с ладони остатки махорки и опять принялся тщательно закручивать и подклеивать языком, хотя крученка получалась теперь не толще спички.

А вождь уже снова отвернулся к мосту. Он стоял теперь в профиль к остальным и в раздумьи гладил чуть тронутые сединой усы.

С насыпи слышались быстрые шаги. Временный начальник мостового участка, заменявший больного Фаддея Дамиановича, парторг строительства, начальник технического отдела и другие — шесть или семь человек — торо-

пливо подходили к устью. Секретарь крайкома приветствием подозвал их.

— Почему табуку нет? — сухо сказал он парторгу, показывая на каменщика. Вождь поздоровался со всеми и стал внимательно слушать начальника, быстро и четко повторявшего то же самое, что сказал до него прораб. Слушая, вождь все так же внимательно и молча осматривал мост. Потом он оглядел всех и проговорил с расстановкой:

— Нельзя так строить. Нельзя теперь строить такой мост. Вы рассчитали на пятнадцать лет. А советская власть рассчитана не на пятнадцать лет. Нам надо строить мосты в два, в три, в четыре пути!

Через четверть часа на мосту остались опять только строймастер, каменщики и Платон. Долгоносый парень, смущенно почесывая в затылке, подошел к старику:

— Дела-то какая, Савелий Ипатыч... ради такого случая... — Он сплюнул в сторону, тряхнул головой и закончил решительно:

— Для такого случая накинуть бы расценочку-то. На совесть старались...

Тот, который все возился с цыгаркой, посмотрел на него исподлобья:

— Заткнись ты!.. шкура.

Чиркнув спичкой, он закурил и, не глядя на Савелия Ипатыча, тихо сказал:

— Переделаем, мастер, ладно...

Остальные молчали. Каменщик затянулся жадно, всей грудью, — раз, другой, — цыгарка сразу истаяла у него в пальцах до самых ногтей. Докурив, он поднял лом, всадил его в расщелину облицовки, поплевал на ладони и налег. Остальные молча смотрели. Трещина чуть раздалась. Человек крикнул и рванул лом, как рукоятку рычага. Кладка не поддавалась. Каменщик поднял молодое лицо. Потемневшее от прилива крови, оно казалось суровым и мрачным. Он усмехнулся виновато, и в это время внизу, у насыпи, запели вперекличку сирены отъезжающих автомобилей.

— Берись, ребята! — отрывисто скомандовал каменщик.

Все четверо, расхватав ломы, стали

по местам. Восемь рук налегли почти одновременно. Кладка треснула и сразу расселась по швам, обнажая во многих местах глубокие расщелины между камнями. И все стало ясно. Каменщики старались не смотреть друг другу в глаза. Платон стоял среди них, покачивая головой и неслышно прицокивая языком. Тени печали и изумления менялись на его лице.

Если бы человеческое зрение могло, как бинокль с обратной стороны, уменьшать видимое в сотни раз, облицовка устоя показалась бы зрителям морщинистой щекой старухи, у которой отняли пудру и косметический крем.

— Видал? — произнес строймастер, до сих пор молчавший с самого отъезда гостей. — А говорят: «на совесть работали!» — Он обращался к Платону, но слушали его все, только долгоносый шурился в сторону. — Видал, товарищ, какая наша совесть? Вот ты человек свежий, скажи по-честному — можно это за государственную работу считать?

Он чувствовал себя опять командиром. Он показал старшему, где и как надо переделать облицовку, и, уходя, приказал кратко:

— Завтра к обеду чтоб было. Комиссия придет.

— Ладно, Ипатыч, сделаем, — почтительно и хмуро ответил старший.

Люди работали быстро и молча. Они разворачивали камни яростно, как будто и камни были виноваты вместе с ними, с этими четырьмя людьми.

«Они докапываются до дна своей совести» — подумал Платон, уходя за строймастером. И ему стало легко, ясно и весело.

Внизу он встретил Тукина.

— Ой, и горячий ты человек! — сказал ему Платон на ходу. — Совсем кавказский человек! Ты лучше вперед смотри, расчет делай, спокойно работай, а?

Прораб смущенно посмотрел на него. И вдруг они засмеялись оба, всё сразу поняв.

«Василий!

Здравствуй, дорогой друг. Ты писал мне свое письмо три месяца, а я вот пишу тебе второе за два дня. Всё, что ты

переживаешь сейчас там, всё, что переживаем здесь мы, — всё сейчас ясно мне, как будто была ночь — и внезапно кончилась, и наступил день...

Из вчерашнего торопливого письма ты уже знаешь, кто был у нас здесь, на мосту, и какие слова он сказал. На этих словах наш временный начальник участка построил вчера весь свой доклад перед слетом ударников строительства, и это был не доклад, а прекрасная боевая речь, и ребята аплодировали ему и даже качали, хотя из-за этого опоздали на хороший делегатский ужин; я еще с обеда мечтал об этом ужине, но тут я плюнул на ужин и взошел последним на трибуну. Я ответил начальнику.

Я выразил ему одобрение от имени всей нашей партии, потому что не было никого из членов бюро ячейки, кроме меня. Мне хотелось оказать ему уважение за то, что он так чутко и мудро понял слова вождя.

Но только сегодня — вот утром, когда комиссия принимала от Мостотреста работы, — только сегодня я сам по-настоящему понял, что значат для нас эти слова. И когда понял, то пошел опять к начальнику участка и поругался с ним. Мне было очень грустно и совестно это делать, потому что этот инженер очень умный и образованный человек, вот, как Гесс; но именно поэтому я должен был с ним поругаться, а не ждать, когда он сам захочет ругаться со мной.

Дело вышло так.

Комиссия приняла работы, но сделала ряд замечаний, например насчет облицовки некоторых опор. Действительно, кое-что делали наспех, и всё из-за того, чтобы кончить непременно раньше срока, установленного правительством. И вот, когда комиссия написала в акте, что необходимы доделки, начальник стал очень обижаться. У него очень молодые и насмешливые глаза. Но тут они стали злыми, как и сам начальник. Он стучал кулаком по столу про первую пятилетку, а председатель комиссии сказал — всё равно надо доделать, чтобы было как следует. Тогда начальник закричал про темпы и про оборону СССР, а председатель опять сказал, что всё равно надо доделать. До этих пор всё

шло хорошо, потому что оба они были правы, и это было понятно для всех. Но тут попросил слова наш Тукин — он теперь прораб правого берега — и стал очень любезно напоминать начальнику участка про его вчерашнюю речь — как там хорошо было сказано насчет качества, которого должно хватить не на пять и не на пятнадцать лет, а всерьез и надолго.

Начальник посмотрел на него так, как будто прораб был глупый. А потом сказал совсем мягко и даже душевно, что качество — это значит освоение, а освоение — это главный лозунг второй пятилетки, и оно будет теперь вместо темпов, а мост начали еще в первую пятилетку, когда были темпы, и смешивать одно с другим нельзя.

Ты знаешь, дорогой Василий, что я вежливый человек. И я потому встал и быстро ушел с заседания, потому что если бы я остался еще пять минут, то я обижался бы на начальника при всех и испортил бы ему авторитет. А этого ему и так нехватает, особенно по сравнению с Рыбаковым. У нас тут теперь вообще больше похоже на дискуссионный технический клуб, чем на строительство моста — с той самой недели, как увезли в санаторий нашего Фаддея Даминовича, а на его место сел этот временный начальник.

Вечером я пришел к нему на квартиру; в первый раз и, как ты увидишь дальше, в последний. Его дочь играла на пианино, и это было так прекрасно, что мне захотелось отложить неприятный разговор. Она играла так, как играла однажды Анка, когда... она знает когда. О, как хорошо играла дочь этого инженера! Был ветер и дождь, в темноте за окнами шумела река и мост мигал фонарями. А в комнате было светло и пахло таким душистым и прохладным теплом, как у нас в Грузии, когда цветет магнолия. Отец сидел тут же, он совсем не удивился и только спросил меня, люблю ли я музыку, и я ответил, что да, если музыка помогает чувствовать жизнь. Тогда дочь засмеялась и сказала, что она сыграет мне про жизнь.

И вот запели далекие голоса, они застывали и нарастали, как будто ветер относил их в сторону, а пальцы ударяли по клавишам, как по окнам, чтоб раскрыть их навстречу тем голосам. Потом под пальцами заворчал гром, стало холодно и шумно, и я забыл про пианино и про все, что было в комнате. Между прочим, я должен сказать: я не знал до этого, что у нового начальника есть дочь. Голоса пропали совсем, я услышал в шуме ветер и волны, я встал у окна и понял, что она играет про мост. Огни на реке качались, дождь со свистом хлестал по стеклу. Во мраке нельзя было разглядеть быки: но я слышал, как ревела река вокруг них — все яростней и хлеще: мосту предстоял бой. Я сказал об этом начальнику — он приподнялся со стула и пересел на мягкий диван.

— Выстоит, — рассеянно сказал он, слушая музыку. — Свой срок отслужит, будьте покойны.

Он приглашал меня к спокойствию, этот человек! Он, который так торопился с этим мостом, который так сердился утром на комиссию, не оценившую его торопливости! И я решил не откладывать неприятного разговора.

«Вы враг и предатель, а не начальник. Вы произнесли красивую речь, ловко построенную на словах вождя, но на деле вы позорите эти слова, вы гнусно извоащаете их».

Так я подумал про начальника участка, Василий. А вслух я сказал ему так:

— Я не могу быть спокойным. Я видел, какую облицовку сделали каменщики на устье правого берега. Они тоже хотели успокоить мастера Савелия Ипатыча. Но Савелий Ипатыч не стал спокойным от их слов, и облицовку начали переделывать.

Так я говорил начальнику, Василий, а он слушал и улыбался. Да, он улыбался мне, он пристально смотрел мне в глаза молодыми насмешливыми глазами, а голова его покачивалась под музыку, и подошва тихонько выстукивала в такт голосам, которые запели опять под пальцами его дочери. Между прочим, я должен сказать, что она играла не так, как Анка, но все-таки очень хо-

рошо. Может быть, это казалось мне потому, что у нее очень красивые руки, такие же, как у Анки. Теперь голоса приближались. Они крепили, они звучали все громче и громче, хотя ветер шумел и волны грохотали в клавишах, как на Черном море грохочут они в феврале, у Пицундского мыса в Абхазии. Голоса пели громкую, грозную песню. Они пели стройно и грубо, гром ударял и раскатывался по клавишам, но и он не мог заглушить голосов. Начальник закрыл глаза. И тут я увидел, что он очень устал. Веки его были дряблы, и от этого лицо казалось немножко старым.

— Ах, товарищ Гветадзе, — протяжно сказал он веселым голосом. — Какой вы еще молодой!

И так как я начал молчать, то он открыл глаза и увидел, что я не понимаю его слов.

— Будьте покойны, товарищ Гветадзе, — повторил он, зевая. — Мост простоят ровно столько, сколько он может простоять, и ни часа меньше. Право же, вам не о чем беспокоиться.

Я посмотрел на него. Он был серьезен, но глаза, которые опять смотрели молодо и насмешливо, глаза смеялись надо мной. Я не сразу понял. А когда понял, то дальше уже нельзя было терпеть.

— Хорошо, — сказал я, вставая. — Благодарю вас, в самом деле мне не хватает спокойствия, и теперь я знаю, как его добыть.

Начальник тоже встал и погладил дочь по руке. Она играла теперь медленнее и тише, голоса опять уходили вдаль, ветра уже не было слышно в звуках, и волны прескались под ее пальцами, словно пригретые солнцем. Между прочим, я должен сказать, что у нее все-таки не такие руки, как у Анки. Она только умеет очень легко и плавно их поднимать.

Она оглянулась на отца, продолжая играть, потом посмотрела через плечо — или на меня, или на окно. Должно быть, я стал недостаточно вежливым человеком, Василий, потому что начальник явно заметил мое состояние.

— Как вы сказали? — переспросил он. — Ах, вы теперь знаете, как добывается спокойствие? Ну, вот и прекрасно, очень рад...

Я заметил, что его дочь перестала играть, и подошел к ней, чтобы поблагодарить и пожелать доброй ночи.

— Ну, вот я и сыграла вам про жизнь, — сказала она, подавая мне руку.

— Что ты играла? — спросил отец.

— «Бурю на Волге», — отвечала она.

Между прочим, я должен сказать, что у нее всё-таки не такая легкая и гибкая рука, как у Анки.

— Благодарю вас за игру, — сказал я, собираясь уходить. — Это прекрасная музыка, но мне кажется, что это всё-таки не жизнь.

Теперь, когда игра кончилась, стало еще слышней, как шумят за окнами дождь и река. И вот ветер ударил в окно, оно открылось, и дыхание бури ворвалось в комнату. Ветер смахнул скатерть со столика, поднял занавеску и сбросил ноты с пианино, и листок с надписью «Буря на Волге» слетел к моим сапогам. В комнате стало холодно и хорошо.

«Вот это жизнь!» — хотел я сказать, но в этот момент сильно ударил гром.

— Закройте окно, закройте окно! — вскрикнула дочь начальника.

Пока он старался это сделать, от ветра распахнулась дверь, и мы оба столкнулись у порога.

— Слушайте... что это? — быстро сказал начальник, оглядываясь на меня.

На мосту, заглушаемый дождем и рекой, звонил сигнальный колокол.

Я надел галоши, схватил плащ и стал искать фуражку.

— Вы думаете... это тревога? — шопотом спросил главный инженер.

Злоба и гнев охватили меня, Василий. Кроме того, я увидел, что фуражка моя свалилась от ветра за сундуки — в этой квартире вся передняя заставлена сундуками почти до потолка.

— Не беспокойтесь, — выговорил я, тщательно стараясь достать фуражку. — Может быть, это ветер.

— Да, да, это наверное ветер... — торопливо отозвался он. Я оглянулся. Он застыл на пороге, уцепившись за косяк, дождь мочил ему пиджак и лицо, бледное и напряженное.

Он волновался, Василий, он был испуган, этот человек, учивший меня спокойствию! Я достал наконец фуражку и вышел на дождь. Ветер повернул мне навстречу, и сейчас же стало отчетливо слышно, как громко и часто звонит колокол.

— Тревога! — прокричали двое из темноты, шлепая бегом мимо меня. Я кинулся к ним, и мы побежали втроем. Огни на реке плясали, как пьяные. Со всех переулков люди сбегались на берег. Ветер сшибал с ног, было темно и скользко, и многие падали в грязь. Когда мы добежали до моста, колокол звонил, как на пожаре. Люди с фонарями бегали у подошвы устоя, и вместе со звоном, заглушая их выкрики, редела река. Огромные волны били в круглую каменную стену, пена и брызги носились в полосах света, как дым. Человек без шапки ползал наверху, по краю устоя. Он заглядывал вниз, навстречу волнам, я узнал Савелия Ипатыча и понял всё. Втроем или вчетвером мы взобрались в обход по насыпи и добежали к нему, на ту самую площадку, где три дня тому назад стоял среди нас вождь. Маркел Ипатыч свешивался с устоя почти до пояса, словно готовясь броситься вниз. Фонарь на длинном шесте мотался у него в руках. Оглянувшись, он поднял к нам лицо, мокрое от брызг.

— Не успели... — забормотал он хрипло, хватая меня за колено. — Вниз... не успели... облицовку-то...

Я лег рядом с ним, вытянувшись вперед и вниз, насколько позволяло равновесие. И в качающемся свете фонаря я увидел цену инженерского спокойствия.

Река выворотила облицовку в нескольких местах. Четыре дыры зияли на месте камней, а над ними в kloкочущей пене и брызгах еще два или три нависли, вываливаясь, готовые исчезнуть в первой большой волне.

И тут, Василий, я потерял равновесие. Нет, я не упал вниз. Я помню: бе-

шеный гнев потряс меня, вырывая мою душу из тисков самообладания, как река вырвала те камни из стены устоя. Я вскочил, я напнулся к мастеру и прокричал ему в самое ухо:

— Мы покажем ему, Савелий! Мы научим его спокойствию!!

Савелий Ипатыч даже не оглянулся. Голова его затряслась, он махнул рукой и стал вытирать ладонью лицо, мокрое не только от воды, но и от слез. Он не понял меня. Но понял другой, подходивший к нам сзади с кучкой молчащих людей. Это был начальник участка. Я обернулся, и мне стало ясно по его лицу, что он слышал и понял меня. Он был бледен и угрюм. Он подошел ко мне вплотную и сказал прыгающими губами:

— Этого надо было ждать. При таких темпах возможно всё. Я так и сказал комиссии... И вижу теперь, что хорошо сделал...

— Мне вы сказали еще лучше,—выговорил я, сжимая в карманах кулаки. Он высоко поднял брови:

— Я? Вам?

Теперь я видел, что это — не только враг и предатель, но и трус.

— Да, — сказал я громко, чтобы слышали все, пришедшие с ним. — Вы сказали мне час тому назад, что мост простоят ровно столько, сколько он может простоять.

— Ах, это, — проговорил начальник, криво усмехаясь, и глаза его даже заблестели опять насмешливо и остро.— Ну что ж, я сказал вполне верно.

Он обрадовался, Василий! Он испугался было, не скажу ли я чего-нибудь большего, этот спокойный человек. Но и он не сумел в эту минуту понять, что сказано было уже в сё. И я помог ему — в последний раз.

— Мы тоже умеем говорить верно,— сказал я, глядя на него в упор.— Вы будете начальником мостового участка ровно столько, сколько вы можете им быть.

С этой минуты прошло семь часов, Василий. И сейчас, когда я пишу тебе, давно уже кончилась эта ночь, и облицовка заделана не только на устое, но и на быках, где тоже замечены поврежде-

ния. Работали все до одного, и в баракы пошли вместе с солнцем, а я вымыл руки и сел написать тебе, потому что спать все равно нельзя: через три часа все бюро ячейки вместе с парторгом должно быть в крайкоме. Секретарь крайкома ночью звонил на мост и потребовал от нас явиться на мост и с докладом о полном восстановлении, но и с проектом конкретных мер, чтобы в корне пресечь теперешнее положение. И я думаю, Василий, что первая мера ясна. Нужно отправить нашего временного начальника туда, где он сможет отучиться от своего спокойствия и научиться спокойствию нашему. Хорошо еще, что это случилось не позже. Ведь он только месяц заменяет Фаддея Дамиановича, а раньше был только его помощником. А Фаддея Дамиановича, хоть он и болен, надо как можно скорее вернуть на мост. Ну, пора ехать. Я кончаю письмо, Василий, пальцы мои затекли держать перо. Кажется, никогда в жизни не писал я так много за один раз. Нет, писал однажды. Это было лет двенадцать назад в школе, когда у нас нехватало книг и я переписывал на тетрадки «Детскую болезнь левизны». Я помню, очень обижался тогда, что Ленин такую паршивую для большевика болезнь назвал детской болезнью; ведь мне тоже было тогда всего шестнадцать лет. Между прочим это ровно столько, сколько сейчас Анке. Передай ей привет. Наверное, тебе надоело читать так много? Я, может быть, и в самом деле немножко потерял спокойствие, как говорит тот инженер. Но я вот о чем думаю: много ли у нас еще таких инженеров, как он? Не только на этом мосту, но на всем железнодорожном строительстве? И не только на железнодорожном, но по всему СССР? Много ли вообще таких людей, которые пять лет прятались за темпы и портили качество, а теперь собираются пять лет прятаться за качество и срывать темпы? Партия сказала: освоение. Но неужели еще не каждому ясно, Василий, что у нас — не просто качество и не просто темпы, а качество темпов и темпы качества! И не следует ли беспощадно

гнать, судить и карать всех, кто попытается исказить эту мысль, ясную, как солнечный день? И не похоже ли все происшедшее на то, о чем сейчас волнуешься ты и что творилось на моих и на твоих глазах там, на новостройке магистрали?

Да, Василий... Больше так работать нельзя. Другое время, другая жизнь началась в нашей стране!

Ответь мне на письмо.

Твой Платон.

Скажи Анке (не сейчас, а немножко потом), что я очень часто думаю о ней. Между прочим на днях мне делали экзамен на звание техника. Выдержал. Спасибо за это Красной армии, профессору Гессу и практике.

Так что я теперь квалификацию имею и даже награду получил. Знаешь, Василий, какая награда? Мировая награда. Завтра посылают отсюда краевую делегацию на всесоюзный съезд инженеров и техников. Три инженера, три техника, а седьмой — я. Сказали, что одного надо послать из самых молодых по стажу, полезно будет. Посмотрели — оказывается, я и есть самый молодой. Только жаль немножко, Василий, что по возрасту я должен бы уже быть не молодой техник, а молодежавый советский инженер. В Москве пробуду дней пять».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Фаддеем Дамианович Рыбаков, состоявший больным в санатории, на высоком лесном берегу великой реки, утром — тайно от всех докторов, неожиданно даже для самого себя — совершил оттуда побег. Он сбежал на случайном, привезшем другого больного, автомобиле, сбежал с внезапной решимостью и легкостью, какая подобала бы не отяжелевшему пожилому инженеру, а профессионалу-авантюристу из детективного киноромана.

Фаддеем Дамианович мчался назад, на мост, доверенный ему страной, он заставил шофера пролететь в полтора часа всё шоссе вдоль реки, мчался, а сам стискивал зубы при каждом толчке ма-

шины, чувствуя, что следовало бы все-таки сначала спроситься у врача.

Машина летела в гору, к зеленому, красивому городу, славному когда-то всероссийским, всепьянейшим ярмарочным торжищем, а еще раньше — спасением Москвы от польского королевича ради насаждения царей Романовых. Автомобиль мог, поднявшись в город, промчаться вниз к строительству моста через главные улицы, окунувшись в историческую славу города, как птица — в солнечные лучи; так всегда делали в этом краю старые шоферы — они всегда проезжали город центром, не забывая кивнуть иногороднему седоку на старый собор и дряхлеющий над рекой кремль. Но шофер, везший Фаддей Дамиановича, был парень молодой и, возможно, совсем не ценил отдаленной исторической славы. Он круто свернул под гору, и машина понеслась нижними набережными улицами, мимо острова, через который строился мост.

— Так короче? — прокричал на ухо шоферу Фаддей Дамианович. Поток ветра унес его слова. Шофер кивнул, видимо, не расслышав. Но когда автомобиль подлетел к конторе строительства, шофер вынул часы и, ухмыляясь, показал инженеру:

— Семьдесят километров — час двадцать минут... Вó машинка, товарищ начальник!

Чумазое лицо его блестело маслом и гордым, он любовно поглаживал всей пятерней руль автомобиля:

— Завод-то наш... Видали? От Форда люди приезжают — поглядеть!

Фаддей Дамианович посмотрел на него и понял. У этого горожанина было чем гордиться и без ярмарки, и без кремля. У него был лучший в стране автозавод.

На подъезде здания конторы Фаддей Дамианович нарочно задержался, чтобы отдышаться, и долго выслушивал приветствия, соболезнования и жалобы рабочих, десятников и мастеров, соазу обступивших его целой толпой. Осторожно расспросил насчет облицовки: оказалось, уже исправлена. Потом быстро и легко, как всегда, поднялся по лестнице, твердым шагом прошел через без-

людный еще коридор в кабинет, и, повернув в замке ключ, опустился на диван у двери. Ноги его дрожали, лоб холодел испариной. Где-то в нижней части живота заняла знакомая сосущая слабость.

Стало ясно: к вечеру или даже раньше опять начнутся боли.

Фаддей Дамианович зажмурился и вытер ладонью лоб.

«Только бы не теперь, не на службе» — подумал он тоскливо. И сразу ему показалось до нелепости диким и рискованным его решение вернуться сегодня на работу.

«... Конечно, никто и не ожидает. Еще спросят — зачем приехал... и вообще глупо может получиться. Подумают — напрашиваюсь, лезу на глаза, чтобы не забыли...»

Он поднялся с дивана и сел к столу, невидящим взглядом уставившись в разостланный под стеклянной доской график работ.

За этот месяц болезни странным образом изменилось его отношение к делу, к своей среде и прежде всего — к самому себе.

Всю жизнь сознавал и чувствовал он себя беспспорно полезным всему окружающему: государству, жене, родственникам, товарищам по работе. Революция не только не поколебала в нем этого прочного и глубокого ощущения, она еще усилила, расширила его внезапно открывшейся перед Фаддеем Дамиановичем ясностью общественных и личных отношений. Так, бывало, на изысканиях открывался в ясную погоду горизонт, неожиданно и гигантски расширяя поле зрения, и сразу становилось очевидным для всех преимущество какого-нибудь варианта в направлении трассы, который еще вчера отставивался только одним инженером Рыбаковым.

Фаддей Дамианович относился к своей профессии с глубоким, внутренним уважением; а так как ему было известно не хуже, чем другим, что инженер Фаддей Дамианович Рыбаков дело свое знает, то он, естественно, уважал и себя, и — когда это казалось ему полезным — охотно ставил себя в пример людям, не испытывая при этом ни смуще-

ния, ни гордости. При советской власти он делал это тем чаще, что сразу понял основной закон нарождающейся новой общественности: самосовершенствование, являвшееся в прежних условиях делом немногих выдающихся единиц, теперь приметно и быстро становилось делом многих. Он встречал теперь на каждом шагу людей, увлеченно и успешно работающих над собой, а самое главное и радостное было в том, что подавляющее большинство таких людей занималось этим делом явно не для себя одного; они охотно пользовались всяким случаем, чтобы на своем примере и опыте научить других, и тут же подчас перенимали у этих других что-нибудь еще неизвестное себе и обогащающее знаниями. Это очень понравилось Фаддею Дамиановичу. «В общем, молодцы ребята» — решил он, присматриваясь к большевикам, с которыми сталкивала его работа. Даже те из них, которые казались ему туповатыми и ленивыми «для настоящего дела», часто и совершенно неожиданно оказывались способными поднять на труднейшую и нужную работу больше массы людей и тут же, в этой работе, на ходу учились ей вместе с другими, изумительно ловко совмещая в себе роли руководителя и ученика.

«Век живи, век учись...» — лукаво пошучивал с такими сначала Фаддей Дамианович, еще не очень уверенный в том, что из всего этого выйдет.

Но нет, эти люди отнюдь не собирались умирать дураками. Двое-трое из обыкновенных комсомольских парней, попадавших ему на прежних стройках то старшими рабочими, то профработниками, встретились с ним за последние годы уже в качестве инженеров путей сообщения. Он затащил их к себе на участок, с любопытством и жадностью испытывал на работе, — и кончилось тем, что совместно с одним из них инженер Рыбаков оказался изобретателем. Обоих премировали; но лучшей премией была для Фаддея Дамиановича выросшая в нем веселая вера в силу человеческого взаимодействия. Совершенствование, становясь коллективным, превращалось во взаимоусовершен-

ствование. С того года Фаддей Дамианович в душе своей подал заявление о приеме в коммунистическую партию и, после строго-придирчивого обсуждения в той же душе, постановил: принять в члены без всяких кандидатов. Работать ему стало необычайно легко. Везде он чувствовал себя нужным, желаемым, своим.

Авторитет его рос, как здоровый ребенок, впервые выпущенный на деревенский воздух после комнатного городского воспитания. На строительстве сверхмагистрала Фаддей Дамианович спокойно и с удовольствием работал начальником участка, хотя знал, что опыта у него хватало бы и на большее.

Он твердо решил: никаких завистей, Гессу же надо помочь, чтобы не сорвался. И помогал, — незаметно для всех, — в частых дружеских беседах наедине консультируя, делясь опытом. Но роль «тайного советника» все-таки тяготила его. И когда началась консервация новостроящихся участков магистрала и Фаддею Дамиановичу неожиданно предложили перевод на стройку промадного моста, он спросил только:

— А его, может, тоже на консервацию замаринуют?

— Этот мост? Что вы, товарищ Рыбаков... Это же сверхударная стройка.

Фаддей Дамианович шевельнул усом:

— Слышал, слышал. Но бывает всякое, как видите. Вы мне вот что скажите — кто там будет начальником мостового участка?

— Да вы же и будете.

— А, ну тогда ничего, — сказал Фаддей Дамианович. И, уехав на мост, в два месяца вывел стройку из прорыва.

Так было до болезни.

Теперь же словно внезапно изменилось всё. Та проклятая трещина в центральном быке моста, — не с неё ли и началось это? Ведь он заболел еще задолго до той истории, но всё подсмеивался над болезнью, забывая по неделям о лекарствах и докторах, как и обо всем, что не имело прямого отношения к мосту.

Но треснул бык — и всё пошатнулось: вера в себя, вера в людей, ве-

ра в дело. Всё треснуло вместе с быком, и Фаддей Дамианович как-то сразу слёг в постель — и телом, и душой. Его увезли в клинику, потом в санаторий. Медленно поправляясь, он недоверчиво, с тайным страхом прислушивался к вестям со стройки. Бык был исправлен. Трещина оказалась неопасной, и самое нижнее звено ее специальная комиссия признала результатом недосмотра помощника Фаддея Дамиановича, того самого инженера, который занял его место с начала болезни. Но это не успокаивало. Фаддей Дамианович твердо держался того убеждения, что начальник участка отвечает за всё, и когда привезли ему в санаторий копию заключения комиссии, он скомкал бумажку в кулаке и сказал вяло:

— Эх, чего уж там... Виновника-то нашли, да его же и заместителем назначили. Знаю я эти китайские церемонии...

И, сославшись на самочувствие, торопливо проснулся с посетителями. Шаркая туфлями, шагал он обратно в палату через нарядный зал санатория.

«... Деликатничают — значит считают инвалидом... Фаддей, как же это, брат, а? Неужто точка?»

Трюмо в солнечном простенке остановило его. Под глазами — мешки, лицо желтое, и морщин до чорта прибавилось. Он совсем скверно — глаза... Где это он видел такие? Совсем недавно... А, у собаки. У собаки, которую переехал грузовик...

Он стоял перед зеркалом, в обвислом санаторном халате, небритый и сутулый, даже толстым уже не казался себе в этом жалком виде. Фу, слякоть, дьявольщина! Он, Фаддей Рыбаков, устарел? Не может этого быть! И боли прошли совсем. Доктор еще вчера говорил, что к концу месяца можно выписываться, а месяц кончается через десять дней...

Он запахнулся и круто повернул от зеркала. Довольно дурака валять! Быстро и твердо шел мимо белых дверей, словно по коридору управления строительства, рывком распахнул дверь в палату:

— Ну-с, товарищи, через день-два прощаемся. Дело ждет. Говорят — хватит отдыхать, загулялся!

Оба соседа по палате дремали — и ложь, неожиданная для самого Фаддея Дамиановича, оказалась напрасной. Но на третьи сутки пришло письмо, сообщавшее о приезде на мост вождя, а между прочим — и о происшествии с облицовкой; он ухватился за это, как за предлог к возвращению, и с рассветом уже трясся в автомобиле, стиснув зубы, упираясь в сиденье руками от толчков машины и все-таки ощущая в душе чуть ли не радость от этой новой аварии на мосту. И только когда из-за поворота блеснула река и шеренга мостовых быков вытянулась над широкой водной гладью на все шестнадцать пролетов, только тогда у Фаддея Дамиановича заняло внутри, и он почувствовал с тоской и отчаянием, что он — не строитель этого великолепного моста, а беглый санаторный больной, примчавшийся на посмешище и срам перед всей массой работающих здесь людей...

В дверь кабинета постучали. Фаддей Дамианович вздрогнул в кресле.

Словно очнувшись, он переходил от мыслей к действительности, провел ладонью по лбу, наткнулся взглядом на график под стеклом и сразу пришел в себя.

— Да! — громко и отрывисто, как всегда, отозвался он, и этот привычный командный тон собственного голоса мгновенно вернул его в атмосферу работы, еще миг назад бесконечно далекую. Вспомнив, что дверь заперта, он неторопливо встал из-за стола и пошел открыть.

«Наверное он» — подумалось про заместителя. Но мысль о том, что заместитель может удивиться этому неожиданному захвату кабинета, — который, в сущности, сейчас Фаддею Дамиановичу уже не принадлежит, — подобная мысль не пришла ему в голову. Фаддей Дамианович отпер дверь и, не глядя, пошел обратно к столу. Осторожные, мягкие шаги, совсем не похожие на шаги заместителя, проскрипели за ним, и, сев на место, он увидел перед собою

смуглое лицо и черную кавказскую рубаху.

— А-а, вон это кто! Здорово, дружок. Ты еще у нас, значит? Ну — как, не надоело?

— Извини нас, товарищ Рыбаков, — серьезно сказал Гветадзе. — Мы знаем, что ты еще нездоровый... Но на мосту опять немножко нехорошо. Надо вместе обсудить, и крайком поручил нам вызвать тебя хоть на...

— Меня? — Фаддей Дамианович приподнялся за столом. — Вызвать? Я... не понимаю. Я не получал никакого вызова. Я — просто так... просто услышал... и решил ехать...

Платон смотрел внимательно и молчал. Фаддей Дамианович растерянно шевельнул усами. Ладони его пристыли к стеклянной настольной доске.

— Слушай, товарищ Гветадзе... Ты говоришь — крайком вызвал?

— Да. Бюро нашей ячейки по поручению крайкома. Ты не волнуйся. Видишь, тут одно грязное дело... Заместитель твой написал заявление, в котором все свои ошибки оправдывает ссылками на твои распоряжения. Вот крайком и решил поговорить с тобой, телеграмма пошла только два часа назад. А сейчас, иду на работу, говорят — ты уже здесь. Я даже немножко удивился, как быстро дошла телеграмма...

— Я не получал никакой телеграммы.

— Теперь понятно, — подумал, посмотрел на насы. — Я хочу тебе немножко посоветовать, товарищ Рыбаков. Сегодня ты отдохни. Поезжай домой, немножко отдыхай до завтра. Дело в том, что секретарь крайкома примет нас вместе с тобой завтра в три часа. Я канэчно, как сейчас узнал, что ты уже здесь, я канэчно позвонил в крайком, чтобы там передали секретарю. Но, ты сам знаешь, у него все время занято. Сегодня — пуск нового цеха на автозаводе, а с утра — краевой съезд советов, и сейчас наверно идет заседание фракции.

— Ничего, ничего, — машинально проговорил Фаддей Дамианович. — Я понимаю... Подождем до завтра, ничего... — Он отсутствующим, напряженным взглядом смотрел на Платона, по-

том качнул головой, шибко потер ладонями щеки, словно умываясь, и коротким привычным жестом расправил усы:

— Ну-с, давайте работать. Вот что, браток... Когда пойдешь отсюда, пошли ко мне начальника производственного отдела.

— Его нет еще, товарищ Рыбаков.

— Ну, все равно, кого-нибудь из инженеров.

— Никого нет, — улыбаясь, сказал Гветадзе. — До занятий — еще сорок минут.

Фаддей Дамианович изумленно взглянул на часы. В самом деле, не было еще восьми.

— Фу, чорт, совсем обалдел... Ну, тогда надо на мост!..

Он позвонил в гараж и вызвал машину. Узнав его по голосу, старший шофер обрадованно загоготал в трубку, в телефон послышались восклицания, — и пока машина шла от гаража до управления, Фаддей Дамианович всё еще держал около уха трубку, гудевшую и трещающую поочередными приветствиями всех ребят из гаража и соседней ремонтной мастерской. Отвечая каждому, он сердито хмурил брови, дергал в смущеньи усы, а из-под усов неудержимо дрожала и расплывалась по желтому лицу растроганная и жалкая улыбка.

Гветадзе пристально посмотрел на него и на носках вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

Через десять минут Фаддей Дамианович уехал на мост.

Через сорок минут он вернулся оттуда.

Запыленный, в измазанных глиной сапогах, с засохшими шматками цемента и грязи на кителе и полотняной фуражке, он прямо с под'езда пошел по комнатам управления.

— Зашуршит теперь... — сказал шофер, выразительно глядя ему вслед.

Те, кто стояли поблизости, оглянулись проворно. Но начальник участка уже скрылся внутри. Он заглядывал во все кабинеты и общие комнаты, останавливался у инженерских столов, подзывал на ходу прорабов и строймастеров,

нагибался с чертежниками над полосами кальки — и ветер тревоги, словно принесенный им с реки, поднимался везде по его следам. Он ставил людям вопросы, коротко и отрывисто, молча слушал ответы и шел дальше, никому не говоря ничего. Люди переглядывались за его спиной — он не оглянулся ни разу. Слово закаменело за один час усатое круглое лицо: ни улыбки, ни слова, ни взгляда, по которому можно было бы что-нибудь прочесть. Так он прошел повсюду и широким, развалистым шагом вернулся к себе.

В кабинете развязно встретил его заместитель. Он сидел за столом Фаддея Дамиановича (других столов в комнате не было) и возбужденно разговаривал по телефону. Груда бумаг и чертежей загромождала теперь стол, который всего час назад оставил Фаддей Дамианович совершенно чистым. Увидев Фаддея Дамиановича, заместитель бросил трубку и с улыбочкой поднялся навстречу — не то радушный хозяин, не то завсегда-гость, привыкший к своему обращению с хозяином.

— А-а, болящий! Какими судьбами?! А я слышу — приехал, думаю — шутят, не может этого быть!

С раскинутыми руками он двинулся к Рыбакову, но тот уже стоял у стола. Обхватив толстую ладонь Фаддея Дамиановича, заместитель участливо спросил о здоровье. Фаддей Дамианович потемнел лицом и промывчал что-то невнятное, продолжая стоять. Заместитель заметил неладное. Он суетливо подвинул Рыбакову стул и сам придвинулся ближе:

— Да что с вами, Фаддей Дамианович? Вам нехорошо? Напрасно поехали на мост... там же все в порядке теперь, а вы утомились только...

— Закройте дверь, Аполлинарий Львович, — внятно сказал Рыбаков, уставив в лицо заместителю тяжелый взгляд. Тот прищурился понимающе и быстро пошел к двери. («Разговор по душам — тем лучше! Надо сразу отделаться от этой старой развалины. Вот принесла нелегкая...») Он плотно закрыл дверь и стал вертеть в скважине ключ, собираясь запереть ее.

— Закройте с той стороны, — так же спокойно и внятно сказал Рыбаков.

Заместитель повернулся, ошалело раскрыв золотозубый рот. Невероятный смысл этих трех слов, уничтожающий, как оплеуха, захватил ему дыханье. Он заморгал напряженно и часто, как будто подул от стола сильный ветер, юркое собачье выражение мелькнуло у него в глазах. Но начальник участка даже не смотрел на него. Тяжело опираясь на низкий и широкий, крытый красным сукном стол, Фаддей Дамианович неподвижно стоял вполоборота к двери. Проползла секунда. Щелкнул, как выстрел, замок — от обратного поворота ключом. И только тогда, когда дверь прошуршала и вновь закрылась, Фаддей Дамианович медленно, как во сне, опустил в кресло за столом.

... Кресло обито прекрасной кожей. Оно глубоко и покойно. Богат резьбой и массивен письменный стол, как саркофаг. Высоко и прочно стоит над рекой кабинет начальника мостового участка.

Эх, Фаддей, Фаддей Рыбаков! Сколько мостов, сколько дорог железных построил ты, сын прачки и каменотеса, за четверть века инженерных трудов своих! На тысячу лет хватило бы твоей матке воды, что промчится в один только миг под всеми этими мостами, и батька твой не переколол бы за всю свою долгую жизнь столько камня, сколько пошло на самый малый из тех мостов. Учатся тысячи строителей на опыте Фаддея Рыбакова, и знают его имя сотни лучших людей страны, от инженеров-краснознаменцев до десятника с сорокалетним стажем, от наркома до героев Турксиба.

Много принес ты пользы своему государству, Фаддей: не от праздности, не от лени поседел моржевые усы твои, и не от разгульной жизни облысела круглая голова. Так что же сидишь ты один в просторном своем кабинете, придавивши, как гиря, пружинное мягкое кресло, уткнувшись усами и лысым лбом в эдакий богатейший стол!

Видно, черный день пришел твоему инженерству; видно, горькою мукой тер-

заешься ты за единственный промах в выборе человека, и один только месяц бездействия грозит перечеркнуть без остатка все двадцать пять трудовых лет. Да, Фаддей... То — закон всех точных наук: достаточно одной ошибки в формуле — и прекрасный, сложнейший строительный проект рухнет, как здание, построенное на песке. Пусть ты знаешь, что трещина в быке не опасна: кто поверит тебе, что через год не осядут остальные, разламывая на куски весь мост? Пусть ты видел, что плоха только небольшая часть облицовки: кто поверит тебе, что новая буря не размоет ее везде? Да и сам ты — веришь ли сейчас в непоколебимый авторитет свой? Уж сегодня — за час, проведенный опять на мосту, — слышал ты и намёки, и прямые укоры в открытую, да и взгляды косые видел на каждом шагу. Ведь не крикнешь: «Не я!», не свалишь ответ на виновника: ты, Фаддей, — командир, стало быть, и ответ за тобой! И покроет тебя, как пеплом, чужой неумелостью, и забудут тебя и нарком, и десятник, и все. Только насыпи да мосты будут долго стоять, как памятники, — да уж очень далеко друг от друга расставил ты их...

... Трезво и резко прозвонил телефон. Фаддей Дамианович поднял голову.

— Да! Рыбаков слушает. Да, да, это я. Здорово, товарищ Курц. Что? Да нет же, здоров, как буйвол... Работаю опять, конечно... На мосту? Всё в порядке. Комиссия приняла работы, но есть некоторые недоделки... Передайте вашему директору, что Стальмост должен поторопиться! А через двадцать дней мы совсем очистим вам место. Да, да... Пока!

Медленно, с сожалением положил трубку: сухое её тепло согревало, как рукопожатие друга. «Вот Курц... этот верит мне. Кремневый парнишка, а наверняка и тридцати еще нет. Какие-то особенные они, эти бывшие чекисты. Легко работать с такими. Но Курц — один. А тут... Эта ящерица, Аполлинарий Львович, ясно, успел уже напустить туману и туда, и сюда. Сегодня на мосту даже Савелий Ипатьч встретил

молчком, а сколько лет вместе работали... Прорабчик рыжеволосый с правого берега — тоже всё в сторону смотрел. Эх, люди!.. Пока ведешь — готовы тебя вместо знамени таскать, а чуть хоть малость запнулся — и все от тебя врассыпную... Вот и Платон... Самый симпатичный мужик из всей молодежи. А сейчас — тоже: «Отдыхай немножко, товарищ Рыбаков». А сами вызвали. Крайком, видите ли, приказал... Знаем мы! У крайкома эдаких дел — на дню содня. Повезут завтра, как дурака, а там — разговор короткий: десять минут — доклад, по пяти — на прения, а постановление уж готово, и крякнуть не успеешь, Фаддей... Ну, нет, обождите, голубчики! Не на такого напали — не пойдет Фаддей Рыбаков козлом отпущения! Он поедет в Москву, весь Главжелдорстрой его знает, он до наркома дойдет, если на то пошло...

Сморщившись, выпрямился в кресле Фаддей Дамианович. Заныло, заныло, проклятое... Сунув ладонь под жилет, он с тоской прислушивался к боли, и по мере того, как утихала и вновь усиливалась боль, он всё морщился и понимал все яснее, что не поедет и не пойдет жаловаться никуда, как не ездил и не ходил никогда в жизни.

Кряхтя, он поднялся и пошел в уборную, и долго сидел там, прислушиваясь к себе.

... В коридоре прозвякали на обеденный перерыв. Шум и движение ожили за стенами — хлопанье дверей, голоса, смех, топот шагов и звон посуды в буфете. Подвигаясь по коридору, в последний раз звякнул звонок, и, словно откликаясь ему, заиграла перед самым окном уборной трехзвучная сирена автомобиля. Фаддей Дамианович настоужился. Эта сирена была единственной на весь город. Он услышал шуршащий разбег шин, заглянул, приподнявшись, в окно уборной и увидел, что не ошибся: лакированный синий линкольн, покачиваясь длинным кузовом и очевидно уже высадив привезенных, плавно поворачивал от подъезда. Блестящая стальная собака, вся вытянувшись в прыжке, кружилась на радиаторе машины, описывая от окна широкую дугу.

Фаддей Дамианович торопливо натягивал брюки. Толстое лицо его, покрасневшее от натуги, быстро бледнело.

«Сами приехали... Зачем? Плохо дело, Фаддей...»

Хищная собачья морда, сделав оборот, застыла вдруг и уставилась в окна. Так на охоте делает лягавая стойку, почуяв дичь. За окнами сидели инженеры и техники, некоторые из них поглядывали на автомобиль, другие сидели за чаем или работали, не замечая или делая вид, что не замечают ничего на улице. Собака застыла, вытянувшись. Солнечный луч зажегся ее блеском, Фаддей Дамианович, как зачарованный, смотрел в эту ослепительную точку, пальцы его быстро ловили пуговицы.

Шофер протрубил опять. И собака, послушная этому охотничьему призыву, мгновенно пришла в движение. Она повернула и устремилась вперед, словно не найдя ничего за окнами, в которые смотрела, пронеслась вдоль всего фасада здания и сразбегу застыла опять. Уборная помещалась в выступе здания: теперь автомобиль почти уперся в нее, и собачья морда вытягивалась прямо к окну, до половины замазанному известкой. Фаддей Дамианович наобум захлестнул пряжку брючного пояса, ткнулся к умывальнику и ринулся вон. Обеденный перерыв еще не кончился; но шум в коридоре и комнатах многозначительно и напряженно спал. Фаддей Дамианович быстро пошел к себе, на ходу вытирая платком влажные руки. В висках у него стучало, ноги казались чужими. Гветадзе с серьезным лицом показался ему навстречу и кивнул головой. Не понимая, Фаддей Дамианович всё-таки тоже кивнул головой и, подойдя, отворил дверь своего кабинета. Но Платон не вошел за ним.

На диване, против стола, сидел только один посетитель. Полувоенная рубашка обтягивала его широкую спину. Он сидел на диване, горбясь, напряженно согнув плотные плечи; но такая поза возникала не оттого, что на этих плечах лежала ответственность за весь огромный край, а оттого, что, согнувши

плечи, посетителю удобнее было смахивать кепкой пыль с новых, еще отливающих матовым глянцем, хромовых сапог. Увидев Фаддея Дамиановича, посетитель бросил кепку на диван и молча поднялся навстречу. Но начальник участка откланивался издали, вытирая руки. Тогда посетитель также молча прошел до двери и запер ее на ключ.

«Кончено» — сказал себе Рыбаков, увидев это. И знобкий холодок ожидания застыл в глубине его сердца ледяным, почти безразличным спокойствием.

«Так и надо. Вот только квартира как...»

Усилим воли он отогнал эту мысль: сейчас — наедине с таким человеком — мягкий мир личного, согретый уютным домашним теплом, казался безмерно и безнадежно отдаленным. Так от непривычного аэропассажира стремительно уносится земля, — своя, обжитая, милая, — и немисливо крикнуть летчику «погоди», и самая мысль о земле, кажется, исчезает мгновенно в стынувшем холоде пространства.

Они поздоровались среди комнаты.

— А у вас — температура, товарищ начальник, — сказал посетитель, задерживая в плотной руке холодную ладонь Фаддея Дамиановича. — Сядем сюда, что ли.

И он потянул Фаддея Дамиановича на диван.

Пятнадцать лет прожил инженер Рыбаков с советской властью — прожил так, как живут добродетельные мужья первый год с молодою женой. Подобно тому, как у них не возникает мысли отделять характер и ум женщины от телесных ее достоинств, так и Фаддей Дамианович полагал со всей искренностью, что советская власть — это и есть всё то, что называется коммунистической партией, раз везде и всюду встречал он у руководства большевиков. Секретарь краевого партийного комитета являлся в его представлении совершенно таким же начальством, как например председатель крайисполкома, с тою лишь разницей, что последний был эдак на полчина пониже, вроде прежнего вице-губернатора. И когда приходилось ему слышать в речах или читать в газетах часто повто-

ряемые рядом два слова «партия и правительство», то всегда сливались для него эти слова в единое представление монолитной силы, аккумулирующей в себе всю возможную в сознательном человеческом обществе власть.

И вот сейчас, в первый раз в жизни, оказался он глаз-на-глаз с этой силой; и не смущенье, не робость обняли его, но какая-то необычайная, тревожная раздвоенность. Он почувствовал смутно, что находится как бы в двух плоскостях, в двух атмосферах одной природы, но совершенно разного давления.

«Разве он, беспартийный специалист, ответственен перед партией?»

Это было до странности похоже на ощущения, которые испытывал он когда-то, попавши на кессонные работы. Сразу иное, чем на поверхности земли, и всё больше растущее атмосферное давление, спокойно и сознательно принимаемое на себя человеком ради завоевания прочнейшей, надежнейшей глубины, — оно тоже ведь казалось сначала ненужно тягостным, лишним, раз можно было работать по-обычному, не обременяя повышенными требованиями ни сердца, ни кровеносной системы. Но, едва постигнув природу кессонной работы, ее суровые законы и упорный будничнейший героизм, человек навсегда отказывался от обычного; трудности ускоряли победу, победа рождала гордость — и вот уже привычно становилось сердцу кессонщика работать так, как не работает ни одно человеческое сердце на земле...

Сейчас на диване перед Фаддеем Дамиановичем сидел человек с простоватыми чертами лица, уже немолодой. Гимнастерка, подхваченная военным ремнем, и тщательное бритье делали его молодым; но теперь, вблизи, Фаддею Дамиановичу ясно видна была и сетка морщинок у глаз, и серебристый отблеск подстриженных к вискам волос. Глаза были спокойные, ленивые, под густыми, словцо запыленными, ресницами. На минутку показалось даже, что всё — пустяки. Просто ехал человек мимо, завернул поговорить — и устал, видно, тоже здорово.

«Может, чаю бы...»

Посетитель вздохнул и, нагнувшись вперед, уперся локтями в колени.

— Вот чего... Как же дела-то, а? — проговорил он раздумчиво, словно продолжая начатый уже разговор.

И сразу стала очевидна неотвратимая ясность положения. Короткими, сухими фразами начальник участка стал излагать состояние работ на мосту; но самому ему уже было до конца понятно то главное, что заставило его так заволноваться при виде синего линкольна.

Ни по каким советским законам нельзя было бы обвинить именно его, Фаддея Рыбакова, за всё случившееся на мосту; но человек, которому отвечал он сейчас, человек этот спрашивал не от имени закона. Он спрашивал от имени того, что Фаддей Дамианович всю жизнь называл «честью», «долгом», «внутренним голосом совести» и что сам этот человек не называл никакими специальными словами. Здесь, в мире этих понятий, вила измерялась не статьями законов, — и такую вину Фаддей Дамианович внезапно и ясно ощутил за собой. И оттого, что язык его всё еще выговаривал четкие и сухие слова об отданных в разное время приказах и инструкциях, о том, какие дальнейшие меры он принял бы, если бы не заболел и не оставил дела заместителю, и о том, кем и как был утверждён этот заместитель, — от всех этих слов не только не исчезало, но, наоборот, все яснее становилось сознание собственной виновности, не формальной, а той, другой.

Человек в гимнастерке молча слушал, опершись локтями на колени и внимательно разглядывая свои великолепные сапоги. Изредка он поднимал на инжнера спокойные, ленивые глаза, и тогда Фаддей Дамианович ясно и безошибочно читал в этом взгляде вопрос, освещающий совершенно с иной стороны только-что доложенные им факты и обстоятельства.

«А проверял ли ты, как выполнялись твои инструкции и показы?»

«А не виноват ли и сам ты в том, что так не вовремя заболел?»

«А оспаривал ли ты кандидатуру заместителя, если знал его качества лучше других?..»

«А если ты не сделал всего этого, то можешь ли ты считать в душе, что оправдал наше доверие?..»

Фаддей Дамианович кончил и смолк. Он дышал тяжело, маскируя это покашливанием. Он сидел на овету, находясь между окном и посетителем, и тому видно было, как увлажнился мельчайшим бисером испарины круглый инженерский лоб.

— А вы всё чего... Здорово больны вы, Фаддей Демьяныч, — тихо сказал посетитель. — Вам — сколько? Пятьдесят? Рано, рано... Полечиться надо с полгодика, а то вовсе свернуться недолго.

«Снимают» — понял Фаддей Дамианович, холодея. Этот тихий, участливый тон и неожиданное величание по имени-отчеству... Он поднял стынущий взгляд на посетителя, а тот смотрел все так же внимательно и говорил медленно, как бы соображая:

— Вам — в клинику... А потом — на курорт. Пойди, лет пять отпуском не пользуетесь?

— Семь, — деревянным голосом сказал инженер.

— То-то и есть. Мало не половину советской жизни, выходит, не отдыхал человек. Оттого и здоровье потерял, дело ясно.

— Я здоров, — тем же голосом проговорил Фаддей Дамианович. Он смотрел теперь, не отрываясь, в лицо посетителю. Так смотрит осужденный, выслушав приговор и всё ещё надеясь необъяснимо, что сказано не всё, что какое-то последнее слово вдруг повернет и изменит весь смысл произнесенного, как в тяжелом сновидении.

Но надежда исчезла мгновенно.

Пыльно-светлые ресницы дрогнули нетерпеливо и поднялись: стало видно, что ленивый, медленный взгляд вовсе не ленив, а упорен и тверд.

— Чего там здоров. Ты вот чего... ты не кобенясь, Фаддей Демьяныч. Мы тут в крайкоме поговорили с вашими ребятами. С ячейкой. Так тебе президиум исполкома лечение устроит... На полго-

да. В любое место, куда доктора укажут. Одним словом, всё сделаем, об этом не думай. И пока не поправишься в полном масштабе, до тех пор, чтобы никто там в вашем наркомате тебя не трогал и по стройкам не таскал. За этим тоже... последим. Так людей портить нельзя.

Фаддей Дамианович качнулся на диване — подаглиявая пружинная мягкость обманчиво поддержала его. Удерживая равновесие, он уперся кулаком в сиденье:

«Что ж это... совсем конец?..»

За последние годы «отставка вчистую» мерещилась ему иногда — как смерть. И всегда он внутренне отказывался даже думать о ней — именно так, как здоровый человеческий организм физиологически отказывается воображать свою смерть. Во время болезни он, правда, вспоминал о ней чаще, даже обдумывал быговые детали жизни на пенсию... но чтобы вот теперь, сейчас...

Он выпрямился, как от толчка. Желтый румянец оскорбления разливался по толстым щекам, обвисшие моржевые усы шевельнулись, топорщась, готовя ответ.

«Н-ну... это еще посмотрим!» — сверкнуло в мозгу.

Грузно качнулся он вперед, крикнул, вставая, но не встал. Тяжелая ладонь легла ему на колено:

— Только уж ты... Всё чего, Фаддей Демьяныч... Ты сейчас с хворать погеди. Ты нам сначала подходи к мосту дострой... понял? Без тебя это дело, факт, затянется, а нам так нельзя. Мы тебя знаем. И ребята твои говорят — с Рыбаковым в срок закончим, кровь из носу. А ежели опять заместителей этих подбирать, так пока подберешь... Поднагуешься уж как-нибудь, а?

Фаддей Дамианович закаменел на месте. Сердце толкнулось в нём, словно сразбегу ударившись в ожиревшую пухлую грудь. Он открыл рот и опять закрыл, не выговорив ни слова. Мир стремительно раскрывался, ясняя. Опять заблестели в нем бесконечные рельсы, длинные огни мостов, уходящие в будущее, к людям, к работе... Мелькнуло озабоченное лицо Гветадзе, — ох, и хи-

трюга этот Платон! Ну и ну... замечательный же ты парень после всего этого, скромница ты кахетинская!

У Фаддея Дамиановича запершило в горле. Он покряхтел деловито и шумно, прочищая голос. И, словно угадывая его мысли, собеседник наклонился и сказал тихо:

— А неполадки эти... Ты об них подумай по-новому. Слышал, чай, кто у нас в гостях-то без тебя тут был? Ну, вот... Он, брат, далеко смотрит. И нам с тобой — тоже велит далеко смотреть... Подумаешь?

Оба поднялись разом, продолжая смотреть друг другу в глаза.

— Ладно... — срывающимся, светлым голосом произнес инженер. И тут заиграл под окном трехзвучный призыв под'езжающего линкольна.

— Ну, пока, — сказал секретарь крайкома, глянув на часы. Сам не зная, почему, Фаддей Дамианович первый протянул руку, и секретарь осторожно потряс ее в своей широкой ладони.

Потом он ушел, отскрипывая шаги глянцевиными легкими сапогами. Потом опять затрубил автомобиль, прошуршали по мостовой шины. Фаддей Дамианович все стоял перед диваном. Было так тихо, что он слышал свое дыхание. И когда в коридоре послышались шаги и он сообразил, что сейчас надо будет говорить какие-нибудь слова, в горле запершило опять. Фаддей Дамианович закашлялся. Он повернулся и шагнул по кабинету, вытаскивая носовой платок. Но уйти было некуда. Мягкая поступь остановилась в коридоре. Осторожно приоткрыв дверь, Платон Гветадзе заглянул в кабинет. Начальник участка стоял к нему спиной, трубно сморкаясь и откашливаясь в платок. Он смотрел в окно, за которым играла отдаленно трехзвучная сирена линкольна.

Гветадзе вошел в зал, когда заседание с'езда уже началось.

Зал был полон делегатами. Люди стояли вдоль стен, сидели на подоконниках, теснились в проходах меж рядами

кресел и у самой эстрады президиума. Свинцовый осенний день еле брезжил за окнами, высокие люстры в зале изливали бледный, рассеянный свет. Гветадзе с трудом протиснулся от входа, но плотная масса напряженно слушающих людей не пускала его дальше стены.

— Кто говорит? — с любопытством спросил он высокого старика в рыжей блузе, и несколько человек сразу изумленно оглянулись на Платона. Старик покосился через плечо и, не отвечая, продолжал слушать. Он даже поднял руку, подставляя ее к уху щитком. Гветадзе воспользовался этим, чтобы взглянуть из-под руки старика на ораторскую трибуну.

— А-а!.. — тихо вырвалось у него.

На трибуне, обернув в сторону Гветадзе усталое желтоватое лицо, стоял председатель всесоюзного Совнаркома. Верхние лампы сцены освещали его выпуклый лоб и гладкие волосы. Он говорил внятно, отчетливо и даже чересчур старательно разделяя фразы. Спокойно, как в беседе с друзьями, поблескивали стеклышки пенсне. Тысяча людей слушала в безмолвии — с тех пор, как Гветадзе был в зале, ни разу не прерывали речь ни аплодисменты, ни восклицания. Вслушавшись, Гветадзе понял: предсовнаркома говорил о трудностях технического перевооружения страны.

Завершая мысль или подчеркивая ее примером, он слегка наклонялся вперед, к ближайшим рядам, словно получая у них подтверждение сказанному. Поднимая новый вопрос, он делал рукой легкий приглашающий жест и поднимал голову. Он обращал к залу суровую правду осложняющейся борьбы, острые мысли и слова, полные мудрого политического бесстрашия. Это был совет правительства с командирами науки и техники, и сердце Гветадзе дрогнуло от гордости: так могла говорить со своими специалистами только одна эта власть. Вытянув шею, он поднялся на носках и оглядел зал.

Людьми самых разных возрастов полны были ряды. Совсем близко от Гветадзе сидели рядом пожилой седоватый

толстяк и загорелый юноша с тонким еврейским лицом. Гветадзе узнал обоих: это были начальник отважной изыскательской экспедиции по проектировке рекордной на весь мир горной перевальной магистрали и его молодой помощник. Оба слушали, не отрываясь, тесно касаясь друг друга плечами и локтями, точно отец и сын, пришедшие вместе на любимую пьесу в театр. За этими двумя людьми уже полгода следили все путевцы страны. Засмотревшись на них, Гветадзе вдруг услышал, как предсовнаркома повысил голос:

— ... мы уже фактами сумели доказать, что в области техники для наших научных и инженерно-технических сил теперь нет такой задачи, трудностей которой мы не могли бы сломить и преодолеть...

Аплодисменты прокатились по залу. Гветадзе увидел, как оба изыскателя выпрямились на стульях. Юноша громко захлопал в ладоши, толстяк тоже ударил раз-два и застыл, прислушиваясь. Предсовнаркома поднял голову:

— Мы признательны заграничным специалистам, добросовестно работающим на наших предприятиях и на новостройках. Мы от этой помощи не отказываемся и впредь...

Он слегка наклонился к первым рядам. В зале молчали. Гветадзе смотрел на широкий выпуклый лоб оратора. Он вспомнил Иоганна Лемке.

— Помимо всего прочего, — сказал предсовнаркома, опять повышая голос, — это вполне соответствует нашим интернационалистским принципам.

Зал настороженно молчал. Ветер ожидания, — показалось Гветадзе, — прошел по рядам, предсовнаркома поднял глаза в зал, и стекла пенсне блеснули значительно:

— Но, как интернационалисты, мы выражаем также уверенность в том, что придет время, когда рабочие и трудящиеся других стран плодотворно будут пользоваться и нашим опытом (Платон широко вздохнул и с заблестевшим взглядом оглянулся назад) и используют наш, советский опыт не только в области техники, но и в деле социального переустройства...

Рукоплескания прохнули, как прибой в бурю. На минуту голос предсовнаркома утонул в нем.

Инженеры советской страны яростно аплодировали главе своего правительства, утверждавшему с их трибуны завтрашний день революции. Гветадзе бил в ладоши, нахмутив брови, бледный от восторга: ведь это была его мысль, его заветные юношеские мечты с первых, еще комсомольских дней партийной работы! Он бил в ладоши, глядя недвижно и прямо перед собой, бил все сильнее и громче, его ладони горели, деревянее, — да здравствует советская Германия, геноссе Лемке! — и, оглянувшись, видел радостно, что и седой начальник горной экспедиции, и курчавый юноша так же яростно рукоплещут его заветной комсомольской мечте...

Предсовнаркома поднял руку, поправляя пенсне. Зал медленно стихал. Сотни рук, всплескиваясь в последний раз, ныряли в темное море рядов. Тогда предсовнаркома заговорил, всё так же вятно и четко отделяя слова:

— Теперь же, отдавая должное иностранным специалистам и отнюдь не впадая в противоречие с принципами интернационализма, мы можем сказать, что то, что создано в Союзе советских республик, что растет и крепнет на пользу всех трудящихся и на страх их врагам, есть дело наших советских рабочих, техников и инженеров...

— Ур-ра-а! — закричал с другими Гветадзе, — и не услышал своего голоса. Теперь рукоплескал весь съезд. Гул поднялся над залом, ударяя, как волны, в высокие темные окна. Командиры заводов, домен, шахт, герои Магнитогорска, Турксиба и Донбасса, строители Днепростроя и Сталинградского тракторного откликались горячими сердцами тружеников на суровую благодарность страны. И Платон Гветадзе, смуглолицый молодой техник и парторг железнодорожной постройки, в выгоревшей черной рубаше и сношенных кавказских сапогах, влюбленный в шестнадцатилетнюю девушку и в будущее своей громадной, такой же юной родины, похолодел от восторга и гордости за этих необыкновенных людей.

Он не построил ни одной турбины, ни одного паровоза, он не задул ни одной домны, не собрал ни одного трактора; ни чугуна, ни рельсовой стали, ни драгоценной нефти, ни даже бурого угля не добывал он своему рабочему государству; он не умел держать в руках не только пневматического сверла или рычагов экскаватора, но даже простого шахтерского кайла; он не знал, что такое блюминг или стоккер, он строил первую в своей короткой жизни железную дорогу и все-таки радостно чувствовал себя среди тех, кого прославлял сейчас с трибуны неулыбчивый человек с выпуклым лбом. В эту минуту Платон понял, за что рукоплескал этому человеку всесоюзный инженерно-технический съезд: люди приняли от первого из соратников своего вождя высшую награду — право гордиться и любоваться своим трудом.

Комсостав металлургов Урала и Юга, отливающих из лучшей стали гигантский фундамент социализма, прикаспийских нефтяников и донецких шахтеров, неустанно поддерживающих творческое пламя в стране, машиностроителей Москвы, Ленинграда и Харькова, гордых растущей независимостью пролетарской техники, бесчисленных путейцев, связывающих воедино всю эту новую кипучую жизнь, через горы и степи, через реки и сквозь тайгу, покрывающие стальными дорогами необозримые пространства республик и областей, — всех этих командиров новой технической цивилизации понимал и чувствовал сейчас Платон, как самого себя.

«Да, да! Мы создали все это, и никто до нас не мог этого создать! — все жарче и громче пело в нем. — Слава нам, строителям жизни, слава большевикам, освободившим труд!»

А съезд неистовствовал. Делегаты

волнами вставали с мест, протягивая вперед плещущие руки. Люди оглядывались кругом, счастливо блестя глазами, опирались на плечи незнакомых, в упоении не переставая рукоплескать...

Предсовнаркома отпил глоток воды и нетерпеливо обвел взглядом съезд. Тогда, в стихающем возбуждении зала, Гветадзе услышал позади себя знакомый хриповатый басок:

— Выходит, и мы кой-чего стоим, товарищ Платон!..

Гветадзе оглянулся:

— О... ты как тут?

— Вызвали...

Фаддей Дамианович Рыбаков стоял рядом, раздвывая улыбкой моржевые свои усы. Он весь лучился торжеством: сияли морщинки у глаз и на щеках, сиял вспотевший лоб, сияли глаза — зоркие глаза старого инженера, увидевшего (может быть, первый раз в жизни так близко и ясно) цель и смысла своей тридцатилетней работы.

— Вызвали с докладом...

— Фаддей Демьяныч, — тихо сказал Гветадзе, — скажи... ну скажи, дорогой, пожалуйста... Ну как же можно в такой стране, в такое время... ведь смотри, что делается, а мы одни отстаем!

Глаза его сверкали.

Инженер Рыбаков крепко и весело потряс его за плечи:

— Догоним, Платон!! А ты-то про себя... слышал? — поговорил оч, хитровато оглядывая Платона. — И тебя вызывают.

— Меня? Куда?

— А кто их знает...

Фаддей Дамианович сощурился еще хитрей. Он только-что — час назад — узнал, что Платона Гветадзе отзывают обратно, на стройку магистрали, начальником участкового политотдела.

Конец первой книги

Последнее письмо

ВАСИЛИЙ КАЗИН

Вот уж отдан толков тьмой
Долг людскому празднословью,
Что давным-давно с тобой
Мы покончили с любовью.

Что давно хмельной прибой
Мной иной любви изведан,
Что давно я стал другой
Всей теплыню сердца предан.

Что давно в Донском краю,
Звездным орденом взлученный,
Холит молодость твою,
Твой супруг краснознаменный.

Вот уж в возрасте моем,
Полный слез, прожжен тоскою,
Пылкий пыток пестрый гром
Уступил всерьез покою.

Корью грез не горячусь.
Долгих лет слепая сила
Весь накал вскипавших чувств
Тихо-тихо остудила.

Даже, зависти родня,
Наших душ лихая древность,
Глупой яростью огня
Улеглась, потухла ревность.

Лишь не выбьешь из крови,
Как ты, сил моих громила,
Вьмогательством любви —
Злым соблазном жизнь сразила.

Как мой взор казнила ты,
Обольстив самой боязнью,
Искушенной красоты
Искусительно казнию.

Словно выходцы темниц
Иль ночных стихий потомки,
Преодо мной твоих ресниц
Плыли длинные потемки.

Плыл прекрасный облик твой —
И, как в пламенной напасти,
Я шатался, сам не свой,
В пьяном обмороке страсти.

Ты сулила каждый раз
Кровный дар мужского счастья,
Дивной тенью властных глаз
Мир и жизнь мне сладко застя.

Взглядом праздного слепца
Я взирал, как, жарче жажды,
Так и рвался к нам в сердца
Жар гражданской тяжкой тяжбы.

Как в беспамятстве страна
Смрадно маялась пред нами,
Как шарахалась она,
Вся гремя, шумя фронтами.

Как, скликая города,
Города, поля и гати,
Напрягалась рать труда,
Отражая вражьи рати.

За отрядом шел отряд,
Шел, сурово морща брови,
Мой слепой и праздный взгляд
Окропляя злобой крови.

Сквозь шелков твоих трезвон
Плыл полотнами ненастья
Шорох молний от знамен
С кличем солнечного счастья.

С кличем, с лозунгом борьбы,
Чтоб, циклона непокорней,
С кровью вырвали рабы
Гнета горестные корни.

Чтоб, покончив навсегда
С миром хищности надменной,
Стали мытари труда
Властелинами вселенной.

Кликал клич великих дней,
Чтоб ты, вклинив миг просвета,
Взмыла в совести моей
Всполох отклика поэта.

Но, к величию дней глуха,
Безответна, как могила,
Ты мне грозного стиха
Громкий голос надломила.

Силой женских чар твоих,
Лишь взмучив мне счастья крохи,
Ты заставила мой стих
Стыть отверженцем эпохи.

В рабство песен красоты
Светлый дар мой крепко ввергла —
И, предательница, ты,
Ты навек меня отвергла.

Разгромив любви мечты
С дикой страстью святотатства,
Взвидя призрак нищеты,
Ты ушла в мечтах богатства.

Что тебе была мечта
Сердца бедного поэта,
Если плоть не так сыта,
Если плоть не так согрета.

Если в полном теплых слов
Восхищенных глаз налете
Звонкой роскошью шелков
Не блистает роскошь плоти!

После долго я не мог
Ухватить сквозь одурь бреда,
Что уж, в копоти тревог,
В тыл страны пришла победа.

Приосанилась страна
И суровый грохот фронта
Смыла, сшибла, как волна,
Бодрым грохотом ремонта.

И не помню тот я год,
Как пошла она впервые
В пятилетний свой поход
В грезах мощи индустрии.

И вот каждый погляди,
И любой удостоверься,
Как в ее большой груди
Бьется гром стального сердца.

Как в чертах ее лица,
С тьмой забот, с умом дерзанья,
Так и бродит без конца
Отблеск вольного сиянья.

Отблеск радости труда,
Отблеск близкого участия
В наши страдные года
Силы солнечного счастья.

Отблеск мира красоты,
Отблеск, мнится мне, такой уж,
От которого и ты
Лица тьмы своей не скроешь.

Как ты лаской ни шурши
В пышном шике петушином,
Хищной хитрости души
Не прикроешь креп-де-шином,

Не прикроешь никаким
Даже золотом и солнца,
Даже орденом самим
Твоего краснознаменца.

В темном мороке, влюблен,
Он, быть может, тоже тонет,
Но, опомнившись, и он
Звон шелков твоих прогонит.

Хоть ты мной пренебрегла,
Раскрошив мне мощь напева,
Но любовь мне сберегла
Этот крепкий голос гнева:

— Отметись ты, скройся прочь,
Сгинь ты, роскошью блистая,
Мира гибнущего дочь
И сообщница пустая.

Не морочь и не порочь,
О, прогнивших сил комета,
О, ресниц лихая ночь, —
Счастья нашего рассвета!

Борису Пастернаку

ВАСИЛИЙ КАЗИН

Так уж повелось вот,
Что вот, как уроки,
Как собрат по слову,
Уж который раз,
Я вбираю эти
Звончатые строки
В этот плавный поиск
Восхищенных глаз.

Я люблю твой говор,
Пламенно-неясный,
Сладостней соблазна
Тайного греха,
Празднества метафор
Путаник прекрасный,
Камерный метатель
Шикарного стиха.

Но душа, как видно,
Липовая чтица,
Если вот довольна,
Что вот, пылом мил,
К ней в глубины чувства
Искристо стучится
Искренностью мыслью
И квартирой мир.

Вот потом, взрывая
Образов осаду,
С бодростью — сознанья
Простужает власть
И разносит с кровью
Острую досаду,
Затемняя строчек
Звончатую сласть.

И встает, теснится,
Дышит над плечами
С обликом заботы,
Радости полна,

Созидая днями,
Днями и ночами
Мир людского счастья,
Славная страна.

И как будто спешным
Крохотным досугом
Вырвавшись, грохочет,
Тормозит: «Борис,
Отзовись, откликнись,
Будь же лучшим другом,
К нам в ряды поближе
С песней становись.

Вынянченый в чинном,
Беззаботном быте,
Потаенный дух свой
Взвихри, всколыхни.
Слышишь, как обвалами
Неслыханных событий
Прямо в душу рушатся,
Толкают душу дни.

Что ж, никак там заново
Одрючить хочешь
Искрящихся вымыслов
Старый самовар,
В яркой неразборчивости
Образы морочишь,
Сковывая домом
Свой высокий дар.

С этим даром каждый
На твоём бы месте
Солнца симфоний
В мир наш загремел.
Ты же все боишься,
Церемониймейстер
Творческой идеи
И советских дел».

Хибиногорский дневник

С. СПАССКИЙ

1. ПРИЕЗД

Здесь бы жить!
Жужжит дрезина звонко.
Снег изрезан солнцем.
Грозный хор
Гор истертых.
Ветер, будто пленка,
На лице.
Просторов разговор.
Елей стреловидных поселенья.
Под сугробами кружится вода, —
Речки спрятанной сердцебиенье, —
Озера промерзлая звезда.

Домики уронены по склонам.
Здесь бы жить —
в бревенчатом гнезде,
Радоваться отблескам зеленым
Неба, подступившего везде,
И дробить —
всей правдой, сжатой в теле,
Толщу вьюг
И рвать ветров ковры
С теми,
кто подвесить захотели
Город,
как фонарь,
на край горы.
И, следя ущелий уползанья,
Слушая полярной ночи тьму,
Новые напечатлеть названья,
Камням,
Влагам,
Впадинам —
Всему.
Но сейчас...
Прохладою по коже

Ветер гладит.
Солнце.
Плиты льда.
Чистый день,
На молодость похожий...
Я не раз еще вернусь сюда.

2. ТИЕТТА ¹⁾

Я в кровь набираю дыхание
Всей жадностью легких моих.
И все, что под знаменем знания,
Мне ближе, чем собственный стих.

О, крепость из бревен у склона,
О, башни сосновая грудь,
Примите меня благосклонно,
Чтоб мог я от вьюг отдохнуть

И в полном раздумьями зале
Спросить у хозяев о том,
Что семьи ветров им сказали,
Зимой стерегущие дом,

Чтоб сердце в ответ замирало,
Когда я взгляну, удивясь,
В слонистый огонь минерала,
В лучей затверделую вязь.

И после на легкой веранде,
Где холодом воздух богат,
Один из нас вымолвит:

«Гляньте.

Какой незабвенный закат».

¹⁾ По-лопарски — «знание» Название Хибиногорской геологической станции Академии наук.

Рассказ о пустыре

Г. САННИКОВ

I

Я помню
Огромный пустырь
Деревянной московской окраины,
Зеленеющую луговую ширь,
Убегающий путь трамвайный.

Здесь река огибала пустырь,
И заросшие Воробьевы горы
Любовались
На Новодевичий монастырь,
Замыкавший окраину собором.

На пустырь собиралась играть
детвора,
Билась в бабки
И дулась в орлянку,
А в погожие весенние вечера
Выходили взрослые петь под
тальянку.

И нетрезвая песня мутилась в ночи
Перегаром невзгоды домашней,
И внимали ей
Красные кирпичи
Крепостных монастырских башен.

С пустыря на дворы заползала трава,
У хозяев водились домашние птицы.
И только один запыленный трамвай,
Появляясь,
Напоминал о столице.

II

Но однажды в осеннюю муть,
Всполошив население окраины,
Оголился трамвайный путь,
Не пришли,
Не вернулись трамваи.

Со дворов на огромный пустырь
Высыпали жители всей слободки.
И крестились на красный монастырь
И руками размахивали
Простоволосые тетки.

А когда захлопали,
Застрекотали под ряд
Пулеметные
И винтовочные выстрелы в отдалении,
Беднота пустыря — невеселое
населенье
Организовало красногвардейский
отряд.

Пожилые и юные, подпоясав пальто
По-солдатски ремнями наружу,
Обучались правилам обращения
с оружием,
Перебежкам и залпам,
А потом

Под командой дружинников ¹⁾
в бой,
На поддержку рабочего дела,
Уходили
Нестройной толпой
По траве пустыря порыжелой.

И вослед им
Из-за Москва-реки
С Воробьевых гор, грохоча по центру,
Пушек вспыхивали языки,
И сильнее перестрелка тренькала.

Точно ухал обвалами мост,
Точно кто-то,
Тутуканье множа,

¹⁾ Дружинники — участники боевых дружин революции 1905 года.

Металлические гвозди звезд
 Заколачивал в синюю кожу
 Вечереющего небосвода.
 И всю ночь
 Под ружейный трезвон
 Перекидывались гудками заводы,
 Напоминающими раненых стон.

Так ночи сменялись на дни,
 И дни погружались в ночи,
 Но не смолкали боевые огни,
 Не возвращались
 Рабочие.

И слушал, слушал пустырь
 Вдрагиванье. Гуденье. Грохот.
 И затихло...
 Ни взрывов гирь
 Орудийных... Ни выстрела... Ни
 вдоха...

И когда возвращался отряд
 Из победного центра столицы,
 С пустыря
 Выходила заря,
 Освещая усталые лица.

III

Через несколько лет
 Как-то раз я забрел случайно
 И, взглянув, —
 Простодушный поэт, —
 Не узнал монастырской окраины.

Что за город? Иль это мираж?
 Пустыря наводнение ночное?
 Коллектив корпусов,
 Этаж на этаж
 В озареньи окон предо мною.

Геометрия зданий!
 Пропорция мер!
 Современная логика линий!
 А сквозь стекла рабочий антерьер —
 Голубой, оранжевый, синий.
 Поглядишь и засмотришься, — там
 Жизнь иная,
 Без мути домашней,
 Что когда-то жаловалась по ночам
 С пустыря монастырским башням.
 Всё здесь ново:
 И каменный строй,
 И по улицам цепь насаждений.
 Где же старый пустырь с травой
 И тоской одиноких растений?
 Лишь в тених,
 Без огней, монастырь,
 Многобашенный, многоглавый,
 На застроенный смотрит пустырь,
 Заслонивший соборную славу.

Изменилась,
 Исправилась жизнь,
 И на всем отраженье победы.
 И повсюду встают этажи,
 И о стройках поют поэты.

Начало

(ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА)

Драматические картины из эпохи первой революции

М. ЮЖИН

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАРАТ (Шанцер), Вергилий Леонович, 38 лет; слегка встрепанные волосы, подстриженная борода, брюнет; лицо темное (сплошное, но не слишком заметное родимое пятно), размашистые жесты, уверенный тон;

СЕВЕРОВ, Михаил Андреевич;

ВЛАДИСЛАВ, 26 лет, блондин, с серыми грустными глазами; типичный интеллигент;

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ, 26 лет, с небольшой курчавой бородой;

МАТВЕЙ, 24 лет; организатор Замоскворецкого района;

ЕВГЕНИЙ, 27 лет; —
члены Московского комитета большевиков.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА, 27 лет.

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ, 30 лет, —
хозяева дачи.

ГЛАША, 35—40 лет, кухарка.

ИВАНОВ, 25—26 лет; помощник районного организатора.

ВАСИЛИЙ, 22 лет.

ВАНЯ,

ПЕТЯ,

ГРИГОРИЙ.

ШПИОН.

ГОРОДОВОЙ.

СТАРАЯ РАБОТНИЦА.

Рабочие, полицейские, богомольцы, мальчишки и пр.

Скромная одноэтажная дача под Москвой. Широкая терраса, перед террасой — цветочная клумба. Вокруг дачи — вековые сосны и липы. Под одной из лип — дощатый стол и скамейки. Вблизи — лес. Во двор, через калитку, входят Марат и Северов.

МАРАТ. Ну, вот и дача!.. По воскресеньям и праздникам комитет собирается здесь.

СЕВЕРОВ. Безопасно?

МАРАТ. До сих пор сходило благополучно. В случае тревоги — легко скрыться в соседнем лесу.

СЕВЕРОВ. А хозяйева дачи?

МАРАТ. Вполне надежны и проверены. Хозяин, Николай Степанович, вероятно, стоит на посту — караулит, а с хозяйкой сейчас познакомлю. Чудеснейшая женщина! *(Вбегает на террасу и кричит в открытое окно.)* Принимайте гостей, Марья Петровна!

В окне показывается Мария Петровна. Одетя скромно, в чистом белом переднике.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Это вы, Вергилий Леонович?.. А мы с Глашей готовим завтрак, — печем пирожки. Сейчас выйду... *(Выходит на террасу, здоровается.)* Здравствуйте, Вергилий Леонович. С вами новый товарищ?..

МАРАТ. Познакомьтесь — Михаил Андреевич...

СЕВЕРОВ. Северов. Большой охотник до пирожков...

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Вот и прекрасно, сейчас угостим... Где хотите расположиться, товарищи, — на террасе или под липой?

СЕВЕРОВ. Лучше под липой... *(Идут с Маратом к столу под липой, Мария Петровна скрывается в комнате.)* Предпочитаю, чтобы конспиративные разговоры не могли слышать самые надежные свидетели. Выработалась такая привычка...

МАРАТ. Хорошая привычка!

СЕВЕРОВ. Что будет обсуждаться сегодня?

МАРАТ. Организация забастовки... Никкак не можем сдвинуть московских рабочих! *(Появляется Мария Петровна со скатертью и посудой, накрывает стол.)* А Николай Степанович — на посту?

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Давно уже. Разве вы не встретили его?

МАРАТ. Мы шли тропинкой...

СЕВЕРОВ. Небось, браните нас, Мария Петровна?

МАРИЯ ПЕТРОВНА. За что?..

СЕВЕРОВ. Разлучаем вас с мужем, да еще в праздники...

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Наоборот, когда товарищей нет, мы скучаем. А Глаша начинает вздыхать и ворчать.

СЕВЕРОВ. Почему?

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Беспокоится о товарищах. Особенно любит Вергилия Леоновича. *(Смеется.)*

МАРАТ. О да, мы с ней — друзья!

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Сейчас она подает самовар. *(Уходит.)*

МАРАТ. Кооптировали вас в члены комитета. Хотим поручить общее руководство пропагандой, писание прокламаций, корреспонденций в «Пролетарий» и тому подобное. Согласны?

СЕВЕРОВ. Ладно!.. Пока займусь этой работой и еще агитацией, а там посмотрим... Как у вас с подготовкой вооруженного восстания?

МАРАТ. Неважно, но немного револьверов достали... Москва отстает во

всем. Мало сил, средств, а главное, нет боевого настроения. Например, с забастовкой... В Иваново-Вознесенске... *(Появляется с самоваром кухарка Глаша, кланяется, приветливо улыбаясь.)* А-а, милая Глаша!.. Здравствуйте! Вы, кажется, все бледнеете и худеете... Отчего бы это?

ГЛАША *(ставит самовар на стол, приветливо улыбается)*. Все смеетесь надо мной, барин. Надо бога благодарить, что дает хоть здоровье рабочему человеку.

МАРАТ. Опять «барин»?.. Ай-яй-яй, Глаша! Ну, какой же я барин?

ГЛАША. Уж, извините, Леонтьевич, все забываю... По мне, кто в шляпе — тот и барин.

СЕВЕРОВ. А насчет здоровья сказано правильно: рабочему человеку необходимо крепкое здоровье.

ГЛАША. Я и говорю, бога благодарить надо...

СЕВЕРОВ. Бога-то зря путаете в это дело, Глаша! Бога выдумали богатые, потому он, верно, и зовется богом.

МАРАТ. И какое ему дело до здоровья рабочих? Еще забунтуют с жиру...

ГЛАША *(укоризненно, но с доброй улыбкой качает головой)*. С вами всегда нагрешешь... Люди вы хорошие, а в бога почему-то не верите. Но только я скажу: с голоду люди бунтуют, а не от жиру.

СЕВЕРОВ. Вот это правильно!

МАРАТ. А бары думают наоборот. И бог их так же должен думать.

Глаша укоризненно качает головой и уходит.

МАРИЯ ПЕТРОВНА *(с блюдом пирожков)*. Вот и пирожки... Кушайте на здоровье. А остальные товарищи скоро будут?

МАРАТ. Надо полагать, скоро. Выехали, верно, следующим поездом.

Глаша приносит посуду.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Кушайте, пожалуйста! Если что понадобится, крикните меня или Глашу. *(Уходит.)*

МАРАТ *(наливает чай, берет пирожок)*. Принимайтесь за пирожки, Ми-

хаил Андреевич, — вкусные... (Пауза.) Итак, ваша миссия в Одессе не удалась?

СЕВЕРОВ. К сожалению... Когда я приехал в Одессу, «Потемкин» уже ушел. Попробовал догнать его, но в Новороссийске узнал, что он повернула в Румынию.

МАРАТ. Как досадно, что это замечательное восстание кончилось ничем! Очевидно, наделали много ошибок.

СЕВЕРОВ. Матросы «Потемкина» действовали вначале правильно. Вышли навстречу целой эскадре, приготовились к бою... Вы представляете себе, какая это была картина, когда к «Потемкину» присоединился второй гигант — «Георгий Победоносец». Два сильнейших броненосца! И восторженные крики «ура» с других судов!.. Если бы броненосцы бросились преследовать отступавшую, колебавшуюся эскадру, если бы они напали на флагманское судно, Черноморский флот был бы в наших руках... Ленин предвидел такую возможность.

МАРАТ. Ленин!.. Вот человек, с которым мне хотелось бы встретиться поскорей. Каков он из себя?

СЕВЕРОВ. На первый взгляд, в его наружности нет ничего особенного. Среднего роста, плотный, рыжеватый блондин. Есть, вероятно, примесь татарской крови. Быстрая, но спокойная речь. Большая лысина...

МАРАТ. Лысина?.. Ведь он, кажется, еще молодой.

СЕВЕРОВ. Лет тридцати пяти... А лысина к нему как-то идет. Невольно бросается в глаза большая голова — голова мыслителя... Особенно великолепен лоб, он, благодаря лысине, кажется еще больше.

МАРАТ. Странно, мне его наружность представлялась несколько иной...

СЕВЕРОВ. И мне, пока не увидел его... Приковывают внимание также глаза Ленина. Он как-то по-особенному прищуривает их, отчего они кажутся добродушно-лукавыми. На самом деле в них уйма пронизательности, ума и знания. Кажется, что он давно знает тебя и все твои мысли...

МАРАТ. Да, вот какой он... (Задумчиво.) Тремя основными качествами должен, на мой взгляд, обладать подлинный марксист, а тем более вождь, — сильным диалектическим умом, большой волей и беспредельной верой в пролетариат.

СЕВЕРОВ. Ленин обладает ими в избытке!.. Этот скромный и простой человек с большим обом и прищуренными глазами видит очень далеко и очень много. Даже в мелочах...

МАРАТ. Познакомлюсь — увижу... Слушай, а историю с «Потемкинским» непременно расскажи на рабочей массовке, — соберем где-нибудь в лесу... Незабывательная история! Да извини, брат, что я перешел на «ты»: смерть не люблю выкать боевых товарищей. Согласен? (Протягивает руку.)

СЕВЕРОВ (крепко пожимает руку). Идет, Вергилий... Леонович! Давай работать над организацией вооруженного восстания: по моим соображениям, Москва должна стать центром движения.

МАРАТ. Москва?.. Сомневаюсь! Здешние рабочие еще слишком пахнут крестьянином, — связаны с деревней...

СЕВЕРОВ. В некоторых отношениях это неплохо. Рабочие должны дать тон и смысл крестьянской стихии. (Слышны голоса, за частоколом дачи показываются четыре фигуры.) Смотри, кто-то идет... Наши, что ли?

МАРАТ. Наши... (Входят члены МК — Евгений, Матвей, Михаил Миронович, Владислав.) А зачем вы толпой? И так кричите...

МАТВЕЙ. Мы сошлись только перед дачей.

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ. А отпустанка шли по одиночке... Здравствуйте, товарищи! (Здороваются.)

МАРАТ. Перед дачей-то и нужно соблюдать осторожность.

ВЛАДИСЛАВ. Да, а сегодня кругом что-то ненадежно... Много подозрительных личностей.

МАРАТ. Тем более... Тогда скорей за дело.

ЕВГЕНИЙ. Ух, жарко!.. Самоварчик?.. Эх, как хорошо! Ел сегодня только селедку с хлебом...

МАРАТ (*критически осматривает его поношенный костюм и рваные ботинки*). А вид, брат, у тебя неказистый!

ЕВГЕНИЙ (*тоже критически осматривает себя*). Да, похож малость на босяка... Пообносился.

МАРАТ. Зайди-ка завтра ко мне.

Мария Петровна и Глаша появляются с добавочной порцией пирожков и посудой; весело приветствуют пришедших.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Здравствуйте, товарищи! Все или не все?..

МАРАТ. Все, Марья Петровна.

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Скоро будет готов обед, а пока закусите пирожками с чаем.

ЕВГЕНИЙ. Мне, главное, чаю, милые хозяйшкы.

ГЛАША. Кушайте, кушайте на здоровье. Может, подогреть самоварчик-то?

МАРИЯ ПЕТРОВНА. Поставь лучше еще маленький самовар, Глаша! (*Мария Петровна и Глаша уходят.*)

МАРАТ. Ну, а теперь к делу, товарищи, к делу!.. Как в железнодорожном районе, Михал Мироныч?

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ. В общем неплохо...

МАРАТ. А в частности?.. Можно рассчитывать, что железнодорожники примкнут к забастовке?

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ. Думаю, примкнут. Правда, связи с движением у нас слабые, но положение у них аховое. Даже железнодорожный союз мечтает о всеобщей забастовке.

МАРАТ. А нельзя ли начать с железных дорог?

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ. Начать забастовку?.. (*Подумав.*) Нет, не выйдет. Движенцы будут прислушиваться к союзу, а союз вряд ли отважится начать забастовку первым.

СЕВЕРОВ. Кто руководит союзом?

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ. Преимущественно инженеры.

СЕВЕРОВ. Это екверно. Они непременно подведут нас!

МАРАТ. Даже предадут.

ВЛАДИСЛАВ. Не думаю. Союз — отрядное явление. Для нашей отсталой страны всякая организация — большой шаг вперед.

СЕВЕРОВ. Далеко не всякая. Для нас имеют ценность лишь революционные организации.

МАРАТ. Сейчас эти союзы растут, как грибы. Образовался даже «Союз союзов»... И везде орудуют либеральные болтуны! Нужно непременно вырвать железнодорожных рабочих из-под влияния либеральных инженеров. Займитесь этим, Михал Мироныч!

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ. Попробуем... Силенок только у нас маловато.

МАРАТ. А как в Замоскворечьи, товарищ Матвей?

МАТВЕЙ. У молодежи настроение боевое, но упорствуют старики. Уже несколько раз срывали подготовленные забастовки.

МАРАТ. Вот, старые черти!..

МАТВЕЙ. Сейчас налаживается стачка на Даниловской мануфактуре. Кажется, на этот раз не сорвется.

МАРАТ. Так ли?.. Не говори «гоп», пока не перепрыгнул.

МАТВЕЙ. Заверяет Василий. Это, знаете, замечательно энергичный и настойчивый парень! Стачку думаем начать в субботу.

МАРАТ. Эх, как было бы хорошо! Только обманываемся не впервые... А как на других фабриках и заводах?

МАТВЕЙ. Бурлит. Надо только начать, — вспыхнет везде. Все наши ребята уверены в этом...

МАРАТ. Все мы так думаем, да что-то не выходит... Нужно, товарищи, подготавливаться во всех районах.

ЕВГЕНИЙ. Вчера у нас вышел из строя еще один агитатор — Егор.

ВЛАДИСЛАВ. Почему? Заболел?..

ЕВГЕНИЙ. Нет, побили.

СЕВЕРОВ. Кто?

ЕВГЕНИЙ. Рабочие на одном заводшке... Пока говорил об экономической борьбе, ему поддакивали. А как только

перешел на политику да ругнул царя, заехали по карточке.

ВЛАДИСЛАВ. И что же, сильно побиты?

ЕВГЕНИЙ. Основательно. Наши, разумеется, заступились, и началась потасовка. Егор лежит с компрессами.

МАРАТ. Слышишь, Михаил, какие в Москве рабочие?

СЕВЕРОВ. Ничего, раскачаются!.. Я знаю Москву со времен студенчества.

МАТВЕЙ. Кстати, Вергилий Леонович, нам нужен на субботу сильный агитатор. Настаивает Василий.

СЕВЕРОВ. Давайте, пойду я. Говорить я умею.

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ. Агитатор нужен и нам. Хотим устроить тарарам на улице.

СЕВЕРОВ. Прекрасно. Пойду и к вам.

МАРАТ. А не лучше ли тебе сначала присмотреться к московским рабочим?.. Слышал, какие они? Это тебе не Кавказ. (Шутливо.) Еще намнут бока для первого знакомства. (Смех.)

СЕВЕРОВ. Авось, не намнут... А если и побьют, не беда, свои ведь, а не чужие...

МАРАТ. От этого бокам, пожалуй, не будет легче...

МАТВЕЙ. Значит, с нами пойдет товарищ Северов? Сговоримся потом.

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ. И к нам не забудьте.

СЕВЕРОВ. Ладно, товарищи! А это кто?..

Через калитку вбегает явно встревоженный хозяин дачи, Николай Степанович.

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ. Я почти бежал... задохнулся... Сегодня не все благополучно... Возле дач слоняются подозрительные лица... Показались и верховые... Казаки или стражники, — не разобрал, побежал сюда...

МАРАТ. Придется уходить, товарищи.

СЕВЕРОВ. Может, ложная тревога?

ВЛАДИСЛАВ. Все-таки лучше разойтись.

ЕВГЕНИЙ. Дайте хоть чаю напитокесь! И закусьте...

Издали слышен полицейский свисток.
МАРАТ. Ну конечно, нужно уходить! Только расходитесь без суетни, — поодиночке или по-двое... Идите лесом — в разных направлениях.

Владислав и Михаил Миронович уходят через калитку.

МАРАТ. Скорей, скорей, товарищи!..

МАТВЕЙ. Пойдемте с вами, товарищ Северов. Договоримся кстати о субботе... (Идут.)

СЕВЕРОВ. А ты, Вергилий?..

МАРАТ. Обо мне не беспокойся...

ЕВГЕНИЙ (допивает стакан, стоя). Эх, проклятые фараоны!.. И чаю попить не дали... Свиньи!

Картина вторая

Пустырь на краю Москвы. Кое-где кустарник и чахлые деревья. Налево — корпуса фабрики. С правой стороны, под деревьями, сидят и полулежат Северов, Матвей и Иванов, помощник организатора Замоскворецкого района. Иванов — из конторских служащих, очень нервный, с болезненно-бледным, худым лицом. Одеты все в рабочие блузы или косоворотки.

ИВАНОВ (нервно смотрит то на часы, то в сторону фабрики, часто вскакивает). Ну, теперь дело в шляпе... Только почему же не идет Василий?..

СЕВЕРОВ. Не стоит говорить о шляпе, пока не надел ее на голову.

ИВАНОВ. Нет, нет!.. Не говорите так, товарищ Северов... Поймите, нам стыдно! Везде забастовки, волнения, столкновения, только Москва молчит. Здесь, даже в январе, почти ничего не было: так, попищали только!..

СЕВЕРОВ. Ничего, Москва заговорит когда-нибудь басом, да так, что вся страна дрогнет...

МАТВЕЙ (тоже нервничает). Но когда же?.. Право, опускаются руки.

СЕВЕРОВ. Только не летом.

МАТВЕЙ. Почему?

СЕВЕРОВ. Такие уж здесь рабочие: полукрестьяне-полупролетарии. Летом их земля держит, — хозяйчикам не до бунта... Подождем, что скажет осень.

ИВАНОВ. Нет, если мы не начнем забастовки теперь, ее не будет со-

всем! К осени заснет вся страна... (*Быстро встает.*) Вот и Василий!.. (*Тревожно.*) Только почему он идет так медленно?

Василий, рабочий лет 22, подходит медленно и неохотно, теревит кепку. Матвей и Иванов бросаются к нему.

МАТВЕЙ. Ну, как дела, Вася?

ВАСИЛИЙ. В матерном положении...

ИВАНОВ (*дрожащим голосом*). То есть как?.. Почему?

ВАСИЛИЙ. Опять провалили старые черти, будь им пусто! У, лапотники! (*Грозит кулаком в сторону фабрики.*)

ИВАНОВ (*истерически*). Опять... опять... О-о-о!.. (*Дрожит, бледнеет и вдруг опускается на землю с глухими истерическими рыданиями.*)

МАТВЕЙ (*бросается к нему*). Коля! Коля!.. Что с тобой? Разве так можно?.. (*Опускается около него на колени, старается успокоить.*) Да успокойся же!

ВАСИЛИЙ (*смущен, отворачивается*). Э, чорт!..

СЕВЕРОВ. Перестань, Иванов! Какой ты ж чорту большевик... Перестань же! (*Ровным голосом.*) Перестань же, товарищ Иванов.

Иванов постепенно затихает, но продолжает лежать ничком.

СЕВЕРОВ. Садись, товарищ Василий! Расскажи-ка толком, почему сорвалась забастовка.

ВАСИЛИЙ (*садится*). У наших рабочих, особенно старых, один лапот в городе, другой — в деревне. Здесь работают на хозяина, а там — сами хозяева... Сейчас время косить, потом — жать...

СЕВЕРОВ. Слышишь, товарищ Иванов?

Иванов садится с опущенной головой, но прислушивается.

ВАСИЛИЙ. Кажись, уломали... Ведь нас жмут — во как! (*Крепко сжимает кулак.*) За ночь передумали лапотники... На фабрике чуть не вышла драка.

МАТВЕЙ. А мы-то надеялись...

ВАСИЛИЙ. Испугались тоже... Контора вызвала полицию. Сказывали, будут и казаки...

СЕВЕРОВ. Неужто испугались десятка фараонов?

ВАСИЛИЙ (*смущено чешет затылок*). Боязно, конечно... Убить ведь могут, черти! А у казаков — и плети, и шашки, и ружья...

СЕВЕРОВ. А рабочих — тьма-тьмушая... Так ведь?

ВАСИЛИЙ. Так-то оно так, да только... Ведь ружья, шашки... Оружия бы нам!

СЕВЕРОВ. Да, об оружии пора, брат, по-настоящему подумать... При желании иметь его нетрудно. Мы на Кавказе достаем револьверы у городских...

ВАСИЛИЙ (*живо*). Как?.. Покупаем?

СЕВЕРОВ. Иногда покупаем, чаще отнимаем.

ВАСИЛИЙ. По ночам?..

СЕВЕРОВ. Случается, и днем.

ВАСИЛИЙ. Вот это так! Это нужно попробовать и у нас.

СЕВЕРОВ. У солдат покупаем, знакомимся с ними...

МАТВЕЙ. Организация приобрела небольшую партию револьверов, — есть браунинги, хорошая штука! (*Вынимает из кармана браунинг.*)

ВАСИЛИЙ (*порывисто*). Дай!.. (*Матвей прячет.*) Дай хоть посмотреть!

МАТВЕЙ. Нет, Вася!.. С этим револьвером нужно обращаться умело, можешь подстрелить себя или товарища. Были уж случаи...

ВАСИЛИЙ. А ты научи!..

МАТВЕЙ. Когда будет больше, дадим и научим.

СЕВЕРОВ. Вася достанет сам... у городского. Хороший тульский наган надежней браунинга.

ВАСИЛИЙ. И достану!

СЕВЕРОВ. Bravo, Вася! И не надо бояться всякой сволочи — полиции, жандармов, казаков..

ВАСИЛИЙ. Легко сказать... Ведь с детства научились бояться!

СЕВЕРОВ. Да, бояться учились столетиями... Однако пора и отучаться.

МАТВЕЙ. Только как?..

СЕВЕРОВ. Массовки и демонстрации устраиваете часто?

ВАСИЛИЙ. В лесу-то? Бывают...

СЕВЕРОВ. Зачем в лесу? На улицах, площадях, гуляньях... В Баку на-

пример мы часто устраивали, — хорошая школа!

ВАСИЛИЙ. А как полиция?

СЕВЕРОВ. Мечется, как угорелая, а рабочие смеются. Смешное перестает пугать...

ВАСИЛИЙ (горячо). Надо и в Москве устраивать такие штуки!.. Непременно.

СЕВЕРОВ. Вчера мы попробовали.

ВАСИЛИЙ. Где?

СЕВЕРОВ. Около Казанского вокзала.

МАТВЕЙ. С Михал Миронычем?

СЕВЕРОВ. Да, по сговору с ним.

ВАСИЛИЙ. А как? как?..

СЕВЕРОВ. Условился с ребятами из Казанских мастерских. В обеденный перерыв они остановились на улице около ворот, а я стал говорить. Ну конечно, большинство рабочих тоже остановились, из любопытства. Интересно ведь послушать о политике!.. (Закуривает.)

ВАСИЛИЙ. Дальше, дальше!..

СЕВЕРОВ. Тут и начался тарарам... Раздалась полицейские свистки, а публика со всех вокзалов и с Каланчевской площади ринулась к нам. Тоже из любопытства, разумеется... Моментально запрудили всю улицу, остановили движение: конку, извозчиков, ломовиков.... Потеха!

ВАСИЛИЙ. А жандармы?.. полицейские?

СЕВЕРОВ. Ну конечно, заметались, стали свистеть, рваться к нам.. Только ничего у них не вышло.

ВАСИЛИЙ. Не пустили?

СЕВЕРОВ. Один пролез было, но ему дали по шее и напялили фуражку — вот так! (Шутливо надвигает на глаза Василию картуз.)

ВАСИЛИЙ (хлопает о землю картузом). А я отнял бы еще и револьвер!

СЕВЕРОВ (смеется). Ага, запомнил!..

ВАСИЛИЙ. Михал Андреич!.. Дорогой! Давай, устроим в Замоскворечьи такую же штуку. А?..

СЕВЕРОВ. Давай!

ВАСИЛИЙ. Знаешь, у нас есть тут поблизости монастырь — Даниловский... Там по праздникам собирается много

народу: одни — молиться, другие — выпить. Устроим там, ладно?

СЕВЕРОВ. Идет, Вася... (Раздаются гудки фабрик.)

ВАСИЛИЙ (вскрикивает). А, черт!.. Нужно бежать, а то оштрафуют... (Протягивает руку Северову.) Так я поговорю с ребятами..

СЕВЕРОВ. Ладно, ладно, сговоримся...

ВАСИЛИЙ (Иванову). А ты, брат, не журись — забастуем еще. (Быстро уходит.)

СЕВЕРОВ. Хороший парень!

ИВАНОВ (уныло). А забастовка-то сорвалась...

МАТВЕЙ. Да, сорвалась опять. Неловко будет перед комитетом, — наобещали..

СЕВЕРОВ. Не лучше ли начать с металлистов? Они сознательней...

ИВАНОВ. Все здесь одинаковы...

СЕВЕРОВ. Ты еще не успокоился?

ИВАНОВ. Нервы, проклятые нервы!.. Скажите, что же нам делать?

СЕВЕРОВ. Что делать? То же, что и всегда: учиться, вести пропаганду, организовывать... Поверь, друг, мы своего добьемся!

ИВАНОВ (спокойнее). Что же, будем продолжать работу кротов...

СЕВЕРОВ. И закладывать динамит!

МАТВЕЙ (встает). А перед комитетом все же будет неловко...

Картина третья

Покрытый смятой травой, луг перед монастырем. Несколько берез и сосен. Стена монастыря — с левой стороны. Видны открытые ворота. У ворот — нищие. Народ, преимущественно простой, входит и выходит через ворота. По обеим сторонам дороги идет бойкая торговля со столиков и лотков. Из-под палы продают водку, пиво. Ближе к стене, под деревьями, расположилось несколько групп рабочих и работниц. Едят селедку, колбасу, огурцы, запивая квасом, пивом, водкой. Ближе — группа молодых рабочих (8—10 человек). Среди них — Василий и Северов. На разостланной газете — колбаса, огурцы, хлеб, бутылка водки, стакан. У од-

ного из рабочих — гармоника. Среди толпы, около ворот и на дороге, несколько полицейских. Гул голосов, кое-где ссоры, крики торговков и торговцев. Шныряют босые мальчишки, гнусавят нищие.

ВАСИЛИЙ. Не пора ли начинать, Михал Андриенч?

СЕВЕРОВ. Пожалуй, начнем...

ВАСИЛИЙ А как?.. Сразу — речь?

СЕВЕРОВ. Нет, нужно сначала подманить публику.

ВАСИЛИЙ. Да как же это сделать?.. Звать? Сейчас же бросится полиция...

СЕВЕРОВ. Конечно не так, чудачок! (Обращается к товарищу с гармоникой) Хорошо играешь?

ВАСИЛИЙ. Ваня-то? Не хочешь — да запляшешь!

ВАНЯ. Ничего себе.. Умеем!

СЕВЕРОВ. А петь, товарищи, умеете?

ГОЛОСА. Умеем!. Немножко!.. Смотря потому, что петь...

СЕВЕРОВ. Вот что, ребята: сначала затянем потихоньку что-нибудь протяжное, грустное, вроде как бы молитву. Это для того, чтобы сразу не бросились полицейские. Потом, когда народ начнет подходить, можно сыграть на гармонике и спеть что-нибудь пободрее.

ВАСИЛИЙ. Есть!.. А потом?

СЕВЕРОВ. Потом грянем какую-нибудь нашу песню, революционную. Что вы знаете?

ВАСИЛИЙ. «Отречемся от старого мира»...

ВАНЯ. Лучше эту, как ее?.. «Сами набьем мы патроны»...

СЕВЕРОВ. Ага! «Смело, товарищи, в ногу»... Ну, что ж, можно спеть и эту... Тут конечно сразу начнется кутерьма: одни побегут к нам, другие от нас... Тогда подхватывайте меня на плечи и держите, пока я буду говорить. Кто из вас покрепче?

ВАСИЛИЙ (указывая на двух здоровых парней). Да вот — Гриша и Петя... Чего же крепче? Быка подымут!.. (Все смеются.)

ГРИША и ПЕТЯ (расправляя широкие плечи, басисто). Поддержим!.. Подыдем!..

СЕВЕРОВ. А прокламации роздал, Вася?

ВАСИЛИЙ. Сделано!

СЕВЕРОВ. Когда я кончу, бросайте вверх, — над публикой.

ВАСИЛИЙ. Будет сделано!

СЕВЕРОВ. Ну, начинайте потихоньку...

ВАНЯ (тихо аккомпанируя на гармонике, запекает).

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит

Остальные подхватывают:

То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит..

Публика начинает оглядываться, — некоторые подходят ближе. Песня разносится громче и громче. Толпа около хора увеличивается. Некоторые начинают подтягивать. Сквозь толпу протикивается городской.

ГОРОДОВОЙ. Замолчать!.. Разойдись!.. Вы бы еще в церкву зашли, черти! Да плясовую запели бы... (Гул недовольных голосов.)

ВАСИЛИЙ. Зачем плясовую? Мы молитвы поем..

ГОРОДОВОЙ. Знаем, какие молитвы.. (Смотрит с вожделением на бутылку.) Наклюкались, видно, до того, что песни с молитвами путаете, каторжники! Майся тут с вами...

СЕВЕРОВ (спокойно). А ты не майся зря, служивый! С устатку выпить не грех. Выпей-ка лучше и ты, — добрее будешь. (Наливает стакан водки, городской жадно выпивает.) Так-то лучше... На, закуси! (Дает кусок колбасы, огурец, хлеб.)

ГОРОДОВОЙ (нюхает корку хлеба, колбасу и огурец сует в карман.) Покорно благодарим-с! Мы — без закуски... Закусим после. (Смотрит опять на бутылку.)

СЕВЕРОВ. Ах, вот что! Так бери уж и бутылку, а то одна закуска, пожалуй, рот обдерет. (Дает бутылку с оставшейся водкой.) Угости и сослуживцев. Все, верно, умаялись? Да зайдите по дальше, вон туда!.. (Показывает в даль-

ний угол монастырской стены.) Вы не будете нам мешать, а мы — вам...

ГОРОДОВОЙ. Только потише пойте...

СЕВЕРОВ. Наши молитвы?.. Не беспокойся, мы — как в церкви...

Городовой прячет бутылку и быстро отходит к ближайшему полицейскому и вместе с ним идет к дальнему углу. Публика смеется.

ВАСИЛИЙ. Э, помешал, чорт! Затягивай, Ваня, другую.

ВАНЯ (Северову). Нашу, что ли?

СЕВЕРОВ. Нет, пока протяжную.

ВАНЯ (запевает, хор подтягивает):

Вниз по Волге реке
С Нижня-Новгорода
Снаряжен стружок,
Как стрела, летит... и т. д.

На пение подходит еще больше любителей. Многие принимают участие в пении. Составляется красивый хор. После нескольких куплетов. Северов, оглянувшись кругом, подымается.

СЕВЕРОВ. Довольно нытья! Нашу боевую!

Вся группа встает и, под аккомпанемент гармоники, громко запекает:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнув в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе... и т. д.

Начинается переполох. Один из городских дает тревожные свистки. Торговцы и торговки, прекратив зазывания, спешат уложить и спасти свои товары. Мальчишки не прочь поживиться яблоками и сластями. Трусливые обыватели и обывательницы бегут к воротам монастыря. Несколько старушек, уходя, крестятся и плюются. Рабочие и работницы, преимущественно молодежь, прибывают и окружают поющих. Городовые растерянно бегают и свистят. Их отталкивают, грозят кулаками. За сценой слышен удаляющийся топот копыт. Полиция поскакала за помощью. Северов машет рукой, — песня прекращается. Его подымают на плечи.

СЕВЕРОВ. Товарищи! Вон как заматалась полиция от нашей песни. Еще бы! Хозяевам, нанявшим этих сторожевых псов, нужно, чтобы вы только молились да плакали. (Крики: «Правиль-

но! верно!») Кто эти хозяева? Жирные купцы, фабриканты, заводчики, банкиры, помещики, попы и тучи чиновников. Как вши и клопы, присосались они к многомиллионному телу рабочих и крестьян! (Аплодисменты, крики: «Верно!») Не пора ли разжечь баню революции, чтобы смыть всю эту нечисть с народного тела? (Аплодисменты, крики: «Пора!») Пора, товарищи, пора! Довольно молиться и просить! Вы знаете, как ответил на просьбы и молитвы питерских рабочих царь? Кровь брызнула на стены его дворца, — родная, рабочая кровь!.. (Возгласы: «Верно! Долой убийц!» и т. п.). Два года льется рекою кровь и в далекой чужой Манчжурии. Зачем? Паразитам мало наших соков. Им захотелось китайской и корейской крови. Но этой крови хотят и японские хищники. Горы трупов покрыли чужую землю, — это трупы обманутых рабочих — японцев и русских. Сытые натравили голодных друг на друга! (Крики: «Верно! Правильно!») И тысячи русских и японских матерей оплакивают убитых детей... (Пожилая работница начинает плакать, закрывая лицо.) Довольно!.. Московские рабочие! Страна ждет сигнала, народ хочет свободы! Сигнал должны дать вы — из сердца России. Ваша партия, партия рабочих, зовет вас к революции. Долой всех паразитов! Долой царское самодержавие! Да здравствует революция! (Соскакивает с плеч.)

Аплодисменты, крики: «Ура! Bravo! Да здравствует революция!» В воздух летят прокламации. Их подбирают и хватают на лету. Ваня играет на гармонике рабочую марсельезу. Хор поет:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног... и т. д.

Переполох усиливается. Полицейские отступают, некоторые бегут. Мальчишки кидают в них недосежденные яблоки и камни. Улюлюкание и свист. Во время речи подозрительный юркий субъект старается протиснуться к Северову, украдкой делая заметки в записной книжке. Василий ворко следит за ним. Когда рабочие начинают петь марсельезу, шпион хочет выбраться из толпы. Василий хватается за шиворот и, вырвав записную книжку, заглядывает в нее.

ВАСИЛИЙ. А-а, вот ты кто! Товарищи, здесь шпик! Поймал шпиона... (Дает ему несколько крепких оплеух.)

ШПИОН. Ай! ай! ай!.. Караул!..

Падает на землю, закрывая лицо руками. Толпа набрасывается на него. Василий обыскивает карманы. Шум и крики усиливаются. Полицейские бегают и свистят. Торговцы и торговки разбегаются. Рабочие и работницы толпятся около Северова и его группы. Слышатся замечания: «Спасибо! Молодцы! Давно бы нужно так!» и т. п.

ПОЖИЛАЯ РАБОТНИЦА (низко кланяется Северову). Спасибо тебе, милый! Правду сказал о кровопийцах. У меня дочь убили в Петербурге, а сына в Китае... Дай, я поцелую тебя, сынок! (Обнимает Северова.)

СЕВЕРОВ (целует ее в лоб). Бедная мать!.. Ничего, мы отомстим за них... За все отомстим!

Работница тихо плачет. Вдали слышен конский топот. Северов прислушивается.

СЕВЕРОВ. А теперь расходитесь, товарищи! Скачут казаки или жандармы...

Толпа начинает расходиться. Уводят и плачущую мать. Избитый шпион хнычет и повторяет: «Не буду!.. Не буду!..»

ВАСИЛИЙ (показывает Северову браунинг). Вот что нашел у этого гада... Прихлопнуть его, что ли?

СЕВЕРОВ. Ну, вот тебе и оружие. Молодец! А с этими гадами расправимся после. Пока рано. (Топот конницы становится слышнее.) Айда, ребята, пока не поздно!

Спешно уходят.

ВАСИЛИЙ (проходя мимо шпиона, пинает его и замахивается револьвером). У, гад! голову размозжу...

ШПИОН. Ой, не буду, не буду!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАРАТ.
СЕВЕРОВ.
СЕРГЕЙ, рабочий булочник, лет 26—27.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ И ДВА ЧЛЕНА ПРЕЗИДИУМА.
ПЕЧАТНИК.
СОКОЛОВ, булочник, зубатовец.
СТАРИК-БУЛОЧНИК.

ФИЛИППОВ, хозяин булочной.

Рабочие-булочники.

ПЕТРОВИЧ, сторож, лет 45.

ЕФИМ ИВАНОВИЧ, полицейский, лет 40.

КОНСТАНТИН, слесарь, лет 30.

1-й РАБОЧИЙ.

2-й РАБОЧИЙ.

3-й РАБОЧИЙ.

Рабочие, мастера, служащие.

ПОМОЩНИК ПРИСТАВА.

1-й ОКОЛОДОЧНЫЙ.

2-й ОКОЛОДОЧНЫЙ.

Полицейские, рабочие, работницы

КАМОВ, лет 30.

МАТВЕЙ,

СОСЕДКА, лет 29,

ВЛАДИМИР, лет 24,

ПЛАТОВ, лет 25,

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ,

ВЛАДИСЛАВ,—

члены Московского комитета.

Студенты, рабочие, публика.

Картина первая

Небольшой вестибюль в недостроенном доме Филиппова на Тверской улице. Входная дверь; дверь, ведущая в следующее обширное помещение. Оттуда доносится гул голосов. Мусор стройки. Входящего с улицы Марата встречает рабочий-пекарь Сергей, лет 26.

СЕРГЕЙ. Вы от комитета, товарищ?

МАРАТ. Предположим... А вы кто?

СЕРГЕЙ. Я — пекарь... булочник. У нас сейчас стачечное заседание, а товарищ Платов обещал послать агитатора...

МАРАТ. Вы — член партии?

СЕРГЕЙ. Партийный.

МАРАТ. Большевик или меньшевик?

СЕРГЕЙ. В большевистской партии. Только мы плохо разбираемся в спорах...

МАРАТ. Ничего, научитесь... Ну, пойдемте на заседание, я из комитета...

Направляются к двери в следующее помещение; в это время с улицы входит Северов.

СЕВЕРОВ. Вергилий!

МАРАТ. И ты сюда?

СЕВЕРОВ. Да, направил товарищ Платов... А мне нужно в Замоскворечье — сговориться с Матвеем.

МАРАТ. В Замоскворечье?.. Иди туда! Нужно использовать забастовку печатников и завертеть всю Москву. А здесь буду орудовать я.

СЕВЕРОВ. Прекрасно, тогда я бегу. Только остерегайся, брат, — среди полиции какая-то подозрительная суетня... (Уходит.)

Марат и Сергей входят в большое помещение, в котором собрались пекаря и булочники. В комнате мусор, доски, ящики, бревна, кирпичи. Некоторые окна еще без рам. Снаружи видны леса. Делегаты от пекарен и булочных сидят на испачканных известью скамьях, табуретах, бревнах, на полу. Некоторые стоят у стен. Марат останавливается недалеко от двери. С левой стороны, за грубо сколоченным столом, помещается — на плохеньких стульях — президиум.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Даю слово делегату бастующих печатников.

ПЕЧАТНИК (немного волнуется). Союз печатников приветствует вас, товарищи!.. а также ждет от вас помощи... Мы обратились и к другим товарищам рабочим. Потому что нужно бастовать всем солидарно, товарищи!.. Потому что хозяева помогают друг дружке. И полиция им помогает... Мы закрыли насильно некоторые газеты и собрались вчера около памятника Пушкину, то-бишь на Страстной площади... Так полиция и жандармы бросились на нас с шашками. Ну, мы их камнями... Правительство...

ГОЛОС. А ты не трожь правительство!.. И нечего насильничать и драться с полицией!..

ПЕЧАТНИК (смушенно). То-есть как это, товарищи?.. Я не понимаю, товарищи!..

Подымается шум, многие вскакивают. Слышны крики: «Кто это сказал? Долой! Вон! Безобразия!» и т. п. Однако раздаются также выкрики: «Правильно! Верно! Дело говорит!..»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (стучит кулаком по столу). Тише!.. Тише!.. Замолчите, черт побери.

1-Й ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА (показывает пальцем). Это Соколов крикнул. Зубатовец!.. Как ты попал сюда, продажная шура?

СОКОЛОВ (встает). Так же, как все... А ты не ругайся — хочу говорить, и говорю!..

Новый взрыв шума и криков.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да замолчите же, товарищи! Нельзя так!.. (Шум постепенно стихает.) Садитесь на свои места... Ты делегат, Соколов?

СОКОЛОВ. Делегат.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Садись и не смей перебивать! Хочешь говорить, так проси слова...

Встает седой, бородатый, благообразный старик-булочник, говорит мягко и вкрадчиво.

СТАРИК. Тогда разрешите сказать мне, дорогой товарищ председатель!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. О чем это?.. Нужно сначала кончить гостю, товарищу печатнику...

СТАРИК. Вот о его словах я и буду говорить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (машет рукой). Ну, говори уж! Да только короче...

СТАРИК (выходит к столу, кланяется на все стороны, поглаживает бороду). Неладно начинаем мы благое дело, дорогие друзья! Зачем нам посторонние гости и разные агитаторы? Я не знаю, что значит «зубатовец». Я во всяком разе не «зубатовец»...

СЕРГЕЙ. А хозяйская погонялка... (Смех.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дайте же ему сказать, товарищи!..

СТАРИК (кланяется председателю). Покорно благодарю, дорогой председатель!.. Мы собрались, дорогие друзья, чтобы обсудить наши нужды, а не делать революцию. Уважаемый Дмитрий Иванович, господин Филиппов, предоставили нам помещение, хлопотали перед его превосходительством, то-есть градоначальником... Нижайшее спасибо им! (Кланяется.) Зачем нам бунтовать и бастовать? Мы — сами по себе, а печатники — сами по себе. Они хоятят...

Шум, голоса: «Довольно! Старая песня! Будет! Долой! Хозяйский подпевало!» и т. п. Но некоторые кричат: «Дайте сказать человеку! Правильно говорит!» и т. п. К столу протискивается Марат.

МАРАТ (председателю). Дайте слово мне, — я от Московского комитета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*кивает головой*). Тише, товарищи!.. Слово просит делегат от партии, — согласны выслушать?

ГОЛОСА. Просим!.. просим!..

МАРАТ (*спокойно*). Сразу видно, товарищи, что вы еще не привыкли вести собраний. Ничего, научитесь! Не научились некоторые из вас и другому: пролетарской солидарности. Делегат от печатников прав. Хозяевам помогает и полиция, и правительство. А старик говорит: каждый сам по себе... Неверно говоришь, борода, неверно! Прожил много — понял мало. А ведь учат нас, товарищи, давно, учат беспощадно. Неужели даже после кровавой бойни девятого января нужны новые уроки, новые потоки крови?.. (*за сценой шум и топот ног*.) Неужели?.. (*В помещение вбегают несколько взволнованных рабочих*.)

1-Й РАБОЧИЙ. Товарищи... товарищи... на нас нападают... идут сюда...

Переполюх, все вскакивают, часть устремляется к столу, некоторые бросаются к окнам.

МАРАТ. Спокойствие, товарищи, спокойствие!.. Кто нападает?

2-Й РАБОЧИЙ. Полиция... городские... Напали на охрану, арестовывают... Наши отбиваются... (*На улице слышны выстрелы*.)

МАРАТ. Мне незачем продолжать, товарищи! Заговорила полиция... Теперь нужно защищаться...

СЕРГЕЙ. Дверь... нужно дверь завалить!

Бросается к двери, запирает ее, придвигает скамьи, ящики и т. п. Голоса: «Заваливать, заваливать!» Десятки рук быстро возводят у двери баррикаду из мебели, бревен, кирпичей и других материалов. Некоторые выглядывают в окна, начинают набирать и бросать через окна кирпичи. Выстрелы. Зубатову Соколов высовывается в окно без рамы и вдруг со стоном отшатывается, схватившись за левое плечо; смотрит на руку, — рука окрасилась кровью.

СОКОЛОВ. Ра... ранен... стреляют... полиция... (*Хватает кирпич и бросает в окно*.) Бить их!.. Бить! Проклятые! Долой... долой!.. (*Стонет, грозит кулаком,*

опускается на пол, почти теряя сознание.) Обманщики!..

ПОЖИЛОЙ РАБОЧИЙ (*бросается к нему*). А, понял теперь?.. Эх, ты, дурачок! Помогите раздеть и перевязать его...

Несколько рабочих осторожно раздевают Соколова; другие продолжают бросать камни в окна, скрываясь в простенках; двое-трое стреляют из револьверов. В ответ усиливается стрельба с улицы.

СЕРГЕЙ. Не стоять у окон!.. Прячься за стены. (*Марату*.) И вы, товарищи, станьте лучше сюда... (*Указывает на широкий простенок*.)

Рабочие с азартом бросают кирпичи, один из них снова стреляет из револьвера.

ГОЛОС. В верхний этаж, товарищи!.. Оттуда удобней!

Часть рабочих, нагибаясь, выскакивает в дверь. В комнате остается 12 — 15 человек. Град кирпичей и поленьев летит на улицу сверху.

СЕРГЕЙ. Хозяина нужно приволочь сюда — Филиппова!..

ГОЛОСА. Правильно!

Один из членов президиума с несколькими рабочими выбегает за Филипповым. Стрельба на улице становится слабее, метание кирпичей продолжается. Сверху слышатся возгласы: «Ага, отступают!.. Бегут сволочи! Бей их!» и т. п. В комнату вваливаются бледного, дрожащего, упирающегося Филиппова.

ФИЛИППОВ. Это. недоразумение... недоразумение... Я телефонировал градоначальнику. Он сказал, что это недоразумение... Ай! (*Одно из стекол в окне разлетается в куски; свист пуль, сыплется штукатурка с потолка; Филиппов, трясаясь всем телом, приседает*.) Ай-ай-ай!..

СЕРГЕЙ. Ага, задрожал!.. Это — недоразумение?.. (*Указывает на обвалившуюся штукатурку*.) А это — тоже недоразумение? (*Указывает на раненого Соколова*.)

ФИЛИППОВ. Он сказал... отзовет... отзовет... Я еще... (*Делает движение к двери*.)

МАРАТ. Нет, вы лучше побудьте здесь, пока градоначальник не отзовет своих молодых...

ФИЛИПЮВ. Я лучше еще, еще позвоню... *(Подвигается к двери.)*

СЕРГЕЙ *(отстраняет его от двери)*. Нет, хозяин, оставайся лучше здесь!

В комнату вбегают несколько рабочих с криком: «Отошли, отошли от дома!» Стрельба затихла.

СЕРГЕЙ *(отводит Марата)*. Вам, товарищ, лучше уйти... Мы проводим вас через соседний двор.

МАРАТ. А сами?

СЕРГЕЙ. И сами уйдем.

МАРАТ. А забастовка?

СЕРГЕЙ. Забастовка уже началась... *(К рабочим.)* Как, товарищи, бастуем?..

Крики: «Ура! Бастовать! Бастовать! Да здравствует забастовка!..»

Картина вторая

Двор большого металлического завода в Замоскворечьи. Корпуса мастерских и цехов. Двор очень грязен. Около стены большая груда ржавого металлического лома, бревна, изломанные бочки и т. п. У ворот — будка сторожа. Ворота слегка приоткрыты. Около будки сидят на табуретах сторож Петрович, лет 45, с опухшим носом и подбитым глазом, и полицейский Ефим Иванович, лет 40, с большими рыжими усами и унылыми глазами. С завода доносится гул машин и стук молотков.

СТОРОЖ. Буянить стал народ... Вышел из повиновения, Ефим Иванович!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Плохо, друг Петрович!.. хочу, Петрович, бросить собачью нашу службу. Того гляди, прихлопнут...

СТОРОЖ. Меня уже хлопнули. Вишь, какой синяк поставили! И нос разбили... *(Осторожно ощупывает распухший нос.)* А я виноват, што ль? Заставляют следить — и слежу...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Как ваши рабочие?.. Не собираются бастовать?

СТОРОЖ. Кто ж их знает? Боязно подходить...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А мы сбились с ног... Не токмо днем, ночью нет покою! Наряды, засады, обыски, караулы... По-

ди, скоро все заводы забастуют... В деревню бы теперь!

СТОРОЖ. Ох, и в деревне не лучше нынче, Ефим Иванович! Пишут мне, барин из усадьбы утекать собирается. Грозят поджечь...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. В стражники, што ли, податься?.. Все ж мужики — свой брат.

СТОРОЖ. Свой-то брат убить и рад. Ужокошат еще скорей!.. *(В ворота вваливаются гурьбой человек 10 молодых рабочих. Среди них — Северов в поношенном пальто и рабочем картузе.)* Куда прете?.. Вам чего надо?

1-Й РАБОЧИЙ *(рослый, сильный парень, подходит к Петровичу вплотную)*. А тебе какое дело, собака дуща? Один фонарь есть, хочешь получить второй? Подходящий инструмент у нас есть — во!.. *(Подносит к носу сторожа увесистый кулак.)*

СТОРОЖ *(испуганно пятится к будке)*. Да я ничего, братцы! Я ничего...

Полицейский бросается к калитке. Двое рабочих хватают его за руки.

2-Й РАБОЧИЙ. Куда бежишь, фараон? Погоди-ка...

3-Й РАБОЧИЙ *(хватает за шнур револьвера)*. Ну-ка, давай сюда твою пушку!..

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. У меня... нет револьвера, братцы! У меня... пустая... кобура. *(Хнычущим голосом.)* Не убивайте меня, братцы-ы!..

3-Й РАБОЧИЙ. Я тебе дам «братца»! Родственничек нашелся... *(Расстегивает кобуру.)* Фу, чорт! Кобура пустая... Тоже — воины! А я думал раздобыть себе пушку...

2-Й РАБОЧИЙ. Сними с него сеledку-то... *(3-й рабочий отстегивает шапку.)* Да отбери свисток. *(Полицейский отдает свисток.)* Что делать с этими гадами, Костя?

КОНСТАНТИН *(рабочий лет 30, слесарь, с энергичным лицом, с небольшими усами, — Северову)*. Как быть, Михал Андрееч?

СЕВЕРОВ. Заприте их пока в будку, ребята!

1-Й РАБОЧИЙ *(прогалкивает сторожа в будку)*. Иди в свою конуру, собачий сын!

2-Й РАБОЧИЙ (*подталкивает полицейского*). Лезь и ты туда, фараон!

3-Й РАБОЧИЙ (*подпирает дверь будки поднятым в мусорной куче колом*). Смотрите, сволочи, не шевельнуться, не пикнуть! А то мигом шеи свернем... Готово, товарищи! Саблишку сломать, что ли?

1-Й РАБОЧИЙ. Дай-ка ее мне, может, пригодится.

КОНСТАНТИН. Теперь — по мастерским, по цехам, товарищи! Давайте гудок и зовите всех во двор! Найдете сначала наших.

Рабочие исчезают в дверях корпусов. Остаются Северов и Константин.

СЕВЕРОВ. Пока идет неплохо, Костя!

КОНСТАНТИН. Чай, мы металлисты!.. Здесь много своих ребят. Если и не все партийные, то настроены хорошо. Но есть и упорные — из стариков. Придется нажать.

Раздается тревожный заводской гудок, который затем, время от времени, повторяется. Рабочие высыпают из дверей всех корпусов; большинство — в фартуках, очень оживлены. Стук молотков и гул машин замолкают. Северов и Константин взбираются на груды железного хлама.

КОНСТАНТИН. Сюда, сюда, товарищи!

Рабочие направляются к ним. В это время дверь будки с шумом открывается, выскакивает полицейский, падает, вскакивает и убегает на улицу. Крики: «Фараон убежал! Ату его!», — свист, улюлюканье, смех.

КОНСТАНТИН. Убежал, сукин сын!..

СЕВЕРОВ. Чорт с ним! Теперь он не опасен.

СТОРОЖ (*из будки*). Я тут, братцы, я тут!.. Это он убежал. Я тут!..

Смех, улюлюканье. Один из рабочих, пришедших с Северовым и Константином, снова подпирает дверь будки.

СЕВЕРОВ. Товарищи! Мы — делегаты только-что забастовавшего завода Густава Листа. Вы сами знаете, что делается в Москве. Забастовка типографских рабочих вырастает во всеобщую забастовку рабочих Москвы. Останови-

лись уже десятки заводов и фабрик. Металлисты должны быть в первых рядах...

Из стоящей особняком группы мастеров, надсмотрщиков и просто старых рабочих раздаются голоса: «Не желаем! Не хотим! Не надо! Долой!»

Однако основная масса рабочих заглушает эти возгласы шумным одобрением и криками: «Ур-ра! Бастовать! Бастовать! Да здравствует забастовка!»

Молодежь грозит кулаками первой группе и дразнит ее.

Один из мастеров кричит: «Айда опять на работу!»

Часть рабочих из первой группы направляется к дверям мастерских.

СЕВЕРОВ. Товарищи! неужели вы послушаетесь старых трусов и хозяйских подлиз? Страна корчится в муках. Кровь петербургских рабочих, расстрелянных царем, еще не отомщена. А вас зовут лизать пятки хозяевам, лобызать руки коронованного палача.

Двое или трое из первой группы с визгом бросаются к оратору с поднятыми кулаками и кричат: «Бунтовщик!.. Бей бунтовщика! В морду ему!»

Их схватывают молодые рабочие и толкают к воротам, награждая насмешками и тумачами.

КОНСТАНТИН. Так их!.. Дать им по загривку!

Дружные крики: «Бастовать! бастовать! На улицу! По домам! Не пускать в мастерские!»

Часть молодежи бросается в мастерские, выталкивает оттуда ушедших и оставшихся там. Их толкают к воротам. Заводской гудок ликующе ревет.

СЕВЕРОВ. Хорошо, товарищи металлисты! Не подкачали... А теперь на улицу, товарищи! Остановим заводы и фабрики во всем Замоскворечьи... Да здравствует всеобщая забастовка! Да здравствует революция!

Ликование и крики: «Ур-ра! Да здравствует забастовка! На демонстрацию! Да здравствует революция!»

Костя или кто-то из молодых рабочих запевает:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут... и т. д.

Молодежь, спешно выстраиваясь и увлекая за собой остальную массу рабочих, дружно подхватывает и направляет к воротам. Несется припев песни:

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ.

Картина третья

Большая текстильная фабрика в За-москворечьи. Видна часть корпусов. Вдоль улицы — дощатый забор около маленьких пригородных домов. На улице человек 30 городских. Ближе к рампе — помощник пристава и двое околодочных надзирателей в шинелях офицерского сукна. Помощнику пристава — лет 40, околодочные надзиратели несколько моложе.

ПОМ. ПРИСТАВА. Получены сведения, что забастовщики идут сюда, — останавливают фабрики и заводы. Нужно хорошенько угостить гостей... Ха! ха! ха!.. (Околодочные хихикают.)

1-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Угостим-с, Федор Иванович, угостим-с!

ПОМ. ПРИСТАВА. Возьмите, Николай Петрович, двенадцать человек из отряда и спрячьтесь во дворе... как его?.. вот тут, с правой стороны, большой такой дом...

1-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Господина Добронравова?.. Подрядчика?

ПОМ. ПРИСТАВА. Вот-вот! У него.

1-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Слушаю-с!

ПОМ. ПРИСТАВА. Когда забастовщики подойдут, не показывайтесь, но приготовьтесь

1-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Слушаю-с!

ПОМ. ПРИСТАВА. Пусть они дойдут до фабрики, — здесь мы ударим на них. А вы бейте их тогда сзади. Я дам свисток. По свистку и выбегайте. Покажем им стачку! Ха! ха! ха!

1-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Ловко придумали-с, Федор Иванович, ловко! (Посмеивается.)

ПОМ. ПРИСТАВА. Постарайтесь отрезать их от переулка.

1-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Слушаю-с! Прикажете стрелять при сопротивлении?

ПОМ. ПРИСТАВА. Воздержитесь! Пока не велено. Шашки у команды отточены, Иван Степанович?

2-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Так точно, ваше высокоблагородие!

ПОМ. ПРИСТАВА. Сам проверял?

2-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Так точно!

ПОМ. ПРИСТАВА. Бейте их шашками! Но не насмерть, — тоже пока не приказано. Нескольких нужно задерживать... Главарей конечно и крикунов.

1-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. А если они начнут стрелять?..

ПОМ. ПРИСТАВА. Из чего? Из палок?.. Или.. Они умеют стрелять только словами!..

2-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Слов ворох хуже, чем порох...

ПОМ. ПРИСТАВА. Что-о?.. Как?.. Это что за философия?

2-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Виноват-с, ваше благородие! Это, извольте видеть, покойный батюшка так выражались, — дьякон-с...

ПОМ. ПРИСТАВА. Смотрите у меня, не философствуйте больно, господин кутейник!.. Однако пора, ведите ваших людей, Николаев!

Первый околодочный надзиратель берет двенадцать полицейских и быстро уходит с ними.

2-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Ваше высокоблагородие, дозволейте доложить!

ПОМ. ПРИСТАВА. Что еще?

2-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Говорил со мной сегодня Ванька Фролов... известный вам вор-с, по прозвищу Ванька-Кайн.

ПОМ. ПРИСТАВА. Ну?..

2-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Предлагает организовать из воров дружину... группу-с... (тише) чтобы, значит, бить забастовщиков и революционеров.

ПОМ. ПРИСТАВА. Что же, это было бы неплохо.

2-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Только он просит дать ему десятка два револьверов.

ПОМ. ПРИСТАВА. Револьверы? Ну, это дудки! Он будет не только воровать, но и убивать, кого не надо, — ради грабежа.

2-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Как угод-но-с. Только он обещает убивать одних революционеро-в... Прикажете отказать?

ПОМ. ПРИСТАВА (обдумывая что-то). Приставу, Сергею Николаевичу, не докладывал о предложении Ваньки-Каина?

2-Й ОКОЛОДОЧНЫЙ. Никак нет-с! Вам первому доложил.

ПОМ. ПРИСТАВА. Хорошо! Приведи его завтра ко мне — часов в десять. Только, чтобы никто не заметил... (Прислушивается.) Кажется, идут?.. (Издали слышится пение: «Вышли мы все из народа» и т. д.). Скорее во двор!

Скрывается во дворе фабрики. Околодочный надзиратель с полицейскими спешно направляется туда же. Ворота закрываются. На улице перед фабрикой некоторое время никого не остается. Песня звучит все громче и ближе. Показывается толпа рабочих и работниц (человек 40 — 45). Среди них — Северов и Костя. Рабочие поют:

Время за дело приняться,
В бой поспешим мы скорей!
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей и т. д.

КОСТЯ. Ну, вот и фабрика Цинделя. Во двор по цехам, товарищи!

Рабочие направляются к воротам фабрики. Внезапно ворота открываются, и на рабочих бросаются с обнаженными шашками полицейские. За ними выбегают околодочный надзиратель и помощник пристава.

ПОМ. ПРИСТАВА. Бей их, сукиных сынов!.. Бей! (Свистит в полицейский свисток.)

Демонстранты, не ожидавшие нападения, шарахаются назад. Сзади на них бегут с обнаженными шашками полицейские из засады. Переполох, крики: «Засада! Окружены! Ой! Бей их!» и т. п. Начинается свалка. Рабочие, отбиваясь, стараются вырвать шашки. Еще вначале шарахнувшись толпа сбивает с ног Северова. Когда он приподнимается, один из полицейских, лет 26, схватывает его за руку и тянет к воротам фабрики. Северов отбивается и вырывается.

СЕВЕРОВ. Чего тебе надо, продажная сволочь?.. Пусти, негодяй!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А-а-а!.. Негодяй?.. Сволочь?.. Вот же тебе!

Полицейский взмахивает шашкой. Северов успевает схватить его за руку, ослабляя удар, направленный в голову. Однако лоб, правый глаз и щека мгновенно заливаются кровью. Северов шатается и, пятясь назад, опирается спиной на дощатый забор.левой рукой он старается стереть платком кровь с глаза, правую руку сунул в карман пальто. Кровь снова заливает глаз и лицо, течет на пальто и землю. Полицейский смущенно и испуганно смотрит на него, опустив шашку.

СЕВЕРОВ. Продажный убийца!.. Доволен?..

Подбегает второй полицейский с злым, красным лицом, лет 40.

2-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что? Здорово рубанул?..

1-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ой, кажется, убил!..

2-Й ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не беда, так и нужно! (Северову.) Ну, ты, иди во двор! Проучим... (Взмахивает шашкой.)

СЕВЕРОВ (выхватывает браунинг). Так нужно? Вот и вам! (Стреляет.)

Второй полицейский роняет шашку, хватается за раненую правую руку, сначала с ужасом на лице приседает, а затем вскакивает и с воплем: «Ой, убил!.. убил!..» — бросается к воротам фабрики. Первый полицейский бежит за ним, крича: «Ой!.. ой!.. стреляют!» Северов делает еще несколько выстрелов, вытирая с глаза кровь и целясь в помощника пристава. Последний скрывается во дворе. Ближайшие рабочие кричат: «Ура!» Кто-то еще стреляет. Полицейские, теряя шашки, спотыкаясь и падая, бегут к воротам фабрики и по улице. Вслед им летят камни, слышится брань, угрожающие крики. Некоторые рабочие преследуют полицейских, но большинство скрывается в переулок и уходит по улице назад. В окнах фабрики мелькают бледные лица рабочих и работниц. Северов, оставшись один, прячет в карман пальто револьвер, вытирает с лица кровь и, опираясь на забор, медленно подвигает-

ся назад. К нему подбегает молодой рабочий.

РАБОЧИЙ. Скорей, товарищ, скорей!.. Сейчас они начнут стрелять.

СЕВЕРОВ. Итти трудно... ослабел...

Во дворе фабрики раздаются выстрелы, шум, крики, стук падающих предметов.

РАБОЧИЙ. Скорей, скорей!.. Давай, помогу... (берет Северова под руку и тянет за собой.)

СЕВЕРОВ (делает несколько шагов, шатается, опирается на забор). Нет... не могу скоро... голова кружится...

РАБОЧИЙ. Ой, что же делать?.. (Беспомощно осматривается по сторонам, ища помощи.)

СЕВЕРОВ. Спасайся сам, товарищ!..

РАБОЧИЙ. Да ведь они убьют тебя, сволочи!.. (Хочет вести.)

Шум и гул голосов на фабрике усиливается. Слышны полицейские свистки. Вдруг раздается тревожный фабричный гудок.

СЕВЕРОВ. Стой!.. Стой!.. Слышишь?

РАБОЧИЙ. Что это?

СЕВЕРОВ. Забастовка!

Опирается спиной на забор, вытирает платком кровь, смотрит на фабрику. Слышен непрерывный гудок, шум и крики усиливаются, ряд окон в верхних этажах фабричного корпуса открывается, в окнах показываются возбужденные лица рабочих и работниц, в руках у некоторых рабочих тяжелые предметы для метания. В двух-трех окнах выкидываются куски красной материи, слышны крики: «Бастовать!.. Бастовать!.. Бей полицию! Гони полицию!.. Ура-а!..»

Полицейские, выбегая из ворот фабрики, скрываются в разные стороны.

СЕВЕРОВ (машет окровавленным платком). Да здравствует революция!.. Да здравствует революция!..

Рабочий бросает камнями в убегающих полицейских.

Картина четвертая

Одна из аудиторий Московского университета. Столы и скамьи расположены амфитеатром. В аудитории заседает Московский комитет большевиков. Присут-

ствуют: Марат, Камов, Соседка, Матвей, Платов и Владимир; позднее приходят Северов, Владислав и Михаил Миронович.

МАРАТ. Ну, как дела в районах, товарищи?

ПЛАТОВ. В Городском районе забастовка идет на убыль.

КАМОВ. В Бутырском и Пресненском районах тоже возобновились работы на многих предприятиях. Забастовка явно замирает.

МАРАТ. Чорт знает, что такое! Этого нельзя допускать...

КАМОВ. А что делать?

МАРАТ. Поддерживать настроение всеми средствами — будоражить, засыпать прокламациями, устраивать митинги и демонстрации. Мы должны добиться всеобщей забастовки — теперь или никогда!.. Как в Замоскворечьи, товарищ Матвей?

МАТВЕЙ. Крепко. Правда, и в Замоскворечьи кое-где рабочие встали на работу, зато к забастовке примкнул ряд новых и притом крупных предприятий. Сейчас бастуют почти все текстильщики. Предъявляются и политические, и экономические требования.

СОСЕДКА. У меня имеются сведения почти по всем районам. Говорить об убыли забастовки нет никаких оснований. Наоборот, число бастующих растет. Забастовка перебрасывается в окрестности Москвы и в уезды.

ВЛАДИМИР. Да, товарищи зря начинают ныть. Преждевременнѳ... В Питере, говорят, забастовка тоже растет.

СОСЕДКА. И по всей стране. По крайней мере, в больших городах.

ПЛАТОВ. Если железные дороги не останутся, всеобщей забастовки не будет.

КАМОВ. Это так.

МАРАТ. Да, чорт возьми, там плохо... Мешает железнодорожный союз, — мы, видите ли, нарушили их планы...

КАМОВ. Какие?

МАРАТ. Поспешили с забастовкой. Они, видите ли, собирались приурочить ее к созыву бульгинской думы...

ВЛАДИМИР. Вот дурачье!..

МАРАТ. Я думаю, хуже...

СОСЕДКА. Надо бросить на железные дороги все наши силы. Что говорит Михаил Мироныч?

МАРАТ. Брошены уже. Со вчерашнего дня там орудуют Владислав и Северов, и другие...

СОСЕДКА. А они будут на заседании?

МАРАТ. Должны... (*Дверь открывается.*) Да вот они!

Входят с оживленными, веселыми лицами Северов, Владислав и Михаил Миронович. У Северова на голове марлевая повязка.

СЕВЕРОВ. Ура, товарищи!.. Победа! Общее оживление и ликование.

МАРАТ. Все дороги забастовали?

ВЛАДИСЛАВ. Пока три.

МАРАТ. Какие?

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ. Казанская, Курская и Ярославская. Но теперь станут и другие, — лиха беда начало.

МАРАТ. А Николаевская?

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ. Остановим!

Оживленные разговоры. Марат, обняв Северова, отводит его ближе к рампе. Остальные окружают Михаила Мироновича и Владислава. Слышатся обрывки фраз и отдельные слова: «демонстрация», «столкновение», «жандармы», «бросили камни», «полиция», «побежали» и т. п.

МАРАТ. Здóрово, здóрово!.. Молодцы, не подкачали! Теперь можно говорить о всероссийской забастовке.

СЕВЕРОВ. А началось-то, брат, с Москвы!

МАРАТ (*смеется*). Да, да, ты оказался прав. Я, признаться, не ожидал... А как голова?

СЕВЕРОВ. Какая голова?

МАРАТ. Да твоя, — рана?..

СЕВЕРОВ. А-а, рана!.. Я забыл и думать о ней... Теперь бы оружия, побольше оружия!.. Об этом все кричат.

МАРАТ. Да, оружия у нас почти нет. Подкачали...

СЕВЕРОВ. Нужно взбунтовать войска!

МАРАТ. Это самый слабый участок... Силенок, чорт возьми, у нас мало. Ты посмотри, как все измотались!.. Однако, друг, нужно продолжать. (*Идет к*

кафедре, стучит по ней.) Товарищи! товарищи!.. к порядку! (*Разговоры стихают.*) Какие предложения, товарищи?

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ. Остановить все дороги! Артерии страны...

КАМОВ. Теперь надо остановить телеграф и почту.

СЕВЕРОВ. Правильно, — ударить по нервам страны!

ВЛАДИСЛАВ. Надо действовать через стачечный комитет. В него входят представители почти всех союзов.

СЕВЕРОВ. Разогнать нужно этот самозванный комитет! Кадетская штука!..

МАРАТ. Разгонять не стоит, но и создавать авторитета нельзя. Ох, уж эти союзы!.. (*Машет рукой.*)

СЕВЕРОВ. У меня есть предложение, Вергилий.

МАРАТ. Говори.

СЕВЕРОВ. Давайте, по примеру совета типографских депутатов, создадим совет рабочих депутатов. От всех баствующих предприятий...

МАРАТ. Это интересная идея!..

КАМОВ. А я опасюсь, что такой совет депутатов ослабит влияние партии, оттеснит ее на второй план.

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ. Вполне согласен. Не стоит создавать беспартийные рабочие организации. Довольно с нас союзов.

МАРАТ. Это же будет временная организация! Во всяком случае она лучше, чем стачечный комитет Союза союзов.

СЕВЕРОВ. Товарищи в корне неправы. Совет депутатов не ослабит, а укрепит влияние партии. Кто будет руководить им? Мы! В этом — все дело. У нас всего несколько сот партийных рабочих. Что мы можем сделать с огромной сырой массой баствующих?.. Многие рабочие пока боятся партий, а через совет мы всколыхнем до дна всю пролетарскую Москву. Все дело — в руководстве. Хуже будет, если за организацию совета возьмутся меньшевики, — они опошлят его.

МАРАТ. Идея, повторяю, великолепная, а страхи напрасны. Только где мы возьмем кадры для этой большой работы?

СОСЕДКА. По вопросу о кадрах я имею предложение.

МАРАТ. Какое?

СОСЕДКА. Я предлагаю выделить из комитета двух или трех человек с диктаторскими полномочиями, а комитету собираться лишь изредка. Сразу освободится много сил.

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ. Почему с диктаторскими полномочиями?

СОСЕДКА. Потому что революция — это война!

МАРАТ. Bravo, Соседка! Умное предложение. Я сам подумывал об этом.

ГОЛОСА. Верно, верно! Правильно! Так и нужно сделать!

МАРАТ. Желает кто-нибудь высказаться по предложению Соседки?

ГОЛОСА. Нет, нет! Согласны! Правильно!

МАРАТ. Назовем новый орган скромненько: исполнительной комиссией. Намечайте кандидатов, товарищи.

СОСЕДКА. Я предлагаю товарища Марата и товарища Северова. Пока довольно двух.

ВЛАДИМИР. Правильно!

МАТВЕЙ. Согласен!

МАРАТ. Других кандидатов нет?.. Очевидно, все согласны. Соседка как секретарь будет входить в комиссию.

СОСЕДКА. Только за распоряжениями... Я вообще хочу уйти на работу в район.

МАРАТ. Не сейчас. А дальше увидим... Еще что, товарищи?

КАМОВ. Я предлагаю перенести штаб-квартиру комитета в другое место. Университет кишит шпионами, близко и полицейские центры.

ПЛАТОВ. В том числе и охранка.

ВЛАДИМИР. Предлагаю перебраться к нам — в Техническое училище.

МАРАТ. То-есть в Лефортово?

ВЛАДИМИР. Да.

МАРАТ. Больно далеко...

ВЛАДИМИР. Зато безопасно. У техников есть надежная дружина.

СЕВЕРОВ. Пожалуй, теперь можно, раз комитет будет собираться реже.

За сценой слышен топот многочисленных ног и гул голосов. Все настораживаются.

ВЛАДИСЛАВ. Только-что говорили о полиции...

МАРАТ (*прислушивается*). Нет, это не то!..

Топот ног усиливается. Слышно пение: «Отречемся от старого мира»... Вдвери показывается студент.

СТУДЕНТ. Очень извиняюсь, товарищи! Пришли забастовавшие железнодорожники, а у нас все большие аудитории уже заполнены. Не сможете ли вы перейти в кабинет рядом. А тут мы откроем митинг...

МАРАТ. Превосходно, товарищ! Да мы, собственно, кончили...

СТУДЕНТ. Может, предоставите нам и ораторов?

МАРАТ. Конечно, конечно!..

СТУДЕНТ (*открывает обе створки двери и весело зовет*). Сюда, товарищи-сюда! Заходите сюда!

В аудиторию с пением входят рабочие, преимущественно железнодорожники, студенты, курсистки, публика с улицы. Рассаживаются по скамьям. Шум и пение.

МАРАТ (*обняв Северова, отходит в сторону*). Хорошо становится жить, Михаил!.. Удачное начало.

СЕВЕРОВ. Хорошо, Вергилий! Теперь бы нам только оружие...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

СЕВЕРОВ.

АЛЕКСИНСКИЙ, лет 26.

ПЕТР, рабочий-большевик, лет 24.

1-й СТУДЕНТ } Члены революционного

2-й СТУДЕНТ. } комитета по обороне уни-

3-й СТУДЕНТ } верситета

ГЛАВНЫЙ ЭКОНОМ, студент.

РЕКТОР университета, лет 40—45

ПОМОЩНИК ГРАДОНАЧАЛЬНИКА, генерал, лет 50

Студенты, рабочие.

МАРАТ

БАУМАН, лет 26, член ЦК большевиков.

ВЛАДИМИР.

СОСЕДКА.

ЕЛЕНА

ВЛАДИСЛАВ.

МАТВЕЙ.

ПЛАТОВ.

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ

ДАМА-КАДЕТКА, лет 28—30.

Картина первая

Большой кабинет в университете. Несколько длинных столов, шкафы с книгами, кресла, стулья и т. п. Две двери — направо и налево. У стен — корзины и мешки с продуктами: хлебом, колбасой, сыром, ветчиной и т. п. Идет заседание революционного комитета по обороне университета. За сценой — гул голосов, иногда заглушенные рукоплескания и возгласы.

СЕВЕРОВ. Как с продовольствием, товарищ эконом?

ГЛАВНЫЙ ЭКОНОМ. На сутки хратит, и даже с избытком, а дальше...
(Разводит руками.)

СЕВЕРОВ. В чем дело?

ГЛАВНЫЙ ЭКОНОМ. Полная блокада!.. Полиция, казаки и жандармы заняли улицы и переулки вокруг университета. Сегодня задержали все подводы с продовольствием.

СЕВЕРОВ. Предлагаю, товарищи, немедленно сократить паек вдвое. Согласны?

1-Й СТУДЕНТ (поднимает руку). Согласен!

ПЕТР. А я предлагаю сократить больше, — давать треть пайка.

2-Й СТУДЕНТ. Настроение и так заметно упало... Боюсь, что сокращение пайка вызовет всеобщее уныние.

ПЕТР. Пустяки! За рабочих я ручаюсь, — духом не падут. А студенты?.. Лучшие студенты тоже будут с нами! А трусов и шкурников выгоним вон. Пускай сдаются на милость полиции...

3-Й СТУДЕНТ. Верно!

СЕВЕРОВ. Не горячитесь, не горячитесь, товарищи! Особенно ты, товарищ Петр... В бою нужно прежде всего сохранять хладнокровие. Давайте сократим паек пока вдвое, а завтра, если осада не будет снята, сократим еще. Настроение же поддержим... Где товарищ Алексинский?

1-Й СТУДЕНТ. На митинге в соседней аудитории.

Слышны заглушенные аплодисменты и смех.

СЕВЕРОВ. Ну, вот он своими острогами будет поддерживать настроение. Да и мы все пойдем скоро на митинги...

Вопрос решен, товарищ эконом, проследите за выполнением.

ГЛАВНЫЙ ЭКОНОМ. Слушаю-с!
(Уходит в дверь налево.)

СЕВЕРОВ. Как с вооружением, товарищ Петр?

ПЕТР. Пока насчитали сто тридцать револьверов разных систем. Но патронов к ним мало...

СЕВЕРОВ. Распорядись прекратить стрельбу в цель, — нужно беречь каждый патрон. Бомбы получил?

ПЕТР. Только шесть штук, да и те не надежны: вряд ли взорвутся.

СЕВЕРОВ. Слабо!.. есть еще?

ПЕТР. В кавказской дружине есть два винчестера. Ну, а затем кинжалы, ножи, кастеты... Однако это — пустяковинка.

3-Й СТУДЕНТ. Мы разворотили оба двора, — будем отбиваться камнями!

СЕВЕРОВ. Камни против винтовок, а может, и орудий — тоже пустяковинка.

1-Й СТУДЕНТ (горячо). Мы будем драться кулаками и ногами, кусаться зубами, но только не сдадимся. Умрем, товарищи, а не сдадимся!..

СЕВЕРОВ (усмехаясь). Вопрос не в смерти, товарищ эсер. Умереть — не хитрая штука...

1-Й СТУДЕНТ. Наша смерть будет моральной победой, товарищи эсдеки!..

СЕВЕРОВ (усмехаясь). А все-таки настоящая победа куда лучше... Химическую лабораторию заняли, товарищ Петр?

ПЕТР. Да нет еще...

СЕВЕРОВ. Почему?

ПЕТР. Лабораторию запер на замок профессор. Лысый такой... Чуть не плачет от страха, — боится, что полиция арестует его. Трусливый чинуша!

СЕВЕРОВ (сдерживая гнев). И вы отступили?

ПЕТР. Не совсем. Студенты надеются уговорить его...

СЕВЕРОВ. Какие там еще уговоры! Отберите у него ключи или сломайте дверь, а его арестуйте!.. Вот и будет для труса оправдание.

ПЕТР. Слушаю!

СЕВЕРОВ. Опрсите также, кто из студентов знает сносно химию. Попробуем изготовлять нитроглицерин и динамит.

3-Й СТУДЕНТ. Кислоты и едкие щелочи можно использовать и сами по себе. Если разлить по колбочкам.

СЕВЕРОВ. Резонно!.. Часть кислот и колбы волоките сюда, товарищ Петр. А профессора арестуйте!

ПЭТР. Иду! *(Уходит налево).*

В правую дверь входит студент-грузин с винчестером в руке.

СТУДЕНТ-ГРУЗИН. Разрешите доложить! Ректор хочет говорить с революционным комитетом. Просит принять его немедленно.

СЕВЕРОВ. Попросите ректора подождать минуту.

СТУДЕНТ-ГРУЗИН. Слушаю! *(уходит.)*

СЕВЕРОВ. Прошу всех, кроме членов революционного комитета, покинуть помещение. Разговор будет секретный. У двери поставить стражу и не пускать никого без разрешения.

Все, кроме членов революционного комитета, выходят.

СЕВЕРОВ. Прошу выслушать меня внимательно, товарищи! Вчера мы с товарищем Алексинским получили от Московского комитета нашей партии неутешительное сообщение. Гласные городской думы и либеральные организации отвергли требование революционных партий образовать временный революционный комитет Москвы и вооружить рабочих. Этого нужно было ждать. Рабочие готовы драться, но у них нет оружия. На немедленное восстание в войсках надежды нет. Комитет предлагает нам по возможности мирно закончить университетский инцидент.

Тяжелое молчание.

1-Й СТУДЕНТ. А комитет социалистов-революционеров?

СЕВЕРОВ. От эсеров никаких известий нет. Не получили мы и бомб, которые просили у них.

2-Й СТУДЕНТ *(уныло)*. Что же теперь делать?

Тяжелое молчание.

СЕВЕРОВ. Этот вопрос обсудим, выслушав предварительно ректора. Он несколько раз предлагал свое посредничество. Бойтся за университет. Вчера мы сказали ему, что будем защищаться до последней капли крови. Если же окажется нужным, сами сожжем университет. Но на определенных условиях мы согласны уйти из университета!..

3-Й СТУДЕНТ. На каких условиях?

СЕВЕРОВ. Осада университета должна быть немедленно снята, войска и полиция отведены в казармы и участки. Мы выходим сплоченной массой и расходимся там, где найдем нужным. Никто не может быть арестован или обыскан!..

2-Й СТУДЕНТ *(уныло)*. Таких условий не примут!..

3-Й СТУДЕНТ. А какие гарантии?

СЕВЕРОВ. О гарантиях будем говорить, получив ответ. Предлагаю выслушать сейчас ректора. *(3-му студенту.)* Пригласите его, пожалуйста, сюда.

3-й студент выходит и тотчас возвращается в сопровождении ректора университета. Вместе с ними входит Алексинский.

РЕКТОР *(с довольной улыбкой)*. Здравствуйте, господа! Я пришел с благими вестями. *(Северову.)* Господит градоначальник согласился с вашими условиями!..

СЕВЕРОВ *(сдержанно)*. Со всеми?

РЕКТОР. Почти со всеми. Осада будет снята и полиция отозвана. Останется лишь небольшая воинская часть!..

СЕВЕРОВ. Это зачем же?

РЕКТОР. Для порядка. Чтобы предупредить столкновение с известной частью населения!..

1-Й СТУДЕНТ. Это ловушка, господин ректор!

РЕКТОР *(нерешительно)*. Почему — ловушка?.. Знаете, черносотенцы, хулигапы!.. Его превосходительство заверяет!..

3-Й СТУДЕНТ. Врет ваш превосходительный жандарм! С черносотенцами мы сами справимся!.. Нас хотят перебить, как цыплят!..

СЕВЕРОВ. Спокойствие, товарищи, спокойствие!.. Господин ректор! Скажи-

те по совести, уверены ли вы сами в искренности полицейских обещаний?

РЕКТОР (*неуверенно разводит руками*). Как можно поручиться?.. Но это же не полиция, это — господин градоначальник...

СЕВЕРОВ. Это все равно, — они одним миром мазаны! Какие гарантии дает градоначальник, что его обещание — не полицейская хитрость?

РЕКТОР. Какие же гарантии?.. Ни о каких гарантиях я не осмелился бы говорить с ним...

СЕВЕРОВ. А мы настаиваем на гарантиях! Пусть например градоначальник идет с нами, в нашем окружении...

РЕКТОР (*испуганно*). Что вы? что вы?.. Разве это возможно!.. Хотите, я выйду из университета вместе со студентами...

СЕВЕРОВ. Господин ректор!.. Какое это будет иметь значение? Вас с удовольствием укокошат вместе с нами...

ГОЛОСА. Правильно! Конечно! Что и говорить!

РЕКТОР (*растерянно*). Но что же делать? Я не могу просить господина градоначальника...

СЕВЕРОВ. А вы не просите. Вы только передайте ему наше категорическое требование.

ГОЛОСА. Правильно!

РЕКТОР. Я не могу, не могу... Говорите сами, господа... Помощник градоначальника у меня в кабинете. Скажите ему сами...

СЕВЕРОВ. У вас?.. Вот и прекрасно! Мы сами потребуем у него гарантий... Товарищ Алексинский, пойдемте с господином ректором!

АЛЕКСИНСКИЙ (*во время разговора с ректором иронически усмехается*). Я не пойду.

СЕВЕРОВ. Как?.. Что вы сказали?

АЛЕКСИНСКИЙ. Я сказал, что не пойду.

СЕВЕРОВ (*изумленно*). Почему?... Извиняюсь, господин ректор, — только несколько слов с товарищем... (*Отходит с Алексинским в сторону; студенты оживленно разговаривают с ректором*). Почему вы не хотите идти?

АЛЕКСИНСКИЙ. Потому что не хочу быть дураком... Это же провокация!

Нас арестуют или прихлопнут, а я не хочу гибнуть из-за глупой игры в восстание... Меня обещают вывести через соседний двор. Я скроюсь при первой возможности, советую и вам сделать это.

СЕВЕРОВ (*сдерживая гнев*). Вы говорите серьезно?

АЛЕКСИНСКИЙ. Вполне.

СЕВЕРОВ. Вот что, Алексинский... Если вы хотите остаться в рядах партии, не смейте бежать! Это будет ударом по партии... Понимаете или нет?

АЛЕКСИНСКИЙ (*насмешливо*). Нет, не понимаю. Почему?

СЕВЕРОВ (*пожимает плечами*). Объяснять бесполезно и не время... На переговоры я пойду с товарищем Петром. Рекомендую вам остаться здесь, хотя бы до нашего возвращения. А там поступайте, как знаете. Уйдете отсюда — уйдете из партии...

Отворачивается от него и подходит к ректору. Алексинский несколько смущен, но пожимает плечами с усмешкой. В кабинет входят Петр и несколько студентов, несущих большие бутылки с кислотами и корзину с колбами.

ПЕТР. Готово!.. Ставьте вот сюда в угол, товарищи... (*Студенты устанавливают бутылки с кислотой и колбы*). Осторожней, осторожней!..

РЕКТОР (*изумленно*). А... а это что же?..

СЕВЕРОВ. Одно из наших орудий, господин ректор! Серная и азотная кислоты...

РЕКТОР. Какое безумие, какое безумие, господа!..

СЕВЕРОВ. Товарищ Петр, пойдем-ка в кабинет ректора для переговоров с помощником градоначальника.

ПЕТР (*оглядывая свой потертый рабочий костюм*). Подойду ли?..

РЕКТОР. Мне кажется, будет лучше, если пойдут студенты...

СЕВЕРОВ. Резонно! Товарищи, одолжите-ка мне на время тужурку и фуражку. И Петру тоже... (*Оба передеваются в студенческие тужурки, перекладывают из снятых пиджаков револьверы в карманы тужурок*). Идемте, господин ректор!

РЕКТОР (*укоризненно качает головой*). Ах, господа, господа!.. Какое безумие!.. (*Выходят.*)

СЕВЕРОВ (*останавливается у двери*). Если нас арестуют, сдаваться не рекомендую... Поддерживайте боевое настроение у осажденных, товарищи...

Картина вторая

Кабинет ректора. Солидная кожаная мебель, книжные шкафы, мягкие ковры, большой письменный стол, телефон и т. п. По кабинету ходит, насупившись и временами пожимая плечами, помощник градоначальника в генеральском военном сюртуке, со шпорами; ему лет за 50; в волосах и окладистой бороде—седина.

РЕКТОР (*входит с клоном*). Ваше превосходительство, со мной пришли представители студентов... Они желают переговорить с вами.

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА. Моп диец, что им еще нужно?.. Вы же сказали им, что мы их выпускаем и никого не задержим? Кажется, снисходительней и великодушней не могло бы поступить и республиканское правительство. Только принимая во внимание ряд соображений. Не понимаю, чего им надо!

РЕКТОР Они хотят... гарантий...

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА. Что? (*Краснеет от гнева.*) Гарантий? Каких это гарантий?.. Мерзавцы!

РЕКТОР (*испуганно*). Не могу знать, ваше превосходительство... Не могу знать!

ПОМ ГРАДОНАЧАЛЬНИКА. Мерзавцы! (*Нервно ходит по кабинету.*) Если бы не Петербург... Чорт знает, что делается! Придется выслушать... Пригласите их сюда, господин ректор! (*Ректор выходит.*) Мерзавцы!.. мерзавцы!.. (*Грозит кулаком.*)

Ректор возвращается в сопровождении Северова и Петра.

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА (*гневно, почти кричит*). О каких это гарантиях хотите вы говорить, господа студенты?

СЕВЕРОВ (*спокойно*). А чего вы кричите-то! О гарантиях, что нас не обманут, не предадут, не перебьют, господин генерал...

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА. Как смеее говорить вы так!.. (*Краснеет, кричит, топая ногами.*) Мальчишки!.. Мятыежные мальчишки!.. Высшая власть обещает выпустить вас... и даже охранять... понимаете—ох-ра-нять!.. А вы не верите ей?.. Мальчишки!.. Бунтовщики!

ПЕТР. Вот так встреча!..

СЕВЕРОВ (*спокойно*). Подожди... (*Твердо и отчетливо.*) Послушайте, генерал, если вы будете говорить в таком тоне, нам бесполезно оставаться здесь.

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА (*тоном ниже, но сердито*). Что же, я должен еще любезничать с дерзкими мятежниками? с молокососами...

СЕВЕРОВ. Пойдем, товарищ Петр, назад! Прощайте, господин ректор! Обман не удался, господин полицейский генерал.. (*Направляются с Петром к двери.*)

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА (*меняет тон*). Подождите, подождите, господа!.. Извиняюсь... Поймите же, господа, что и у нас есть нервы.

СЕВЕРОВ (*усмехается*). Понимаем... Способны вы говорить в приличном тоне?.. Только при этом условии мы можем вести переговоры.

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА. Ну, ну, ну!.. Не будем взвинчивать друг друга, молодые люди. Садитесь, пожалуйста! (*Указывает на кресла перед столом.*) Присаживайтесь, господин ректор. (*Садится за письменный стол*)

РЕКТОР. Благодарю вас, ваше превосходительство (*Садится сбоку стола.*) Пожалуйте, пожалуйста, господа!

Северов и Петр садятся в кресла перед столом.

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА. Ах, молодежь, молодежь!.. Безумная молодежь! Ну, бунтует разная рвань — рабочие, крестьяне... А вы зачем портите себе жизнь и карьеру?..

ПЕТР (*с недоумением Северову*). За чем это он опять?

СЕВЕРОВ (*сдерживает его, усмехаясь*). Подожди.. Помолчи... Виноват, генерал, не перейти ли нам прямо к делу?

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА. Ну, ну, ну!.. не обижайтесь. Я ведь для вашей же пользы... Господин ректор пере-

дал вам наши условия? Мы никого не задержим и даже не обыщем, хотя знаем, что у некоторых есть огнестрельное оружие...

ПЕТР (*внушительно*). И даже бомбы.

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА (*снова краснеет от злости, но сдерживается*). Вот как!.. Мы вас все же не тронем.. Но и вы должны подчиниться нашим требованиям. Итти в указанном направлении, без песен и враждебных возгласов, расходиться небольшими группами.

СЕВЕРОВ. Полиция, жандармы и казаки будут уведены?

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА. Да, останется только несколько конных отрядов. Для вашей же охраны. Драгуны.

СЕВЕРОВ. От кого же они будут охранять нас? От полиции?

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА (*пожимает плечами*). От народного гнева, молодой человек, от народного гнева! Население, возмущенное...

ПЕТР. Это черная сотня, что ли? Мы справимся с ней сами!

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА (*сучо*). Небольшой отряд для поддержания порядка останется. Это окончательный и решительный приказ градоначальника. Теперь скажите, что вам еще нужно. Вы просите каких-то гарантий?

СЕВЕРОВ. Мы требуем, чтобы с нами шел, пока все не разойдется, сам градоначальник или другое ответственное лицо.

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА (*вскакивает, запальчиво*). Что?.. Да как вы смеете?

СЕВЕРОВ (*хладнокровно*). Спокойствие, спокойствие, генерал! Садитесь, пожалуйста.. Наше требование — естественное, понятное и безусловное. Чего же горячиться?

ПОМ ГРАДОНАЧАЛЬНИКА (*садится, сдержанней*). Но поймите же.. Это чорт знает что! Вы не верите обещанию самого градоначальника..

СЕВЕРОВ Мы не верим прежде всего полиции и . разной охране. Учены и многократно биты . Наше требование — тоже окончательное и решительное. При

несогласии останемся в университете.

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА. Это странное условие не имелось в виду и не обсуждалось. Я должен сообщить о нем господину градоначальнику.

СЕВЕРОВ. Обязательно сообщите! Вот, кстати, телефон. Надеюсь, он не выключен?..

РЕКТОР (*помощнику градоначальника*). Не выключен, ваше превосходительство!

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА (*звонит, снимает трубку*). Дайте, пожалуйста, кабинет господина градоначальника. Говорит помощник градоначальника... Ваше превосходительство? (*Кланяется*) Честь имею!.. Так точно, из кабинета ректора. Да, согласны, но настаивают на гарантиях.. высказывают невозможные, невыполнимые пожелания.. Они хотят, чтобы вы, ваше превосходительство, или иной ответственный представитель власти шел с ними... Да, ваше превосходительство... Я? Но, ваше превосходительство!.. Да... слушаю-с! (*Кладет телефонную трубку, некоторое время молчит*) Странно! Градоначальник согласен, господа студенты Мне приказано сопровождать вас. Довольны?

СЕВЕРОВ. Не то, чтобы очень довольны, но обсудим в аудиториях, на общих собраниях Так, что ли, товарищ Петр?

ПЕТР Пойдем, — поговорим!.. (*Встает.*)

ПОМ ГРАДОНАЧАЛЬНИКА. Виноват, господа, еще минутку... Теперь позвольте мне поставить вопрос о гарантиях. Чем вы гарантируете мою неприкосновенность и безопасность?

СЕВЕРОВ (*подчеркивая*). Нашим присутствием около вас, нашей дружной и невмешательством полиции. Предупредите полицию и через нее охранников, шпионов, провокаторов и прочую мразь, что немедленно уложим всякого, кто вздумает внести смятение. Об этом мы известим всех дружинников, всех наших товарищей... Иных гарантий поедоставить не можем.

РЕКТОР Позвольте заявить, ваше превосходительство, что и я пойду вместе с вами.

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА. Да, конечно, конечно.. Непременно! Надеюсь, что все улажено, молодые люди?

СЕВЕРОВ. Нет, мы сначала сообщим обо всем товарищам. Через час-полтора дадим окончательный ответ... До свиданья!

ПОМ. ГРАДОНАЧАЛЬНИКА. Поверьте сами и убедите других, что мы действуем совершенно искренно. Я не могу всего сказать, но... скоро сами узнаете... До свиданья, господа!

Северов и Петр уходят.

РЕКТОР. Как я благодарен вам, ваше превосходительство, и господину градоначальнику!.. Это — высоко разумное и мудрое отношение истинно-государственных людей...

ПОМ ГРАДОНАЧАЛЬНИКА (*грозит кулаком*). Да, но какая дерзость со стороны этих мятежных молодцов!.. Ну, и времена!.. Какое-то светопреставление!

РЕКТОР. Увы, революция, ваше превосходительство! Общая смута...

Оба опускаются в кресла.

Картина третья

Большой кабинет в Техническом училище. Вдоль стен — шкафы с книгами, приборами, коллекциями и т. п. На стенах висят чертежи. Несколько столов, кожаные кресла, стулья и скамьи. На одном из столов горит большая керосиновая лампа и несколько свечей. В кабинет входят Марат и Северов.

МАРАТ. Сегодня соберется весь комитет. Нужно решить, что делать дальше.

СЕВЕРОВ. Очень хорошо.. Я, кстати, должен поговорить с некоторыми товарищами. Университетская история помешала мне немного..

МАРАТ. Признаться, мы были уверены, что осада университета кончится чудовищным побоищем. Такой благополучный исход — совершенно неслыханный случай!.. Удивляюсь однако, как это вы рискнули поверить обещаниям полиции!

СЕВЕРОВ. Другого выхода не было... Но мы потребовали, чтобы градоначаль-

ник шел вместе с нами. Я же твердо решил пристрелить его в случае вероломства...

МАРАТ. И он согласился?

СЕВЕРОВ. Чтобы я пристрелил его?.. (*Смеется.*)

МАРАТ (*смеется*). Выходит что-то в этом роде. Я имел конечно в виду — итти с вами

СЕВЕРОВ. Нет, он послал своего помощника .

МАРАТ. Однако серьезно,—это невероятный для России случай!

СЕВЕРОВ. Да, невероятный... И тем не менее это факт, — нас выпустили с оружием, никого не задержали, никого не обыскали...

МАРАТ. И ни одного провокационного выстрела?

СЕВЕРОВ. Мы предупредили, что будем уничтожать провокаторов.. Был все-таки один критический момент. По Никитской улице между выстроенными дружинниками вдруг ринулся, гремя оружием, эскадрон драгун... Я вынул револьвер и вплотную подошел к помощнику градоначальника. Он был бледен и трясся... Но отряд проскакал и занял несколько переулков по правой стороне улицы.

МАРАТ. А потом?..

СЕВЕРОВ. Потом вышла вся масса осажденных, и мы двинулись по Никитской улице к бульварам. Часть разошлась группами по дороге, большинство — около бульваров.

МАРАТ. Чем же ты объясняешь все эти чудеса?

СЕВЕРОВ. Революция, друг, революция!. Вынужденная революцией перемена полицейской тактики.

МАРАТ. Возможно.. Последнее время Витте проявляет большую активность. Не его ли лисий хвост начал орудовать?

СЕВЕРОВ. Вот, вот!.. Я почти уверен, что готовится какой-то акт, — какая-нибудь уступочка либеральной буржуазии и интеллигенции. Это чувствовалось по некоторым намекам полицейского генерала. Но главное—поведение администрации ..

МАРАТ. А приказ «Патронов не жалеть»?..

СЕВЕРОВ. Будет неуклонно применяться к революционным массам. Здесь же было много студентов. .

Стук в дверь; показывается улыбающееся лицо Баумана.

БАУМАН. Здравствуйте, товарищи диктаторы! Войти можно?

МАРАТ. Что за вопрос, Николай Эрнестович! Иди скорей к нам... *(Бауман пожимает руки)*

СЕВЕРОВ. Нужно и тебе, дядя Коля, войти в состав исполнительной комиссии Работы — бездна.

БАУМАН. Нет, нет!.. Дайте, братцы, сначала осмотреться. Ведь я без малого полтора года просидел в тюрьме... А тут такая поразительная перемена! Я не узнаю московских рабочих, таких, казалось, забитых и терпеливых. Я ношусь с митинга на митинг, и мне кажется, что я вижу и слышу все это во сне. какие-то чудеса!..

МАРАТ. Пролетарская революция и должна творить чудеса. Подожди, мы и не то еще увидим.

БАУМАН. А вы думаете, это — пролетарская революция?

СЕВЕРОВ. По крайней мере ее начало. Руководящая роль в нашей революции несомненно принадлежит пролетариату. А это много значит.

БАУМАН *(раздумчиво)*. Да... Может быть. . Хорошо бы посмотреть, что делается теперь в Питере!

МАРАТ ЦК сообщает, что налаживается соглашение с меньшевиками. Решено созвать объединенный съезд, а пока создан федеративный совет.

БАУМАН. Для чего?

МАРАТ. Чтобы регулировать общие выступления. Нам предлагают создать и в Москве такой же совет.

СЕВЕРОВ. А не значит ли это — впрягать в одну телегу коня и трепетную лань!

МАРАТ. Попробуем.. С московскими-то меньшевиками мы справимся. Я уже сговорился с комитетом. От большевиков в федеративный совет войдем мы с тобой, Михаил...

СЕВЕРОВ. Раз предложение ЦК, нужно, разумеется, выполнять..

БАУМАН. Кто сейчас руководит работами ЦК в России?

МАРАТ. Богданов.

БАУМАН. Надо будет поговорить с Иннокентием. Посоветую ему поехать в Питер.

МАРАТ. Не мешало бы и тебе заглянуть туда.

СЕВЕРОВ. Эх, если бы приехал поскорей Ленин!

БАУМАН. Вот это было бы великолепно!

Входят члены комитета: Соседка, Елена, Владислав, Матвей, Михаил Миронович и Платов. Здороваются.

МАРАТ. Запаздываете, товарищи!.. Ждать остальных не будем, давайте начинать...

Входит Владимир.

ВЛАДИМИР. Вергилий Леонович, тут бегаёт какая-то прилично одетая дама и разыскивает наш комитет. Случайно наткнулась на меня. Уверяет, что имеются очень важные новости...

МАРАТ. Вот тебе на!.. Прилично одетые дамы знают, где собирается комитет партии.. У нас совсем ослабела конспирация, это никуда не годится, товарищи!

СОСЕДКА. Да, штаб-квартиру комитета снова придется переменить.

ПЛАТОВ. Давайте однако послушаем, что за новости хочет сообщить прилично одетая дама.

МАРАТ. Стбит ли?

БАУМАН. Думаю, стбит... Теперь время сногшибательных новостей..

МАРАТ. Ну, что же, веди, Владимир, свою прилично одетую даму..

ВЛАДИМИР. Вовсе она не моя! Скажет тоже... *(Выходит.)*

ЕЛЕНА. Странный все-таки случай. Вместе с Владимиром появляется дама лет 28—30, в нарядном осеннем пальто и шляпке, с ридикюлем в руках; она с нескрываемым любопытством рассматривает присутствующих в лорнет.

ДАМА. Здравствуйте, господа!.. Вы, значит, и есть комитет рабочей партии?

МАРАТ *(сухо)*. Здравствуйте, сударыня... А вы кто такая? И что вам нужно от комитета?

ДАМА *(важно)*. Я член партии народной свободы..

ЕЛЕНА. Как?.. Это что за партия?

ДАМА (обиженно). Странно, неужели вы не знаете нашей партии?.. В нее входят лучшие люди России: профессор Милюков, профессор Винавер, профессор Новгородцев, Родичев, князь Долгорукий, князь Трубецкой и другие. Наконец бывший ваш товарищ — Петр Бернгардович Струве. Читали же вы наш нелегальный журнал «Освобождение»?

ЕЛЕНА. А-а, кадеты..

ДАМА. Ну, вот опять это!.. Вы всем, положительно всем даете обидные клички и прозвища — эсеры, меньшевики, папуасы какие-то.. Наконец кадеты, ну, почему мы кадеты?.. Почему? Что мы, школьники, ученики кадетского корпуса?.. (Все невольно смеются.) Ну да, — мы самая молодая революционная партия... (Смех.)

МАРАТ (усмехается). Даже революционная!.. Ах, гражданка... Не знаете даже, что вы член конституционно-демократической партии...

ДАМА. Ах, вот что!.. Теперь понимаю. Конституционные демократы.. Кадеты... кадеты.. А я думала...

СОСЕДКА. Не пора ли прекратить эту болтовню!

МАРАТ. Да, да... Я извиняюсь. Вы не ответили на главный вопрос, гражданка, — зачем вы здесь?

ДАМА (обиженным тоном). Никак не ожидала такой встречи... (Оживленно.) А я принесла вам, господа, радостную весть... Очень радостную! И поздравления от нашего съезда: у нас, знаете, учредительный съезд... Революция окончилась!

МАРАТ. То-есть как это?.. Кто же ее кончил? (Смех.)

ДАМА (весело). Ну да, окончилась, потому что царь уступил... Он подписал манифест о конституции, о свободах, о неприкосновенности лица. то-есть я ошиблась, — личности, личности.. Одним словом, дает все, что мы хотели и о чем просили. Манифест будет опубликован завтра, а мы получили его раньше. Благодаря связям... (Общее движение.)

МАРАТ. Вы это серьезно, гражданка?

ДАМА. Ну да, очень серьезно! Съезд поручил мне поздравить вас и передать копии... (Роется в ридикюле.)

Вот она!... Ах, нет, извиняюсь, это записка... (Роется.) Вот!

Подает Марату текст манифеста. Общее движение. Марат просматривает манифест, усмехается и передает, пожав плечами, Северову.

МАРАТ. Ты был прав. Действительно — акт, но только какой!..

СЕВЕРОВ (просматривает манифест). Да, хитрая и подлая бумажка!..

Передает манифест Бауману. Текст переходит из рук в руки.

МАРАТ. Да, манифест... Позвольте мне, товарищи, дать ответ съезду конституционно-демократической партии без обсуждения... Не стоит задерживать и его милую посланницу. (Дама кивает головой и жеманно улыбается.)

БАУМАН. Вали, вали, Вергилий!

МАРАТ. Передайте съезду вашей партии, что мы благодарим за любезную присылку нам манифеста... Передайте съезду, что, по нашему мнению, революция только началась, а не кончилась. Передайте съезду, что мы считаем наивными простаками тех, кто верит в искренность и действительность даже тех жалких обещаний, которые содержатся в этой бумажке... (Гул одобрений, возгласы: «Правильно»...) Запомнили, сударыня?..

ДАМА (растерянно). И это все?..

МАРАТ. Да, все... Прощайте!

ДАМА (разочарованно и смущенно). Странно, очень странно.. А я думала, вы обрадуетесь, как и мы. Так торопилась! Прощайте, господа! Очень жаль... (Уходит, пожимая плечами; смех.)

СОСЕДКА. Ну, и дура!

ЕЛЕНА. Классическая...

МАРАТ. Чего же вы хотите от наивной кадетской дамы!..

БАУМАН. Вот так партия «народной свободы»!.. Однако, все-таки, манифест, товарищи...

СЕВЕРОВ (вторично просматривая манифест, машет им). Да, манифест... Какая это гнусная смесь трусости, лицемерия и подлых угроз кнутом, товарищи!.. Несомненно одно — революция здорово напугала царя.

МИХАИЛ МИРОНОВИЧ. По правде говоря, манифест появился, товарищи, во-время... Железнодорожники на-

чали толковать уже о прекращении забастовки.

ВЛАДИСЛАВ Да, и восторг кадетской дамы понятен.. Как-никак — конституция!

МАТВЕЙ. Я не понял главного, — дается всеобщее избирательное право в государственную думу или нет? Манифест написан таким суконым языком...

МАРАТ. Держи карман шире!..

ПЛАТОВ. «По мере возможности»...

БАУМАН Кукиш с маслом, товарищ Матвей, кукиш!..

СЕВЕРОВ. Обратите, товарищи, внимание на конец манифеста.. Там явный призыв к погромам.

МАРАТ (*просматривает манифест*). Это верно! Прослушайте заключительные слова (*читает*): «Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира по родной земле»... Как вам это нравится?

БАУМАН. Будут погромы, будут убийства!..

СОСЕДКА. Уж они установят тишину!..

ВЛАДИМИР. Да, пахнет обращением к черной сотне..

МАРАТ. Я думаю, товарищи, что прекращать политическую забастовку пока не следует... (*Голоса: «Правильно!»*). А предательский манифест разоблачать на всех митингах..

ГОЛОСА. Правильно!.. правильно!..

ПЛАТОВ. И нужно призывать к устройству революционных демонстраций..

СЕВЕРОВ. Вот это хорошо! Притом нужно вовлекать в них солдат, да с оружием..

СОСЕДКА. А товарищу Северову написать прокламацию.

МАРАТ. Да, напиши, Михаил, — и поскорей да погорячей...

СЕВЕРОВ. Ладно.

БАУМАН. А я предлагаю двинуть завтра же рабочие демонстрации к тюрьмам. Потребуем освобождения товарищей!.. Это будет поверкой манифеста на деле... (*Задорно.*) Давай амнистию, чорт поберит!..

МАРАТ. Верно!.. Амнистия сразу увеличит наши силы.

БАУМАН. Вот, вот!.. Я завтра прямо отсюда поведу рабочих к Таганской тюрьме.

СЕВЕРОВ. Только не забудь собрать побольше дружинников и будь осторожен. Возможны разные провокации

МАРАТ. Позвольте, товарищи, объявить первое заседание комитета в конституционной России закончившимся...

Смех, аплодисменты, возгласы «браво!»; Бауман, грозя кулаком, с одушевлением поет.

Подожди, грозный царь,
Мы не станем, как встарь,
Безответно сносить свое горе.
За волною волна,
Подымаясь от сна,
Люд рабочий бушует, как море

Все дружно подхватывают припев:

Эх, машинushка, крепче!
Эх, железная сама идет!
Наладим, наладим!
Да пустим!

При пении следующего куплета:

Он разрушит вконец
Твой роскошный дворец и т. д.

занавес медленно опускается.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ОХРАННИК
МИХАЛЬЧУК
БАУМАН
ПЛАТОВ
МАРАТ
СЕВЕРОВ
МАРТЫН
АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ.
ЖЕНА БАУМАНА
ЕЛЕНА
ВЛАДИМИР
ВЛАДИСЛАВ
ИЗВОЗЧИК

Рабочие, работницы, студенты техники, дружинники

Картина первая

Немецкая улица. Ряд домов и заборов. Справа переулок, идущий вглубь улицы. Налево по улице — небольшая

фабрика *Шапова*. Недалеко от ворот старая извозчицья пролетка, видна согрившаяся спина старика-кучера. Вправо от ворот фабрики стоит, прислонившись к забору и оглядываясь по сторонам, борогатый и кудластый человек мрачного вида, плохо одетый, по виду — дворник. Слева, тоже оглядываясь по сторонам, появляется плотный человек с рыжими усами, в сапогах и коротком пальто. Когда пальто распахивается, видны синие брюки с красным кантом, — переодетый полицейский чиновник или охранник. Увидя оборванного человека, переодетый охранник зовет его знаками к себе. Тот отворачивается.

ОХРАННИК (заглушенным голосом). Т-сс!.. Сюда, сюда!.. (Оборванец оглядывается, но снова отворачивается.) Михальчук! Иди сюда, сволочь этакая!

МИХАЛЬЧУК (подходит, всматриваясь, потом снимает шапку). Здравия желаю, ваше благородие!.. Как вы переодевшись, не сразу узнал вас.

ОХРАННИК. Нужно смотреть хорошенько, дурак! Предупреждал ведь... Готовься к делу!

МИХАЛЬЧУК. Какому?

ОХРАННИК. Слушай внимательно... Из Технического училища движется сюда демонстрация — рабочие, студенты и всякая сволочь. По донесениям, они идут к тюрьме, освобождать, значит, политических.. Нужно помешать им.

МИХАЛЬЧУК. А каким манером?

ОХРАННИК. Они повернут в этот переулок... Непременно повернут. Нужно хорошенько кокнуть кого-нибудь из вожаков...

МИХАЛЬЧУК. До смерти?

ОХРАННИК. А что же?.. Вали и до смерти! (Насмешливо.) Тебе же не впервой, лохматый чорт. Знаем, ведь...

МИХАЛЬЧУК (угрюмо). Не стану. Не хочу..

ОХРАННИК. Что! А в тюрьму хочешь?.. На каторгу хочешь?.. Думаешь, не трогаем тебя из-за твоей прекрасной рожи! Смотри у меня..

МИХАЛЬЧУК. В каторгу лучше, чем смерть.. Ведь и меня могут кокнуть. У них оружие..

ОХРАННИК. Э, поганый трус! Мы будем здесь же. Видишь вон толпу (показывает налево) — наши ребята! Кокнешь — и беги к нам.

МИХАЛЬЧУК. Страшно все же...

ОХРАННИК (вынимает из кармана брюк полбутылку водки). Выпей для храбрости..

МИХАЛЬЧУК (жадно хватает водку и прячет за пазуху). А что будет?..

ОХРАННИК. Полное прощение за все старые дела, новый паспорт, служба, водка, деньги.. (Вынимает из кармана и сует несколько бумажек) Пока вот, задаток. Дать револьвер, что ли?

МИХАЛЬЧУК. Нет... Инструмент найдется, а этих штук я не люблю

Издали раздается пение рабочей марсельезы.

ОХРАННИК. Ну, вот они идут... Так мы будем стоять там. Кокнешь — и беги!

Бежит налево. Михальчук скрывается во дворе фабрички и скоро показывается в воротах с железным ломом в руках. Настороженно глядит вправо, налево, кивая головой. Пение усиливается, показываются ряды демонстрантов. Впереди, оживленно разговаривая и жестикулируя, идут Бауман, Платов, Владислав, Владимир, Елена.

БАУМАН (останавливается против переулка). Эх, хорошо, братцы, очень хорошо!.. Такое счастье, что и умереть было бы легко..

ВЛАДИМИР. Зачем умирать, — теперь только и начинается для нас жизнь... (Кричит подходящим первым рядам демонстрантов.) Направо, товарищи, направо! Здесь скорей дойдем..

Вместе с Владиславом и Еленой идут в переулок. Демонстранты тоже поворачивают в переулок. Некоторая задержка движения.

БАУМАН (вглядывается влево по Немецкой улице). А что это там за люди?

ПЛАТОВ. Вероятно рабочие. Здесь много маленьких заводов и мастерских.

БАУМАН. Нужно позвать их на демонстрацию.. (Кричит в ряды медленно продвигающихся демонстрантов) Стойте, товарищи!.. Дайте мне флаг! (Из рядов передают ему красный флаг.)

ПЛАТОВ. Не стоит задерживаться, дядя Коля! Там, кажется, небольшая группа..

БАУМАН Нет, стбит! Нужно увлечь всех, всю Москву!.. (Машет флагом, кричит.) К нам, к нам, товарищи!.. Идите сюда! Не слышат.. Не понимают... Нет, тоже машут. Ты иди дальше, а я побегу за ними...

ПЛАТОВ. Не нужно, дядя Коля, — отстанешь еще!.. И не известно, кто там

БАУМАН. Зовут... Я — мигом! Вот, кстати, извозчик...

Бежит и вскакивает в пролетку. Демонстрация продолжает медленно продвигаться. Михальчук, пряча лом за спиной, делает несколько шагов к пролетке.

БАУМАН (извозчику). Хорошо, хорошо!.. Только скорей! Вон к той толпе.

ИЗВОЗЧИК. Но!.. но!.. (Начинает хлестать лошадь.)

Слева раздается пронзительный полицейский свисток. Михальчук, нагнувшись, подбегает к пролетке и ударяет Баумана ломом по голове. Бауман, не выпуская флага, падает с коротким стоном с пролетки. Слева полицейские свистки и револьверные выстрелы. Михальчук, бросив лом, бежит налево. Туда же, громыхая, скачет пролетка.

ПЛАТОВ (сначала оцепенел, затем с отчаянием хватается за голову). Коля!.. Дядя Коля! Что ж это такое!.. Товарищи, остановитесь! Убили!.. Предательство!..

Ущепленные выстрелы и пронзительные свистки слева. Демонстранты шаркают частью назад, частью в переулок, толкая и сбивая с ног соседей. Смятение, вопли женщин, крики «За-сада! стреляют! убили! спасайся! стойте! стойте!» Из переулка выбегают дружинники, открывая беспорядочную стрельбу.

ПЛАТОВ. Вон! Вон!.. Они там... На помощь!.. Убийцы!

Выхватывает револьвер и, стреляя, бежит по направлению к Бауману. За ним, пригибаясь и стреляя, бросаются дружинники. Смятение и крики продолжают...

Картина вторая

Уже описанный большой кабинет в Техническом училище; первое заседание федеративного совета. От меньшевиков в нем принимают участие Андрей Михайлович (Исуф) и Мартын (партийные конспиративные клички), от большевиков — Марат и Северов.

МАРАТ (сдерживая раздражение). Мы создали федеративный совет для того, чтобы развивать дальше, а не гасить революцию... Стачечный комитет нужно разогнать, разогнать...

МАРТЫН. Почему?

МАРАТ. Потому что там верховодят кадетские адвокаты, инженеры, газетчики и прочая либеральная шушера...

МАРТЫН. Не понимаю, что тут плохого!.. Для успеха революции необходимо единение всех живых сил страны.

МАРАТ. Вот тебе на! Нашел живые силы страны...

СЕВЕРОВ. А вы знаете, какие постановления вынес сегодня стачечный комитет? Я не успел сказать тебе, Вергилий...

МАРАТ. Какие?

СЕВЕРОВ. Стачечный комитет постановил благодарить Витте за оказанные народу услуги..

МАРАТ. Что-о?..

СЕВЕРОВ. И просить его повергнуть к стопам Николая Кровавого чувства беспредельной благодарности...

МАРАТ. Ты шутишь?

СЕВЕРОВ. Нисколько. Мало того. Стачечный комитет постановил объявить забастовку законченной...

МАРАТ. Мерзавцы!.. А вы, случаем, не знали об этом, товарищи меньшевики?

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Кое-что слышали...

МАРАТ. И как относитесь?

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. По-разному. Я — отрицательно.

МАРТЫН. Первое постановление, разумеется, пересол...

СЕВЕРОВ. Как деликатно и снисходительно!

МАРТЫН (невозмутимо). Что касается второго постановления, то нужно признать, что стачка потеряла теперь всякий смысл.

МАРАТ. Почему?

МАРТЫН. Потому что, собственно говоря, политической стачкой большего, чем получили, добиться нельзя.

МАРАТ. Значит, необходимо вооруженное восстание! И к нему нужно готовиться.

МАРТЫН. Вооруженное восстание?.. Собственно говоря... знаете.... Не можем же мы не доверять обещаниям, провозглашенным перед лицом всего мира!

СЕВЕРОВ (вскочив). Какая пошлость!

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (укоризненно качает головой). Я не согласен с товарищем Мартыном...

МАРАТ (с негодованием). Какие обещания?.. Да вы понимаете, что вы говорите!

МАРТЫН (несколько смущен). О гражданских свободах... о неприкосновенности личности... о конституции, одним словом. В Германии например...

Дверь с шумом распахивается, в кабинет вбегает бледный, удрученный и взволнованный Платов.

ПЛАТОВ. Товарищи!.. Товарищ Марат!.. Несчастье... Ужасное преступление... (Хватается за голову.)

МАРАТ. Что, что такое?.. Что случилось?

ПЛАТОВ. Убит... убит дядя Коля...

СЕВЕРОВ. Кто?.. Дядя Коля?.. Николай Бауман?

ПЛАТОВ. Да... Убит Николай Бауман...

Тяжелое молчание. Все встают.

МАРАТ. Кем он убит? Полицией?..

ПЛАТОВ. Да... переодетым полицейским... или черносотенцем.. Полиция стреляла... вообще... (Закрывает лицо руками, отворачивается, сдерживая слезы) Ах..

МАРАТ. Успокойся, дорогой друг... выпей воды... (Наливает и подает стакан; Мартыну — с презрением.) Вот вам иллюстрация к вашей конституции!.. неприкосновенность личности..

СЕВЕРОВ (тихим голосом). Может быть, он.. только ранен?..

ПЛАТОВ. Убит... голова... череп проломлен... напавал...

МАРАТ. Где его тело?

ПЛАТОВ. Сейчас принесут сюда.. (Гул шагов и голосов.) Вероятно, несут.

В кабинет вносят безжизненное тело Н. Э. Баумана. Голова и лицо в крови. Несут и красный флаг, взятый у него из рук. Голоса. «Осторожней!.. осторожней!.. кладите на стол». Тело кладут на стол и, сложив руки на груди, покрывают красным флагом. Кабинет наполняется рабочими, работницами, студентами-техниками. Марат подходит к столу, оправляет флаг, целует Баумана в лоб, говорит взволнованно, — сначала тихо, потом громче и тверже:

МАРАТ. Товарищи!.. Убит Николай Бауман... Знайте, товарищи, не только мы, его друзья и соратники, — вся рабочая Москва, весь рабочий класс страны понесли тяжкую утрату.. Только интересами родного класса жил Николай Бауман. В борьбе за освобождение рабочего класса не раз лишался он собственной свободы. Только на этих днях выпустили его из тюрьмы после долгого заключения... А сейчас он отдал за дело рабочего класса самое ценное, что есть у человека, — свою жизнь... Товарищи! Совершенно подлое преступление... Предательски убит из-за угла один из лучших сынов рабочего класса, один из ваших вождей, товарищи!.. И совершенно это убийство в тот самый день, когда опубликован манифест о неприкосновенности личности, о политических свободах. Какое гнусное лицемерие! Какое подлое издевательство!.. Можно ли верить царю-лгуну, царю-провокатору, царю-убийце?..

КРИКИ. Нет!.. Долой убийцу!.. Смерть убийцам!.. Долой царя!..

МАРАТ. Дадим же над прахом убитого друга и вождя клятву — довести до конца дело, которому он отдал свою жизнь..

КРИКИ. Клянемся!. Клянемся!..

МАРАТ. А тебя, дорогой друг, никогда не забудет родной класс. Придет время, — и пролетариат-победитель воздвигнет тебе величественный памятник в сердце свободной страны. Мы же, твои соратники, клянемся борьбой и победой отомстить за тебя!..

КРИКИ. Клянемся!.. Отомстим!.. Так будет!.. (Гул одобренных)

СЕВЕРОВ. Я хочу сказать, товарищи, лишь несколько слов.. Хочу внести предложение, достойное покойного друга. Да, мы понесли тяжкую утрату... Но Николай Бауман был воином революции.

Не плачьте над трупами павших борцов, Погибших в борьбе за народ Шагайте бесстрашно по мертвым телам, — Несите их знамя вперед!

Так говорится в одной из боевых песен.. С красным знаменем в руках пал Николай Бауман. Мы не только подхватим это знамя, мы сделаем его, Николая Баумана, нашим знаменем. Иные мертвецы не менее, чем при жизни, страшны своим врагам. Я предлагаю устроить Николаю Бауману такие похороны, каких еще не видела древняя Москва. Пусть со всех фабрик и заводов Москвы, со всех ее окраин, из всех ее хижин и подвалов соберутся и выйдут несметные полчища рабочих и работников! Сплоченными рядами мы пойдем туда, в центр города — к жилищам сытых, к дворцам богатых. Нас поведет в этот поход, в свой последний поход — Николай Бауман...

КРИКИ. Мы пойдем!.. Мы все пойдем!..

СЕВЕРОВ. Да, вы пойдете. Вы все пойдете! Мы знаем это, мы уверены в этом.. Гидрой революции называют нас наши враги, — пусть будет так! Но если у сказочной гидры вместо отрубленной головы выростали две, — у нас вместо одной сраженной головы вырастают сотни и тысячи новых.. Пусть убедятся в этом наши враги!

ВОЗГЛАСЫ. Пойдем!.. пойдём!.. Все пойдем! Пусть увидят враги!..

ПЛАТОВ (дрожащим голосом). Товарищи!.. Я хочу сказать...

За сценой движение, слышен горестный возглас «Где он?.. где он?.. Покажите мне его...»

ПЛАТОВ (бледнеет). Жена Баумана. Какое необъятное горе!

В дверях показывается жена Баумана. Она страшно бледна, дрожит и шатает-

ся. Ее поддерживает Елена. Все расступаются.

ЕЛЕНА. Будьте мужественны, друг мой.. Мужество и выдержка!

ЖЕНА БАУМАНА. Да... да... Мужество и выдержка... Мужество и выдержка...

Она медленно подходит к телу мужа и пристально, не мигая, смотрит на его окровавленное, искаженное лицо. По ее лицу проходит судорога. Глубокое молчание. Кто-то придвигает ей стул.

ЖЕНА БАУМАНА. Мужество.. муж... (Всплескивает руками.) Коля!.. Друг мой!.. Единственный друг!.. Что они сделали с тобой?.. За что? За что?..

Она, рыдая, опускается над телом мужа. Глубокое молчание. Слышны только судорожные рыдания жены. Потом начинают плакать работницы. Мужчины бледнеют и либо низко опускают головы, либо отворачиваются, молчаливо смахивая слезы. Мужской голос тихо запевает:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу и т д

К первому голосу постепенно присоединяются другие голоса, сначала мужские, а потом и женские. Печальный похоронный гимн звучит все громче и грозней. При пении:

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая, и т д

Жена Баумана подымается с горящими глазами и, покрывая пение, восклицает:

— Отомстить!.. Надо отомстить... За всех и за все!.. За его смерть, за тысячи других убийств... За все наши муки, за страдания миллионов... Отомстить, отомстить! Восстание, друзья, восстание!..

Подымаются сжатые в кулаки руки. Хор с грозным воодушевлением поет:

Падет произвол и восстанет народ,
Великий, могучий, свободный

Песня о варениках с вишнями

Л. ВЫШЕСЛАВСКИЙ

Не сердись, моя родная,
Улыбнись навстречу мне.
Я к тебе, не отдыхая,
Ехал полем на коне.

Но позвал меня (поверь мне!)
На вишневый летний пир
У молочной нашей фермы
Смуглолицый бригадир.

Уговоры были б лишни,
Но пойми, пойми сама,
Что свели меня те вишни
И с дороги, и с ума.

Лились шумно наши речи.
Пелись песни на селе.
Как закатный тихий вечер,
Стыло блюдо на столе.

Вечер сумраком завесил
В небе огненную печь.
Этот вечер стоил песен,
Этот вечер стоил свеч.

В рот, казалось, прыгнуть сам
Те вареники могли,
Что зарделись облаками
И в сметану залегли.

Для тебя, моя родная,
Эта песня у меня.
Что ж! Я ехал, отдыхая,
Останавливал коня.

Никаким вишневым пиром
Не залью свою вину,
Но другой раз к бригадиру
Я с тобою заверну.

Пловучий дворец

Рассказ

Н. НИКАНДРОВ

I

Стоит на воде, среди моря, дом. В какую сторону с него ни посмотришь, — на север, юг, восток, запад, — нигде не увидишь земли. Всюду, до всех горизонтов, виднеется только вода, расстилается одна и та же цельная, плоская, зыбкая, водяная пустыня.

Дом; море; небо И больше нигде ничего. Никакого другого пятнышка вокруг.

Дом — на якорях — прикован к морскому дну толстыми пароходными цепями, каждое звено которых с человеческую голову. Натянутые цепи от всех четырех углов дома отлого уходят в пучину моря, как корни кряжистого дуба вглубь почвы.

Дом — большой; продолговатой формы; в четыре этажа; считая и подвальный; очень легковесного, веселого, дачного вида; из неокрашенной, только проолифенной, золотистой сосны, такой свежей, такой смолистой, такой пахучей.

И пребывание на воде подобного здания тем более непонятно, что кое-какие резные украшения, наклепанные по фасадам, сразу изобличают в его строителе самого сухопутного, самого земного, даже лесного человека, откуда-нибудь с Севера, из Вятки. Может быть, этот гигантский деревянный дом просто сорвало волной с какого-нибудь берега и отнесло сюда, на середину моря? .

На одном из углов дома горделиво стоит стройная, многогранная, застеклен-

ная башенка, тоже разукрашенная усердием того вятича, с острой, конусовидной, как отточенный карандаш, железной крышей и с яркокрасным флагом над ней, на высоком шесте — флагштоке.

Флаг — на высоком флагштоке — и дни, и ночи беспокойно полощется на всех ветрах; порывается и в ту сторону, и в эту; без конца хлопает, щелкает, стреляет крепким красным полотнищем; призывно маячит и маячит в вышине, над неоглядными морскими просторами.

А еще выше, — выше крыши четырехэтажного дома, выше башни, выше флага, — пронизывая во всех направлениях синюю пустоту неба, без конца тасуются в воздухе, как карты в колоде, белоснежные чайки.

Чаек там много; держатся они в воздухе скученно; все одинаковые, что та, что эта; и нет никакой возможности уследить за ними, за закономерностью их кружения на небольшом, облюбованном ими воздушном пространстве. Какая-то своеобразная, запутанная, в высшей степени сложная, птичья кадрили.

Пловучий дом — самый обыкновенный земной дом, какие видишь в каждом городе, на каждой улице, — больше всего поражает здесь именно этой своей обыкновенностью. Прямые ряды больших, частых, застекленных окон во всех этажах. Белые, опрятные занавесочки в них. Горшки с цветущей геранью. Прислоненные сплюснутыми лбами к оконным стеклам, замызганные детские куклы ..

Каждый этаж опоясан кольцом сплошного балкона, висящего со всех сторон дома прямо над морем, и детвора, в хорошие погоды играющая на балконах в догонялки, так свободно бегает друг за другом вокруг всего здания, как если бы оно стояло не на воде, а на земле, и не в открытом море, а в чистом поле.

И как на пассажирском пароходе: на всех этажах, по наружным стенам, вокруг всего корпуса дома, непрерывными гирляндами развешаны спасательные круги, — гладкие, тугие, как колбаса, с надписями на них. Спасательных бубликов непостижимо много, их параллельными рядами заняты все наружные стены дома.

Самый нижний этаж тоже окружен кольцом балкона, широкого карниза, выполняющего роль причальной пристани, метра на полтора-два над уровнем моря.

На этом этаже в течение круглых суток гостеприимно раскрыты настежь во все концы моря четверо широких ворот: на север, юг, восток, запад.

Гости прибывают сюда и отбывают отсюда только по воде; сообщаются с домом исключительно морскими путями; приплывают на всевозможных водонепроницаемых «посудах», начиная крохотной, как бы игрушечной, рыбацкой лодочкой «бударкой» и кончая большими морскими, зверски ревушими товаропассажирскими пароходами. И пристают они все или только к каким-нибудь одним воротам, или ко всем четырем, — в зависимости от направления ветра, от состояния погоды на море.

Над главными воротами, впрочем ничем не отличающимися от трех остальных, виднеется скромная, малозаметная, обветренная, насквозь просоленная морскими брызгами вывеска, — синее поле с оранжевыми буквами: «Наркомснаб СССР. Волго-Каспийский Госрыбтрест. Шаланда № 15».

II

На море восход солнца воспринимается совсем не так, как на земле. Если на суше его никто не замечает или не хочет замечать, то на море рыбаки, проры-

бачивший ночь, каждый раз ожидает этого момента в жизни природы, как какого-то чуда. Солнце прежде всего поможет ему ориентироваться в том месте всюду одинакового моря, в котором накануне застала его ночь. Солнце даст ему возможность разобраться в сетях, густо зашпигованных за ночь рыбой. Солнце просушит платье на нем, согреет его самого... А главное, оно поднимет его дух, разгонит малодушные ночные мысли, вольет в грудь новую волну бодрости, уверенности, зарядит на весь день необходимой для моряка энергией, отвагой...

Вот маленькая макушка солнца, безблесная, без лучей, матовая, резко очерченная, красная, как раскаленный уголь, показывается наконец из-за далекого края воды, еще черной, еще угрюмой, холодной на вид. Тысячи тысяч тяжелых кирпично-красных блинчатых бликов поспешно рассыпает оно затем по всей восточной половине моря, все еще неприветливого, все еще сонного, недовольно наморщенного в зябком рассветном ветерке. Кирпично-красным тяжелым заревом охвачены и попадающие в эту половину моря темные силуэты движущихся рыбацких лодок, паруса которых с одной стороны делаются пурпурными, а с другой остаются белыми, как бы вдруг приобретая, подобно бархату, изнанку и лицо. Вспыхивают множеством багровых солнц, все враз, и стекла в окнах четырех этажей шаланды. Они некоторое время горят, лучатся, мигают, спелят...

И, как морские спортсмены, члены какого-нибудь яхт-клуба, или участники парусной гонки на драгоценный приз, поспешно подбегают с моря к шаланде № 15 всевозможные суда и суденышки, все под несоразмерно громадными, накрашенными на один бок парусами, с тяжелым грузом улова, с крежкими фигурами рыбаков, застывших на бортах в картинных мужественных позах, в овиных грубых, намокших за ночь и покоробленных морских спецодеждах.

Все море вокруг, до самых краев, кажется безлюдным, безжизненным, голым, пустынным, а между тем парусные суда откуда-то возникают перед шаландой без конца, — одно за другим, одно

за другим, — точно сперва невидимо летят по воздуху, потом, у самой шаланды, с мягким шумом садятся на воду, как водяные птицы.

— Эй, товарищи на шаланде, принимайте рыбу! — кирпично зарумяненные первыми лучами низкого солнца, весело кричат перед одними воротами шаланды с небольшой лодки, кудей «реюшки», всю путину реющей под двумя парусами по морю, в погоне за рыбой, обыкновенно с тремя человеками команды: стариком, взрослым и мальчиком — с дедом, сыном и внуком

— Давайте побольше рабочих да выгружайте нас поскорее, надо спешить обратно в море! — в то же время просят о том же в другие ворота, перед которыми тоже вдруг вырастает из утреннего тумана, налезаящая прямо на шаланду, высокая грудь гигантского судна, парусно-моторного трехмачтового красавца, всю путину только и делающего, что принимающего у рыбаков рыбу в любом месте моря и доставляющего ее на шаланду.

Точно такое же оживление с раннего морского утречка начинается и в третьих воротах и в четвертых, — вокруг всей шаланды, по всему кольцу пристани.

Суда всяческих размеров, систем, форм, наименований — «бударки», «подчалки», «реюшки», «фырки», «рыбницы» — атакуют шаланду со всех сторон, прибегают к ней с моря все торопливее, теснятся вокруг нее все скученнее. Они уже причаливают не к кольцевой пристани, — там не осталось ни одного свободного местечка, — а лепятся друг к другу, борт о борт. Приподнятый нос одного судна налезает, как крыша, на низкую корму другого.. Ребра иного, стиснутого со всех сторон другими, трещат, как раскошшаяся щепка, вызывая шумные протесты хозяев. Всюду, между плотно сомкнутыми чужими судами, удивительно ловко протаскивают свои «посуды», обильно груженые рыбой И, чтобы с крайнего судна, пришедшего после других, попасть на шаланду, надо, рискуя сорваться в волны, прошагать по десятку таких же «посуд», скакать с борта на борт; хвататься руками за «ванты». По чужим «посудам»

принято ходить, как по своим, и ничего ни у кого не пропадает.

Некоторые суда подплывают к шаланде так сильно загруженными рыбой и так глубоко сидящими в воде, что со стороны кажется, будто бесшумно шествуют по поверхности воды только одни мачты и паруса, а самые корпуса лодок, с грузом и людьми, где-то спрятаны под водой. На таких счастливых административных шаланды, высыпав на балконы, еще издали глядит в бинокли с широкими улыбками профессионального восхищения.

... И теснятся вокруг светлого, соснового, озолоченного солнцем, пловучего дворца Наркомснаба многочисленные рыбацьи суда, разных колхозов, то одни, то на их месте вдруг уже другие, все одинаковые на вид, грубо трудовые, даже не окрашенные, только осмоленные, угольно-черные, под белыми парусами; и стоят они, и колышатся на месте на неугомонной морской воде, — каждое судно по-своему; и дергаются на все лады, то одним боком, то другим, то носом, то кормой, точно хотят и не могут оторваться от привязи; и с глухим звуком гложут друг друга деревянными бортами, как тупыми зубами; и стучаются вразброд гремящими верхушками множества мачт, как сгрудившееся стадо допотопных чудовищ костяными концами исполинских рогов. .

III

Каждое груженое судно, прибывающее с моря к воротам шаланды, встречают живущие на шаланде грузчики — сборная, пестрая, большею частью поволжская, бойкая молодежь.

Быстро, по-ударному, идут они, почти бегут к судам, таскают груженые рыбой сетяные носилки, с которых всю дорогу льет им на ноги, или так же бегом катают по мосткам груженые тачки, на первом этаже шаланды ставят их на весы и взвешивают, в присутствии приемщика шаланды и представителя судна.

Когда в ряде носилок или тачек повторяется один и тот же вес, десятка два носилок или тачек пропускают все без взвешиванья, записывая преже-

ний неоднократно получавшийся вес; потом, для проверки, взвешают еще разок-другой; потом опять гонят носилки и тачки без остановки, мимо весов, проставляя им прежний, не раз проверенный, средний вес.

Рыбы много; грузчиков тоже; и утренняя работа по переноске пойманного за ночь свежью пробуждает шаланду все больше.

— Дор-рогу! — как во время увлекательной игры, раздаются в первом этаже веселые покрякивания бегущих с переполненными носилками ото всех четырех ворот к центру шаланды — Дор-рогу! — еще азартнее вторят катящиеся навстречу, с тачками, порожняком.

Грузчиками, вместе с остальными рабочими и служащими шаланды, объявившими себя ударниками до конца путины, подписан договор на социалистическое соревнование с другими такими же шаландами, прикрепленными к другим точкам моря. «Подписанное нами обязательство является документом огромной важности, оно и есть выражение конкретной программы работы нашей шаланды» — торжественно звучат слова написанного договора, вывешенного, под стеклом, в рамке, на одной из стен шаланды.

Рыбакам за принятую рыбу тут же выдают, согласно утвержденной таксе, деньги. За частиковую рыбу в среднем по 10 к. за кило; за кило тела красной рыбы 75 к.; за черную икру от 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к. И освобожденные от рыбы, облегченные суда, со смешными, очень высокими, как ходульными, неожиданно выскочившими из воды корпусами, мгновенно вздергивают вверх до отказа гигантские паруса и, одно за другим, улетают, как чайки, обратно в свою стихию, в широкую даль моря, продолжать морской лов, бороться за максимальную цифру добычи, биться за качество и количество улова, соревноваться с другими «посудами», с другими звеньями, с другими бригадами, с другими колоннами, с другими колхозами... Едва оторвется от шаланды одно такое позднее рыбацье судно, как через минуту его уже нигде не видно, ни на во-

де, ни в воздухе, — точно на крыльях взлетело вверх и скрылось за облака.

Всю принятую от рыбаков рыбу сваливают в одном месте, прямо на пол, в длинную, протянувшуюся вдоль всего первого этажа гору, в очень тяжелый на вид, металлически-серебрящийся вал, такой длинный, что от одного его конца не видно другого. Здесь, — в одном общем зале, площадью во всю шаланду, с полами, сплошь розовыми от хрустящей под ногами крупной соли, смоченной рыбьей кровью, с четырьмя, по числу горизонтов, раскрытыми прямо в море воротами, — помещается пловучий «рыбный промысел», пловучий рыбный завод, пловучая фабрика по простейшей переработке рыбьего свежья, с целым рядом последовательных цехов, на которых заняты сотни работающих тут из года в год постоянных рабочих, — женщин, мужчин.

Сортировка рыбы на полу по породам, размерам и другим признакам, а также установление сортности каждой породы — первый цех. Разноска на носилках и развозка в тачках отсортированного сырья по местам — второй. Врезывание на специальных скамейках рыбы и извлечение через эти прорезы внутренностей — третий. Мойка выпотрошенной рыбы в особых ваннах — четвертый. Заброска на соляных столах крупной соли в надрезы и жабры — пятый. Шестой цех — раскладка засоленной рыбы плотными слоями в глубоких, в два человеческих роста, «чаньях», находящихся тут же, у всех под ногами, под половицами, в подвальном, вернее, в подводном этаже шаланды...

А недели через полторы, когда рыба в «чаньях» улежится, умнется, просолится и пустит из себя бурый «тузлук», над ней, прежде чем получить из нее готовый товар, продельвают по крайней мере еще столько же дальнейших процедур. Вычерпывают ее из глубоких «чаньев» сетяными черпаками на длинных палках, — «зюзьгами», — первая такая процедура. Обмывают — вторая. Укладывают рядами полученный «малосол» в тару — в восьмипудовые короткие бочки — третья. Прессуют в таре «малосол» железным винтом «жома» —

четвертая. «Залицовывают» в каждой бочке верхние ряды отборными экземплярами рыбин — пятая. Вколачивают в «тару» деревянным молотком верхнее донышко — шестая. Маркируют, ставят на бочке клеймо — седьмая. Восьмая процедура — катают бочки с готовым затаренным товаром к воротам, складывают там на испытанные места, удобные для мгновенной и безаварийной погрузки во всякую погоду на «плашкоуты» и пароходы в Астрахань. Готовый товар считают вагонами.

А сколько тут, все в том же единственном зале, еще других, промежуточных, второстепенных и утилизационных работ, тоже поглощающих много рабочих рук!

Рыбью чешую например тщательно собирают, перемывают и отправляют на фабрики искусственного жемчуга. Рыбьи пузыри, по-здешнему «кутыри», идут на химзаводы для выделки из них клея. Казалось бы, никуда негодные, грязные, вонючие рыбы внутренности, и те, все до капельки, подбираются тут, как драгоценности, и направляются вместе с испорченной рыбой на жиротопню, — тоже цех.

Ничего не пропадает даром! Ни соринки не выбрасывается вон! Из всего извлекается больший или меньший доход!

И чайки совершенно напрасно, по старой привычке, по целым дням дежурят в воздухе сплошным белым облаком над шаландой, с хищным писком дерутся за очередь, поджидают, когда же наконец снова начнут вываливать ушатами с фабрики в море питательное добро.

«Единовременная емкость посольных чаньев шаланды № 15 равняется 6 000 центнерам. Годовой план приема частикового сырка — 62 000 центнеров. Годовой выпуск продукции на рынок и консервзаводы — 59 041 центнер, на сумму 3.312 124 руб ...»

... Вокруг шаланды целыми днями, а иногда, когда хорошо ловится рыба, и ночами, стоит «базар» рыбацких лодок. На одной — бригада рыбаков-колхозников выплывает из ячей пойманную поблизости рыбу. На другой — чинят разорванные бурей паруса. На

третьей — сидят четверо-пятеро вкруг, с непокрытыми головами, и на прохладном ветерке обедают. На четвертой — только-что сдавшие на шаланду рыбу садятся на один борт лодки, спускают ноги прямо в море и ополаскивают в нем сапоги от налипшей на них рыбьей чешуи...

IV

На балконах — чего только нет! И штабеля дров; и подвешенные туши мяса; и артельный умывальник: длинный резервуар для воды со множеством медных сосцов; и точильное колесо из камня на деревянном станке...

Балконы всех этажей соединены между собой крутыми, почти вертикальными лестницами, с прочными, чисто пароходскими, морскими перилами. И кто из приезжих в первый раз поднимается по лестнице с первого этажа на второй, тот обязательно останавливается от неожиданности и долго стоит там на одном месте, совершенно забыв о том, что вокруг него море, только одно море, открытое море, без каких бы то ни было признаков близкой земли.

Там перед ним, как в сказке или во сне, вдруг возникает целый город! Самый бойкий, самый современный, культурный центр!

В отдельных микроскопических камерах, точь-в-точь как в пчелиных сотах, размещено такое количество государственных учреждений, общественных организаций и кооперативных предприятий, какого хватило бы на добрый район.

... Почтовая контора, как в Москве, производящая все операции. Радиограф, как в Москве, с телеграммами сюда и отсюда. Амбулатория не хуже, чем в Москве. Зубная лечебница. Акушерка. Бюро по приему паевых взносов в рыбокооперацию. Бюро по выдаче путинных заборных книжек. Библиотека, читальня. Ликбез. Сберкасса. Загс. Контора помещающейся внизу рыбной фабрики, с многочисленными отделами, подотделами, секторами, подсекторами. Несколько добровольных комсодов. Комсомол. Партком, цехком, путинком, шаландкой. Хлебопекарня, работающая беспрерывно

и дни, и ночи, с первого дня путины до последнего, и снабжающая свежеспеченным ржаным хлебом не только работающих и живущих на шаланде, но и рыбаков, скитающихся на своих посудинках по всему морю и по месяцам не видящих берега. Баня, открытая 24 часа в сутки для всех, в ней нуждающихся, с топкой горячей и холодной водой. Электростанция, заливающая светом шаланду, и внутри, и снаружи, в течение всей ночи. Центральное отопление, согревающее в холодные штормовые погоды все помещения дома... И — самое замечательное — универсал! Путинная рыбооповская лавка, от пола до потолка заваленная всякой всячиной, полужителю не дающей возможности продавцу сдвинуться с места, и он стоит в лавке в товарах, как утопленник на дне моря в воде: под ногами товары, над головой товары, с боков товары. Чего нет в лучших гумах Астрахани, Сталинграда, Саратова, Москвы, то без всякой очереди можно купить здесь. Белье, платье, обувь; пестрые головные платки; вязаные, с бахромой, шарфы; махорка, краска для губ, постное масло, перловка, знаменитые каспийские баранки «витушки», — прочные, ничем не сломаешь, тяжелые, с полфунта в каждой; дешевая «обсыпная» в сахаре карамель с начинкой, «подушечки»; гремящее, как черепки, в огромных мешках, простенькое, кругленькое печенье, сделанное под «Альберт»...

На путине, как на фронте, определенных служебных часов нет. И в течение круглых суток, по всем четырем лестницам, поднимаются с этажа на этаж и спускаются с них посетители различных пловучих учреждений.

— У вас бинты есть? — с гримасами боли, волоча по земле перевязанную тряпьем ногу и опираясь обеими руками на товарища, является один проситель в амбулаторию. — Во время вчерашнего шторма покалечил себе ногу.

— Что-то испортился мотор на нашем баркасе, пусть ваш механик посмотрит, — загоразивает собой всю дверь в машинное помещение шаланды второй приезжий посетитель, тоже морской ры-

бак, по случаю холодной погоды закутанный в десятки всевозможных одежд, и летних, и зимних, напластанных на нем, как капустные листья.

— Мазуту! — просит третий на складе у материального. — Одолжите, пожалуйста, мазуту! Мазуту нехватит! А бежать нам еще до самого до Гурьева!

— ... В ту ночь мы крепко с водным надзором поспорили, какого размера ячей допускается в частичковой сетке, — сидит на табуретке, покуривает и с улыбкой рассказывает четвертый в конурке уполномоченного. — У вас, на шаланде, печатная инструкция про это есть? Вот хорошо, что есть. А то надзор грозитя у меня сбрую отобрать. А сбруя, известно, не своя, колхозная, придется отвечать...

— Вчерашний норд-вест разбил всю нашу бригаду, — торопливо говорят вперемежку сразу двое, в кабинете директора шаланды: один говорит, а другой, как эхо, для убедительности повторяет его слова. — Если наш бригадир на этих днях будет у вас на шаланде за хлебом, скажите ему, что мы, ловцы Тишковского колхоза, пошли на ост-зюд-ост, прямо на ост-зюд-ост, пусть ищет нас на ост-зюд-осте.

— Марки загородные есть? А заказные тоже принимаете?

— Когда же сахар будете давать? На других шаландах уже дают, сознают!

— Отпустите на нашу рыбницу пудов 50 соли!

— Леду! Дайте пудов 30 леду! А то икра из экспортной делается вторым сортом!

— Дров! Хотя бы дня на три дров! Уж нечем чаю сварить!

— Известки! Надо протравить сетки! А то их больно жрет стонога! Без известки пропадем!

— Дайте последние номера центральных газет на наше звено! И несколько книжечек «Речь Сталина». Для проработки!

— Брошюрка «Как организовать бригадный лов» есть?

— Идите, примите с нашего подчалка человека. Морской агитпропагандист.

Командированный из центра. Лежит, у нас в трюме, не двигается, весь желтый, как балык. Очень укачало на волнах, без привычки. А так, видать, хороший человек, ничего.

— Кино сегодня будет? А представление?.. Почему?.. Артисты задержались на десятой шаланде? А танцы?.. Лекция, говорите, будет? Какая?.. Про что?.. Про нас, про рыбаков?.. Про политику?.. А интересная?.. По вашему мнению, стоит подехать послушать?..

V

Как второй этаж шаланды, учрежденческий, ничем не напоминает первого, фабричного, так третий нисколько не похож ни на первый, ни на второй.

Там и не цехи фабрики, и не отделы советских учреждений.

Там, в отличие от них, исключительно частная жизнь. Там сконцентрированы все жилые помещения. Разнообразные жилища многолюдного населения шаланды. Целый поселок.

В поселке — квартиры: директора шаланды, его помощников; ответственных специалистов. Общежития, для рабочих, для работниц, для рядовых служащих. Отдельные комнаты для всех семейных, с детьми, кошками, самоварами, индивидуальными венниками. «Братская» — подобие гостиной, чистенько убранная комната с «красным уголком» при ней. Общая кухня, с поварями в белых колпаках, с кухарками в сереньких спецодеждах, всем коллективом придумывающими на каждый день меню, чтобы было и сытно, и вкусно, и, главное, не очень рыбно, — рыбное всем надоело. Общая столовая, тесно уставленная длинными и узкими, как линейки, столами, на козлах вместо ножек...

... Сидит в «красном уголке», за столиком с чернильным прибором, девица, — молодая, красивая, пышущая избытком здоровья, волжанка. Сидит и пишет родным в деревню письмо. Поглядит в окно на мутно-зеленое, изливованное белыми гребешками волн море. Подумает, повспоминает, поболтает под скамейкой толстыми ногами и прибавит

к написанному еще несколько бодрых, хорошо слаженных строчек. Главная трудность в письме — пофигурнее выразиться, поподробнее обрисовать, как она тут работает, в какой необычной обстановке. сидит с утра до вечера верхом на особой скамейке, взрезывает на ней особым ножом рыбу за рыбой, а сама через распахнутые ворота каждый день видит, как восходит солнце из моря, прямо из воды, и как оно потом опять заходит в море, прямо в воду, только уже против других ворот.. «И восходит всегда из воды, и заходит всегда в воду, потому что тут нет никакой земли, за место земли одна вода кругом. Помрешь, даже некуда закопать. Хоть пропадай Интересно!»

В общежитиях, мужских и женских, конечно тесно. Проходы между койками узки: двоим не разойтись. Койки расположены в два яруса, как в пароходных каютах, одна — над самым полом, другая — под самым потолком. На койках — тоненькие тюфячки, пестрые, в крупных цветах, стеганые одеяла; гладкие, одноцветные, очень яркие, красные, желтые, голубые сатиновые подушки. У кого на постели — гармонь; у кого — раскрытая книга; у кого — зеркальце, лудреница...

VI

А еще выше — на четвертом этаже шаланды — опять иной мир, опять иная жизнь.

Этот этаж прежде всего без крыши, под открытым небом, вернее, он — только одна крыша, крыша третьего этажа, служащая для четвертого полом, с хорошими, прочными пароходскими перилами вокруг.

Гладкая, во все четыре стороны открытая, обнесенная перилами, терраса, площадью во весь дом. Ни стен, ни потолка, — ничего. Один воздух; один, свободно гуляющий во всех направлениях, морской ветер. И, как ни с одного другого этажа, морская неоглядная ширь; морские, далекие, без берегов, равнинные горизонты, кругом одинаковые. Стоишь тут, на крыше четырех-

этажного дворца, как на острие высокой мачты, смотришь вниз, и видишь только себя, вернее две своих ноги, да море, вечно бурлящее вокруг этих двух ног. И кажется: сорвался — пропал!

На этой крыше царствуют, на равных автономных правах, двое: бондарь и прачка, однако каждый на своей половине. Раньше оба жили в Астрахани, считались кустарями, больше сами платили, чем получали, а попали на шаланду, прошли в профсоюз — и почувствовали себя увереннее. С течением времени даже стали проявлять некоторую беспричинную воинственность, желание с кем-нибудь померяться силами, схватиться, перед кем-нибудь шумно постоять за себя и в споре неожиданно выстоять из кармана, как револьвер, членский билет...

Территория бондаря вечно заставлена высокими батареями готовой тары, новенькими боченками из светлого, свежего материала, перетянутого черными узенькими поясками обручей. Во владениях прачки, на протянутых параллельными линиями веревках, дни и ночи треплются на ветру в большом количестве легонькие, ни о чем не думающие, цветистые женские блузки и прямые, унылые, как бы познавшие всю правду жизни, прозодеждовские мужские брюки.

Бондарь — худой, некрасивый, с горькой улыбкой, в очках, в белом фартуке, с неизменным деревянным молотком в костлявых шишковатых руках. Прачка — наоборот, полная, дородная, с раскинутыми врозь голыми могучими руками и с широким, хвастливо выпирающим вперед животом.

У каждого свои кадры: у бондаря — мужчины, у прачки — женщины. Но, как это ни странно и ни обидно для мужчин, в массовых столкновениях, возникающих у них по самым ничтожным поводам, всегда побеждает, как более активная, армия прачек.

— Захочу, и сейчас поплывете вы у меня все, как лягушки, по морю вместе со своими боченками! — грозит мужской половине крыши предводительница прачек, стоя на границе своего участка, могучая, как крепость, со скрещенными на отвислой груди мясистыми руками, с

расставленными врозь монументальными ногами.

— Гадюка ты, гадюка и есть, — уклоняясь от прямого боя и кротко, с оттенком жалости, и вместе с презрением, глядит сквозь очки в ее сторону бондарь, в белом фартуке. — Если бы ты была хотя человек..

VII

И все же центральным пунктом шаланды, ее главным жизненным пульсом, является первый этаж, производство, рыбная фабрика, со всеми своими цехами.

Работают на ней, в подавляющем большинстве, женщины. Цветущая, веселая, беспечная, шумная женская молодежь, набербованная сроком на всю путину из сел Поволжья.

Но островная жизнь в пловучем доме, из которого никуда нельзя выйти; жизнь на очень тесном, набитом людьми, качающемся на волнах поплавке; жизнь среди огромного, прозно ревущего моря, без каких бы то ни было признаков хотя бы отдаленной земли, — такая жизнь рано или поздно накладывает свою печать и на них.

И не случайно, что все они, во всех цехах, во всех сменах, за работой поют. Кто никогда в жизни своей не пел, и тот тут, увлеченный другими, наученный ими, поет. Сортируют рыбу и поют. Режут ее и поют. Моют и поют. Такое же хоровое пение слышится и по остальным цехам: солельщиц, укладчиц...

Одновременное пение в одном колоссальном зале более чем десятка отдельных цеховых хоров, поющих вначале каждый свое, а потом вдруг стихийно сливающихся вместе, в одну стройную, могущественную, массовую песню целого предприятия! Такое пение всей фабрики, всего первого этажа, постепенно заражает и остальные этажи и подвальный, с людьми под водой, без света, на дне глубоких «чаньев»; и второй, где занимаются в пчелиных сотах учреждения; и третий, с квартирами и общежитиями; и четвертый, с кадрами прачки и бондаря. Прачка иногда даже становится на

опрокинутую тару и страстно дирижирует как своим хором, так и влившимся в него хором соседа .

На шаланде солят рыбу, месят тесто для хлебов, чистят картофель, стирают белье, ставят самовар, колотят молотком, пилят пилой, показывают рукой покупателям на полки с товаром, щелкают на счетах, переписывают на машинке, лежат в амбулатории, ходят, стоят, сидят, лежат, поднимаются по лестнице из этажа в этаж вверх, спускаются вниз и — поют!

Весь дом, снизу доверху, поет!

Дворец на воде, превращенный на момент в грандиозный, содрогающийся от звуков, поющий орган, со множеством самых разнообразных, самых волнующих, живых, человеческих струн!

К тому же, сквозь раскрытые на все четыре стороны ворота, постоянно виднеется бесконечная, сливающаяся на горизонтах с небом, дымчато-зеленая ширь моря, слышится неугомонный плеск его волн, вечно набегающих на шаланду то с одной стороны, то с другой.

И под плеск этих волн волжанки поют. Поют непрерывно. Поют иступленно. Истекают постоянным круглосуточным пением. И отдельные осколки их пения носятся вместе с ветром по всему Каспию.

И совсем неважно, что волжанки поют, какие вкладывают в песни слова. Важно — как поют, какими голосами, с какой душой. Случается, в течение целых суток все цехи, все смены преемственно поют одни и те же две строчки, бесчисленное число раз повторяют одну и ту же, казалось бы, уже давно потерявшую всякий смысл, фразу:

Любила я
Страдала я
А он, стервец,
Забыл меня

И, кончив петь это четверостишие, сейчас же, с удвоенной страстностью, с нарастающим ударением, начинают его сначала:

Любила я

Чудесное, ни с чем не сравнимое по силе своего воздействия, девическое пе-

ние волжанок на море! Как ужасно и как тщетно повергает оно здесь в мечтательное страдание всех без исключения мужчин, и молодых, и старых; и одиноких, и семейных, и здешних, малокультурных, простых; и заезжих, образованных, командированных из центра! Семейные из них слушают пение, бледнеют, вздыхают, смертельно сокрушаются в душе: «Зачем, дурак, женился .» Холостые: «Зачем, дурак, не женился ..»

VIII

И недаром всякий раз веселеет усталое лицо странствующего по морю труженика, отважного морского ловца, потомственного каспийского рыбака, бегающего всю путину на своей скорлупке под парусами, когда вдруг, днем, среди унылой равнины моря, завидит он на линии горизонта неясное очертание маленького предмета, темную, расплывающуюся ширь точку, далекую тень шаланды, после долгих суток морских скитаний внезапно обещающей ему связь с живым миром.

...Черная, непроглядная осенняя ночь. На море свирепствует буря. Волны одна за другой с яростным гулом бьются о корпус рыбацкой лодочки, застигнутой штормом в пути и теперь одиноко отстаивающейся среди моря на якорю.

Лодочка всячески мотается на лязгающей якорной цепи; становится стоймя, то на нос, то на корму; потом со страшной силой шлепается о волны, то чревом, то боками; и трещит, трещит ..

И никак не может уснуть в ней рыбак, в крохотной крытой каютке, похожей на собачью конурку. Слишком швыряет его там, в тесноте, в темноте, на низкой жесткой койке. Только уляжется на левый бок, как спустя минуту перебросит на правый. И то и дело пугают слух оглушающие взрывы волн, словно нарочно ударяющие прямо в его изголовье. А в минутки затишья, за тонкими досками лодки, бегают взад-вперед у самого его уха морская вода, — булькает, хлюпает, журчит, взбешенно перешептывается о чем-то, злобно шипит. Вот уже залетает она крупными вызывающими клочьями в дверку его каюты, — осколки волн,

разбивающихся о лодку. И моментами сами собой возникают в уме рыбака, вообще несвойственные ему, малодушные мысли: «Сорвет с якоря... Понесет... Зальет . Опрокинет.. »

Наконец рыбак сует руку под подушку, нащупывает там первую любимицу каспийского моряка, махорочку, закуривает, встает, набрасывает на плечи ватную куртку, нахлобучивает шапку, кричит, бормочет что-то недовольное по адресу моря, вылезает из низкой конуры наружу, стоит во весь рост на резком воздухе, не поддается ни ветру, ни брызгам, разбивающимся об него, как о скалу, хмурится, упорным рыбацким взглядом, привыкшим к борьбе, щурится в

черное, по-осеннему ожесточенное море, вслушивается в его отчаянные всплески вокруг. Потом случайно поднимает голову в другую сторону, и вдруг видит вдали, среди черной тьмы, ярко иллюминированные несколькими ярусами электрических огней, знакомый своим вечным спокойствием квадрат, издали очень похожий на небесное созвездие. Шаланда!!!

И из огрубелой груди рыбака вырывается нежная усмешка, — как будто сынишка, после долгой разлуки, увидел родную мать.

— Шаланда.. — шепчут его улыбающиеся уста дорогое для каждого рыбака слово. — Недалеко шаланда...

Люди и факты

1. Проф. В. Ю. ВИЗЕ — Поход „Литке“. 2. МАКС ЗИНГЕР — „Литке“, ты сделал хорошо!

1. ПОХОД „ЛИТКЕ“

Проф. В. Ю. Визе

В самом начале XVII века в Москве жил выдающийся географ того времени, голландец Исаак Масса. Чрезвычайно интересуясь Сибирью, Масса с особым рвением собирал сведения об этой части Московского государства. В результате Масса написал несколько работ о Московии, в частности «Известие о дорогах из Московии на восток», и опубликовал лучшую для того времени географическую карту северной окраины России. В 1608 году Масса, как знаток Сибири, получил приглашение участвовать в одной голландской экспедиции для открытия Северного морского пути на Дальний Восток. Однако он не принял этого предложения. Мотивы этого отказа нам становятся понятны из его «Известия». «Я прекрасно знаю, — писал Масса, — и могу это доказать, что Северный морской путь закрыт и что все желающие его открыть претерпят неудачу в своих попытках». После Массы эта точка зрения на вопрос о возможности практического использования Северного морского пути была господствующей в течение более трех столетий. Три сквозных плавания Северным морским путем — Норденшельда в 1878—79 гг., Вилькицкого в 1914—15 гг. и Амундсена в 1918—20 годах — не могли поколебать отрицательный вывод Массы, потому что все

эти плавания были связаны с вынужденными зимовками. Нужен был великий Октябрь, чтобы показать наконец несостоятельность пессимистического заключения Массы.

Недавно минуло два года, как ледокольный пароход «Сибиряков» вошел с севера в Берингов пролив, затратив на прохождение всего пути от Архангельска до Тихого океана 65 суток. Это было 1 октября 1932 года, и эта дата навсегда будет запечатлена не только в истории полярного мореплавания, но и в истории культуры человечества «Сибиряков» впервые реально доказал, что Масса был неправ, — Северный морской путь не «закрыт» и может быть использован в практических целях. Многомиллионные массы трудящихся Союза встретили победу «Сибирякова» с ликованием и восторгом. Восхищение пробудил этот поход и за рубежом, среди рабочих и той части интеллигенции, которая еще не потеряла способности мыслить объективно. Однако многие, в том числе каждая победа на социалистическом фронте ничего, кроме злобы, вызвать не может, саркастически улыбались: «Да, поход замечательный, но он ничего не доказывает. Счастливая случайность — и только!»

Каждый сибиряковец прекрасно понимал, что первый сквозной проход Се-

верным морским путем в одну навигацию не есть случайность. И вместе с тем он так же хорошо знал, что для закрепления победы «Сибирякова», явившегося пионером в деле практического освоения Северного морского пути, впереди предстоит еще большая и нелегкая работа. Для выполнения этой работы правительством было образовано Главное управление Северного морского пути, которое уже в следующем году (1933) организовало первое опытное плавание по Северному морскому пути грузового ледокольного парохода. Это был «Челюскин». Он погиб. Причины его гибели хорошо известны — в силу ряда неблагоприятно сложившихся обстоятельств «Челюскина» не мог сопровождать мощный ледокол, как это предусматривалось планом экспедиции. Поэтому катастрофа, разыгравшаяся прошлой зимой в Чукотском море, не может ни на иоту поколебать правильность того вывода, который был сделан на основании плавания «Сибирякова», — Северный морской путь может и должен быть освоен.

Как и поход «Сибирякова», эпопея «Челюскина», всему миру продемонстрировавшая организованность и большевистскую выдержку и самоотверженность наших мореплавателей, летчиков и исследователей, вызвала за рубежом восхищение. Но злобный шопот, последовавший за победой «Сибирякова», теперь усилился: «Мы были правы! Ясно, что гибель «Челюскина» знаменует собой полный провал фантастического плана большевиков завоевать Северный морской путь!»

Обвинения в фантастике и утопичности адресуются большевикам с самого начала социалистической стройки. Но ежегодно на самых различных участках нашего строительства мы даем новые и новые доказательства того, что утопия в капиталистических условиях становится реальным фактом в стране освобожденного пролетариата. Поэтому, с полной уверенностью в конечном успехе, работы по освоению Северного морского пути продолжались и в следующем 1934 году. Они продолжались притом в рас-

ширенном масштабе и усиленными темпами. Одним из наиболее выдающихся по своему значению мероприятий, осуществленным в кампанию 1934 года, была экспедиция на «Литке», имевшая задачей совершить сквозное плавание Северным морским путем из Владивостока в Мурманск в течение одной навигации. Это задание было выполнено. Случайность? Пусть называют, как им угодно. Литкенцы вместе со всеми работниками советской Арктики уверены, что такие «случайности» будут повторяться из года в год. Я хорошо знаю, что никто из нас, принимавших участие в историческом плавании ледореза, не гордится тем, что «Литке» поборол «страшную стихию Арктики». Но каждый из нас рад, что наш краснознаменный ледорез еще раз показал, что «неприступная твердьня Арктики» является вымыслом и что установление мореплавания по Северному морскому пути есть, в наших советских условиях, такая же рядовая и вполне выполнимая задача на трудовом фронте, как строительство заводов и фабрик.

Единственные попытки пройти Северным морским путем с востока на запад были сделаны в царское время гидрографической экспедицией на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач». В инструкции, данной в 1912 году начальнику экспедиции И. С. Сергееву, ему предлагалось по выходе из Владивостока выполнить гидрографические работы в Сибирском море и затем идти «далее на запад, вокруг Таймырского полуострова, с расчетом пополнить запасы угля в Александровске на мурманском берегу». Суда достигли Таймырского полуострова, но 9 сентября начальник экспедиции, ввиду встретившихся тяжелых льдов, дал приказ возвращаться во Владивосток. В следующем году «Таймыр» и «Вайгач» предприняли новую попытку пройти из Владивостока на Мурман, но и на этот раз потерпели неудачу, — дальше восточного входа в пролив Вилькицкого судам пройти не удалось. В 1914 году «Тай-

мыр» и «Вайгач», под общим начальством Б. А. Вилькицкого, снова вышли из Владивостока в Ледовитое море. 1 сентября суда достигли мыса Челюскина, но несколько дальше на запад, у входа в Карское море, они оказались затертыми во льдах и были вынуждены провести 10 месяцев в ледовом дрейфе. Только в следующем году ледоколам, с большими трудностями, удалось вырваться из льдов. В середине сентября 1915 года экспедиция прибыла в Архангельск.

«Литке» должен был повторить путь «Таймыра» и «Вайгача», причем однако он имел твердое задание совершить это плавание в течение одного навигационного сезона. Вместе с тем экспедиция должна была выполнить ряд побочных задач: освободить и вывести на чистую воду зазимовавшие осенью 1933 года у островов Самуила (у северо-восточного берега Таймырского полуострова) пароходы Первой Ленской экспедиции («Товарищ Сталин», «Володарский», «Правда»), оказать помощь в проводке через льды судов Второй Ленской экспедиции, направлявшихся из Архангельска в устье Лены, и наконец выполнить попутно научно-исследовательские работы.

Ледорез «Федор Литке» имеет за собой славное прошлое. Он был построен в 1909 году в Англии для канадского правительства и назывался раньше «Earl Grey». Специально предназначенный для плавания во льдах, корабль построен чрезвычайно крепко и имеет две машины, общей мощностью в 7.000 индикаторных сил. В отличие от ледоколов и обычных ледокольных пароходов «Литке» не ломает лед, взбираясь на него и давя его своей тяжестью, а действует только лобовыми ударами форштевня, почему он у нас и получил название «ледореза». В Канаде «Earl Grey» обслуживал зимою товаро-пассажирские рейсы между Квебеком и островами принца Эдуарда (залив Лаврентия), а летом охранял нью-фаундлендские рыбные промыслы, иногда служа также яхтой для канадского герцога. Последнее обстоятельство послужило поводом к распро-

странению у нас слухов о якобы невероятной роскоши, с какой обставлены внутренние помещения «Литке». В одной дальневосточной газете можно было прочесть, что на этой яхте «американского миллиардера» даже трюмы специально приспособлены для перевозки шампанского.

1914 году «Earl Grey» был приобретен царским правительством с целью обслуживания архангельского порта и зимней навигации в Белом море. По прибытии в Архангельск ледорез был переименован в «Канаду», с 1920 года он стал называться вспомогательным крейсером «III Интернационал», а свое настоящее имя, данное в память знаменитого русского кругосветного мореплавателя Федора Литке, он получил в 1922 году. Нужно впрочем сказать, что это имя, начертанное на борту ледореза, впервые в истории совершившего полярное плавание в течение одной навигации из Тихого океана в Атлантический, звучит до некоторой степени иронически. Граф Федор Литке был ярким противником идеи Северного морского пути и всячески тормозил его развитие, утверждая, что «морское сообщение с Сибирью принадлежит к числу вещей невозможных».

Зимой 1920 года, когда в Северном крае установилась советская власть, «Литке» ходил вдогонку ледоколу «Козьма Минин» и паровой яхте «Ярославна», на которых из Архангельска бежало белое правительство. С «Минным» ледорезу пришлось выдержать небольшой бой, но захватить ледокол, на котором находились дальнобойные пушки, не удалось. Зато «Ярославна» была приведена в Архангельский порт.

Первое свое арктическое плавание «Литке» совершил в 1920 году, когда он ходил в Карское море на помощь затертому во льдах «Соловью Будмировичу» (так раньше назывался «Малыгин»). После этого ледорез попал в Арктику уже только в 1929 году, когда он под начальством капитана К. А. Дублицкого совершил поход к острову Врангеля. Это плавание проходило в исключительно тяжелых ледовых усло-

виях, но тем не менее увенчалось полным успехом: полярный остров, к которому уже в течение трех лет не могло приблизиться ни одно судно, был достигнут, и находившаяся на острове эскимосская колония, а также радиостанция были снабжены всем необходимым. Об этом походе, за который ледорез был награжден орденом Трудового красного знамени, наш известный полярный исследователь Г. А. Ушаков сделал следующую запись в хранящейся на «Литке» мемориальной книге: «Остроумная конструкция «Ф. Литке» и его мощность в гармоническом союзе с опытностью и волею капитана К. А. Дублицкого, его сотрудников и всего экипажа сделали то, что было бы недоступно для всякого другого судна. Эти силы на пути к острову Врангеля победили непобедимые льды, пробили непроходимую стену тяжелейших полярных льдов и открыли славою имя корабля».

Зимой 1931—32 гг. «Литке», который тогда уже командовал наш славный капитан Н. М. Николаев, совершил необыкновенное по своей трудности зимнее плавание в Охотском море. За это плавание ледорез прошел льдами свыше 3.000 миль, причем в течение двух месяцев находился в ледовом дрейфе. В 1932 году «Литке», в качестве головного корабля большого каравана судов, ходил из Владивостока в Колыму. Из этой крайне тяжелой экспедиции, имевшей зимовку в Чаунской губе (на Чукотском побережье), ледорез вернулся во Владивосток только в январе 1934 года. После того как в Японии наскоро были залечены полученные в Колымской экспедиции раны, ледорез получил почетное задание стать первым кораблем, прошедшим в одну навигацию Северным морским путем из Тихого океана в Атлантический.

Начальником этого нового похода «Литке» был назначен Д. С. Дублицкий, его заместителем по административной части — Б. А. Бронштейн, руководителем научной части — проф. В. Ю. Визе. Командование судном находилось в руках капитана Н. М. Николаева.

«Литке» покинул Владивосток 28 июня 1934 г. и, зайдя с целью пополнения запасов угля и пресной воды в Петропавловск-на-Камчатке и в бухту Провидения, 13 июля через Берингов пролив вышел в Чукотское море. Море было чисто, если не считать отдельных скоплений разреженного льда, и ледорез, взяв курс на nord-vest, пошел полным ходом. Вскоре показался мыс Сердце-Камень, столь памятный мне по плаванию на «Сибирякове». Ледокол был тогда уже без винта и беспомощно носился около негостеприимных скал этого мыса, никак не будучи в состоянии оторваться от него. Расстояние от Сердца-Камня до Берингова пролива стоило тогда сибиряковцам одиннадцать мучительных суток. Теперь мы прошли его за семь часов.

На следующий день «Литке» прошел недалеко от того места, где погиб «Челюскин». Там, где мощные торосистые льды полгода назад раздавили героический корабль, теперь до горизонта простиралась синева открытого моря. Мы салютовали памяти славного «Челюскина» и погибшего во время катастрофы комсомольца Могилевича.

Только на третий день нашего плавания в Чукотском море мы наконец вошли в лед. Он был свирепый с виду, несомненно многолетнего происхождения, — типичный чукотский лед, надевший уже немало бед. Так как все последние дни ветер дул с северо-запада, то льды были прижаты к чукотскому побережью, и потому сплоченность их была велика. Продолжать наш путь в этих льдах не имело смысла, — это значило сжечь несколько лишних сот тонн драгоценного угля, которые мы до устья Лены нигде не могли пополнить. Кроме того, и корабль надо было беречь, — было неизвестно, какие еще препятствия ждали нас впереди. Вообще опытный ледовый капитан начнет форсировать лед только в крайнем случае, когда другого выхода нет. У нас же был прекрасный выход, уже столько раз испытанный полярными мореплавателями, — выждать, пока ледовая обстановка, под влиянием благоприятных ветров, не изменится.

Благодаря своевременному выходу из Владивостока особенно спешить было нечего, и потеря десятка дней для нас не была связана ни с каким риском. Капитан отдал приказ вытравить пар и пошел спать. Ледорез встал неподвижно среди хаоса нагроможденных одна на другую льдин, которые на горизонте сливались с молочной стеной тумана. После равномерной работы машины и грохота отбрасываемых форштевнем льдин сразу стало совсем тихо. С вант закатала оседавшая сырость.

Наша вынужденная стоянка во льдах в самом начале далекого пути произвела на многих спутников, большая часть которых попадала в Арктику впервые, несколько странное впечатление. «Если мы у ворот Арктики встречаем непроходимое препятствие, то что же нас ждет дальше?» Этот вопрос, который они, правда, не задавали, читался у них в глазах. «Терпение — лучшая добродетель полярника» — заявляли другие, научившиеся «хорошему тону полярника» по арктической литературе. Беспокоиться, впрочем, не было никаких оснований. Благодаря нашему замначальника Б. А. Бронштейну, сумевшему, «наперекор стихиям», своевременно снабдить и отправить экспедицию, мы пришли в Чукотское море в раннее время года, и я был твердо уверен в том, что, как только перестанет норд-вестовый ветер, «Литке» с легкостью найдет путь на запад. Еще весной, на основании анализа атмосферных условий, я дал прогноз, что в навигацию 1934 года состояние льдов в Чукотском море будет значительно благоприятнее, чем в годы плавания «Сибирякова» (1932) и «Челюскина» (1933). В правильности этого прогноза я был убежден твердо.

18 июля находившийся на мысе Шмидта (бывшем Северном) летчик Фарих произвел, по просьбе Д. С. Дуплицкого, ледовую разведку. Имевшийся на борту «Литке» небольшой самолет «Ш-2» (амфибия) в данном случае не мог помочь, так как вокруг ледореза не было видно ни клочка открытой воды, необходимой для старта самолета. Фарих сообщил нам по радио, что в север-

ной части пролива Лонга¹⁾ находятся разреженные льды и что проход для судов там возможен. В результате разведки Фариха было решено выйти обратно на кромку льдов, подняться вдоль нее на север и выпустить там наш самолет для проверки сообщения Фариха. Последнее было необходимо, так как, имея сухопутный самолет, Фарих в море не летал, а поднимался над берегом и, следовательно, видел льды в северной части пролива Лонга издали; переоценка пространств чистой воды поэтому не исключалась.

Выйти на чистую воду оказалось делом не совсем легким. За четыре дня стоянки льды вокруг ледореза уплотнились еще больше, и в месиве торосистых льдин, сидевших в воде не меньше чем на три метра, судно лишь с трудом прокладывало себе путь. Иногда за вахту (4 часа) удавалось проходить расстояние, равное лишь нескольким корпусам корабля. Мне впервые приходилось видеть работу ледореза в тяжелых битых льдах, и, сравнивая ее с работой ледокольных пароходов типа «Седов» и «Сибиряков», я должен сказать, что «Литке» справляется со своим врагом лучше.

21 июля, после предварительной пробы, наш самолет вылетел в указанном Фарихом направлении, имея на борту начальника экспедиции Д. С. Дуплицкого и летчика Ф. К. Куканова. С нетерпением мы стали ожидать возвращения разведчиков. Но проходил час за часом, а самолет не показывался. Настроение на судне создалось чрезвычайно тревожное. Строились различные предположения о том, что могло приключиться с самолетом, но большинство этих предположений были такого мрачного характера, что предпочитали вслух их не высказывать. Невозмутимое спокойствие хранил только бортмеханик Куква, который много лет летал с Кукановым. «Беспокоиться совершенно нечего, — заявлял он, — вы просто не знаете Куканыча — он из любой переделки сумехим выйдет».

¹⁾ Так называется водное пространство между чукотским берегом и островом Врангеля.

Куква оказался прав, — об этом мы с облегчением узнали на следующий день. Дуплицкий сообщил нам по радио, что самолет цел и невредим и что он с Кукановым находятся на мысе Шмидта. Оказалось, что, возвращаясь к «Литке», самолет не мог найти ледореза, долго плутал, а когда выяснилось, что бензин подходит к концу, был вынужден лететь на мыс Шмидта.

Самолет прилетел к нам только на следующий день. Все мы конечно были чрезвычайно заинтересованы в результате разведки — есть ли на севере свободный проход для корабля? Определенного ответа на этот вопрос мы, к нашему разочарованию, не получили. Д. С. Дуплицкий сообщил, что, по его мнению, состояние льда в интересовавшем нас районе можно оценить 4 баллами; это значило, что 60 проц. видимого пространства моря представляет собою чистую воду, — условия, конечно весьма благоприятные для прохода судна. Однако Куканов утверждал, что видел 10-балльный лед и что чистой воды, за исключением небольших пятнышек, почти не встречалось. Таковую разноречивость сведений нужно объяснить недостаточной опытностью наших ледоразведчиков. Дело в том, что с самолета ледовая поверхность моря представляется в совершенно ином виде, чем с корабля; например, лужи на льду могут показаться чистой водой. Что же касается количества льда в баллах, то обычно один и тот же наблюдатель даст с корабля более высокую оценку, нежели с самолета.

Как бы то ни было, разведка нашего «Ш-2» не дала нам достаточно оснований забираться на север, тем более что норд-вест наконец выдохся, потянул слабый ветерок из восточной половины компаса, а потому можно было ожидать, что лед у берегов Чукотки разрежится. Было решено следовать испытанной тактике капитанов, ходящих на Колыму, то-есть идти вдоль самого берега, держась так называемой «прибрежной полыньи».

Вскоре мы миновали мыс Шмидта, район которого пользуется среди море-

плавателей самой дурной славой вследствие его тяжелых ледовых условий. Знаменитый мореплаватель Кук — первый, пытавшийся пройти из Берингова пролива на запад, — был здесь остановлен льдами в 1778 году. Впоследствии судам нередко приходилось выдерживать у мыса Шмидта жестокую борьбу со льдами, кончавшуюся иногда вынужденной зимовкой. Произведенные на «Литке» гидрологические исследования выяснили причину особенно большой ледовитости моря у мыса Шмидта. Оказалось, что здесь сталкиваются два течения, которые оба несут с собою льды. В месте встречи обеих струй льды, естественно, должны уплотняться.

«Прибрежная полынья» имела в ширину от 1 до 3 миль, суживаясь иногда до нескольких сот метров. В таких местах ледорезу приходилось идти почти «впритирку» к берегу. Хотя это плавание и доставило мало удовольствия капитану и его помощникам, — морские карты блещут полным отсутствием глубин как-раз у берега, то-есть там, где суда чаще всего плавают, — мы все же были рады, что существует хоть эта лазейка, по которой «Литке», как выразился наш старпом Г. И. Голуб, «пробирался воровским способом».

По мере продвижения на запад прибрежная полоса чистой воды становилась все шире, и за мысом Шелагским мы вышли в открытое море. Первый критический участок Северного морского пути, который едва не сорвал победы «Сибирякова» и где нашел себе могилу «Челюскин», был пройден. При подходе к мысу Медвежьему, что находится недалеко от устья Колымы, ветер внезапно перешел на юго-юго-запад, и вместе с тем ртуть в термометре, показывавшем температуру воздуха, сразу поднялась до $+16^{\circ}$. С непривычки всем стало душно. Воздух наполнился мглой, через которую солнце еле просвечивало в виде медно-красного диска, вместе с тем отчетливо стал слышен запах гари. Эти необычные для Полярного моря явления несомненно были вызваны лесными пожарами на северо-востоке Сибири, достигавшими в то лето, повиди-

тому, особенно больших размеров. О запахе гари и «сухом тумане» сообщала по радио станция на острове Большом Ляховском. Мглу и едкий запах дыма «Литке» испытал еще раз позже, когда он подходил к бухте Тикси.

Пополнив у мыса Медвежьего запасы пресной воды (вода оказалась здесь Впрочем чуть-чуть солоноватой), «Литке» взял курс на остров Четырехстолбовой (из группы Медвежьих), на котором летом 1933 г. была выстроена научная станция. На пути к этому острову были встречены довольно сплоченные льды, необычайно загрязненные. По внешнему виду эти льды очень напоминали зимнюю свалку мусора где-нибудь за городом. Как нам ни хотелось осмотреть новую станцию на острове Четырехстолбовом, от этого, за недостатком времени, пришлось отказаться. 31 июля ледорез обогнул Медвежий острова с севера и взял курс на пролив Лаптева. Так как Восточносибирское море принадлежит к числу наименее изученных морей Союза, то мы воспользовались случаем, чтобы произвести на пути от Медвежьих островов к Новосибирским гидрологический разрез. Через каждые три часа делались остановки, и на палубу со своими приборами выходили научные работники — гидролог Всеволод Березкин, химик профессор Кондырев, гидробиолог Богоров и пишущий эти строки. Неизменным участником работ на гидрологических станциях был также помполит С. Я. Щербина, наравне с научными работниками отказавшийся на переходе через Восточносибирское море от сна. По опыту я знаю, что остановки судна для научных работ нередко вызывают явное или тайное неудовольствие командного состава и экипажа корабля, всегда спешащих к конечной цели экспедиции. На «Литке» все, от палубного матроса до начальника, были заинтересованы в производстве научных исследований в девственных водах Восточносибирского моря, а потому работалось нам легко, и работа спорилась.

В ледовом отношении этот участок пути не представил никаких затруднений, — ледорез шел все время либо чи-

стой водой, либо сильно разреженным льдом. Утром 2 августа открылся берег острова Большого Ляховского. Сделанные капитаном астрономические наблюдения показали, что за время перехода от Медвежьих островов к Новосибирским корабль, несмотря на дувшие ветры северных румбов, снесло на 24 мили к северо-западу; это подтверждает существование на этом участке Северного морского пути течения, идущего на север, и этим в значительной мере объясняются благоприятные ледовые условия, обычно здесь встречаемые. Пролив Лаптева доставил капитану несколько тревожных часов: в самой середине пролива мы совершенно неожиданно обнаружили не показанную на карте банку. Беглое обследование этой банки выяснило, что она обладает весьма небольшими горизонтальными размерами, и поэтому она, повидимому, и оставалась до сих пор незамеченной. Для «Литке» она не представляла опасности, но судно с большей осадкой село бы здесь на мель.

Переход от Новосибирских островов до устья Лены был сделан почти по чистой воде. 4 августа «Литке» вошел в бухту Тикси — будущий полярный порт исключительно большого экономического значения для Якутии. Я видел бухту Тикси в 1932 году, когда в нее заходил «Сибиряков». Тогда, кроме строящейся метеорологической станции, там не было ничего. Теперь мы застали в Тикси население в 186 человек, три больших дома, несколько служб и скотный двор. Трава в окрестностях бухты Тикси растет в изобилии, так что имеется полная возможность заготавливать seno на месте. Я не сомневаюсь также в том, что по климатическим и почвенным условиям в Тикси с успехом может развиваться полярное огородничество, однако работы в этом направлении здесь еще не начинались.

Самый порт, официально называющийся Усть-Ленским, строится в заливе Булункан — части бухты Тикси. Здесь запроектирован мол длиной в 300 метров, который совершенно необходим, так как при восточных ветрах в

залив заходит крупная волна. Незадолго до нашего прихода во время сильного ветра потерпел аварию стоявший в заливе Булункан на якоре бот «Челюскин». Относительно строительства в бухте Тикси все же следует сказать, что за время, прошедшее со дня открытия этих «ворот Якутии» «Сибиряковым» до прихода «Литке», здесь сделано не слишком много, и объем произведенных работ во всяком случае не соответствует той громадной роли, которую Усть-Ленскому порту суждено сыграть в экономике северо-востока Сибири.

Приняв с баржи, подведенной к ледорезу исторической «Леной»¹⁾, уголь, «Литке» снялся с якоря и последовал к островам Самуила, куда прибыл 12 августа. Пароходы Первой Ленской экспедиции, которые «Литке» должен был высвободить, стояли в это время в неподвижном припайном льду, сплошь покрывавшем пролив между островами. Кратчайшее расстояние между ледорезом и ленскими судами составляло 10 километров. Эту преграду надо было преодолеть во что бы то ни стало, притом в кратчайший срок, потому что плененные суда должны были еще успеть выполнить в течение оставшегося небольшого отрезка навигационного сезона ряд заданий. Другого выхода, как форсировать припай, у нас не было, и бой начался. Взяв разбег, ледорез ударял своим стальным форштевнем о лед, откалывая от него кусок, и затем снова бросался в атаку. Вначале, пока толщина припая была невелика, ледорез подвигался вперед довольно успешно. Вскоре однако толщина льда стала увеличиваться и, когда она достигла 1½ метров, «Литке», по своей конструкции совершенно не приспособленный к форсированию сплошного льда, стал двигаться лишь с большим трудом, отбивая буквально метр за метром. Мы долбили лед непрерывно в течение 112 часов. Иногда за вахту удавалось пробиться вперед только на несколько

десятков метров, средняя же скорость продвижения судна в этом льду составляла 90 метров в час. Если бы «Литке» встретились такие же условия на всем протяжении Северного морского пути, то на переход из Владивостока в Мурманск понадобилось бы больше 10 лет!

После упорной и ожесточенной борьбы «Литке» 17 августа подошел к ленским судам, которые приветствовали своего освободителя из 11-месячного ледового плена ружейными залпами и криками «ура». Начальника Первой Ленской экспедиции, Б. В. Лаврова, мы не застали. Оказалось, что он вылетел на самолете на острова Сергея Каменева и вследствие аварии самолета был вынужден там остаться. Многие нам порассказал о зимовке находившийся на «Правде» руководитель научной части геолог Н. Н. Урванцев. На одном из островов Самуила им была выстроена гидрометеорологическая станция, теперь вошедшая в общую сеть полярных станций. Урванцев поведал нам также о своих чрезвычайно интересных опытах применения в Арктике вездеходов, давших прекрасные результаты.

После того, как ленские суда были выведены на чистую воду, «Литке» еще несколько дней оставался у островов Самуила, чтобы исправить те повреждения, которые были получены в форнике во время форсирования льда. Они были довольно серьезные, но дружной работой наших механиков и всей команды, во главе со стармехом С. И. Пирожковым, ледорез был вскоре опять приведен в боеспособное состояние. «Володарский» пошел в бухту Тикси за углем, «Правда» последовала в бухту Нордвик, чтобы выгрузить там грузы, вывезенные из Архангельска еще в 1933 году. «Сталин» оставался вместе с «Литке»; ледорезу предстояло провести этот пароход через льды Карского моря до острова Диксон.

Во время стоянки у островов Самуила наш самолет сделал разведку в восточную часть пролива Вилькицкого. На этот раз с Кукановым летал капитан Николаев. Оказалось, что восточный вход в пролив еще не вскрывался, и там

¹⁾ Небольшой пароход «Лена» входил в состав экспедиции Норденшельда в 1878 г и являлся первым пароходом, пришедшим в устье Лены из Атлантического океана.

находится перемычка невзломанного льда шириной около 12—15 миль. У западной кромки льда стоял «Ермак», который проводил суда Второй Ленской экспедиции. Когда мы сообщили ему результаты авиаразведки, ледекол немедленно приступил к форсированию, что ему и удалось без труда. На следующий день «Литке» вошел в пролив Вилькицкого, воспользовавшись каналом, сделанным во льду «Ермаком» для ленских судов, и 22 августа встал на якорь у мыса Челюскина. Здесь произошла дружеская встреча с «Сибиряковым» — первым судном, прошедшим в одну навигацию путь «Литке», но только в обратном направлении. В этом году «Сибиряков» имел задание снабдить станции на мысе Челюскина и островах Самуила. Кроме «Сибирякова», у мыса Челюскина стояли суда Второй Ленской экспедиции: пароход «Байкал» и речной буксир «Партизан Шетинкин» (пароходы «Сакко» и «Молотов» в это время уже были выведены «Ермаком» в море Лаптевых). Так как проводка через льды «Партизана Шетинкина» представляла для «Ермака» некоторые трудности, то за это дело взялся «Литке». Несмотря на безусловную рискованность этой операции, — толщина стенок «Шетинкина» не превышает 7 миллиметров, — она прошла, под руководством капитана Николаева, без каких-либо осложнений.

После того, как «Шетинкин» был выведен на чистую воду в море Лаптевых, «Литке» сделал непродолжительную остановку у мыса Челюскина. Здесь, на крайнем северном выступе Азиатского материка, в 1932 году была выстроена научно-исследовательская станция Арктического института. В этом году станция значительно расширилась. Под руководством нового начальника станции, неугомонного И. Д. Папанина, пользуясь, после блестяще проведенной зимовки на Земле Франца-Иосифа в течение международного полярного года (1932—33), исключительной любовью и авторитетом у зимовщиков, работа здесь так и кипела. К нашему приходу уже был почти закончен новый большой

жилой дом, и станция начала принимать вид поселка. Большой сторонник внедрения в арктическую работу современной техники, Паланин взял с собой два мотора. Они чрезвычайно облегчили и ускорили операцию разгрузки парохода. Механизация быстро завоевывает себе право гражданства в Арктике.

24 августа «Литке» продолжал свое плавание на запад, имея у себя в кильватере «Товарища Сталина». До острова Русского море было свободно ото льдов, далее же были встречены ледяные поля весьма значительных размеров, обход которых сильно затруднялся туманной погодой. На пути к Диксону произошла встреча с красноречивым «Малыгиным». Он направлялся к Русскому острову, где должен был устроить новую метеорологическую радиостанцию. Штат этой станции, в количестве четырех человек, состоял из комсомольцев во главе с Костей Званцевым, неутомимым энтузиастом Арктики и, несмотря на свою молодость, уже опытным зимовщиком (в его стаже числятся четыре зимовки). Русский остров является, в ледовом отношении, одним из неприятнейших мест на всем Северном морском пути, а потому устройство здесь станции имеет большое значение для навигации. К сожалению, как мы узнали позже, построить здесь станцию не удалось, ибо «Малыгин» повредил себе руль, что лишило его возможности маневрировать в тяжелых льдах. Вместо Русского острова комсомольская зимовка была устроена на мысе Стерлегова, где метеорологические наблюдения также принесут большую пользу в деле обслуживания навигации. Пожалуй, Костя Званцев не очень жалеет, что ему не пришлось зимовать на Русском острове. Более унылый клочок суши трудно себе представить. Я помню, как в 1933 году на «Сибирякове», будучи затерты во льдах, мы со Званцевым в течение целой недели имели возможность любоваться красотами Русского острова. Мы решили тогда, что семи дней вполне достаточно, чтобы безотрадный вид этого острова превратил любого весельчака в мрачного меланхолика.

Только 2 сентября «Литке» со «Сталиным» бросили якорь у острова Диксон. Норденшельд, открывший прекрасную якорную стоянку у этого острова, назвал ее — порт Диксон. Это был конечно порт в кавычках. Однако теперь, в 1934 году, эти кавычки можно уже вычеркнуть. Когда «Литке» стоял у Диксона, здесь жило 200 человек, из которых 120 должны были остаться на зиму. Портостроительные работы были в разгаре. Заканчивались изыскания, на острове строился новый мощный радицентр, на берегу воздвигался будущий портовый поселок. Сам порт запроектирован на небольшом скалистом острове Конус, где будут сооружены причалы, с которых пароходы будут грузиться углем для дальнейшего следования на Лену, Колыму и в Тихий океан. Наряду с бухтой Тикси Диксон несомненно будет важнейшей угольной базой на Северном морском пути. Шестьдесят лет тому назад Норденшельд писал: «Я надеюсь, что гавань Диксон, ныне пустая, превратится в сборное место для множества кораблей, которые будут способствовать сношениям не только между Европой и Обским и Енисейским речными бассейнами, но и между Европой и Тихим океаном». Эти надежды Норденшельда теперь оправдались.

В водах Диксона «Литке» оставался до 14 сентября, обслуживая Карскую операцию. В это время им был снят с мели в устье Енисея английский пароход «Марклин». 17 сентября ледорез через Югорский Шар вышел в Баренцево море и через три дня прибыл в Мурманск, горячо приветствуемый общественностью полярного города как первый корабль, прошедший Северный морской путь с востока на запад в одну навигацию. Здесь же, в Мурманске, была получена телеграмма правитель-

ства, дававшая высшую оценку походу «Литке»:

Начальнику экспедиции — Дулицкому.

Капитану ледореза — Николаеву.

Руководителю научной части экспедиции — Визе.

Горячо приветствуем и поздравляем участников экспедиции ледореза «Литке», впервые в истории арктических плаваний завершивших в одну навигацию сквозной поход с Дальнего Востока на запад.

Успехи экспедиции «Литке» свидетельствуют о прочном завоевании Арктики советскими моряками, о героической отваге, храбрости и большевистской организованности всего состава экспедиции и команды и глубоких знаниях Арктики у руководителей экспедиции. В славном походе «Литке» мы видим прочный залог скорейшего превращения арктических пустынь в Великий Северный путь нашей великой социалистической родины.

Мы входим с ходатайством в ЦИК Союза ССР о награждении участников экспедиции ледореза «Литке».

Сталин, Молотов, Каганович, Калинин, Ворошилов, Куйбышев, Орджоникидзе, Андреев, Микоян, Чубарь, Рудзутак, Жданов.

Москва, 21 сентября.

От двух предшествовавших советских экспедиций по Северному морскому пути поход «Литке» отличается не только тем, что он прошел этот путь с востока на запад, но и тем, что это было первое безаварийное плавание Северным морским путем в одну навигацию. Поход «Литке» можно расценивать как дальнейшее крупное достижение в деле освоения Северного морского пути — основной проблемы советской Арктики.

2. „ЛИТКЕ“, ТЫ СДЕЛАЛ ХОРОШО!

Макс Зингер

«Если бы Ледовитый океан был открыт для плавания, то это дало бы весьма важные выгоды. Теперь Ледовитый океан заперт, но нельзя ли его открыть искусственным путем?»

С. Макаров — «Ермак» во льдах». 1901 г.

I

Пожелтевшие от времени широкие страницы. Елизаветинский шрифт. Столетие унесло цвет чернил, которыми первый читатель этой книги делал пометки на ее полях. Следы плесени на сафьяновом корешке. На титульном листе — пространное заглавие книги:

«Путешествие в Северный Тихий океан по повелению короля Георгия III предприятное для определения положения берегов Северной Америки, расстояния оной от Азии и возможности Северного прохода из Тихого в Атлантический Океан,

Под начальством Капитанов Кука, Клерка и Гора, на судах Резолюции и Дискавери, в продолжении 1776, 77, 78, 79 и 1780 годов.

С Англинского на Российский язык по высочайшему повелению, преложил Г. Л. Голенцев Кутузов.

В Санктпетербурге, При Императорской Академии Наук 1810 года».

II

Солнечным, весенне-ароматным утром я иду с доктором Старокадомским по крутым, зеленым сопкам старого Петропавловска-на-Камчатке. Доктор участвовал в экспедиции Бориса Вилькицкого, открывшего восточные берега тогда еще неведомой Северной Земли. В зелени сопки перед нами вырастает розовый гранитный цилиндр монумента. Кованый из железа старинный адмиралтейский якорь да тяжелые цепи якорного каната лежат у подножья памятника отважному мореплавателю Лаперузу, чьим

именем назван пролив из моря Японского в море Охотское.

Мы поднимаемся по узкой и извилистой тропке выше в гору, где раскинулся заповедник, — чуть розоватые березы, будто зажженные утренней зарей. Крупные листья берез светятся по-весеннему сочно. Налился цветом душистый шиповник, белые глазки седьмичника ласково глядят из высокого травяного ковра. На вершину сопки ползет за нами стланец-кедровник, старый и низкорослый.

Мы останавливаемся на краю сопки. Внизу, под нами, — море. Авачинская бухта Петропавловска-на-Камчатке. Там стоят корабли 1-й Северо-Восточной полярной колымской экспедиции и ее флагман — ледорез «Литке».

Мы уже на макушке сопки. Крутой спуск быстро приводит к узким улицам города. Минуем проспект Лаперуза, идем по Ленинской улице Петропавловска-на-Камчатке. Одноэтажный город смотрит в небо сверкающими на солнце оцинкованными крышами. С гор сбегают шумливые ручьи, неся студёные и вкусные воды к соленому и беспокойному морю.

Перед нами памятник Клерку, тому капитану, о путешествии которого совместно с Куком и Гора повествует пожелтевшая от времени книга. «Этот офицер, — говорится в надгробной надписи, — служил под командой капитана Кука, всемирно известного мореплавателя, во время его нескольких походов и отыскал его останки после того, как тот был убит дикарями. Его смерть последовала в море после смелой, но безуспешной попытки проникнуть в лед по ту сторону Берингова пролива».

Клерк не выполнил повеления своего короля. Не подступился к чукотскому Северу. Не определил возможности се-

верного прохода из Тихого в Атлантический океан.

Эту возможность определили советские моряки.

Краснознаменный ледорез «Федор Литке» прошел в одну навигацию из Тихого океана в Атлантический без зимовки, без аварий.

III

Два года назад «Литке» таранил острой грудью мощные чукотские льды, а впереди по курсу корабля слышны были гулкие взрывы аммонала. Подрывники помогали кораблю протискиваться во льдах. Вслед за ледорезом двигалась, светя ходовыми огнями, эскадра грузовых судов. Тысяча людей шла на Колыму, чтобы разбудить покой ее девственных берегов.

Грозно стояло во льдах дикое Чукотское море. Сквозь густую поволоку тумана едва виднелся скалистый и крутой мыс Шелагский,

В каюте командира ледореза «Литке» Николаева я разглядывал альбом, на котором по зеленому сафьяновому переплету горели золотые буквы «Канада». Так называли ледорез, когда он пришел из северных вод Америки в Архангельск в годы империалистической войны.

Не героические задачи ожидали ледорез у берегов царской России. Сафьяновый альбом остался живым свидетелем пьяного угара на корабле в дореволюционные годы.

Подвыпив изрядно, разгоряченный вином, не воздержался от глубокомысленной философии, навеянной очевидно двадцатой рюмкой, член государственной думы некий Крупенский, записавший на плотной странице альбома:

«И среди льдов бывает тепло».

Никому неизвестный, но крепко напившийся Крюков вывел плохо управляемой рукой:

«И в сухом доке бывает мокро».

Через восемнадцать лет альбом все еще хранил на своих пожелтевших страницах запахи дорогих духов и пудры, —

следы посетительниц кают-компания ледореза «Канада».

Здесь, в этом альбоме, «излагала» свою томительную грусть безвестная Маша.

Восхищенный прелестной «Канадой»,
Я пою кораблю похвалу,
О его буду помнить хозяине
И о том, как с ним пил «марсалу», —

клевал сизым носом в дорогой альбом еще один стихоплет.

Среди этих «стихов» была неуверенно вычерчена рюмка — тогдашний символ судна, его негласный вымпел.

В годы английской интервенции на ледорезе ходили офицеры английского флота. В каютах корабля бывали офицеры и других иностранных служб. «Сам» Сполайкович — сербский посланник — оставил здесь свой пространный рескрипт, заканчивавшийся глубокомысленным изречением: «Дай бог!»

Бог конечно ничего Сполайковичу не дал. В Архангельск пришла советская власть, и на ледорезе был поднят красный стяг Октября.

Свой первый ответственный рейс в Карское море советский ледорез совершил в 1921 году, идя на выручку «Соловья Будимировича» (ныне «Мальгин»), беспомощно дрейфовавшего в тяжелых льдах более полугода.

«Канада» была переименована в честь знаменитого русского мореплавателя Литке, который четыре раза ходил к Новой Земле, пытаясь обогнуть ее неприступную северную оконечность. Литке намеревался повторить рейс знаменитого русского помора Саввы Ложкина, впервые обогнувшего Новую Землю. Ученый мореплаватель Литке решил нанести на карту неизвестный восточный берег Новой Земли. Это не удалось совершить отважному моряку, но его экспедиции дали ценные описи малоизвестного западного берега Новой Земли от южной ее оконечности до мыса Нассау. По этой карте в некоторых районах и до сих пор еще плавают корабли.

Из Архангельска «Литке» ушел вместе с ледоколом «Макаровым». Оба ко-

рабля получили повреждения в боях со льдами. Архангельск не в силах был дать судам капитальный ремонт. Корабли отправились в Ленинград. В море вышли два тонущих ледокола. Помпы едва успевали откачивать забортную воду, поступавшую сквозь пробойны. Днём и ночью без перерыва работали спасательные помпы.

Суда дошли по назначению. В Северную Пальмиру «Литке» был приведен молодым полярным капитаном Н. М. Николаевым. Он плавал прежде штурманом на этом ледорезе. Сын моряка, он впервые попал на корабль еще семилетним мальчиком. Отец взял его с собой на ледокол «Ермак», чтобы показать море, замечательный ледокол и его людей. Отец Николаева — сподвижник адмирала Макарова, творца ледокола «Ермак» — не раз ходил в экспедиции, командуя полярными кораблями. Молодой Николаев — один из немногих потомственных полярников.

Свыше года стояли ледоколы в Ленинграде на ремонте; затем они сменили северные воды на теплый юг и, обогнув Европу, стали обслуживать черноморское побережье Советов.

В 1929 году, когда встал вопрос о снятии зимовщиков с острова Врангеля, заговорили о возможности арктического похода ледореза «Литке». Много шума вызвало решение о посылке этого судна в экспедицию к Врангелю.

Опытный полярный капитан К. Дублицкий, не раз плававший по Северу, вызвался вести ледорез к острову, едва намеченному тогда на карте пунктиром. Первого начальника острова — Г. А. Ушакова, — зимовавшего здесь кряду уже три года, должен был сменить новый начальник — Минеев.

Уходя с корабля, после блестяще совершенного рейса, капитан К. Дублицкий написал прощальное письмо в альбоме «Канада».

Как всадник с верным конем, прощался моряк с кораблем, которому верил, которым был горд:

«Прощай, дорогой «Литке»!

У меня нет времени высказать все, что я чувствую по отношению к тебе. Скажу лишь, что ты, как старый герой,

сражался с полярными льдами острова Врангеля, пробил их, вышел сам и вынес всех твоих обитателей, доверившихся тебе. К сожалению, победа досталась не даром, и грудь твоя повреждена. Прощай и спасибо за все! Желая тебе и команде всяческого благополучия.

Капитан Дублицкий.

22 апреля — 15 октября 1929 г.»

Через три года, в течение которых корабли не раз задерживались на зимовку у чукотских берегов, «Литке» снова пробивался на север. Во втором международном полярном году ледорез вел за собой из Владивостока колонну кораблей с грузами к Колыме. Если бы не «Литке», то Ванкарем, мыс Северный (ныне мыс Отто Шмидта), мыс Певек и Колыма не получили бы снабжения в 1932 году, и чукотский Север был бы обречен на голодовку.

Под командой капитана Николаева «Литке» продвигался даже в девятибальном льду, используя малейшую возможность — подать в стороны, сжать, раздавить лед своим крепким форштевнем.

Северное полярное море встретило колонну судов у самого мыса Дежнева неприступными льдами. Попытки отдельных кораблей найти ходы по разводьям ни к чему не привели. Полярное море возвращало корабли в ледовом дрейфе обратно к исходной позиции — к мысу Дежневу. Море поднялось, ошестинясь льдами.

Старые капитаны-полярники, неоднократно зимовавшие в Ледовитом океане, заговорили о необходимости поворота во Владивосток ввиду возможной гибели всех речных судов, которые находились за кормой на буксире морских пароходов. Начальник Северо-Восточной экспедиции, полярный исследователь Евгений, и его заместитель капитан Бочек решили все же поход продолжать. Ветры пришли на помощь морякам и привели в движение ледовый настил Чукотского моря; эскадра тронулась в путь. Корабли брали мыс за мысом, идя сквозь ледяной строй, чтобы не оставить край без грузов, которыми были наполнены трюмы пароходов.

У мыса Северного стояли во льдах зимовавшие пароходы «Колыма» и «Лейтенант Шмидт». Эти суда сожгли весь уголь в боях со льдами. Запас продовольствия подходил к концу. Моряки-зимовщики тщетно пытались прорваться сквозь ледовый кордон к судам Северо-Восточной полярной экспедиции. На «Лейтенанте Шмидте» жгли уже муку, облитую минеральным маслом. В таком гибельном положении Чукотское море обрекало корабли на вторую зимовку.

Разрушив ледяные перемычки, «Литке» подошел к «Лейтенанту Шмидту» и «Колыме», снабдил их углем, продовольствием и пресной водой.

Корабли продолжали свой путь: «Литке» с конвоируемыми судами — к мысу Медвежьему, а зимовавшие суда — домой, в Тихоокеанский бассейн.

Не имея действующих радиостанций (кроме Уэллена), без синоптических карт продвигался «Литке» к намеченной цели. Морякам помогали героические воздушники. В туман и непогоду Красинский, Кошелев и Бердник летали в ледовые разведки, разыскивали свободные пути к Колыме.

Темной ночью 4 сентября 1932 года «Литке» с судами Северо-Восточной экспедиции подходил к мысу Медвежьему, к Колыме. В темноте ночи, словно звезды на горизонте, справа, по носу ледореза «Литке», зажглись огни неизвестного парохода. Он шел на соединение с «Литке». Это был ледокол «Сибиряков», совершавший под начальством Шмидта знаменитый поход из Архангельска Северным морским путем в Тихий океан. Впервые в истории полярного плавания здесь, у Колымы, сошлись корабли с разных концов мира. Моряки Запада встречались с моряками Востока. Эта встреча была праздником советского морского флага в Арктике.

Суда Северо-Восточной экспедиции пришли к мысу Медвежьему четвертого сентября, когда обычно пароходы давали здесь прощальный салют, уходя от быстро наступающей зимы. «Сибиряков» привел к Колыме на буксире два речных парохода с Лены. «Литке» привел к Колыме мощные катера, баржи, моторные боты и кунгасы — флот для

пробуждающейся реки Полярной Сибири.

На бортах катеров и барж льды зачистили окраску и оставили глубокие вмятины. Это были свидетели трудностей продвижения речных судов среди льдов Полярного моря.

Поздний обратный выход судов привел к зимовке всего каравана в Чаунской губе. Лесовоз «Урицкий» в пурге отбил от каравана и зазимовал во льдах, в открытом океане. Место зимовки лесовоза было опасным. Всю зиму он, вместе со льдом, петлял в холодном море. Во время сжатий не раз трещали ребра корабля, и команда выходила с пешнями окальвать лед, наседавший на борты лесовоза.

Как только пришла весна и первая подвижка льдов позволила «Литке» покинуть Чаунскую губу, он прежде всего направился на выручку «Урицкого». Долго длилась неравная борьба с ледяной стихией. Взрывами аммонала и своим форштевнем «Литке» таранил лед, идя навстречу подзащитному кораблю. Пленник Арктики, лесовоз «Урицкий», был спасен ледорезом. «Урицкий» выполнил возложенную на него задачу по снабжению Якутии и на следующий год пришел к ее берегам с новыми грузами.

IV

Пришел снова к берегам Якутии и ледорез «Литке». На этот раз он должен был совершить великий переход в одну навигацию без зимовки из Тихого океана в Атлантический, что не под силу оказалось капитанам английского короля Георга III — Куку, Клерку и Гора — и что проделал лишь однажды, но с зимовкой, русский моряк Борис Вилькицкий на «Таймыре» и «Вайгаче».

«Литке» должен был повторить походы «Сибирякова» и «Челюскина», начав свой рейс не с запада Союза, но с его дальнего востока.

Страна небывало праздновала возвращение участников похода «Челюскина» и семерых летчиков — Героев Советского Союза в столицу республики — Москву. В эти пышные и торжественные дни уезжали из Москвы во Владивосток ру-

ководители новой полярной экспедиции «Литке» — начальник похода Д. С. Дулицкий, помощник начальника по научной части профессор Визе и командир ледореза капитан Н. М. Николаев.

В газетах мелькали короткие, скупые сообщения о героическом продвижении корабля из Владивостока на дальний Север.

В середине июля «Литке» входит в Чукотское море. Неприветливо встречает Арктика своего противника. Ледяные поля тесным кольцом сжимают ледорез. Чукотское море повторяет свои старые, коварные приемы. Дрейфующие льды уносят «Литке» обратно на восток, по направлению к мысу Дежневу.

Отважный начальник экспедиции Д. С. Дулицкий летает сам в опасные ледовые разведки, выискивая пути для своего корабля на запад.

Синоптик экспедиции Радвиллович верно предсказывает погоду. Он дает кораблю желанный зюд-вест. Льды начинают свое перемещение по морю, словно тучи по небу. Ветром разрывает сплошной ледяной покров моря. Ледорезу открываются пути на запад. Корабль продолжает свой путь.

У острова Самуила стоят в ледяном плену три корабля: «Правда», «Сталин» и «Володарский». В прошлом году они приходили к устью Лены, в бухту Тикси, из далекого Архангельска. В тяжелый ледовый год большевик Борис Лавров, основатель Игарки, энтузиаст Севера, прорвался к устью Лены, к Якутии, с грузовыми судами. Три с половиной тысячи тонн груза было доставлено к северу Якутии, куда в тот год не успели во-время, вниз по Лене, завезти жизненно-необходимые грузы. Архангельские моряки, во главе с Лавровым, оказали братской Якутской республике неоценимую услугу, но сами, остановленные мощными льдами, вынуждены были зимовать близ мыса Челюскин, у островов Самуила.

Начальник экспедиции «Литке» Д. С. Дулицкий волнуяще коротко записывает в своем походном дневнике появление ледореза у островов Самуила:

«12 августа. Подходим к островам Самуила. Впереди — густой туман. Око-

ло островов встретили сплошной многолетний лед. Несмотря на лобовые удары с полного хода, ледяное поле остается невредимым. Неожиданно туман рассеялся. Прямо перед носом «Литке», на расстоянии 6 миль от нас, увидели три советских парохода; это зазимовавшие суда 1-й Ленской экспедиции. Нам предстоит освободить их из ледяного плена. Пароходы нас также заметили и начали по радио выражать беспокойство — сможем ли мы пробиться сквозь лед. Беспокойство напрасное: никто из нас не думает отступить».

Пять суток под ряд штурмует лед «Литке», с каждым днем он пробивается на одну милю вперед к кораблям. 17 августа у островов Самуила команды зимующих судов салютуют подошедшему вплотную кораблю-освободителю залпами из винтовок. Так принято салютовать кораблям-гостям на дальнем советском Севере.

Штурм льдов под островами Самуила не дешево обошелся «Литке». На японских заводах форштевень корабля составили из нескольких частей, и от ударов об лед крепления форштевня разошлись. Корабль лишился своей былой силы. Выведя суда 1-й Ленской из их ледяной могилы, «Литке» сам вместе с ними становился беспомощным.

Тут на выручку пришел его коллектив. Почти половина экипажа состояла из большевиков и комсомольцев Тихоокеанского бассейна. Ремонт форштевня был сделан здесь же, в море Лаптевых, которое насупилося льдами. Люди работали над тем, чтобы вернуть кораблю его прежнюю силу. На первом же испытании после двухдневной напряженной работы «Литке» снова стал колоть лед.

V

Незадолго до выхода в 1-ю Северо-Восточную полярную колымскую экспедицию «Литке» был направлен — под командой капитана Николаева — в Охотское море, где до того зимой ни разу не показывался пароход. «Литке» провозжал суда к охотскому побережью, на котором поднимались новые города. Ледорез успешно справлялся с возложен-

ной на него задачей, но под конец операции вынужден был, из-за нехватки угля, зазимовать во льдах. Имея сильную течь, он поддерживал себя на плаву непрерывной работой спасательной помпы. На помощь зазимовавшему ледорезу поспешил из Владивостока ледокол «Давыдов» с транспортом угля. Зимовка «Литке» оказалась короткой. Она продолжалась всего лишь два месяца. Два месяца корабль дрейфовал в охотских льдах. Получив уголь от «Давыдова», ледорез поднял пары, вышел из полосы льдов. В то же лето он повел в Кольму колонну судов.

В окутанном облаками туманном Охотском море средним ходом продвигался, тревожно гудя, ледорез, а за ним, на буксире, тянулись две огромные баржи. Свежий ветер, взъерошив белые пряди волн, пылил по морю, протяжно воя. Курс был проложен открытым морем к 4-му Курильскому проливу, за которым недалеко уже было и до Камчатки, до первого порта после долгого морского перехода.

Задняя баржа, рыскавшая по сторонам, вдруг резко изменила свое направление и стала «лагом», как говорят моряки. Она оторвалась от «Литке». Капитан Николаев, стоявший на мостике, круто повернул наперерез гонимой ветром барже. Баржа переваливалась с борта на борт. Волны перекачивались через ее палубу. Потеря баржи грозила срывом разгрузочных работ у конечной цели, у Кольмы.

Как всегда, слышались короткие приказания капитана Николаева. Он отдавал их, не повышая голоса, как будто ледокол был не в штормовом Охотском море, а в тихой бухте, защищенной от ветров.

Николаев коротко свистнул два раза и тихо сказал прибежавшему вахтенному матросу:

— Дать пару на пшпиль и лебедку! Позвать команду!

— Есть! — ответил вахтенный и побежал исполнять приказание. Матрос побежал на корму не через коридоры, как обычно, — он перемахнул скотный дворик, пристроенный на верхней палубе для свиней и овец. Так было ближе,

а сейчас была дорога каждая минута.

— Спустить шлюпку! — скомандовал капитан.

Свободных людей на мостике не было. К шлюпбалкам подбежал вахтенный штурман и стал сам спускать шлюпку. Через минуту подоспели вызванные наверх матросы. Один за другим, по примеру штурмана, они спустились в шлюпку, которая прыгала на волнах под бортом ледореза. Разыгравшееся море так опускало ее между волнами, что не видно было даже гребцов. Люди догнали оторвавшуюся баржу, обошли ее с кормы; в бинокль с ледореза видно было, как отважные моряки карабкались со шлюпки на палубу баржи. Часть людей осталась на барже — откачивать воду, которая начинала уже топить речную посудину; остальные сели в шлюпку и пошли на ледорез за буксиром. Целый день бились моряки за баржу и только к вечеру заарканили ее и снова повели на север.

На одном из кораблей, которым командовал капитан Николаев, ночью в капитанскую каюту вбежал взволнованный штурман и крикнул:

— Товарищ командир! В угольном трюме пожар!

— А вы пустите пар в трюм! — спокойно сказал Николаев.

Хладнокровие командира придало бодрости штурману, он, ни слова не говоря, побежал исполнять приказание. Через четверть часа штурман снова попался в каюте. Голос его уже был спокойней, он радостно докладывал:

— Пожар ликвидирован! Все в порядке!

На Чаунской зимовке, где зимовало одновременно триста тихоокеанских моряков, был организован учебный комбинат. Моряки по-советски встречали зимовку. Одним из преподавателей арктического морского техникума, первого в Полярном море, был командир «Литке», капитан Николаев. Стройного моряка в короткой теплой куртке, в высоких фетровых сапогах и финской шапке-ушанке можно было часто видеть на берегах Чаунской губы, где он, вместе с моря-

ками, занимался описанием малоизвестного берега.

Это была первая зимовка за всю историю полярного плавания, во время которой не наблюдалось ни одного случая цынготного заболевания. Люди были так заняты своим делом, что не хватало расписанного по часам сумеречного сурового зимнего дня.

«Литке» был первым кораблем, на котором молодой Николаев начинал жизнь штурмана. Молодой штурман вынужден был вскоре покинуть корабль из-за того, что его командиром был назначен старик Николаев. Пребывание отца и сына в командных должностях на одном и том же судне не разрешалось. Отец Николаев остался на «Литке», сын ушел на ледокол «Макаров». Когда отца перевели на ледокол «Ленин», молодой Николаев снова вернулся на «Литке», уже в качестве его командира. Он проводил ледокольные кампании на Юге, в Черном и Азовском морях.

Вернувшись с острова Врангеля, «Литке» недолго простоя во Владивостокском порту. В Чукотском море зазимовал пароход «Ставрополь» — и ледорезу было предложено оказать помощь зимующему советскому судну и находившейся неподалеку от него во льдах американской шхуне «Нанук». Предстоял небывалый зимний рейс. Старые опытные полярники говорили, что рейс невыполним. Однако капитан Дублицкий не поддался уговорам и стал набирать личный состав на ледорез. Николаев, совсем недавно еще бывший командиром ледореза, поступил на «Литке» третьим штурманом. Так горячо было желание молодого моряка пойти в трудный зимний полярный поход, когда севернее Камчатки прекращалась обычная всякая навигация.

Чукчи знали через радиостанцию на Уэллене, что с «большой земли» идет в PROVIDENCE пароход «Литке». Чукчи видели этот корабль еще совсем недавно, когда он, миновав мыс Дежнев, уходил к Врангелю в единобожество с чукотскими грозными льдами. Чукчи знали, что «Литке» одолел эти льды. Но то было летом. А теперь пришла в PROVIDENCE морозная зима, сковало море льдом.

Птицы улетели далеко на юг, и только в тундре кое-где можно было видеть следы куропаток да пунктиры следов пса, искавшего пеструшку.

Чукчи не верили, что зимой в PROVIDENCE может прийти пароход. Они не представляли, что пароход — гигантская байдара с «большой земли» — придет к Чукотской земле по сплошному ледяному покрову.

И вот свершилось. Ломаю мощный лед, входил «Литке» в залив PROVIDENCE, развешивая черное кружево дыма по заснеженным сопкам. На корабле победно горели ходовые огни. «Литке» шел полярной ночью, сквозь темень и льды Студеного океана. Чукчи бежали из своих яранг посмотреть на «шаман-пароход», который одолел их зимнее неприступное море.

Воскликая свое «каккумэ», изумленные чукчи бежали вслед за пароходом, который со звоном раскидывал лед крепким форштевнем, попирая твердую Арктику. Это был первый ледокол, который подошел к чукотским берегам зимой, когда над PROVIDENCE берегами распростерла свои черные крылья полярная ночь и солнце надолго скрылось за снежными вершинами сопки.

«Литке» выполнил тяжелое задание. Он подошел к PROVIDENCE, принял на борт людей с зимовавшего в Чукотском море парохода и ушел в обратный зимний рейс к Владивостоку.

Поход к заливу PROVIDENCE вошел в историю Арктики под названием «PROVIDENCE». Он был отягощен частыми и жестокими штормами, изнурявшими экипаж героического корабля. Короткие дни были туманны, нередко свирепствовала слепящая пурга. Выполнив задание и возвращаясь из PROVIDENCE во Владивосток, «Литке» попал в сильный тайфун. Волной смывало в море шлюпки с корабля. К концу второго часа шторма накатом смыло последний моторный катер. Судно осталось без шлюпок. Вахтенный штурман отмечал крен корабля выше всякой возможной нормы. Из машинного отделения прибежали к капитану механики, требуя экстренного принятия мер против качки. Они

опасались, что от стремительных размахов судна тронутся с места котлы и люди погибнут вместе с кораблем в этом разбушевавшемся море.

«Большая прибыль воды, — отмечал вахтенный штурман в судовом журнале. — Помпа не справляется с откачкой. Охраняя машинное и кочегарное отделения, закрыли водонепроницаемые двери... Испорчен рулевой привод. Идем, управляясь только винтами; залит ахтерпик. Сообщение по палубе невозможно. Поручни на корме и спардеке сорваны. Снесен кормовой компас. Трюмы и жилые помещения залиты водой. Сильно обмерзает корпус. Осадка непрерывно увеличивается. Ватерлиния на полтора фута ниже нормы. Все спасательные средства унесло за борт».

Пианино, недавно увеселявшее моряков, сорвалось с креплений и носилось по кают-компани, коверкая мебель. Ванна в каюте командира корабля таранила борты. В каютах, затопленных водой, плавали вещи моряков. От короткого замыкания возникли частые пожары. И все же корабль пришел во Владивосток. Он пришел в тихоокеанский порт как герой и победитель зимнего Полярного моря.

VI

«Литке» уходил в 1932 году от устья Колымы с пароходами 1-й Северо-Восточной полярной колымской экспедиции домой, во Владивосток. Стояли последние дни сентября, короткие, пасмурные, неприветные. Быстрыми шагами приближалась к чукотским берегам пуржливая зима. Рулевой матрос ледореза, склонившись над штурвалом, заглядывал внимательно в картушку компаса. Позади, за кормой ледореза, видно было в дымке тумана, как продвигались величественной кильватерной колонной корабли экспедиции.

— Если прорвемся во Владивосток, придется музыку попросить! — сказал рулевой матрос, глянув на корабли, которые тянулись за ледорезом на восток.

Матрос хотел сказать, что большой радостью будет для моряков Тихоокеан-

ского бассейна возвращение из Полярного моря семи владивостокских кораблей. Моряк хотел сказать, что обратный поход труден. Льды становятся тяжелее. Наступившие холода работают против моряков. Грозной становится ледяная преграда. И если прорвутся корабли на восток, это будет большим праздником. Этот праздник надо будет отметить музыкой, весельем.

Не вернулись в тот год корабли во Владивосток. Они зазимовали в Чукотском море, в Чаунской губе. Не пришлось просить музыки рулевому матросу «Литке».

20 сентября 1934 года «Литке» — первый гость с Дальнего Востока — вошел в Кольский залив. Навстречу краснорыбному ледорезу вышел сторожевой корабль «Смерч». На палубе корабля гремел оркестр музыки. Вслед за сторожевым кораблем к ледорезу приближались рыболовные траулеры и старик «Персей», совершивший в том году пятидесятый научный рейс. Все встречавшие суда были расцвечены флагами. Иностранные пароходы, стоявшие на рейде, были также расцвечены флагами.

«Литке» шел к пристани, сопровождаемый торжественным эскортом мурманских судов. Все корабли салютовали гудками отважному ледорезу. Гудели заводы Мурманска, приветствуя судно, которое впервые пришло в полярный порт из Владивостока в одну навигацию Северным морским путем. Закончив научные работы, в последний раз в кают-компани профессор Визе играл любимого норвежского композитора Грига — певца штормливого моря и дикой природы Севера.

Заботливой рукой гостеприимных хозяев Мурманска на судне был установлен городской телефон, и по его проводам передавались телеграммы со всех концов Союза в кают-компанию «Литке» — приветствия отважным мореплавателям.

Одной из первых телеграмм, принятых на ледорезе в Мурманске, было приветствие руководству корабля от Политбюро во главе с товарищем Сталиным.

Отметила поход «Литке» и зарубежная печать. Английские морские газеты оценили этот исключительный поход как важнейшую победу советских мореплавателей.

Большевистская настойчивость, отвага и боевое руководство начальника экспедиции Д. С. Дуплицкого, выдержка и спокойствие капитана Николаева, умелое руководством политической и общественной работой на ледорезе самоотверженного помполита Шурбины сочетались в этом походе с беззаветно преданной, ударной работой всего коллектива корабля.

В советских водах «Литке» воспитал поколения ледоколыщиков и полярников. Капитаны больших судов не раз ходили штурманами в полярные походы «Литке», чтобы учиться побеждать Арктику, отвоевывать для своей великой родины новые морские пути.

На Дальнем Востоке «Литке» был экспедиционным, портовым и одновременно учебным судном, готовившим стране молодых полярников, бесстрашных освоителей необжитых окраин Советского Союза.

Совершив великий северный морской переход из Владивостока в Ленинград,

ледорез и на западе Союза будет высоко держать свое боевое, обвеянное ветрами и пургой, красное знамя.

VII

Когда капитана Николаева друзья спрашивали о «Провиденском» походе «Литке», он неизменно отвечал:

— Тяжелый был поход!

А когда спрашивали о том, что делали моряки, он с обычной скромностью отвечал:

— Работали.

Так говорил капитан и о походе «Литке» на Колыму. Так отвечал он на вопросы друзей и о великом северном плавании ледореза из Тихого океана в Атлантику.

Да, поход был тяжелый, и действительно крепко поработали советские моряки!

Возможность северного прохода из Тихого в Атлантический океан блестяще доказана плаванием советского корабля «Литке», предпринятым и совершенным по воле партии и правительства рабочей страны.

Страна салютует своему отважному кораблю:

— «Литке», ты сделал хорошо!

За рубежом.

1. М. СПЕКТАТОР — Два года депрессии особого рода. 2. А. ХАМАДАН — В лагере фашистской реакции

1. ДВА ГОДА ДЕПРЕССИИ ОСОБОГО РОДА

М. Спектатор

I

Как известно, жизненный путь капитала скован циклом, распадающимся на следующие фазы: кризис, депрессию и оживление. «Кризисы представляют собой момент нарушения и перерыва в процессе воспроизводства» (Маркс), т.-е. сокращение размеров производства, падение цен и прибыли и увеличение безработицы. Переход от кризиса к депрессии начинается тогда, когда падение производства приостанавливается, начинается некоторое расширение его, не выходящее за пределы того уровня, который был достигнут во время предшествовавшего кризису под'ема. Депрессия есть, следовательно, расширенное воспроизводство, но в рамках еще существующего аппарата или, можно сказать, без расширения воспроизводства самого аппарата. Оживление есть процесс воспроизводства самого аппарата, основного капитала, широкое капитальное строительство и вместе с этим значительный под'ем цен и резкое сокращение безработицы. Именно процесс расширенного воспроизводства основного капитала, капитальное строительство и придает промышленному оживлению характер более или менее продолжительный и известную устойчивость.

Промышленный цикл продолжался обычно от 7 до 10 лет, причем на фазу промышленного оживления приходилось примерно в два раза больше времени, чем на кризис и депрессию, вместе взятые. Чтобы не усложнить наше изложение, мы проиллюстрируем смены фаз в цикле на примере выплавки чугуна в США за последние 50 лет. При этом мы не ограничимся средними годовыми данными, как это обычно делают, а проанализируем средние месячные числа, чтобы более точно установить начало и конец отдельных фаз цикла. Наши сведения начинаются с января 1885 года, когда выплавлено было 270 тысяч больших тонн (по 1.016 клгр.) чугуна. С некоторыми небольшими колебаниями выплавка нарастает до октября 1887 г., когда она составила 580 тысяч тонн. После этого идет снижение продукции, продолжающееся четыре месяца, до февраля 1888 г., когда она упала до 410 тыс. тонн, затем начинается новый медленный под'ем до декабря того же года, когда выплавка чугуна снова достигает 620 тыс. тонн. С этого времени начинается оживление, продолжающееся с некоторыми провалами свыше трех лет до зимы 1892 г., когда выплавка чугуна составила 790 тыс. тонн. Наступивший тогда кризис тянется до июня

1894 г. (выплавка чугуна падает до 300 тыс. тонн), а депрессия — до августа 1895 г. (810 тыс. тонн). Один из самых сильных кризисов, который пережил молодой капитализм США, продолжался, таким образом, 27 месяцев, последовавшая за ним депрессия тянулась в течение 14 месяцев, а период оживления, наступившего после депрессии, закончился в мае 1903 г. (выплавка чугуна—1,71 млн. тонн). Хотя уже после мая 1900 г. замечается снижение уровня выплавки (с мая по декабрь с 1,28 до 0,92 млн. тонн), но все же общий уровень остается высоким, и настоящий кризис наступает только в мае 1903 г. Сокращение продукции в 1903 г. продолжается только несколько месяцев, а именно до декабря, когда выплавка чугуна падает до 850 тыс. тонн. Новый рекорд достигается в январе 1905 г. (1,78 млн. тонн), так что можно считать, что депрессия продолжается примерно один год. Затем оживление гонит выплавку чугуна до 2,29 млн. тонн в мае 1907 г. Таким образом, оживление продолжалось 2½ года. Наступивший после этого кризис заканчивается в июне 1908 г., так как с июля уже начинается некоторое повышение продукции. Депрессия продолжается до сентября 1909 г., когда выплавка чугуна достигает 2,38 млн. тонн. Таким образом, кризис продолжался 13 месяцев, а депрессия 14 месяцев. Последовавшее затем оживление срывается в мае 1913 г., спустя 45 месяцев. Кризис 1920 и 1921 гг. начинается в марте 1920 г. и продолжается до июля 1921 г., когда выплавка чугуна падает с 3,38 млн. тонн до 0,86 млн. тонн. Депрессия заканчивается в марте 1923 г., когда выплавка чугуна снова достигает 3,52 млн. тонн, а наступившее оживление, прерываемое резкими провалами в 1924 и в 1927 гг., продолжается до мая 1929 г. с выплавкой чугуна в 3,90 млн. тонн. Затем начинается кризисное сокращение выплавки, продолжавшееся до марта 1933 г.

Сводя воедино сказанное о развитии американской железодельной промышленности за 50 лет, мы получаем следующую картину:

Годы	Число месяцев		
	кризиса	депрессии	оживления
1887/1892 . . .	4	9	40
1892/1903 . . .	27	14	94
1903/1907 . . .	7	12	29
1907/1913 . . .	13	14	45
1920/1929 . . .	16	21	72
1929/1934 . . .	47	19	?

На четыре довоенных цикла приходилось 51 кризисный месяц, 49 депрессивных месяцев и 208 месяцев оживления. Оживление продолжалось, следовательно, в два раза больше, нежели кризис и депрессии.

Если бы в настоящее время сохранилась закономерность прежнего цикла, то после современного кризиса в 4 года должна была бы тянуться депрессия примерно также 4 года, а оживление продолжалось бы чуть ли не 16 лет, т.е. мы имели бы цикл в 24 года, что конечно немыслимо. Рузвельт в своем послании к конгрессу рассчитывает, что в 1934 — 35 г. уровень продукции достигнет только 98 проц. уровня 1923—1925 гг., в то время как промышленная деятельность превышала в 1929 г. этот уровень на 19 проц. Другими словами, еще в 1934 — 35 г., даже по оптимистическим оценкам Рузвельта, предполагается депрессивный год. Совершенно очевидно, что для промышленного оживления в цикле в 10 лет не остается уже больше времени. Посмотрим однако, как на самом деле развивается хозяйство.

II

Как шла конъюнктура в годы депрессии особого рода, лучше всего проследить на примере США¹⁾. Индекс промышленной продукции, включая и горное дело, выразился (1923/25 = 100):

¹⁾ В дальнейшем мы еще остановимся на характеристике депрессии в Англии, Германии и во Франции, отлагая анализ развития Италии, Японии и аграрных стран на другой раз.

1929 г.	119
1930 г.	96
1931 г.	81
1932 г.	64
1933 г.	77
1934 г. (7 мес) . . .	82

Хотя уровень промышленной деятельности за последние два года поднялся, но он еще далеко отстоит от уровня 1929 г. Имеются ли обоснованные предположения относительно дальнейшего улучшения конъюнктуры? Что вызвало усиление промышленной деятельности? В первую очередь — огромные затраты, которые сделало правительство на поддержку промышленности, банков и сельского хозяйства. Говоря о процессе первоначального накопления на континенте Европы, Маркс пишет: «Первоначальный капитал притекает здесь к промышленникам в значительной мере прямо из государственного казначейства». И тут же Маркс приводит характерное замечание Мирабо: «Зачем так далеко искать причин мануфактурного расцвета Саксонии перед Семилетней войной? Достаточно обратить внимание на 180 млн. государственного долга!» Государственное казначейство в настоящее время выручило капитал, дав ему возможность несколько оправиться от кризиса. Расходы государства на поддержку промышленности колоссальны, как видно из следующих данных. Общая сумма предполагаемых расходов до 15 августа 1934 г. составила 6.787 млн., из них уже израсходовано 3.893 млн. и осталось еще израсходовать 2.889 млн. Кроме того, на различные общественные работы предполагалось израсходовать 5.842 млн. и израсходовано 2.946. В целом, следовательно, израсходовано за эти годы на поддержку промышленников и банков, а также сельского хозяйства 6.839 и остается еще израсходовать 5.785 млн. Чисто военные расходы составили, по официальным данным, в 1933 г. 628 млн., а в 1934 г. 712 млн. долларов. Чтобы представить себе значение этой колоссальной суммы, надо вспомнить, что эти расходы превышают частные капиталовложения в промышленность в течение всего периода времени, начиная с 1931 г. Можно, по

существу, сказать, что правительственные подачки всякого рода являлись основой финансирования промышленности в течение этого периода. И неудивительно, что в те месяцы, когда государство меньше тратит на поддержание промышленников, отмечается ухудшение конъюнктуры.

Развитие конъюнктуры за последние два года отличается крайней неустойчивостью и резкими скачками. Если проследить движение выплавки чугуна после кризиса 1903 г., то мы замечаем, что после декабря 1903 г., на какой-то месяц приходится самые низкие цифры, продукция почти непрерывно возрастает. Сезонные колебания в мае и июле сравнительно незначительны. Снижение выплавки в июле по сравнению с апрелем 1904 г. составляет 28 проц. В 1909 г., после кризиса 1907 — 1908 г., не замечаются и сезонные колебания. Только в 1910 г. в течение апреля — сентября наступает снижение выплавки, но меньше чем на 20 проц. В настоящее время мы имеем совершенно иную картину. Между августом и ноябрем 1933 г. выплавка чугуна снижается на 41 проц., сентябрьская выплавка чугуна 1934 г. ниже выплавки в сентябре 1933 г. тоже свыше 40 проц. Производство стали в августе 1934 г. было ниже мартовского производства больше чем на 53 проц.

Такие резкие колебания конъюнктуры, характеризующие неустойчивость современного положения, сами являются следствием того факта, что в стране не идет капитальное строительство новых предприятий и почти не имеет места расширенное воспроизводство основного капитала, того, что является основой промышленного оживления. Констатированное товарищем Сталиным своеобразие современного положения, а именно «отсутствие тенденции к сколько-нибудь серьезному обновлению основного капитала, предвещающему обычно наступление под'ема», на самом деле полностью оправдалось. Это можно судить уже по сравнительно небольшим инвестициям частного капитала, но это подтверждается также слабым строительством промышленных и других зданий.

Выпуск капитала в млн. долларов

1929 г.	10 188
1930 г	7.044
1931 г.	3.108
1932 г	1.188
1933 г	720
1934 г (8 мес.)	1 217

Мы видим, что частный капитал не спешит идти в промышленность, в особенности это сказывается в области строительства.

Строительство (заключенные договоры) в млн. долл. в 37 штатах,

	Вся сумма	В том числе		
		Домо-строительство	Промышл.	Торговое
1929 г.	5.750	1.916	929	546
1932 г.	1 351	280	43	123
1933 г.	1 256	249	127	99
1934 г. (8 мес.)	1 094	170	91	105

Мы видим, что в 1934 г. имело место некоторое оживление в промышленном строительстве, но оно все же остается в крайне небольших размерах. Домостроительство продолжает падать. О положении строительного дела в США сообщает корреспондент одного германского органа, «Альдинст», в номере от 4 октября. Он говорит о том, что «новый курс» Рузвельта весьма слабо отразился на строительстве. Говоря преимущественно о Среднем Западе США, он отмечает, что строительство в отношении промышленных и торговых зданий ограничивалось только незначительным числом перестроек и расширения зданий. Однако и домостроительство развивалось слабо. Строились преимущественно однофамильные виллы за городом. «В Чикаго в последние годы был построен только один крупный дом для торговых помещений. Однако — и это весьма характерно для положения рынка — не удалось сдать торговых помещений в наем, чтобы оплатить налоги и содержать дом. При этом владелец этого дома предлагал предприятиям, нани-

мающим у него помещения для бюро, перенять договоры, раньше заключенные ими с другими домовладельцами». Далее он констатирует, что квартирная плата не поднялась, так как нет спроса ни на торговые или промышленные здания, ни на квартиры. Сократились также сделки с недвижимостью, и вследствие этого отсутствует всякое побуждение к новым капиталовложениям в постройки или в недвижимость.

Надо однако сказать, что «Национальная ассоциация управления недвижимостями» констатировала на основании проведенной ей анкеты, что кое-где уже повысилась квартирная плата. Все же это еще недостаточно для того, чтобы привлечь в значительной массе капитал и строительное дело, поскольку оно развивается, вызывается преимущественно всякого рода правительственными постройками.

Не очень обнадеживает и положение в автомобильной промышленности, которая в годы процветания явилась крупнейшей опорой для остальных отраслей хозяйства. Некоторое улучшение положения в этой области несомненно наступило. Число вновь выпущенных легковых машин и грузовиков составило в 1932 г. 1.431 тыс., в 1933 г. — 2.025 тыс. и за первые 9 месяцев 1934 г. — 2.384 тыс. Однако по сравнению с 1929 г., когда число выпущенных легковых машин и грузовиков составляло 5.358 тыс., работу автомобильной промышленности в этом году следует признавать еще слабой. В июле она составила только 70 проц. уровня 1928 г. против 122 проц. в 1929 г. При этом отмечается переход к дешевой марке — 81,5 проц. всех автомобилей были дешевле 500 долларов против 66 проц. в 1932 г. А главное, начиная с апреля, число вновь выпускаемых автомобилей резко падает. А ведь автомобильная промышленность — главный потребитель железа!

Что касается положения масс населения, этой основы всякого промышленного оживления, то некоторое улучшение несомненно наступило, но весьма незначительное. Доходы сельского хозяйства повысились с августа

1933 г. по август 1934 г. с 412 до 499 млн. долл. Если к этому еще присоединить выплаченные правительством в августе 1934 г. всякого рода субсидии в 73 млн., то получится сумма в 572 млн. Все же это составит только 70 проц. дохода сельского хозяйства в среднем за 1924 — 29 гг.

Положение рабочих характеризуется официальными данными следующим образом. Индекс занятости и выплаченной зарплаты в обрабатывающей промышленности составил (1923/25 = 100):

Годы	Занятость	Выплачен. зарплата
1929	101	108
1932	62	45
1933	66	48
1934 (сентябрь)	76	58

По сравнению с 1932 г. номинальный доход вырос на 40 проц., а средний недельный заработок одного рабочего увеличился на 29 проц. Однако до сих пор общая сумма заработной платы составляет только около 60 проц. зарплаты 1929 г., а средний доход одного рабочего — около 70 проц. При этом не следует забывать, что исчисленная средняя зарплата относится, повидимому, только к организованным рабочим, сравнительно хорошо оплачиваемым, а индекс выплаченной на фабриках и заводах зарплаты отнюдь не охватывает всего заработка рабочих и служащих, которые в годы хорошей конъюнктуры имели еще всякого рода побочные заработки.

С другой стороны, доходы промышленников, благодаря повышению нагрузки предприятий и удешевлению сырья значительно поднялся. По подсчетам Националь Сити-банк, доходы промышленных предприятий составили за первую половину 1934 г. 276,56 млн. против 86,4 млн. за тот же период 1933 г., или 5,7 проц. на капитал против 1,7 проц. в 1933 г.

Надо однако полагать, что повышенные доходности является больше резуль-

татом сделок, заключенных в 1932 — 1933 гг. В 1934 г. мы замечаем некоторое ухудшение положения промышленности, поскольку об этом можно судить по взаимоотношениям между ценами на готовые изделия, на сырье и полуфабрикаты. Индекс цен поднялся, по официальным данным, на готовые изделия в гораздо меньшей мере, чем на сырье и в особенности на полуфабрикаты. Между декабрем 1932 г. и июлем 1934 г. цены на сырье увеличились на 13 проц., на полуфабрикаты на 26 проц., а на готовые изделия на 14 проц. Следовательно, главную выгоду извлекли картелированные и трестированные производители полуфабрикатов. Однако конъюнктура и в этой области значительно ухудшилась за последние месяцы, о чем можно судить по сокращающимся заказам Стального треста. Последний продал в августе 1933 г. 668 тыс. тонн, а в августе 1934 г. всего 378 тыс. тонн. Загрузка сталелитейных предприятий соответственно снизилась с 49 проц. до 23-проц. производственной мощности (20 октября 24 проц.).

Нужно к этому прибавить, что и потребление хлопка после временного значительного подъема в 1933 г. снова резко снизилось. Потребление хлопка за июль и август составило только 80 проц. среднего потребления за первое полугодие 1934 г., и оно меньше $\frac{3}{4}$ потребления 1933 г. (В сентябре потребление хлопка составило 58,5 проц. «нормального»). США являются также крупнейшим потребителем шерсти и шелка, но и в этом отношении положение в 1934 г. значительно ухудшилось. Потребление шерсти поднимается в 1933 г. до 91 проц. потребления 1923—25 гг. (в 1932 г. — 68 проц.), но потом опускается и в августе 1934 г. снижается до 67 проц., в то время как в августе 1933 г. оно составляло 105 проц.

Хотя США и вырвались из тисков кризиса 1929—32 гг., но они не смогли выбраться на дорогу, ведущую к новому промышленному оживлению, которое одно только могло бы укрепить нынешнее положение. Грандиозные промышленные конфликты, которые США

пережили за последние месяцы, являются в свою очередь новым ярким показателем неустойчивости всего положения. Растет недовольство существующим неопределенным положением, которое теперь чувствуется острее, чем во время кризиса. Прежней придавленности уже нет, но нет и уверенности в том, что можно будет выбраться из трясины депрессии.

III

Англия пережила кризис сравнительно легче, чем многие другие страны, и показывает несколько более «нормальное» и более глубокое улучшение за годы депрессии. В 1932 г. индекс промышленной продукции в Англии составил 88 (1928 г. = 100), в то время как индекс продукции всех капиталистических стран стоял на 66 проц. В 1933 г. индекс английской промышленности вырос уже в 93,2 проц. и промышленность остальных стран — в 77,2 проц. Сравнительно слабое прохождение кризиса в Англии объясняется прежде всего тем, что уровень производства в докризисный период поднялся в Англии слабее, чем в других странах. В Англии индекс промышленной продукции стоял в 1929 г. примерно на уровне 1913 г., в то время как уровень промышленной продукции остальных стран поднялся на 46,6 проц. выше довоенного уровня. Слабый подъем перед кризисом определил собою и более слабое падение во время кризиса. В 1932 г. промышленная продукция Англии составила по сравнению с довоенным временем 83 проц., а всех капиталистических стран—91 проц. довоенного уровня. В сравнении с довоенным уровнем сокращение продукции в Англии было сильнее, чем в других странах.

Относительно слабое развитие Англии перед нынешним кризисом и вместе с этим сравнительно меньшее сокращение продукции во время нынешнего кризиса объясняется тем, что процесс рационализации начался в Англии позже, чем в США и в Германии, и проходил сравнительно медленнее, чем в этих странах. Поэтому промышленный «подъем», если

можно вообще говорить о таковом по отношению к Англии, был сравнительно слабым, а так как процесс рационализации не полностью прервался и во время кризиса, то и сокращение продукции было небольшим. Потребление машин в Англии, по расчетам К. Клерка в специальном меморандуме «Лондон энд Кэمبرидж Экономик Сервис», составило в млн. фунтов стерлингов:

1927 г.	101,0
1928 г.	101,3
1929 г.	106,0
1930 г.	98,7
1931 г.	86,7
1932 г.	78,8
1933 г.	81,5

Таким образом, потребление машин уменьшилось за годы кризиса всего на 25,6 проц., в то время как в Германии за эти годы оно снизилось на 71 проц. В 1933 г. и в 1934 г. процесс рационализации еще несколько усилился под влиянием мероприятий правительства. Наиболее важным шагом в этом отношении следует считать переход Англии к использованию железной руды, содержащей фосфор. Как известно, способ использования такой железной руды был открыт в Англии, но применялся в Германии и Америке, что дало последним странам перевес в области железнотельной промышленности над Англией. Приблизительно полвека прошло после открытия этого способа, и богатые железные руды Англии все еще оставались неиспользованными, пока нынешний кризис не заставил предпринимателей попытаться использовать эту руду. Другим ярким фактом так называемой капиталистической «рационализации» является решение хлопчатобумажных предприятий организовать общий союз и вместе с тем уничтожить 10 млн. веретен. В последние годы процесс уничтожения веретен идет довольно быстро в Англии. В 1928 г. число веретен в хлопчатобумажной промышленности составляло 57,3 млн., а в 1933 г. их осталось уже всего только 49 млн. Однако считают, что по крайней мере еще 12 млн. веретен излишни. Решено их скупить и

продать на слом для того, чтобы сосредоточить производство на лучших предприятиях. Вместо расширения производства капиталистическая рационализация в период всеобщего кризиса капитализма старается приспособить производственный аппарат к рамкам суженного рынка.

Не меньшую роль, чем эти шаги в направлении «рационализации», играет переход Англии к покровительственной системе. Вместе с этим производство стало перестраиваться и переходить на изготовление предметов, изготавливаемых для внутреннего рынка. В первую очередь усилилось производство полуфабрикатов, которые Англия раньше получала за границей, и сокращается производство готовых изделий, которые она сбывала на внешнем рынке. Этот процесс перестройки связан со значительными, хотя и временными, капиталовложениями. Затем, вытесняя иностранный ввоз, промышленность Англии расчистила себе значительный рынок. Ввоз готовых изделий упал с 1929 г. по 1933 г. больше, чем на половину. Однако вывоз снизился еще больше. В абсолютных величинах ввоз уменьшился на 160 млн. фунтов стерлингов, а вывоз на 300 млн. фунтов. Полной компенсации потери внешних рынков не получилось, и только благодаря тому, что идет процесс перестройки, внутренний рынок поглощал несколько большее количество капитала и дал временный толчок к развитию производства.

К этому не следует забывать, что чисто военные расходы Англии значительно выросли, составляя в 1934 г. 115 млн. фунтов стерлингов.

Общее развитие английской промышленности за последние годы иллюстрируется следующими данными.

Индекс промышленной деятельности (1928=100)

Годы	Индекс		
	Всей	Текстильн.	Машиностр.
1929	106,0	98,6	107,0
1932	88,4	85,2	78,3
1933	93,5	89,9	84,9
1934 (первое полугодие)	104,2	93,8	98,4

Промышленная деятельность почти достигла уровня 1929 г. Об этом говорит и индекс занятости в промышленности, который составлял в 1929 г. 109,5 (1924 = 100), в 1932 г. — 96,5 и в 1934 г. (за 8 месяцев) — 105,5. Однако за последние месяцы не замечается дальнейшего развития хозяйства¹⁾. Во всяком случае темп улучшения конъюнктуры сильно снизился. Так, индекс занятости, достигнув в мае 107, опускается потом в августе до 106 и остается в сентябре примерно на уровне августа. Высший уровень потребления железа приходится на апрель (97 проц. потребления 1924 г.) и затем снижается до 85 в августе. Потребление хлопка остается в августе на уровне июня.

Факт замедленного темпа развития конъюнктуры Англии в последние месяцы признается и официальными кругами. Министр торговли Англии Ренсимэн пытался объяснить это тем, что, мол, внутренний рынок, для которого главным образом работает английская промышленность, приближается к состоянию насыщения. Само собой разумеется, что это следует понимать только в том смысле, что при данном жизненном уровне масс нельзя ожидать значительного повышения внутреннего спроса. Германский конъюнктурный институт полагает, что те возможности новых инвестиций, которые были даны переходом Англии к покровительственной системе, почти исчерпаны. Конечно рационализации производства еще очень немного сделано. Но все упирается в возможность расширения рынков сбыта. Английское хозяйство теснейшим образом связано с мировым рынком. Между тем экспорт еще во втором квартале 1934 года составлял всего 67,7 проц. экспорта 1924 г. и оставался значительно ниже экспорта 1930 г. и даже несколько ниже экспорта 1932 г. В этом отношении вообще почти не замечается улучшения, несмотря на то, что отход Англии от золотого стандарта и обесце-

¹⁾ Опубликованные данные о III квартале говорят о падении индекса работы всей промышленности по сравнению со вторым кварталом на 6 проц., железнотопливной — на 4 проц. и текстильной — на 10 проц.

нение фунта должно было содействовать экспорту из Англии. Если за второй квартал 1933 г. экспорт фабричных изделий составлял 60,5 проц. экспорта 1924 г., то за второй квартал 1934 г. он поднялся всего до 67,7 проц. Между тем Англия раньше сбывала $\frac{1}{4}$ своей промышленной продукции за границу. Организация промышленников Великобритании заявила в своем обзоре конъюнктуры, что «ввиду общего стремления к ограничению своего рынка хозяйство Англии уже достигло своего нормального уровня». Под «нормальным уровнем» следует, очевидно, понимать то, что капитал может дать рабочему классу своей страны, — о дальнейшем повышении его потребности и покупательной силы промышленники Англии конечно и не думают. Как бы то ни было, перспективы дальнейшего развития Англии не особенно блестящи. О новом подъеме в Англии никто и не мечтает.

IV

Германия, как и Япония, показывает наиболее значительное повышение продукции за последние годы. Индекс промышленной деятельности (1928 = 100) составил в сентябре 86,3 (в июле 89,7). В отношении Германии еще в большей мере, чем в отношении США, следует сказать, что хозяйственная деятельность определяется как непосредственными затратами правительства, так и огромными субсидиями и значительными льготами в отношении налогов, которые были предоставлены промышленникам и банкам. Так, в германском хозяйстве огромную роль играют строительные (подземные и наземные), носящие чисто стратегический характер, работы. Правительственные подземные работы составили в 1932 г. 0,9 млрд. марок, в 1933 г. — 1,7 млрд., а в 1934 г., по оценке Конъюнктурного института, 2,5 млрд. На постройку домов было израсходовано до апреля 1934 г. свыше 2 млрд., из которых правительство непосредственно предоставило 500 млн., а остальные были получены частными предпринимателями в кредит или составили суммы налоговых недоимок, а частью взяты непосред-

ственно из сумм, подлежащих выплате в виде налогов. Германский министр финансов Рейнгардт в своей речи на открытии Академии германского права 26 июня перечислил некоторые мероприятия правительства для содействия промышленникам. Оказывается, в отношении домостроительства правительство предоставляет субсидии в размере половины заграничных средств при постройке новых домов и пятую часть капитала при ремонте старых зданий. Правительство далее возвращает домовладельцу 4 проц. на вложенный им капитал, освобождает от налогов доход от построенного дома и перенимает еще гарантию частных кредитов. Кроме того, 10 проц. затраченной на ремонт, улучшение или постройку домов суммы высчитывается из подлежащего обложению дохода, т. е. просто правительством дарится. Неудивительно поэтому, что домостроительство, специально строительство вилл для богатых, оживилось. Одновременно замечалось в Германии некоторое обновление существующего производственного аппарата, но и это делалось почти исключительно за счет правительства. Дело в том, что затраты на машины и улучшение основного капитала, равно как на автомобили и грузовики, освобождаются от подоходного и промыслового налога, что составляет, в зависимости от величины дохода налогоплательщика, от 12 до 63 проц. всей суммы этих затрат. Естественно, что предприниматели вместо того, чтобы платить налоги, покупают автомобили или вводят у себя новые машины. В последнее время даже постройка новых предприятий освобождается от налогов, т. е. высчитывается из сумм, подлежащих выплате в виде налогов. В результате отмечается оживление в области домостроительства и строительства других зданий. Число вновь начатых постройкой домов составляло в среднем в месяц в 1932 г. — 3.056, в 1933 г. — 3.447, за первый квартал 1934 г. — 3.105, за второй квартал — 5.125, в июле — 5.845, а в августе — 5.548. Размер построенных промышленных и торговых зданий составил: в 1932 г. — 223 тыс. кубоме-

тров в мес., в 1933 г. — 288, за первый квартал 1934 г. — 297, за второй квартал — 570, в июле — 362 и в августе — 588. Число занятых в подземном строительстве увеличилось со 175 тыс. в 1932 г. до 424 тыс. в октябре 1934 г. Число построенных судов составило в 1933 г. в среднем в месяц 13 тыс. тонн, а за третий квартал 1934 г. 40 тыс. тонн. Число грузовиков увеличилось с 38 тыс. в среднем в месяц в 1933 г. до 88 тыс. в сентябре 1934 г. В результате всего этого сильно увеличилось потребление железа и машин. Надо еще прибавить, что курс на автаркию привел к значительным капиталовложениям в разные отрасли с целью производства собственного сырья, например к расширению производства нефти, железной руды и цветных металлов. Мы уж не говорим об огромных затратах на подготовку к войне¹⁾, о большом спросе на материалы для обмундирования новых фашистских отрядов. Наконец в последнее время началось бегство в реальные ценности из-за опасения возможного недостатка товаров и роста цен вследствие затруднения с ввозом сырья. Отсюда значительное повышение спроса на внутреннем рынке. Однако и германское хозяйство сильно страдает от падения экспорта, даже, пожалуй, еще в большей мере, чем это относится к Англии. Вывоз машин, железа, цветных металлов и т. д. упал, по подсчетам Конъюнктурного института, с 4,7 млрд. в 1929 г. до 1,7 млрд. в 1933 г. и 1,47 млрд. в 1934 г. В весовом отношении уменьшение составляет по сравнению с 1929 г. свыше 50 проц. В результате сильно снизившегося экспорта, несмотря на значительно выросший спрос на внутреннем рынке, производство поднялось далеко не в такой степени, как можно было ожидать. Начиная с мая, производство машин и других элементов основного капитала больше, по свидетельству Конъюнктурного института, не увеличивалось.

Каковы дальнейшие перспективы? —

спрашивает Конъюнктурный институт. И утешает своих читателей указанием на то, что не вся программа правительства «по созданию работ» уже выполнена. Специально еще не построены автомобильные дороги. Кроме того, еще осталось многое сделать для необходимого возобновления аппарата и ремонтных работ. По его подсчетам, в 1931 г. 1933 г. затраты на ремонт и возобновление производственного аппарата были недостаточны — в размере 1,7 млрд. марок. Кроме того, ремонтные работы в домах не производились. Полагают, что они составят примерно 400 млн. марок. Недостаточно возобновлялся, по его мнению, и автомобильный парк. Создалась, говорит он далее, необходимость в расширении производственного аппарата в производстве искусственного шелка, алюминия, предприятий по обогащению бурого угля и т. д. Однако капитал считается не с потребностями, а с прибылью. Конъюнктурный институт, как мы уже сказали, констатирует приостановку инвестиций, начиная с мая. Между тем эти потребности существовали и в мае, июне и т. д., как и существовали они в 1932 г. Если они все же не производились, то потому, что капитал не видел пользы для себя. Чтобы доказать возможность дальнейшего развития, нужно было показать, что капитал снова идет в промышленность, что шансы его на прибыль увеличились. Между тем и Конъюнктурный институт много раз подчеркивал, что положение на рынке капитала еще не допускает капитального строительства. Если к этому прибавить, что политическое положение страны крайне неопределенное, то мы поймем, почему частных инвестиций почти нет.

Эмиссия капиталов в среднем в месяц
в млн. марок

1928 г.	110
1931 г.	65
1932 г.	12,3
1933 г.	7,2
1934 г. (7 мес.) . . .	7,9

Выпуск новых акций составил в сентябре 1933 г. 9,3 млн., а в 1934 г. — 4,8 млн. марок.

¹⁾ О которых точных данных нет, но которые, как всем известно, весьма значительны.

Если к этому прибавить, что Германия теперь совсем лишилась золотых запасов (2,216 млн. к концу 1930 г. и 75 млн. к концу сентября 1934 г.), как и запасов инвалюты (469 млн. и 4 млн.), что торговый баланс Германии снова стал пассивным, и что ее кредиторы, несмотря на всякие отказы Германии платить по своим обязательствам, все же заставляют ее вносить известные суммы по займам Дауэса и Юнга, а также по некоторым другим ее обязательствам, то станет ясным, почему Германия вынуждена сократить ввоз сырья до крайних пределов, что несомненно в ближайшее время уже приведет к сильнейшему ухудшению положения промышленности. Фашистская печать успокаивает читателей тем, что Германия заменит недостающее иностранное сырье различными суррогатами. Однако это не только приведет к сильнейшему ухудшению качества продукции, но также и к сильному повышению ее стоимости и еще больше ухудшит положение Германии на мировом рынке. На самом деле мы замечаем, что если общий мировой вывоз в августе только мало сократился по сравнению с вывозом в марте, то вывоз из Германии показывает резкое снижение. Мировой товарооборот в августе 1934 г. составлял свыше 88 проц. оборота марта того же года, а вывоз из Германии только 82 проц. Вывоз 11 промышленных стран составил даже 92 проц. вывоза марта. Таким образом, положение Германии на мировых рынках продолжает ухудшаться, и вместе с этим сильно ухудшаются перспективы дальнейшего развития Германии. Укажем еще на то, что до сих пор векселя правительства, выпущенные в оплату различного рода работ, связанных с «программой по изысканию работ», учитывались банками¹⁾. Переполнение касс и частных банков заставит правительство увеличить денежное обращение, что неминуемо сорвет и стабильность марки, которая на внешних рынках подверглась за последнее время значительным колебаниям. Сохранение

¹⁾ 90 проц. всего вексельного портфеля Рейхсбанка состоит из таких векселей!

ее паритета обходилось правительству в значительные суммы и сильно препятствовало развитию хозяйства. С одной стороны, с этим связано крайнее ограничение ввоза сырья, а с другой—этим поддерживается высокий уровень цен, который делает Германию неконкурентоспособной. Надо впрочем сказать, что вся аграрная политика Германии, как и поддержка картелей, не меньше способствовала тому, что в Германии очень высокий уровень цен. Германские предприниматели жалуются еще на то, что бюрократический аппарат, созданный якобы для регулирования производства и в особенности для распределения валютного фонда и для контроля внешней торговли, чрезвычайно удорожает производство и оборот. Стоит например указать на то, что созданная специальная «крестьянская» организация, преследующая преимущественно политические цели и одновременно играющая роль картеля, контролирующего сбыт с целью повышения цен, обходится примерно в 80 млн марок. Таким образом, перспективы дальнейшего развития Германии еще гораздо менее радужные, чем развитие Англии. Не говоря уже о том, что Англия опирается не только на внутренний рынок, но и на довольно широкий и емкий рынок ее колоний и доминионов, положение рынка капиталов в Англии гораздо более благоприятное, чем в Германии, а сниженная валюта дает ей несомненно некоторое преимущество на мировых рынках. Кроме того Англии удалось заключить ряд выгодных для себя договоров и усилиться на рынках Южной Америки и Северной Европы. Германия же за время власти фашистов никакими победами на внешних рынках похвастаться не в состоянии.

V

Франция принадлежит к числу стран, которые сравнительно легко перенесли кризис, но где депрессия приняла особенно резкий характер. Промышленное развитие Франции за последние годы видно уже из следующих данных:

Индекс промышленной продукции (1928=100)

Годы	Вся промышл.	Машиностр.	Автомобили.	Текстильная
1929	109,4	113,8	107,7	92,9
1932	75,6	69,6	70,2	60,6
1933	84,3	78,5	76,6	74,5
1934 (август) . . .	76,4	72,5	77,1	55,6

Таким образом, 1934 год во Франции не принес почти никакого оживления промышленности. Можно даже констатировать ухудшение по сравнению с 1933 г.

Дело в том, что Франция — страна со значительным аграрным придатком. Франция в гораздо большей мере, чем Германия, работает на внутренний рынок. Во Франции сельское хозяйство еще продолжает играть значительную роль в общей экономике страны. Доход от промышленности и торговли исчислялся в 1929 г. в 102 млрд. франков, а от сельского хозяйства в 61,4 млрд. Если не считать дохода рабочих и служащих и сопоставить доходы предпринимателя в промышленности и сельском хозяйстве, то получится обратная картина: сельские хозяева Франции получали в 1929 г. 44,8 млрд. франков, а промышленники и торговцы — 29 млрд. (в Германии, наоборот, промышленники получали 11,8 млрд. марок, а сельские хозяева — 5,8 млрд.). Эта относительно большая доходность сельского хозяйства Франции дала ее промышленности возможность в большей мере опираться на внутренний рынок (само собой разумеется, также на колониальный), чем это могла сделать германская промышленность. И в этом мы видим одну из причин более позднего и более слабого проявления кризиса во Франции, чем в Германии. Но и в этом также сказываются специфические тяжелые формы депрессии во Франции. За время кризиса доход от сельского хозяйства упал с 44,8 млрд. до 26,5 млрд., или на 40 проц., в то время как доход сельских хозяев Германии снизился на 35 проц. Доход промышленников и торговцев Франции тоже упал на 40 проц.,

а в Германии на 51 проц. Германия в большей мере снизила уровень своей продукции, чем Франция. Это объясняется, во-первых, различием уровня цен, а во-вторых, тем, что за время кризиса во Франции не удалось в такой мере снизить доходы рабочего класса, как это было сделано в Германии. Во Франции доходы рабочих и служащих снизились с 1929 г. по 1932 г. со 115,6 до 106,6 млрд. франков, или на 7 проц., в Германии — с 46 до 26 млрд. марок, или на 39,5 проц. Германскому капиталу удалось в большей мере, чем французскому, сократить заработную плату, углубить тем самым кризис, но облегчить себе переход от кризиса к депрессии за счет рабочих. Однако в последние годы и во Франции начинается борьба за снижение зарплаты и вместе с этим усиливается фашистское движение. Понижение зарплаты при сохранении сравнительно высокого уровня цен на хлеба означает снижение реальной покупательной способности масс населения. Не следует забывать, что Франция — одна из самых дорогих теперь стран в мире. Цены на хлеб там стоят выше, чем где бы то ни было. В результате конкурентная способность Франции значительно упала. Правда, уровень оптовых цен во Франции ниже, чем в Англии или в Германии, но прожиточный минимум, цены в розничной торговле продолжают оставаться на высоком уровне, и это затрудняет снижение производственных расходов. Внутри страны, с другой стороны, упали в последнее время цены на хлеб; несмотря на установленные твердые цены в частной продаже пшеница продается значительно дешевле установленной цены. Это ослабляет покупательную способность крестьянства. В результате всех этих моментов капитал Франции не идет в промышленность. Индекс строительства во Франции в 1934 г. значительно ниже уровня 1933 и 1932. В среднем в 1933 г. он составлял 94 проц. строительства 1928 г., в марте 1934 г. — только 91, в июне — 83,5, а в августе — 82,5 проц. Капиталовложения Франции тоже падают. Они составили в 1931 г. еще свыше 1 млрд. франков в

месяц (1.362 млн.), в 1933 г. — 300 млн., за первый квартал 1934 г. — 358, за второй квартал — 550 млн., за третий квартал уже только 306 и за сентябрь — 134 млн.

Франция — вторая страна в мире по накопленным золотым запасам. Она также сравнительно богата капиталами. Учетный процент там находится на низком уровне. Из года в год она получает значительные суммы от своих зарубежных вложений, которые, правда, за последние годы значительно уменьшились (с 5,5 млрд. в 1929 г. до 2 млрд. франков в 1933 г.). Тем не менее она почти прекратила экспорт капитала и взимает свои краткосрочные кредиты из-за границы обратно. В 1931 г. она получила обратно предоставленные за границей краткосрочные кредиты в размере 25,7 млрд., в 1932 г. свыше 1 млрд., а в 1933 г. около 600 млн., а предоставленные ею за границей капиталы составили в млрд. франков:

1931 г.	12,5
1932 г.	3,8
1933 г.	1,3

Все это вместе является ярким свидетельством того, что не только ухудшилось положение в самой Франции, но нет также перспектив на значительное улучшение мирохозяйственных отношений. И во французском экспорте чувствуется полный застой, даже некоторое снижение. Еще больше падает ввоз. Ввоз во Францию уменьшился в течение первых 8 месяцев текущего года даже в большей мере, чем ввоз в Германию. В январе текущего года ввоз во Францию был примерно таким же, как ввоз в Германию, — несколько больше 90 млн. долл., а в августе ввоз во Францию составил всего 65,5 млн. долл. против 79,5 млн. в Германии, — ре-

зультат не только политики контингентов, отгораживания себя от внешнего рынка, но и ухудшающейся конъюнктуры.

Недавно в Брюсселе состоялась конференция стран золотого блока, т.е. тех стран, которые сохранили прежний паритет своей валюты по отношению к золоту. На этой конференции было решено, чтобы эти страны увеличили в будущем году на 10 проц. свой товарооборот между собою. Это дало бы увеличение экспорта Франции на 2—3 проц. Однако между таким решением и проведением его в жизнь еще дистанция огромного размера, не говоря уже о том, что подобного рода соглашение между отдельными странами вызовет противодействие со стороны других стран, заинтересованных в сношениях со странами золотого блока. Французская промышленность опиралась, с одной стороны, на внутренний и колониальный рынок, а с другой — на экспорт капитала. Поскольку положение французских колоний остается весьма тяжелым, а с другой стороны, Франция почти не вывозит теперь капитала, постольку особенно благоприятных перспектив для развития французской промышленности нет. Это тем более верно, что во Франции после реорганизации ее промышленности и восстановления разрушенных войной областей, а также присоединения Эльзас-Лотарингии с хорошо развитым промышленным аппаратом, производственные возможности далеко превосходят потребность внутреннего рынка. Производственный аппарат и во время промышленного подъема загружался сравнительно слабо. В настоящее время перспективы на новое капитальное строительство поэтому весьма незначительны. Депрессия во Франции будет вероятно проходить еще более остро, чем в Англии и США.

2. В ЛАГЕРЕ ФАШИСТСКОЙ РЕАКЦИИ

Ал. Хамадан

15 мая 1932 года фашистские организации Японии пытались произвести государственный переворот и захватить власть в свои руки. Во время этой попытки фашистами — офицерами армии и флота — был убит японский премьер-министр (он же президент партии сейюкай) Инукай; одновременно ими же был совершен ряд других террористических актов. В том же году фашистами-террористами был убит бывший министр финансов Иноуэ и Такума Дан — руководитель крупнейшего в Японии концерна «Мицубуи». Как Иноуэ (был связан с концерном «Мицубиси»), так и Дан являлись влиятельнейшими деятелями политического и экономического мира страны.

Недавно закончился суд над «участниками событий 15 мая». Мягкость приговора (по 4 года без принудительных работ) и всеобщая атмосфера сочувствия подсудимым со стороны большинства прессы и организаций господствующих классов свидетельствуют о том, что фашизм в Японии стал серьезной политической силой.

Первые фашистские организации начали складываться в Японии в период 1919—1920 гг., после известных рисовых бунтов, положивших начало широкому развитию стачечного и профессионального движения в городе и массового арендаторского движения в деревне.

Рисовые бунты в 1918 г. — это первое массовое боевое выступление японского пролетариата, потрясшее до основания устои монархии и повергшее в большую тревогу эксплуататорские классы Японии. Бунт начался 3 августа 1918 г. в небольшом городе Нисихасамати в префектуре Толяма, причем начали бунт голодающие жены рыбаков. На другой день, как только слухи о восстании дошли до соседнего городка Хигаси-Мисухаси, там также вспыхнуло восстание жен рыбаков, организовавших для руководства

борьбой свой комитет. Вслед за этим движение быстро распространилось на 36 из 47 префектур Японии. В 143 городах Японии имели место рабочие волнения, причем ожесточенные бои рабочих с жандармерией, полицией и войсками происходили также и в таких промышленных центрах, как Осака, Нагойя, Кобе и Киото.

Господствующим классам при помощи крупных военных сил удалось подавить первое массовое стихийное рабочее восстание. Бунты подавлялись с исключительной жестокостью. Сотни людей казнили без всякого суда. 7.813 участников этих бунтов были осуждены на каторгу и брошены в тюрьмы.

Несмотря на жестокий террор, это первое крупное революционное выступление японских трудящихся масс против своих эксплуататоров явилось большой школой развития классового самосознания японского пролетариата. Господствующие в стране группировки впервые ясно увидели в рабочем классе (в то время еще неорганизованном) своего классового врага.

Вскоре же после «рисовых бунтов» в Японии начинают появляться зародыши фашистского движения. По мере развития революционного движения в стране на другом полюсе рос и фашизм.

Особенно быстро начал развиваться фашизм с 1929 года, когда кризис крайне обострил внутренние и внешние противоречия японского империализма. Японо-китайская война и оккупация Манчжурии и провинции Жэхэ не разрешили противоречий японского империализма и не вывели страны из кризиса. Классовая борьба в городе и деревне все более обострялась. Количество стачек в течение трех кризисных лет более чем удвоилось по сравнению с тремя докризисными годами. Обострилась также классовая борьба в деревне между помещиками и арендаторами.

Несмотря на жесточайший террор, коммунистическая партия Японии активно разоблачает японский хищнический империализм, его разбойничью войну с Китаем, подготовку новых захватов и войн, в первую очередь подготовку нападения на Советский Союз. Рост компартии, революционных профсоюзов, арендаторских союзов, их руководство борьбой с помещиками и капиталистами и разоблачение перед широкими трудящимися массами сущности и особенностей хищнического японского империализма — все это вызвало не только бешеную ненависть японских эксплуататоров к революционным организациям, проявившуюся в чудовищных репрессиях по отношению к представителям этих организаций и к революционно настроенным рабочим и крестьянам, но и страх перед быстро растущими силами революции.

Господствующие классы хорошо помнят, как в 1918 году японский рабочий класс, будучи неорганизованным, не имея ни компартии, ни других каких-либо революционных организаций, а также и опыта классового боя, потряс до основания устои империи микадо. Японская буржуазия хорошо помнит, каких огромных усилий стоило подавление этого стихийного революционного выступления японских пролетариев.

Совершенно иная обстановка сложилась теперь, в современной империалистической Японии. Героическая компартия, несмотря на ожесточенный террор, ведет активную и притом весьма успешную работу не только на фабриках и заводах, но и в деревне, но и в армии, флоте, военных школах, морских базах и военных арсеналах.

Революционные выступления японских солдат, правда, жестоко подавляемые, вспыхивали не только в Манчжурии, Корее, Шанхае, но и в самой Японии. Японский империализм уже не может доверять подавление растущего революционного движения только силам армии. Сил полиции и жандармерии зачастую оказывается уже недостаточно. Поэтому для борьбы с нарастающей революцией господствующие классы Япо-

нии создают фашистские организации, которые своими лживыми демагогическими лозунгами пытаются вовлечь в свои ряды не только кулачество, не только мелкую буржуазию, крайне многочисленную в Японии (до 15 миллионов человек), но и верхушечные слои рабочего класса. В деревне, кроме того, проводится особая работа по вовлечению в фашистские союзы как арендаторов, так и полуарендаторов.

В мае 1932 году бывшими лидерами японской социал-демократической «партии» (Акамацу, Кацумаро, Коике и другими) была организована новая партия под названием «Коккасякайтэ» («Национальная социалистическая партия»), объединившая всего 600 человек. Эта «партия» опиралась на отколовшиеся от социал-фашистов профсоюзы, насчитывающие всего около 15 тысяч человек. Основным демагогическим лозунгом этой «партии» и профсоюзов является: «Организация новой Японии, в которой не будет эксплуатации». Практически это достигается посредством «построения государственного социализма»? Причем народным хозяйством должен управлять император в тесном единении с народом («один монарх — весь народ»)!

Для обмана и привлечения на свою сторону рабочих эта «партия» и фашистские профсоюзы не скупятся на демагогические, архирадикальные требования, разумеется, только на словах, только для того, чтоб посредством этих требований перетянуть на свою сторону рабочих и крестьян.

В июле 1933 года в национал-социалистической «партии» произошел раскол. Основанием для раскола послужило требование большей части лидеров партии о снятии лозунга «построение новой Японии, где не будет эксплуатации» и отмены лозунга «принципы японизма: один монарх — весь народ» (Коике, Суяма и другие). На пленуме ЦК партии эти лидеры прямо указывали, что лозунг о построении государства без эксплуатации был только тактическим лозунгом для привлечения масс, и сейчас этот лозунг нужно отбросить, как меша-

ющий об'единению с другими фашистскими организациями. Другая фракция этой фашистской группировки (Сирадори) доказывала, что отказ от лозунга «построения новой Японии, где не будет эксплуатации», оттолкнет рабочих от партии! В пылу внутренней драки фашистские лидеры, как видим, сами себя разоблачают.

Сирадори со своими сторонниками ушел из «партии» и организовал «Национал-социалистский совет». Одновременно раскололись и профсоюзы, поддерживавшие эту партию. Профсоюзы организовали об'единение под названием «Японская промышленная армия» («Нихон сангио гун»), насчитывающее 4 тыс. членов. Состав профсоюзов — главным образом чернорабочие, строительные рабочие и служащие. Установки союза — монархизм и японизм. Таким же по характеру является и союз почтовиков (количество членов около 600), во главе которого стоит Акамацу, еще раньше вышедший из национал-социалистской «партии» и организовавший «Кокумин кюкай» («Народное общество»). Это «общество» поддерживается союзом почтовиков. В октябре 1933 года председателем союза почтовиков был избран Накано Сейго — лидер партии «Кокумин домей» («Национальная лига»).

Фашистской организацией для работы среди рабочих является также недавно организованный «Клуб японских промышленных рабочих». Этот клуб об'единяет профсоюзы, насчитывающие около 8 тысяч человек. Ядром клуба являются профсоюзы судостроительных рабочих, рабочих верфей Урага, Июкогама и Исикавадзима (около 5.000 человек). Эта организация вела широкую кампанию за смягчение приговора убийцам премьера Инукаи и собирала пожертвования на постройку военных самолетов и танков. Установки клуба: «японизм — патриотизм».

Несмотря на бешеную шовинистическую агитацию и пропаганду, а также всемерное поощрение властями и капиталистами создания фашистских организаций в рабочей среде, в эти фашист-

ские союзы втянуто всего около 24 тысяч человек. Слабые успехи господствующих классов в создании фашистских организаций в среде рабочих объясняется прежде всего успешной работой японской компартии.

В деревне господствующие классы также создают свои фашистские организации. Во все обостряющейся борьбе арендаторов с помещиками сил полиции и жандармерии уже далеко не достаточно. Количество арендаторских конфликтов в первом полугодии этого года вдвое больше, нежели в первом полугодии 1933 года. В подавлении этих конфликтов принимали участие, наряду с полицией и помещичьими бандами, также и члены фашистских организаций «Кокусуйкай» и «Сейсанто». Но обе эти организации являются специфически городскими и действуют в деревне лишь в качестве взаимопомощи другим фашистским организациям.

Среди работающих в деревне фашистских организаций необходимо отметить «Нихон номинкумай» («Японский крестьянский союз»), кадры которого вербуются по преимуществу из кулацких слоев и зажиточной части арендаторов японской деревни. Программа этой организации состоит из 4 пунктов:

1. «Мы боремся за установление политики императорского пути».
2. «Мы стремимся к свержению капитализма и установлению организации хозяйства, контролируемого государством».
3. «Выкуп помещичьей земли по 200 иен за тан» (один тан равняется приблизительно 1/16 гектара, продажная (рыночная) цена тана земли равна приблизительно 380 иенам. — Ал. Х.)

Как видим, из всей программной болтовни этого, с позволения сказать, «крестьянского» союза заслуживает внимания только одно требование: выкуп земли у помещиков, разумеется, за счет крестьян. Но ведь давно известно о нищете японского крестьянства, которую, собственно, имеют в виду гг. фашисты, выставляя это требование и зная, что оно неосуществимо.

Кто-кто, а японские фашисты великолепно знают действительное положение японских крестьян. На каждый крестьянский двор в 1933 году в среднем приходилось около 2 тысяч иен долгов. В то же время крестьянский «доход» колеблется от 200 до 300 иен в год. Выкупную же цену за один тан земли фашисты из «крестьянского» союза назначают в 200 иен, заведомо зная, что ни один крестьянин не имеет в своем кармане ни одной иены!

Но для того, чтобы окончательно сбросить маску с фашистской морды, предоставим слово о положении в деревне известной японской буржуазной газете «Асахи». «Наша деревня, — пишет газета, — гибнет в тисках кризиса, нищеты и голодного отчаяния. Цены на рис и коконы (основные продукты сельского хозяйства. — Ал. Х.) упали катастрофически. Таким образом, крестьяне потеряли всякую надежду как-либо получить деньги и хотя бы частично уплатить проценты по своим долгам. В деревне нет денег совершенно. Но — что еще важнее — там нет и рису. Народ голодает самым жесточайшим образом. Деревня находится на краю пропасти. Люди едят всякие отбросы, кору деревьев, травы. Дети умирают на глазах у родителей, также умирающих от голода».

Вот оно, лицо современной японской деревни, в изображении буржуазной газеты. Мы могли бы привести бесконечное множество цитат из японской печати о страданиях крестьян. Однако и из этой цитаты совершенно ясно, что японский крестьянин совершенно не в состоянии купить землю. Он разорен ростовщическими ссудами, он опраблен государственными налогами и поборами.

Этот «крестьянский союз» насчитывает около 35 тысяч членов (из более чем 30-миллионного крестьянского населения страны). Для вовлечения в свои

ряды арендаторов руководители союза (проф. Хирано и другие) широко применяют не только демагогию, но и самый наглый обман. Так, основными лозунгами к празднованию основания империи в 1933 г. были:

«Помещики должны вернуть землю его величеству императору».

«Долой капитализм и буржуазные политические партии».

«Национализация манчжурских доходов».

«Все крестьяне, объединяйтесь в монархический крестьянский союз!»

«Осуществим монархический переворот Сиова» («возвращение императору власти, узурпированной капиталистами и негодными чиновниками и политическими партиями»).

Последний лозунг является лозунгом всех без исключения фашистских организаций Японии. «Нихон номин кумай» тесно связана с другой фашистской организацией — «Кодокай», организованной в 1932 году генералами Тодорики, Киси и полковником Сямсто.

Состав «Кодокай» — отставные офицеры и резервисты, по преимуществу из кулацких элементов деревни. «Кодокай» насчитывает около 30 тысяч человек. Основными пунктами программы «Кодокай» являются следующие:

1. «Осуществление императорской политики и здорового духа нашего государства».

2. «Усовершенствование вооружений и государственной обороны».

3. «Реформа экономической системы капитализма и установление государственного контроля над хозяйством страны».

4. «Равномерное распределение мировых ресурсов».

Лозунги «Кодокай» ярчайшим образом раскрывают всю сущность японских фашистских организаций, призванных на службу господствующим классам. В этих лозунгах получили свое полное отражение «генеральные линии» внешней и внутренней политики империалистической Японии. «Императорская политика» и «здоровый дух» означают требо-

вания абсолютного искоренения революционного движения в стране. В этом заключается основа нынешней внутренней политики правящих группировок. Требование «распределения мировых ресурсов» расшифровывается как стремление к завоеванию новых рынков сбыта, источников сырья, т.-е. захвата новых колоний. Лозунг об «усовершенствовании вооружений», прикрываемый обычно нуждами государственной обороны, в данном случае должен явиться средством для реализации завоевательных планов японских империалистов, прокламируемых фашистами.

Ускоренными темпами ведется большая работа по фашизации организации «Сейнендан» («Союз молодежи»). Этот союз является крупнейшим в Японии и насчитывает около 4,5 млн. человек (2,7 млн. юношей и 1,7 млн. девушек). Членов союза воспитывают в шовинистическом и патриотическом духе. Довольно часты случаи мобилизации членов «Сейнендан» для выполнения штрейкбрехерских функций в городе и подавления крестьянских волнений в деревне. Членство в «Сейнендан» для молодежи является обязательным. Руководители «Сейнендан» назначаются властями в официальном порядке.

Следует отметить, что «Сейчендан» не раз переживал критические моменты в своем существовании. Разочарованная в фашистских иллюзиях и нагло обманутая молодежь неоднократно создавала довольно крепкую оппозицию внутри самого союза. Больше того, были случаи, когда значительные группы молодежи покидали союз, переходя на сторону комсомола и других революционных организаций.

В деревне есть целый ряд и других фашистских организаций, но, как общее правило, среди них нет массовых. Так, «Айгодзюку» («Школа патриотов») насчитывает всего несколько десятков членов. Принципы этой «школы патриотов» — «братство, земля и труд». Организатор и руководитель этой школы, Тацибана,

являлся центральной фигурой процесса террористов-фашистов, убивших в мае 1932 г. премьера Инукаи (о Тацибана речь будет итти дальше).

Организацией «Дайнихон синнокай» («Общество божественного земледелия великой Японии») руководит барон Накагава Иосинага. Общество довольно пассивное. «Гондо дзюку» («школа Гондо» — имя лидера этой «школы») связана с «Айгодзюку», проповедует «самоуправление деревни и патриотизм». «Школа Гондо» развернула довольно большую работу в армии и флоте. Члены этой «школы» замешаны в убийстве премьера Инукаи. «Нихон ренмей» («Союз земледелия») организован в 1931 г. лидерами «Гондо дзюку». Общество малочисленное. «Босин номинкиокай» («Крестьянское общество эры Босин») организовано в 1928 г. Программные задачи общества:

«восстание патриотического духа и принятие мер против нежелательной идеологии среди крестьянства».

Эта организация немногочисленна и серьезного влияния не имеет. Характерно, что в качестве агитаторов и пропагандистов этого общества весьма часто выступают различные чины полиции. Отсюда становится очевидным характер «патриотического духа», проповедуемого полицейскими зубрами.

Этими обществами и союзами, в сущности, исчерпывается почти весь список фашистских организаций, работающих в японской деревне.

Особенно большое количество фашистских организаций создано в городах, где гербовка в основном производится из рядов быстро разоряющейся мелкой буржуазии. В городах насчитывается более 100 фашистских организаций, объединяющих (по данным самих организаций) около одного миллиона человек. Многие из этих организаций были созданы в период нынешнего кризиса. В то же время существовавшие ранее ор-

ганизации значительно окрепли и усилили свое влияние на мелкую буржуазию.

Усугубляемое кризисом крайнее обострение классовой борьбы в городе и деревне, борьба за переложение издержек кризиса на плечи широких трудящихся масс и обострение всех противоречий японского империализма, а также все убыстряющийся процесс разорения мелкой буржуазии создали чрезвычайно питательную почву для дальнейшего развития японского фашизма.

Господствующие классы развернули огромную работу по организации фашистских союзов в среде мелкой буржуазии и помещиков. Для вовлечения в свои ряды новых членов фашистами пукалась в ход самая бесшабашная демагогия. Особенно быстро фашизм развивался среди офицерства армии и флота, вербуемого по преимуществу из среды мелкой буржуазии и мелких и средних помещиков.

Нельзя не отметить, что японокий фашизм представляет сейчас такую силу, которая несомненно в состоянии захватить власть в свои руки. Характерный штришок в этой связи сообщает американский журнал «Фореин полиси рипортс». «17 октября 1932 г. — указывает журнал, — в Японии имела место еще одна попытка государственного переворота, в котором было замешано большинство офицеров генерального штаба и средний комсостав армии. Участники переворота не только не были наказаны, но, более того, в дальнейшем все руководство военными делами перешло в их руки. Лидер этих военных группировок, генерал Араки, был назначен военным министром. С тех пор японский фашизм получил вполне легальные условия не только для своего развития, но и для самой широкой деятельности во всех направлениях».

Особенно усилилась фашистская организация «Дайнихон сейсанто» («Производственная партия великой Японии»), организованная в 1931 году. Эта организация является по сути федеративным объединением приблизительно 30 фашистских организаций. Ни одно

фашистское выступление не обходится без руководящего участия этой «партии». Особенно активное участие в подавлении рабочих и крестьянских забастовок, стачек и выступлений принимает «Дайнихон сейсанто». Демагогические «цели и задачи» этой фашистской организации, принятые на первом ее съезде, таковы:

1. «Уничтожение привилегированных классов и контакт между императором и лояльными народными массами».

2. «Коренная реформа капиталистического общества».

3. «Борьба с идеей интернационализма, создающей тормоз на пути развития человечества».

Орган этой организации, «Кайдзо сенсен» («Реконструктивный фронт»), более конкретно формулирует свои цели:

«Нашей задачей является захват власти из рук привилегированных правящих классов, и уничтожение политики господства финансового капитала посредством массовой революционной борьбы (!).

Мы представляем интересы всех угнетенных классов и наций, служащих, городской бедноты, военных, студентов, эта (неравноправная каста), а также своих братьев в Корее и на Формозе. Мы будем вести борьбу с беззакониями помещиков и капиталистов» (!).

Как видим, эта организация далеко не страдает недостатком социальной демагогии. Тем не менее членами партии являются только выходцы из мелкой буржуазии. Из рабочих организаций в «Сейсанто» входит только союз арсенальных рабочих Осака в количестве 1.200 человек. «Сейсанто» тесно связана с офицерским составом армии и флота. Лидерами партии являются широко известные в Японии реакционные деятели Уцуда Риохей и Тояма Мицуюру.

Что характерно для этой фашистской «партии»? Невероятная спекуляция демагогическими, трескучими фразами, гнуснейшее надувательство вербуемых.

Все это лживое, демагогическое вранье блестяще опровергает листовка, выпущенная самой «Дайнихон сейсанто», по поводу забастовки на одном военном заводе в Токио в конце прошлого года. «Друзья рабочие, — читаем в этой листовке, — страна переживает чрезвычайное время, величайшие трудности. Весь мир ополчился против великой императорской Японии. На пути выполнения божественной миссии нашего народа в Восточной Азии поставлены преграды, которые мы должны преодолеть. Поэтому рабочие должны пойти навстречу работодателям, сочувствовать им, ибо они напрягают все силы (для извлечения максимальной прибыли очевидно. — Ал. Х.) для укрепления империи. Все должны нести посильные жертвы (рабочим снизили заработную плату на 25 процентов! — Ал. Х.). Сейчас, надо забыть все разногласия и жить в мире»... Стоит ли после такого красочного заявления комментировать лозунги о том, что они «представляют интересы всех угнетенных». Точно такую же позицию заняла эта организация во время стачки 11 тысяч токийских транспортников в сентябре 1934 года. Во время этой стачки она открыто выступила против бастующих на стороне властей.

Другой крупной фашистской организацией является «Дайнихон сейгидан» («Общество справедливости великой Японии»), объединяющий около 100 тысяч человек. Руководителем организации является влиятельный в осацких деловых кругах Сакаи. Программа этого «общества»:

1. «Сохранять чувства преданности трону и укреплять свои силы в труде».

2. «Быть справедливым и гуманным».

3. «Сохранять семейные отношения между нанимателями и ремесленниками. Ремесленники должны под-

чиняться своему хозяину и жить с ним в согласии».

Этой организации путем лживой демагогии удалось завербовать некоторое количество строительных и сезонных рабочих.

«Дайнихон кокусуйкай» («Общество народного духа великой Японии»). По данным «общества», оно объединяет около 600 тысяч человек. Создателями и лидерами этой организации были граф Оки, граф Ката, Такахаси Кои, крупный промышленник Мацура (член партии «Сейюкай»). Почетным председателем партии является Судзуки Кисабуро (президент партии «Сейюкай»).

Эта организация принимает активное участие в подавлении революционных выступлений как в городе, так и в деревне. В течение прошлого и в начале этого года членами «Кокусуйкай» было убито несколько лидеров революционных арендаторских союзов в префектуре Цуба, руководивших борьбой арендаторов с помещиками. Состав организации — мелкая буржуазия, помещики и деклассированные элементы. Основные пункты программы этой организации:

1. «Управление на основе объединения нации во главе с императором».

2. «Облегчение участи народов Востока является миссией японского народа».

3. «Способствовать улучшению народной жизни на основе сотрудничества труда и капитала».

«Цели» этой организации настолько ясны, что не требуют каких-либо особых комментариев. Интерес может вызвать только второй пункт программы. Тщательно замаскированный, он однако не в состоянии скрыть истинной цели его назначения. «Облегчение участи народов Востока» понимается в Японии следующим образом: «историческая» и «божественная» миссия императорской Японии заключается в объединении всей Восточной Азии под эгидой Японии в целях спасения ее от «разлагающего влияния белой расы». Неважно, если, скажем, Китай, Индокитай, Индия и другие страны будут возражать против это-

го весьма прозрачного плана «объединения». В этой связи не бесполезно будет привести слова ныне покойного знаменитого японского генерала и премьерера Танака: «Если не захотят миром, заставим штыком!»

«Мейринкай» организована в 1932 г. по инициативе крупного промышленника Исихара. Во главе этой чрезвычайно активной фашистской организации стоит генерал Танака Кунисиге. Общество вербует членов главным образом из отставных офицеров и бывших солдат. Сейчас «Мейринкай» развила в огромных масштабах пропаганду «укрепления японского духа» и моральную подготовку к войне с Советским Союзом.

«Кокурюкай» обычно переводится на русский язык, как «Общество черного дракона», но правильной будет переводка «За Амур». Эта старейшая, очень активная фашистская организация, созданная еще в 1901 году, является родоначальницей японского фашизма. По инициативе «Кокурюкай» была создана «Сейсанго», в которой руководящую роль играют лидеры «Кокурюкай» — Риохей Уцуда и Тояма Мицую. Общество ставит своей целью: «подъем благосостояния азиатских народов».

Следует отметить исключительно широкую деятельность этого общества вне пределов Японии. Члены этого общества за границей занимают преимущественно шпионажем, интригами и пр. «Общество» это чрезвычайно активное в антисоветской деятельности. «Кокурюкай» теснейшим образом связана с японскими органами военной разведки и политического шпионажа. Общество располагает значительными денежными фондами, пополняемыми военным, морским и даже министерством иностранных дел.

«Кенкокукай» («Общество строительства государства»). Это очень активная организация, как и «Кокурюкай», — острее ее пропаганды направлено на отторжение дальневосточных территорий СССР.

«Кокухонся» («Общество основ государства») — наиболее влиятельная фашистская организация. «Кокухонся» комплектуется по преимуществу из офицеров, генералитета армии и флота и высших чиновников. Всего «Кокухонся» объединяет, по данным самого общества, 50 тысяч человек. Председатель общества — известный политический деятель, реакционер барон ХираNUMA (недавно его кандидатура выставлялась в премьеры). Директора общества: бывший военный министр Араки, адмирал Като, руководитель крупнейшего японского концерна «Мицуй» Икеда, генерал-губернатор Кореи Угаки, генералы Койсо, Мазакки, бывший министр земледелия Гото (лидер «Минсейто»), Нагаи (лидер «Минсейто») и другие. Советником общества является бывший премьер-министр Сaito.

Наряду с перечисленными обществами имеются и десятки других обществ, организующих мелкую буржуазию, студентов (при университетах, в противовес революционным студенческим организациям) и сотни разных заговорщического типа организаций. Все эти фашистские организации преследуют одни и те же цели — «монархизм, патриотизм, национализм, панasiatизм, англокоммунизм».

Экономический кризис и обострение внутренних и внешних противоречий японского империализма привели в движение и активизировали фашистские организации Японии.

Фашизированный комсостав армии и флота накануне убийства Инукаи в своих листовках определял свою «позицию» следующим образом: «Плутократы в союзе с партиями выжимают пот и кровь народа. Власти поддерживают их и все больше усиливают репрессии. Внешняя политика слаба, налицо идейное разложение. Если сейчас не будут приняты меры, Япония погибнет. Народ, бери оружие и поднимайся! Именем императора умерщвляй дурных чиновников императорского двора, плутократов и существующие политические партии. Убивай предательский привилегированный класс. Крестьяне, рабочие, весь народ! Защищай свое оте-

чество — Японию — и вернись к духу строительства государства под эгидой императора. Поднимайтесь, вставайте! Создадим истинную Японию!»

В другой листовке офицеров армии и флота мы читаем:

«Японская нация, во имя императора уничтожай существующие политические партии, которые являются врагами народа, убивай капиталистов, умерщвляй хитрых помещиков и привилегированный класс. Крестьяне, рабочие и вся нация! Защищайте и охраняйте свою родину. Под руководством способного и августейшего императора мы должны восстановить истинный дух нашей империи».

Листовка заканчивается лозунгами:

«Против мягкотелой дипломатии, против спасных мыслей, за крестьян и рабочих».

Прежде всего бросается в глаза чрезмерная «забота» о народе. Смешно было бы даже думать о том, что фашисты действительно пекутся о народе. Здесь мы имеем дело с попыткой фашистов выступить перед господствующими классами в качестве «народных защитников», его «избранников». Фашисты хотят до смерти напугать своих же хозяев-капиталистов народным гневом для того, чтобы они поскорее передали им в руки государственную власть. Фашисты даже в своих лозунгах остаются верными хулами правящих классов. Лицемерно требуя уничтожения капиталистов, они не забывают выпятить на главное место «борьбу с опасными мыслями», т. е. с ростом революционного движения в стране. Выступления против политических партий («Сейюкай» и «Минсейто») по сути является не выпадом против политических врагов, а обычной конкурентной борьбой за выслугу перед монополистическим капиталом, политическими агентами которого продолжают еще быть эти две партии¹⁾.

Необходимо отметить, что деятельность этих двух партий дала фашистам в руки обильный компрометирующий

материал. Японская печать неоднократно сообщала о многочисленных финансовых махинациях, участии этих партий в коррумпированных правительственных чиновниках и министрах — членах этих партий, широко распространенном взяточничестве партийных лидеров и т. п.

Особо следует остановиться на лозунге — «умерщвляй хитрых помещиков». Здесь, как говорится, правая рука не ждет, что творит левая. Ибо в другой листовке «молодого офицера» по поводу положения в деревне весьма убедительно сказано, что, «пользуясь невежеством крестьян, опасные агитаторы развращают деревню, втягивая ее в политическую борьбу. Крестьяне! Помещики являются для вас родными отцами. Вы должны забыть все случайные недоразумения и рука об руку с помещиками улучшать свою жизнь, тем самым помогая укреплению государства». Иначе и быть не может, так как подавляющее большинство японского офицера представляет собой помещичьи дети!

Вслед за убийствами Иноуэ, Дана и Инукаи японской полицией и жандармерией был раскрыт целый ряд других заговоров, ставящих себе также целью совершение государственного переворота, убийства членов кабинета и т. д. В конце 1933 г. была раскрыта тайная организация, называемая «Солдаты бога» (или «Воины бога»), связанная с «Сейсаенто». Во главе организации стояли подполковник Ясуда (приемный сын известного в Японии генерала Фукуда), адвокат Аmano и Маеда (член ЦК «Сейсаенто»).

Субсидировали организацию, по сообщению токийской прокуратуры, бывший директор крупного универсального магазина «Мацуя» — Найто («Джапан кроникл» от 12 октября 1933 г.), директор крупного банка Ямагачи, нынешний директор универмага «Мацуя» — Фуруйя Эйчи и ряд биржевых дельцов, предполагавших поживиться на биржевой панике во время переворота. По сообщению «Джапан кроникл».

¹⁾ Здесь следует указать, что партия «Сейюкай» например тесно связана с концерном Мицубиси, а партия «Минсейто» — с концерном Мицубиси.

Найто в свою очередь был связан с директорами двух других крупных банков. «В случае удачи переворота фашисты обещали назначить Найто министром торговли и промышленности» — пишет «Джапан кроникл».

По сообщению «Токио Асахи», «если бы этот заговор не был во-время раскрыт, он превратился бы в гораздо большее событие, чем дело 15 мая 1932 г.» (убийство премьера Инукаи). Заговорщики обладали крупными денежными ресурсами. Один только Аmano, по данным токийской прокуратуры, имел «на орграсходы» сумму в размере 200 тысяч иен.

Аресты лидеров организации «Солдаты бога» ни в какой степени не отразились на активной деятельности фашистских организаций. Наоборот, активность последних сильно возросла во время и после судебного процесса над участниками убийства премьера Инукаи. По всей стране была развернута бешеная кампания по вербовке новых членов в фашистские организации и в защиту подсудимых фашистов-террористов. В суд поступило около 70 тысяч петиций (изготавливались несколькими фашистскими организациями) с требованием смягчения наказания подсудимым. Подсудимые, а также их защитники широко использовали трибуну суда для легальной и публичной фашистской агитации и пропаганды своих идей.

О целях переворота подсудимый лейтенант Кога (помещик) красноречиво говорил:

«Мы мало думали о строительстве после разрушения, но я лично был уверен в том, что после террора будет военное правительство во главе с Араки. Мы являемся поклонниками Араки, и наши чувства к нему еще более усилились, когда он стал военным министром и назначил своих последователей на главные посты в армии.

Мы хотели убить Макино (влиятельный придворный, хранитель императорской печати. — Ал. Х.), вредного сановника, дающего плохие со-

веты императору, мы напали на «Сейюкай», чтобы ударить по политическим партиям».

Помощник лейтенанта Миками на суде заявил:

«Наши предшественники с трудом добились своей цели, уничтожив сиогунат Токугава (правление феодалов. — Ал. Х.) и установив непосредственное управление страной императором. Тем не менее вскоре политические партии при покровительстве буржуазии превратились в своего рода сиогунат, мешающий императору непосредственно управлять страной. Вот почему мы считали их нашими врагами».

Все подсудимые клялись в том, что будут продолжать начатое ими дело, отмечали «идейный разброд» и «слабость» (!) борьбы с коммунизмом, продажность политических партий и т. д. Целый ряд судебных заседаний прошел при закрытых дверях, так как опасно было разглашать господствующие в стране группировки, которые стояли за спиной подсудимых и руководили их действиями. Необходимо особенно отметить выступления преподавателей военной академии — учителей подсудимых, явившихся на суде их защитниками.

«Все офицеры, — заявил капитан Накамура, — без исключения, точно таких же убеждений, как и подсудимые данного дела. Если накажут подсудимых, то этим накажут всю армию. Общественная атмосфера армии заставила их сделать это дело».

По сообщению «Джапан кроникл», офицеры кавалерийского полка в Нарисино (префектура Циба) вместе с отставными офицерами создали даже фашистскую организацию под названием: «Общество пятнадцатого мая» (день террористического убийства премьера Инукаи).

Подобного рода выступления как подсудимых, так и их защитников, преподавателей военной академии, а также создание фашистской организации с таким именем еще раз указывает на то, что фашизм в Японии все больше и

больше активизируется, превращаясь в достаточно крупную силу на службе монополистического капитала, способную захватить власть в свои руки и передать ее тем правящим прусшировкам, которые фактически руководят им и стремятся при его помощи установить военно-фашистскую диктатуру с тем, чтобы обеспечить себе безраздельное господство в стране.

Первоначально суд ограничился незначительным наказанием подсудимых фашистов-террористов. А некоторое время спустя суд помиловал всех подсудимых вообще. Правящие Японией классы не решились прибегнуть к строгому наказанию убийц своих виднейших представителей, даже несмотря на раскрытие целого ряда новых заговоров и наличие в стране большого количества явно антиправительственных заговорщических организаций.

Большого внимания заслуживает также и суд над пражданскими участниками «дела 15 мая». С демагогическими речами в течение пяти дней выступал на суде главный обвиняемый, вдохновитель почти всех убийств, превратившийся ныне в «японскую знаменитость», Тацибана, руководитель фашистской организации «Айгодзюку» («Школа патриотов», работает в деревне).

«Я — говорит Тацибана, — создал свое общество в 1929 г. Когда экономическая депрессия давала себя знать все сильнее, настроения общества ухудшались, непрерывно возникали рабочие и арендаторские конфликты и стали говорить об идейных бедствиях государства. Цели создания организации — произвести реконструкцию общества в интересах всего народа».

«Эта реконструкция, — продолжает Тацибана, — состоит в установлении контроля над рынком на основе совместной работы правительства и народа в установлении государственного контроля над финансами и землей».

Контроль над землей мыслим при условии выкупа всех земель государством и распределения ее среди населения».

Со взглядами Тацибана вполне солидарны и помещики, так как они, не желая иметь дела с бунтующими арендаторами, стремятся распродать свои земли. Правительство несколько лет назад пыталось осуществить эту политику, т.е. создать кулацкие гнезда, но эта политика провалилась. Тацибана расписывает гнет финансового капитала над деревней, но ни словом не упоминает о гнете помещиков.

По поводу речи Тацибана уже цитированная нами газета «Джапан крикль» писала: «Тацибана рассказывает о тяжелом положении землевладельцев. Осуждая политику кабинета Хамагути за снятие эмбарго на золото, в результате которого цена на рис упала с 30 до 13 иен за коку (около 180 кг), Тацибана со слезами на глазах говорит: в то время как буржуазия получает огромные прибыли и на инфляции и на дефляции, крестьяне теряют в обоих случаях».

Тацибана конечно не говорил, каким количеством товарного риса располагает 70 проц. крестьянского населения страны, «владельцев» количеством земли меньше одного гектара на двор. Тацибана лил слезы не по поводу горькой нужды широких масс арендаторов и поларендаторов, а над бедами кулаков и помещиков, «обижаемых» финансовым капиталом.

В своих заявлениях по вопросам внешней политики Тацибана разоблачает себя как яркого империалиста-захватчика. Свою позицию в этом вопросе на суде он определил следующим образом: «Поскольку Япония становится лидером азиатских народов и источником цивилизации в Азии, ей необходимо будет устранять препятствия, которые лежат на этом пути. Для этой цели необходимо общенациональное единение и вовлечение всего народа в дело обороны страны».

Таково лицо Тацибана — империалиста и агента помещиков в деревне. По его словам на суде, он вместе с военными заговорщиками предполагал сделать Араки военным диктатором страны.

Японский фашизм отличается чрезвычайной агрессивностью. Это вытекает из самого характера японского империализма. «Отличаясь особой агрессивностью, хищнический японский империализм в колониальном разбое и военных трофеях находил один из главнейших источников накопления капиталов и своего укрепления»¹⁾.

Все японские фашистские организации теснейшим образом связаны с военными кругами. Военщина, как правило, не только занимает руководящие посты в фашистских организациях, направляет их деятельность, дает установки, лозунги и т. д., но и самым активнейшим образом создает их. Больше того, хорошо известно, что морское и военное министерства отпускают значительные суммы из секретных фондов на содержание этих организаций. Сейчас военщина лихорадочными темпами ведет работу по объединению многочисленных мелких организаций в более крупные. В настоящее время военщина, и в особенности ведущие капиталистические группировки, стремятся создать единую фашистскую организацию на базе всех существующих ныне. Для этого, как сообщает иностранная печать, «некоторые концерны отпустили более 30 миллионов иен и одновременно дали указание смягчить ругань по адресу капиталистов и прибегать к ней только в крайнем случае, когда этого требует обстановка»... Руководящая роль военщины и крупной буржуазии (преимущественно магнаты военной промышленности и связанных с нею отраслей) определяет и характер японского фашизма. Отсюда становятся вполне ясны широкие военные планы, пропаганду которых особенно рьяно ведут японские фашисты.

Агрессивность японского фашизма направлена в первую очередь против СССР.

¹⁾ «Инпрекор» от 20 мая 1932 г. «О положении в Японии и о задачах японской компартии».

Несколько фашистских организаций во главе с известными Тояма и Уцида создали «Общество друзей против России» («Дайро досикай»). Вся фашистская пресса, например газеты «Ямато», «Нихон» и др., тесно связанные и субсидируемые японской военщиной, ведут оголтелую пропаганду войны с СССР и отторжения советских дальневосточных территорий.

Так, один из фашистских лидеров, Огава Умпей, в статье о предложении Советским Союзом пакта ненападения в журнале «Обозрение Манчжурии и СССР» даже пытается обосновать законность захватов и приводит «доказательства» того, что дальневосточные территории СССР якобы когда-то принадлежали Японии. Вот что пишет этот махровый японский фашист:

«На памятнике в замке Тага написано, что этот памятник построен на месте в расстоянии 3.000 ри (1 ри равен 4 километрам. — Ал. Х.) от Маккацу, который конечно является нынешним Сахалином. На другом памятнике, в Цугару, написано, что он установлен в центре Японии на расстоянии 6.000 китайских ри (1 китайское ри, правильнее ли, равно примерно $\frac{3}{4}$ километра. — Ал. Х.) от реки Маккацу. От Цугару до Камчатки как-раз будет 1 — 2 тысячи японских ри. Это ясно доказывает, что около тысячи лет назад Камчатка принадлежала Японии. Но Япония не укрепила политической власти над этой территорией, так как она нужна была Японии только в период рыболовства. Япония допустила ошибку, обменяв Курильские острова на Сахалин» (!).

«Доказав» историческую принадлежность Камчатки и Сахалина Японии, Огава Умпей включает: «России следует вдуматься в эту историю и во избежание чрезвычайных мер войны возвратить Японии ее старую территорию — Камчатку».

Этот махровый фашист в статье «О пакте ненападения» открыто пропагандирует войну. Но он «скоорбит» также

и о «мире и устранении бедствий всего мира». Об этом Огава пишет следующим образом: «Если бы Япония и Россия заключили между собой пакт о ненападении, полностью бы отменили у границ военные силы и тем самым гарантировали бы безопасность Манчжоу-Го, Монгольского царства и Сибирской белогвардейской империи, то обе страны смогли бы сократить военные расходы, а на Дальнем Востоке был бы установлен мир и коренным образом ликвидированы бедствия «всего мира» (!!!).

Предпосылки для заключения японо-советского пакта о ненападении у этого поджигателя войны, как видим, далеко не скромные. Япония, по мнению Огава, может пойти на такую «жертву» только ценой отторжения от СССР его дальневосточных территорий и установления «Сибирской белогвардейской империи», которую японский империализм безуспешно пытался создать во время сибирской интервенции в 1920 году. Огава как лицо, близкое к японским авантюристическим и военным кругам, играющим в данное время особенно важную роль в установлении японской внешней и внутренней политики, выбалтывает их замыслы о подготовке нападения на Советский Союз.

Наиболее ярким документом японского фашизма, или, вернее, его «программой действия», несомненно является статья бывшего военного министра генерала Садао Араки под названием: «Задачи Японии в эпоху Синова», т.е. в эпоху царствования нынешнего императора. Статья эта была сперва напечатана в военном журнале «Кайкося», затем перепечатана издающейся в Токио американской газетой «Джапан адвертайзер». В своей статье Араки констатирует:

«Национальное воодушевление постепенно падает, в обществе распространяется легкомысленная идеология. Капиталисты заботятся только о своих интересах, не обращая внимания на общественную жизнь. Политики увлекаются интересами партий, забыв положение страны, и увлекаются интересами только своей партии, служа-

щие и учащиеся забывают свой долг... Среди населения есть группа людей, захваченных идеологией марксизма, что вызывает крайнее беспокойство»...

Констатировав дальше хозяйственный тупик и международную изоляцию Японии, Араки навязывает свой выход для разрешения всех противоречий японского империализма. Этот выход — новая, но уже «большая война» и дальнейшие агрессивные захваты.

Араки обосновывает планы захватов побуждениями необходимости распространить «императорскую нравственность и установить порядок во всем мире». Араки пишет:

«Наша императорская нравственность должна проповедываться и распространяться по всему миру. Все препятствия, стоящие на пути этого дела, должны решительно уничтожаться, не останавливаясь перед применением реальной силы..»

Если мы не установим своего престижа в Манчжурии и Монголии, мы никогда не сможем распространить великие идеалы Японии. Свои идеалы Япония должна распространить по всему Дальнему Востоку и далее по всему миру. Там, куда направлена императорская армия, где действует ее реальная сила, сохраняется мир и спокойствие.

Вопрос о распространении императорской нравственности в Монголии более трудный, но какой бы враг ни противостоял на пути распространения императорской нравственности, он должен быть уничтожен».

Араки, отметив, что захват Манчжурии — это только начало, что без создания базы в Манчжурии японский империализм не может двинуться дальше, продолжает: «Какое же положение в Восточной Азии? В Китае в течение 20 лет продолжают беспорядки. В Индии под гнетом Англи страдают 300 миллионов человек.

Как и в Средней Азии, так и в Сибири не найдется даже и одного куска свободы. В силу этого Япония, которая считается самым сильным государством в Восточной Азии, имеет историческую миссию — спасти ряд государств Восточной Азии. Во имя справедливости Япония должна подлиниться, хотя бы и была угроза разорения отечества».

Араки вслед за Манчжурией хочет облагодетельствовать весь мир и в первую очередь советские дальневосточные территории: «В Восточной Сибири, — пишет Араки, — живет несколько сот тысяч корейцев. Положение их ужасно. Мы должны глубоко почувствовать необходимость позаботиться о них, как мы это делаем в отношении корейцев, живущих в Манчжурии, и в ближайшем будущем принять необходимые меры помощи им».

Как видим, этот «защитник» свободы, пекущийся о нуждах различных народов, находящихся за пределами Японии, странным образом забывает позаботиться об умирающих с голода японских крестьянах и рабочих и странным образом забывает защитить облагодетельствованные японским империализмом трудящиеся массы Манчжурии от ограбления их японскими купцами и «доблестной» японокой армией.

Араки, как и все фашисты, также сдает свою «норму», он демагогически «нападает» на своих хозяев — капиталистов. В то же время, будучи членом правительства, он провел закон о правительственной гарантии получения капиталистами 8-процентного дивиденда по акциям ЮМЖД. Несмотря на уход в отставку, Араки пользуется большим влиянием в армии, в союзе резервистов и в целом ряде других фашистских организаций. Он опирается на влиятельные буржуазные и помещичьи круги. Существующие правительственные партии — «Сейюкай» и «Минсейто» — все больше фашизируются и уже не только не в состоянии противостоять фашизму, но, наоборот, стремятся активизировать свое участие в военно-фашистском движении империалистической Японии.

Утверждение фашистских лидеров о том, что японский фашизм имеет массовую многомиллионную базу в городе и деревне, следует оставить на их совести.

Выше мы достаточно подробно рассматривали количество, состав и программы почти всех фашистских организаций страны. Читателю не трудно будет сделать вывод о том, что японский фашизм не имел и не имеет «массовой многомиллионной базы», о которой так хвастливо распинаятся его лидеры.

Кто идет с фашистами? В первую очередь тешащая себя иллюзиями мелкая городская буржуазия, мелкие и средние помещики, кулачье, деклассированные слои населения и крайне незначительный процент запутанных и нагло обманутых рабочих и крестьян.

Кто поддерживает фашистов? Крупный, монополистический капитал (концерны Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Кухара и мн. др.), которого нарастающее революционное движение угрожает смести с лица земли вместе с военно-полицейской монархией.

Японский империализм, лихорадочно готовящий новую «большую войну», широко насаждает в стране фашизм как заслон против «опасных мыслей», охвативших трудящиеся массы Японии. Но неоспоримым остается тот факт, что фашизм сам по себе означает приближение революционного взрыва, поскольку он является последним средством защиты буржуазии от наступления рабочего класса и революционного крестьянства...

Японский фашизм сравнительно молод, но он уже вырождается и разлагается германскими темпами. Несомненно, что он еще будет «падать ниц перед стопами микадо» (т.-е. захватит власть в свои руки). Но несомненно и то, что японокие трудящиеся массы, под руководством испытанной в боях героической компартии, сломят хребет этому последнему оплоту загнившего во внутренней борьбе и паразитизме, исторически обреченного капитализма.

Наука и жизнь

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

В. Е. ЛЬВОВ

1. Энергия из океана

К берегам Бразилии 15 августа с. г. отплыл из порта Дюнкерк теплоход «Тунис». В этот же день вступило в новый этап своей истории одно из наиболее замечательных предприятий, когда-либо замышлявшихся человеком в его борьбе с природой.

Вернемся на 8 лет назад, 25 ноября 1926 года. Парижская академия наук. Собрание разряда физики и математики. Прохаживаясь между кафедрой и демонстрационным столом, произносит речь старик с энергичным лицом.

Жорж Клод, профессор физической химии, от собственного имени и от имени своего сотрудника Поля Бушро излагает перед изумленной аудиторией «бессмертных» план.

Всякий тепловой двигатель — паровая машина, дизель-мотор — требует разности температур. Поймем это. Температура есть показатель скорости беспорядочных движений молекул. Любое тело вокруг нас — мушинный рой из хаотически качающихся, сталкивающихся, летающих, как пули, молекул. Сказать, что молекулы снуют быстрее, — всё равно, что сказать, что температура тела выше. И вот, ударами молекул газа (пара) в тепловой машине сдвигается с места поршень или вращаются лопасти турбины. Что нужно для этого? Для того, чтобы поршень под ударами молекул газа пошел например слева направо, надо во всяком случае, чтобы

молекулы рабочего газа летали быстрее, чтобы они ударились о поршень крепче, чтобы они давили на него сильнее слева, чем окружающая среда своими молекулами давит на тот же поршень справа. Надо, чтобы молекулы пара пересилили молекулы окружающей среды. А это равносильно тому условию, чтобы температура рабочего газа (при прочих равных условиях) была выше температуры среды. Среда — «холодильник». Резервуар же газа (пара) — «котел». Важно при этом, добывается ли горячий газ путем постепенного подогрева жидкости в отдельном, настоящем сосуде — котле, как в паровой машине, или же этот газ просто поджигается, безо всякого котла, прямо под поршнем, как в дизелях, в авио- и автомоторах. Это несущественно. Важно лишь то, что должен существовать температурный перепад между средой и работающим газом, и крайние точки этого перепада условно называются: «температура котла» и «температура холодильника».

Но что такое, конкретно, среда? Очевидно, воздух. Все находится в воздухе. Поршень и лопасти движутся в воздухе. И, значит, надо заботиться о том, чтобы температура газовой, толкающей лопасти и поршни, струи была выше температуры внешнего воздуха. Надо заботиться, чтобы ее давление было выше «одной атмосферы», выше показания барометра на улице...

И в заботах об этом сотни миллионов тонн торфа, угля, нефти сжигаются ежедневно в цилиндрах и топках — для того, чтобы нагреть их выше температуры наружного воздуха.

Но вот совершенно новый, незамечавшийся, даровой источник перепада температур в природе. Перепад, существующий под руками у человечества постоянно, самопроизвольно, непрерывно... Перепад, не требующий дополнительной затраты теплоты со стороны, но могущий — прямо из природы — быть взятым в работу неограниченного числа паровых машин. Профессор Клод предлагает перенестись в обстановку тропического океана.

На поверхности — в широкой полосе, ограниченной двадцатой параллелью от экватора, — зимою и летом температура воды не опускается за пределы 27° . На глубине же от 700 метров и ниже круглый год $+5^{\circ}$ Цельсия.

22-градусный перепад всегда налично, — факт величайшей важности, требующий самого внимательного обсуждения!

5-градусная, холодная вода — не слишком ли далека она? Поди, достань ее — с километра глубины...

Улыбаясь, оратор замечает, что существует еще «закон сообщающихся сосудов», доставлявший когда-то столько препятствий ему и его сверстникам в начальной школе. Достаточно погрузить в океан трубу соответствующей длины, чтобы столб с 700-метровой глубины автоматически поднялся вверх, остановившись на уровне около 1 метра¹⁾ под уровнем океана.

¹⁾ Согласно закону сообщающихся сосудов, высоты столбов жидкости в сосудах обратно пропорциональны плотностям соответствующих жидкостей. В данном случае одним сосудом является труба с 5-градусной водой, а другим — весь океан с температурой (если взять среднюю цифру для 700-метровой толщины) около 10° . 5-градусная же вода на 0,1 процента плотнее, чем 10-градусная, и потому столб 5-градусной воды будет стоять на 0,1 процента (т.е. приблизительно на 1 метр) ниже поверхности океана.

С этой глубины ее и придется брать насосами.

Вопрос второй: не нагреется ли эта вода во время подъема и перекачки? Одев трубу в теплоизолирующий (пробка, резина, толь) слой, то-есть превратив ее в своего рода термос, нечего будет беспокоиться и об этом. Опыт теплофикационных работ в больших городах дает возможность гарантировать постоянство температуры на каждый километр длины трубы в пределах $0,1^{\circ}$ Ц.

Наконец — возможности бурь и штормов, угрожающие разрушением трубопровода?.. Клод и Бушро учитывают и этот фактор. Самое сильное волнение в океане захватывает, как известно, лишь верхний слой воды, глубиной до 30 — 40 метров. Ниже 50 метров господствует вечная тишина. Стоит провести туннель на эту глубину, чтобы раз и навсегда избавиться от влияния штормов.

Итак, подача 5-градусной воды — обеспечена. Еще лучше того, — безбрежные массы 27-градусной воды находятся совсем под руками. Но что делать дальше, как использовать в паровой машине обе эти струи?..

27-градусная вода с поверхности, наполнив резервуар или чан, пусть образует собою готовый паровой котел будущей станции. Не нужно эту воду нагревать. 27-градусная вода сама по себе дает пар, как и всякая вода при любых вообще температурах¹⁾. Другое дело, что при низких температурах мало и давление пара. При 27 градусах Цельсия это давление равно 0,03 атмосферы. Спрашивается, можно ли таким дуновением сдвинуть с места не только что поршень, но хоть пушинку?!

¹⁾ Мы не видим на-глаз никакого пара над чашкой с холодной водой потому, что водяной пар (как и большинство газов) вообще невидим. И если над кипящим самоваром, как принято говорить, «валит пар», то в этом случае видимые на-глаз клубы представляют собою вовсе не самый пар, а рой мелких водяных капелек, образующихся при конденсации горячего пара в холодном воздухе.

Разумеется, на воздухе от этого пара не будет пользы.

На фоне «одной атмосферы» внешнего воздуха «три сотых атмосферы», создаваемые 27-градусным «котлом», должны произвести действие немногим большее давления мухи, сидящей на чугунном прессе...

Это так. Но ведь в том-то и дело, что наполненному 27-градусной водой котлу предстоит теперь состязание не с окружающим воздухом, а с 5-градусной водой в качестве холодильника. Иначе говоря, 27-градусную паровую струю нужно заставить теперь работать, расширяясь не в воздух, а в безвоздушное пространство, наполненное паром 5-градусной воды. Здесь гвоздь вопроса!

Пар 5-градусной воды имеет давление, равное 0,01 атмосферы, то-есть в три раза меньшее по сравнению с 27-градусным паром. Это значит, что если поместить под колоколом, из-под которого выкачан воздух, слева — чан с 5-градусной водой, справа — чан с 27-градусной водой и турбину между ними, то на лопасти этой турбины будут сыпаться справа удары молекул, в три раза более частые, чем слева. Турбина завертится справа налево. Устремившись в сторону 5-градусного холодильника, 27-градусный пар создаст напор, достаточный, как показывает подсчет, для того, чтобы вращать лопасти паровой турбины с производительностью, равной 100.000 килограммометров работы на каждую тонну воды в секунду.

Эта работа равна работе падения той же тонны с высоты 100 метров. В водопаде Ниагара как-раз с такой высоты каждую секунду падает около 20.000 тонн. Двадцать чанов простой океанской воды, емкостью по 1.000 кубометров каждый, будучи прифедены в соприкосновение с холодной водою глубин океана, способны, таким образом, развить мощность, равную мощности Ниагары. А сколько таких чанов можно наполнить бесплатно с поверхности океана!

Кипя¹⁾ и испаряясь, 27-градусная вода требует, разумеется, непрерывного пополнения извне. И так как испарение вызывает и охлаждение, то для поддержания котла при 27-градусной температуре подкачка масс теплой воды должна идти в более быстром темпе.

5-градусный же «холодильник», вбирая в себя теплый пар от котла и нагреваясь, в свою очередь требует для удержания температуры непрерывного притока холодной воды с глубин.

Две кольцевые системы трубопроводов, два круговорота воды: теплый с поверхности и холодный с километровой глубины океана, подгоняемые насосами, должны, таким образом, орошать океанскую станцию Клода—Бушро. На воздушные же насосы возлагается обязанность поддержания вакуума под колоколом, где расставлены турбины и спаренные с ними генераторы тока.

Работа насосов в общей сложности должна поглотить около 40 процентов всей мощности станции.

С этим расходом надо считаться, но и за вычетом его на каждый кубометр емкости котла обеспечивается 400 киловатт чистого выхода мощности. Следовательно, 400.000 киловатт — половина Днепростроя! — на каждую тысячу кубических метров океанских вод. Считаю, что поверхностный слой океана в экваториальной зоне насчитывает круглым счетом триллион кубических метров, получаем потенциальную мощность, равную миллиарду Днепростроев, сокрытых в воде океана между 20-й параллелью северной и 20-й параллелью южной широты.

Океанозлектрические станции! Берега с крутым рельефом дна, с быстро растущими до 700 метров и ниже глубинами — наиболее удобное для них место. Там же, где нельзя найти сразу нуж-

¹⁾ Находясь в безвоздушном пространстве, 27-градусная вода должна бурно кипеть. Точка кипения жидкости, как известно, тем ниже, чем меньше внешнее давление. Если на открытом воздухе, с нормальным давлением в 1 атмосфере, вода кипит при 100°, то, находясь внутри колокола под давлением в 0,01 атмосферы (как в установке Клода—Бушро), она закипит уже при 3° Ц.

ную глубину, — в десятках километрах от берега должны воздвигнуться пловучие, искусственные острова и силовые станции на этих островах, днем и ночью сосущие из океана электрическую энергию, перебрасывая ее, подводным кабелем, на материк.

Попутно обеспечено мощное воздействие на климат, благотворное для этих знойных окраин планеты.

Профессор Клод особенно подчеркивает этот немаловажный момент. Огромные массы холодной воды, извлекаемые на поверхность с 700-метровой глубины океана, должны смягчающе действовать на жару в районе силовой станции и промышленных центров, имеющих раскинутость вокруг нее.

Вот цифры. Каждый кубический метр 5-градусной воды дает столько же единиц холода (фригорий), сколько их можно получить от 75 килограммов льда. По ходу же работ 15.000-киловаттной станции будет извлекаться на поверхность не менее 30 кубических метров глубинной воды в секунду, что равносильно продукции 75.000 тонн льда в час!

«... Сочтут, возможно, эти надежды слишком блестящими, эти предположения слишком привлекательными, чтобы поверить их осуществлению в действительности... Да, конечно, мы не отворачиваемся ни от трудностей, ни от риска. Суть лишь в том, что мы не считаем эти трудности более значительными, чем те, которые были преодолены людьми, впервые проложившими телеграфный кабель по дну океана между двумя континентами. И если речь идет, как идет она здесь, о предприятии, способном освободить энергию 10 Ниагар в один прием, если речь идет о техническом процессе, способном производить электрическую энергию с малой затратой основного капитала, с обеспеченной регулярностью работы, с дешевизной, превышающей всё, что в этом отношении было возможно раньше, если всё это так, — а это так, — тогда можно быть спокойным... Никакие возражения — а какой план не встречает возражений! — никакие, говорю я, неизвестности бурь, течений, необитаемых берегов, ничто не

помешает человеку принять еще одну лишнюю предосторожность, разрешить еще одну лишнюю техническую проблему и — добиться окончательной победы...»¹⁾.

Жорж Клод собирает свои тетрадки. Но доклад не кончен. Внимание аудитории сосредоточивается на небольшом агрегате лабораторных приборов, размещившихся на демонстрационном столе.

Обстановка тропического океана в миниатюре. Два сосуда: один — с 30-градусной, другой с 5-градусной водой. Небольшая (спаренная с динамо) турбина. Резиновые трубки воздушного насоса. Три электрические лампочки, присоединенные к динамо. Короткое жужжание мотора воздушного насоса. Воздух на пространстве между лопастями турбины и поверхностью воды в сосудах удален. И, набирая оборот за оборотом, начинает вращаться турбинка. Бойко потрескивают щетки динамо. Три электрические лампочки вспыхивают ярким светом, наглядно свидетельствуя о том, что от полета научной фантазии до действительности — один шаг.

Профессор Клод сходит с кафедры.

2. Между двумя штормами

Впечатление, произведенное этим экспозе, бесспорно, могло встать в один исторический ряд с эффектом, созданным проектами трансатлантического кабеля, планом первого полета на воздушном шаре на полюс, предложением прорыть туннель под Гибралтаром и Ламаншем...

Профессор Клод был прав конечно и в своем предвидении скепсиса, обращенного по адресу отдельных технических деталей проекта. Этот скепсис нетрудно было разрушить: если не сразу, то спустя несколько лет, наполненных событиями.

Жорж Клод и Поль Бушро недооценили совсем иное.

Можно ли было серьезно рассчитывать на то, что реализация обширнейшей

¹⁾ «Отчеты» Парижской академии («Comptes rendus de l'Académie des Sciences») от 22 ноября 1926, стр. 929.

из современных энергетических идей окажется ношей по плечу для одряхлевшего капитализма?!

План Клода — Бушро, будь он полностью реализован, отозвался бы переверотом в экономической географии земного шара, более радикальным, чем тот, который произвели путешевия Васко да Гама, открытие Америки, находка золотых руд Трансваала и т. д.

Индустриализация обширных отсталых пространств Экваториальной Африки, Океании, Меланезии, Центральной Америки. Создание сотен и тысяч электростанций, производящих новые миллиарды киловатт-часов. Основание новых Манчестеров, Кузнецков и Детроитов на Слоновом берегу, в устьи Замбези, на островах Зеленого мыса... Вращение новых миллионов веретен, производство новых кип хлопка, новых бушелей пшеницы, сахара, резины...

Как мало, в сущности, освоена еще наша планета! Как мало тронуты возможности, скрывающиеся в самой простой паровой машине, казавшейся совсем энергетически исчерпанной и раскрывающей сейчас необозримые горизонты...

И как мало уверенности в том, что за все эти всемирно-исторические задачи, даже в порядке предварительных над ними изысканий, способен взяться капитализм!

Строительство новых электростанций в тропиках, — разве оно мыслимо, когда существующие централи не в состоянии давать свою энергию за недостатком клиентов? Строительство новых индустриальных центров в тропиках, — имеет ли это смысл, когда работают не в полную нагрузку старые центры метрополий? Плановый раздел энергетических ресурсов океана между колониальными, борющимися за новый передел мира, империями, — можно ли говорить о нем всерьез, когда план постройки какого-нибудь туннеля через Ламанш бесплодно «увязывается» и «согласовывается» партнерами Entente Cordiale в течение вот уже пяти десятков лет...

Нет, времена Суэца и «Грэйт-Истерна»¹⁾ безвозвратно прошли, господа!

И техническое предприятие, во столько же раз превосходящее по своим масштабам Суэц и «Грэйт-Истерн», во сколько раз эти последние превосходили Аппиеву дорогу, триремы и акведуки древних, — это предприятие если и может быть освоено, то только победоносным социализмом... Оно и осваивается им сейчас на 16.000-километровой береговой линии Сибири, осваивается в условиях Северного полярного океана, где техническая идея Клода — Бушро может быть, — мы увидим это ниже, — применена в такой же и даже еще в удобнейшей мере, как и в обстановке океана тропического...

Рано или поздно эта коллизия между великим техническим проектом и капиталистической действительностью должна была громко и властно заявить о себе.

Но в те дни... В те дни всё казалось безмятежным под сенью академии. Шел 1927 год. Относительная стабилизация капитализма еще досчитывала свои дни. В эти месяцы и недели великое открытие успевает, к счастью, совершить свой второй триумфальный этап, — этап, обозначаемый коротко одним словом: Угрэ.

Фабричный поселок д'Угрэ-Маригэ и фабрика того же названия, недалеко от Льежа (Бельгия), своими теплыми сточными водами, выбрасываемыми в реку Маас, создает на одном из участков этой реки довольно точное воспроизведение температурного перепада океанских тропиков.

Непосредственно около фабрики температура воды круглый год равна + 35° Ц. Несколько десятков метров в сторону — и средняя температура уже равна + 15° летом и + 5° зимой.

¹⁾ «Грэйт-Истерн» — пароход, с борта которого в 1866 г. была совершена прокладка телеграфного кабеля через Атлантический океан.

Разница от 20 до 25 градусов Цельсия — налицо. В этом именно географическом пункте Клод и Бушро намечают сооружение первого опытного турбогенератора, мощностью около 50 киловатт, рассчитанного на эксплуатацию в промышленных условиях, т.-е. с непрерывным круговоротом теплой и холодной воды, как в океанском проекте.

Заказ на 50-киловаттную турбину обществу «Société alsacienne des constructions maritimes» был дан зимою 1927 года.

К концу февраля 1928 г. турбина уже готова, и сразу же начинается монтаж трубопроводов в д'Угрэ-Маригэ. 29 апреля все работы закончены. Турбина успешно дает ток! Как и следовало ожидать по всем подсчетам, из общего числа 50 киловатт валовой мощности около 20 киловатт пришлось выделить на работу подсобных механизмов (насосы), но 30 киловатт представили чистый бесспорный выход даровой энергии, извлеченной из массских вод. Последующие испытания подтвердили полную четкость и эффективность всей установки.

Одобренные этим успехом, Клод и Бушро решают немедленно перенести эксперимент в природные условия тропиков.

4 февраля 1929 г. новой экспозе профессора Клода выслушивается академией с напряженным вниманием.

«... Я имею честь напомнить академии, что мероприятия, предпринятые в течение последнего (1928) года, дали доказательства эффективности процесса Клода — Бушро. Прежде чем перейти к его широкому осуществлению на практике, остается однако показать, что то, что привело к успеху в условиях спокойной реки, останется справедливым и для волнующего моря. Остается доказать практическую возможность бесперебойного извлечения холодной воды из тех глубин океана, о которых я докладывал в прошлый раз...»¹⁾.

¹⁾ «Отчеты» Парижской академии («Comptes rendus de l'Ac. des Sc») от 4 февраля 1929 г., т. 188, стр. 43.

Перенос опытной турбины из Угрэ на берега океана решен. Вопрос о выборе места был первый, который предстояло разрешить.

Из всех плацдармов твердой земли в полосе тропиков Жорж Клод остановился на Кубе, как на наиболее индустриальном районе, находящемся в непосредственной близости от культурных и промышленных центров материка.

Куба — остров у входа в Мексиканский залив, в 200 километрах от берега США — формально республика, фактически полуколония Уолл-стрита. Куба — район крупнейшей сахароваренной и табачной промышленности, страна миллионного передового пролетариата, 40-этажных небоскребов в Гаванне и более чем 500.000 автомобилей по переписи 1930 года. Сюда направляются летом 1928 года Жорж Клод и Поль Бушро.

Умело маневрируя интересами конкурирующих трестов, им удается вскоре получить в свое распоряжение необходимые суммы и яхту «Ямайка», на борту которой начинается зондаж побережья: промер температур, глубин, течений. Поиски условий, наивыгоднейших для силовой станции.

После многомесячных плаваний они останавливают свой выбор на бухте Матанзас в 100 километрах к западу от Гаванны. Бухта удачно защищена от путающего все расчеты температуры) теплого течения Гольфстрема. Она дает глубину дна в 600 метров уже на расстоянии 1½ километров от берега. Она находится наконец в непосредственном соседстве с сахарными плантациями, готовыми поглотить электроэнергию в пределах ста тысяч киловатт.

План готов. Надо построить трубу длиной в два километра (1.300 м. — горизонтально от берега плюс 700 м. вертикально ко дну) — стальную сварную трубу из обшитых теплоизоляцией листов толщиной в 3 миллиметра. Диаметр — 5 метров. Куски трубы по 22 погонных метра решено изготовить во Франции. На Кубе будет произведен лишь монтаж и сварка. Стоимость трубы — 1 миллион франков. Общая

смета всех работ, включая переноску угрэйской турбины, — 5 миллионов франков.

... 21 мая 1929 года теплоход «Гортензия» с транспортом грузов, снабженных маркой «Клод-Бушро», уже бросает якорь в Матанзасе.

Надо было закончить все работы до наступления осеннего сезона бурь. Но этот год оказался штормовым на всем своем протяжении. Все попытки произвести монтаж трубы в открытом океане терпели неизменную неудачу. Порывы ветра разметывали понтоны, не давая производить сварку.

Собрав совет инженеров, Жорж Клод выносит решение: перенести сборку из бухты на защищенную от ветров поверхность реки Рио-Канимар. Оттуда несколько буксирных пароходов пробуксируют растянувшуюся на 2 километра стальную змею в бухту. Для выполнения этого плана надо расчистить устье от вековых наносов песка.

Это было сделано. 28 августа все приготовления закончены. Море в бухте волнуется. 29-е и 30-е проходят в напряженном ожидании шторма. Предсказания обсерватории в Гаванне не сулят ничего хорошего. Вечером 30-го Жорж Клод отдает последние распоряжения. Буксиры подхватывают стальную змею за головной конец и осторожно волокут ее в море. Половина турбины уже вышла наружу устья, когда внезапно налетевший шквал ударяет ее о берег. Труба переламывается пополам и камнем идет ко дну...

Сезон 1929 года потерян. Но выводы из катастрофы были сделаны...

По совету кубинского инженера Васкеца Клод и Бушро решают произвести монтаж второй трубы не на плаву, а на суше. Узкоколейная железная дорога — дековилька — будет подведена вплотную к берегу так, чтобы по рельсам спустить трубу прямо в море, где ее подхватят поплавки, как и в первом варианте.

Ровно через год, 11 июня 1930 года, престарелый Д'Арсонваль, волнуясь, оглашает на пленуме академии телеграмму:

«Блистательно удался первый этап спуска. Главные трудности еще впереди. Жорж Клод. Матанзас»¹⁾).

Проходит несколько дней. «Бессмертные» ждут дальнейших реляций своего сочлена. Телеграфные запросы газет летят на Кубу. Но ответа нет. Сообщается, что место работ в Матанзасе оцеплено взводом солдат. Ни один посторонний не допускается туда. Лишь 29 сентября президент академии Бувье оглашает давножданную телеграмму.

«Опыт испарения прошел превосходно. Турбина начнет работать через несколько дней. Клод»²⁾).

Еще через месяц, 3 ноября 1930 года, Жорж Клод, окруженный толпой интервьюеров, входит торопливой походкой в ворота академии.

Вот что произошло за эти 12 недель в бухте Матанзаса.

К 31 мая сварка всех секций трубы и установка на железнодорожной платформе была закончена. 8 июня в великолепную погоду кортеж двинулся к морю. Первое (вертикальное) колено трубы, длиной в 600 метров, заняло свое место в океане. В этот именно день была отправлена в Европу первая телеграмма. Очередь оставалась за горизонтальной частью. Она уже благополучно плавала на поверхности бухты, когда внезапное смятение овладевает рабочими, взгрозоздившимися на трубе. Поспешные прыжки в воду, непонятный треск, 400 тонн металла рушатся в воду, новый миллион франков идет ко дну...

Расследование вскрывает факт вредительства со стороны одной из электростанций на Кубе, не на шутку встревожившейся возможностью появления нового конкурента...

Подробности неизвестны. Известно лишь то, что путем мобилизации всех средств на местных металлургических заводах Кубы тем же летом 1930 года изготавливается новый, третий по счету (уменьшенный с 5 до 1,6 м. по ди-

¹⁾ «Отчеты» Парижской академии от 11 июня 1930 г., стр. 1329.

²⁾ Там же, от 29 сентября 1930 г., стр. 509.

аметру) экземпляр трубы. 7 сентября ее спускают благополучно в бухту. Первая в мире турбина, извлекающая даровую энергию из океанских вод, работает наконец полным ходом, предвещая новую эпоху в энергетике земного шара. Это будущее становится уже почти осязаемым, когда новое обстоятельство, более непреодолимое, чем все бури и штормы, не ставит вещи на свои места.

... Сезон 1930 года был позади. И вместе с этим сезоном были безнадежно позади и все мечты о капиталистическом «просперити»...

В 1931—33 гг. перед французскими физиками с полной ясностью вырисовывался тупик всех расчетов на возможность близкой реализации гениальной технической идеи. Сахарная промышленность на Кубе свертывается, задавленная кризисом. Акционерное общество, финансирующее Клода и Бушро, распадается. Потребовавшая столько сил и средств труба в бухте Матанзас и 50-киловаттная турбинка, работающая на полном ходу за счет океана, рассматриваются отныне как забавная игрушка, ненужная никому и обреченная на забвение.

В очередном докладе Жоржу Клоду остается хладнокровно констатировать:

«... В то время как мои опыты на Кубе еще раз доказали теоретическую и практическую эффективность установки Клода—Бушро, исключительные условия, тяготеющие над миром, препятствуют дальнейшим работам над делом, значение которого очевидно для всех...»¹⁾.

И как-раз в эти же самые месяцы в Советском Союзе, в Энергетическом институте Академии наук СССР, начинаются подготовительные работы по проектированию первых силовых установок, предназначенных для обслуживания советской Арктики. Начинаются работы по

использованию идеи Клода—Бушро в ее специальном приложении к полярному океану.

Два мира — две судьбы одной и той же великой научной идеи!

3. От тропиков к полюсу

Героический штурм Арктики, включение в социалистический план обширных приполярных пространств, важных как трасса кратчайших путей транспорта, как место, где рождается погода, как кладезь полезных ископаемых, — вся арктическая проблема имела до сих пор один слабый пункт.

Это — вопрос об источниках энергии, которая во всё больших и больших количествах потребуется в ближайшие годы для ангаров, шахт, радиостанций и рабочих городков, имеющих возникнуть один за другим на северном побережье Сибири, в устьях Лены, Енисея, Индигирки, Колымы, на островах Врангеля и Новосибирских, на Земле Франца и на Северной Земле.

Откуда взять энергию? Лес и, как правило, торф не существуют за пределами 70-й параллели. Гидроэлектричество не может быть добыто в течение 10 месяцев из 12, когда замерзают реки. На каменный уголь (подобный шпильбергенскому) и нефть можно рассчитывать лишь в отдельных случаях. Энергия ветра (голубой уголь) является слишком нерегулярной и непригодной в районах арктического воздушного штиля. О синем угле (энергия морских прибоев) в этих местах не приходится говорить.

И вот становится ясным неисчерпаемый ресурс энергии, вскрываемый идеей Клода—Бушро и обещающий в ближайшие годы влить новую кровь в необятные пространства советского Севера.

Связана ли процедура Клода—Бушро только с условиями тропиков? Очевидно, нет. Ведь суть и смысл этой процедуры, мы видели, заключается в блестящем использовании ничтожно-малых температурных перепадов для работы паровой турбины. Не существенно при

¹⁾ «Отчеты» Парижской академии. 1933, т. 197, стр. 567.

этом, в каких областях температур расположен перепад. Важно лишь, чтобы разность температур между котлом и холодильником была выдержана в пределах 22—23 градусов Цельсия и беспреданно поддерживалась тем или иным путем. Эта разность имеетя налицо и может быть проэксплоатирована в теплом тропическом океане. Нельзя ли извлечь ее и из холодных полярных вод?

Именно так.

Корка льда, покрывающая реки и моря Северной и Северо-Восточной Сибири, представляет естественный раздел двух температур, отличающихся свыше чем на 20°. Под льдом — сравнительно теплая вода при 0°. Над льдом — очень холодный воздух со средней годовой температурой (на всем побережье Сибири от Югорского Шара до мыса Дежнева) не ниже — 22° Ц.

Перепад — отнюдь не меньший, а в зимние месяцы заведомо гораздо больший, чем тот, который имеет место в тропическом океане. И если — далее — в уже рассмотренных условиях тропиков расстояние между обоими разнонапрятыми слоями вещества достигает одного километра, то здесь, на Севере, тот же интервал не превышает десятка метров (толщина корки льда).

Не нужно, значит, строить и опускать километровых труб, но достаточно пробуравить ледяной панцырь и брать из проруби воду, находящуюся почти под руками...

И наконец последний, наиболее существенный, пункт упрощает еще более северно-полярный вариант идеи Клода—Бушро по сравнению с вариантом тропическим.

В тропиках: «котел» (теплая вода) — наверху, «холодильник» же (холодная вода) — глубоко внизу. На Севере все наоборот: холодильник (холодный воздух) — наверху, котел (теплая вода) — внизу. И эта вторая констелляция возвращает очевидно нас к привычной технике паровой машины. Холодильником оказывается опять о к р у ж а ю щ и й воздух! Не воз-

дух, иначе говоря, теплее тут рабочего пара (как в тропической установке Клода—Бушро), а рабочий пар теплее воздуха. Давление пара в свою очередь сильнее давления воздуха. И раз так, тогда нет больше надобности в создании искусственно разреженной среды, нет надобности в поддержании вакуума в том простраистве, где вращаются лопасти турбины. Пар может расширяться прямо в воздух.

Но вот вопрос, уже давно замеченный внимательным читателем.

Теплая, находящаяся при 0° подледная вода, — может ли она служить здесь непосредственно рабочим веществом для котла полярной силовой станции? Есть ли смысл наливать эту воду в котел? Ведь температура внутри пространства, где помещается турбина, теперь ниже 0 градусов. 0-градусный пар, как сказано, должен расширяться в морозный воздух, имеющий температуру ниже 0° Цельсия. Водяной же пар ниже 0° Цельсия существовать не может! Вода и ее пары немедленно замерзают при этих температурах (и нормально давлении)...

Значит, нужно взять тут в качестве рабочего вещества не воду, а другую, трудно замерзающую жидкость. 0-градусная же вода поидет на подогрев этой другой жидкости, как горящий уголь или дрова греют котел в обычных паросиловых установках.

В качестве такой морозоустойчивой жидкости французский физик Баржо предложил бутан. Бутан — одно из хорошо известных химикам легких веществ, добываемых из нефти, кипит при — 17° Ц. Погружая цистерну с бутаном в 0-градусную воду и ставя между нею и 22-градусным холодильником небольшую турбину, Баржо в своих опытах и наблюдал то, что следовало ожидать. Пары бутана, распространяясь от котла к холодильнику, толкали лопасти турбины, и миниатюрный прообраз полярной станции начинал работать не хуже, чем первый генератор Клода — Бушро в опыте 25 ноября 1926 года.

Расчет показывает, что при завозе в определенный пункт крайнего Севера око-

ло 20 тонн бутана возможно обеспечить работу силовой станции мощностью около 30.000 киловатт. Завоз бутана (продукта, самого по себе дешевого) производится при этом один раз. Процесс перегонки бутана идет непрерывно. Отработанные пары конденсируются в жидкость, их бережно собирают, они поступают обратно в котел, и так круговоротом—без конца.

В отличие от Баржо проф. Власов в СССР вводит в полярную разновидность станции Клода — Бушро аммиак. Жидкий аммиак при температуре 0° Цельсия дает пар с давлением в 4,5 атмосферы и—так же, как бутан,—пройдя через турбину, может быть возвращен обратно, в жидком виде, в котел. Стоимость сооружения 10.000-киловаттной аммиачной установки, по проекту проф. Власова, должна обойтись не дороже 150 рублей на каждый киловатт в условиях Якутска и 300 рублей для северного ледовитого берега Сибири. Цена киловаттчаса вырабатываемой электроэнергии — соответственно—от 1 до 3 копейки.

Оба проекта — бутановый и аммиачный—находятся сейчас на детальной разработке в Энергетическом институте Академии наук в Москве и подлежат оформлению в течение второй пятилетки.

Советский Север получит десятки и сотни Волховстроя, работающих на даровой энергии холодных вод!

Два мира — два итога.

4. „Тунис“ снаряжен

Проходят три года. Прогноз т. Сталина о постепенном перерастании мирового кризиса в депрессию особого рода, включающую в себя известное оживление технической инициативы капитализма на суженной и искаженной структурным хозяйственным параличом базе,—этот прогноз с исключительной силой оправдывается на судьбе проекта Клода — Бушро.

4 сентября 1933 года в конференц-зале Парижской академии— снова большой день. После многолетнего перерыва на кафедре профессор Клод.

«... Я имею честь информировать академию о возобновлении моих работ над использованием тепловой энергии океана...»¹⁾

Но докладчик далеко не оптимистичен. О планировании мощных энергоустановок берегового типа «не может быть и речи впредь до изменения экономической обстановки». Продолжение работ на Кубе исключено.

Что же можно пытаться всё-таки сделать теперь, в условиях столь печальной «экономической обстановки»?

Этот компромиссный выход придуман сейчас. Известная отдушина для частичного, урезанного использования трагически упертой капитализмом в тупик гениальной идеи найдена.

Если нельзя мечтать о сооружении стационарных силовых установок большого масштаба, то есть возможность пустить в океан подвижную пловучую станцию. Мотивировка опять чисто «кризисная»: «В любом европейском порту не трудно купить за бесценок безработный пакетбот».

На верхней его палубе должна быть размещена турбоустановка типа Клода — Бушро в несколько тысяч киловатт мощностью. Для подачи холодной воды приспособляется раздвижная (складывающаяся на манер подзорной трубки) походная труба, опускаемая за борт при остановках в открытом океане и поднимаемая обратно во время хода.

Целевое назначение всей установки? Профессор Клод считает наиболее рентабельным создание пловучих фабрик льда. Лед—продукт, пользующийся неизменным спросом на жарких берегах океана. Пищевая промышленность одной Южной Америки поглощает свыше миллиона тонн льда в год. Лед (в домашних ледниках, для охлаждения напитков и пр.) есть продукт, немногим менее употребительный в повседневном быту тропиков, чем соль, вода, хлеб.

И промышленная выработка льда на пловучих фабриках Клода даст лед, в

¹⁾ «Отчеты», т. 197, 1933, стр. 567.

три раза более дешевый, чем он продается сейчас на южных рынках.

Количество энергии, затрачиваемой на производство килограмма льда, определяется разностью температур между исходной водой и нулем градусов. Чтобы заморозить 30-градусную воду, нужно в три раза больше энергии, чем если замораживается вода 5-градусная. К услугам же пловучей фабрики готовы безбрежные запасы 5-градусной воды, черпаемой с океанских глубин по ходу работы силовой станции.

Консервация льда в трюмах в течение тех немногих часов, которые займет каждый рейс пловучей фабрики (предполагая, что она будет отплывать не дальше 10—20 километров от берега), не обещает затруднений.

И вот конкретные очертания плана, в тот же вечер доложенного Клодом и Бушро.

Теплоход «Тунис», 10.000 регистровых тонн водоизмещения, оборудуется 8 турбинами Клода—Бушро по 275 киловатт каждая. Общая мощность—2.200 киловатт. Из них 800 расходуются на работу агрегата насосов и 1400—на питание холодильной фабрики с общейточной производительностью в 2.000 тонн льда.

Главная водоподающая труба имеет длину 700 и поперечник 3,5 метра. Нижний конец укрепляется якорем, верхний — плавает на поплавке, фиксирующем трубу параллельно борту. Операция спуска и обратной уборки трубы (электролебедками) не должна занимать больше 15 минут времени.

Расходы—9 миллионов франков, из них 5½—на оборудование паросиловой установки типа Клода.

Работы на «Тунисе», введенном 6 января с. г. в док Дюнкерка, продолжались весну и лето.

Работы эти закончены ныне.

15 августа «Тунис» вышел в свой первый рейс к берегам Бразилии.

Советская наука, находящаяся сейчас в разгаре научно-исследовательских работ над северно-полярным вариантом великой проблемы, будет с живейшим интересом следить за ходом нового предприятия французских ученых.

5. Элемент тяжелее урана

Мы оставили¹⁾ атомно-ядерную физику на этапе блестяще удавшихся опытов освоения и искусственного приготовления новых легчайших в природе веществ: «дейтерия», «третия», «тригелия».

В последовавшие вслед за тем недели всеобщее внимание неожиданно перенеслось на противоположный фланг борьбы за материю,—на фланг тяжелых и сверхтяжелых элементов.

Героем этих последних событий является итальянский физик Энрико Ферми и руководимая им группа молодых сотрудников Института физики (Istituto nazionale di Fisica) в Риме: Амальди, Агостино, Разетти²⁾, Серге. Будучи известен до сих пор как один из руководящих теоретиков атома (ему принадлежит новый метод статистики электронов). Ферми оказался не чужд и эксперименту, и вот этому органическому сочетанию теории и опыта и следует приписать те результаты, которые находятся ныне у всех на устах.

Прежде всего краткий экскурс в страну тяжелых веществ, в последний десяток номеров таблицы Менделеева.

Вот эти номера. 82—свинец, 83—висмут, 84—полоний, 85—не найден, 86—нион, 87—не найден, 88—радий, 89—актиний, 90—торий, 91—протактиний, 92—уран. В пределах каждого номера, как известно, следует ждать не одного, а несколько элементов. Несколько «изотопов», отличающихся друг от друга атомно-ядерной массой, но имеющих один и тот же заряд ядра. Несколько «свинцов», несколько «висмутов», несколько «уранов»... Свинцовые ядра, при заряде 82, весят от 206 до 208. Урановые (заряд 92)—от 234 до 238. Тяжелее 238 и с зарядом большим, чем 92, — не известно ни одно ядро в природе. Периодическая система обрывается на 92-м номере...

Всего же в общей сложности — срок четыре химических эле-

¹⁾ См. «Научное обозрение» в кн. 6 «Нового мира». 1934.

²⁾ Разетти посетил недавно Ленинград, где работал в сотрудничестве с советскими физиками.

мента находятся в последнем интервале номеров от 82 до 92, и все они¹⁾—в фамильном родстве друг с другом!

Начиная с 84-го номера (полония)—на самом деле—усложнение атомно-ядерной постройки достигает таких пределов, что ядра эти не выдерживают собственной тяжести и, как слишком туго набитые мешки, начинают разрываться на части. Это — естественная радиоактивность, отличающаяся от искусственной не только тем, что она происходит безо всякого вмешательства руки человека.

Гвоздь явления — в том, что взрыв и распад каждого тяжелого атомного ядра происходит не в один прием, не одновременным превращением первоначального неустойчивого ядра в окончательное ядро устойчивое. На месте взрыва остается тут, другими словами, не сразу потухший остаток, столь же мало способный к дальнейшему распаду, как медный стакан от разорвавшегося артиллерийского снаряда. Нет. Но радиоактивный распад происходит (в случае тяжелых ядер) путем последовательного чередования ряда взрывчиков, каждый из которых отделен от последующего определенным промежутком времени. Так взрывается—для сравнения—«китайское колесо» фейерверка, устроенное из множества последовательно сгорающих залпалов пороха, из ряда взлетающих друг за другом ракет...

Именно таким манером распадающееся тяжелое ядро выбрасывает при каждом взрыве либо крупный комок ядерной материи (2 нейтрона, слившиеся с 2 протонами), называемый альфа-частицей, либо электрон. Электрон (бета-частица), как также известно, образуется внутри ядра в момент взрыва—в паре с позитроном²⁾, причем позитрон

¹⁾ За исключением «висмута 209» и неизвестных еще №№ 85 и 87

²⁾ До взрыва — напоминаю — «пара» не существует внутри ядра вовсе. Но она формируется там в момент взрыва из общего котла ядерной материи, подобно тому, как, скажем, разлетаются брызги из ветрянутого сосуда с водой.

застревает в ядерном остатке, а электрон выкидывается наружу.

Масса фейерверочного колеса убывает постепенно по мере вылета всё новых и новых ракет.

И, точно так же, после каждого выброса альфа-частицы или электрона распадающееся тяжелое ядро становится и с легче и его заряд изменяется на определенное число единиц. Каждый новый взрыв, иначе говоря, приводит к превращению исходного химического элемента в новое вещество с другим номером в периодической системе Менделеева.

Конкретно: при выбросе альфа-частицы (чья масса 4, а заряд 2) масса ядерного остатка оказывается на 4, а заряд—на 2 единицы меньше, чем у ядра исходного (до начала взрыва). При бета же распаде масса выкидываемого электрона слишком мала (в 8.000 раз меньше, чем у альфа-частицы), чтобы практически ощутительно уменьшить вес остающегося ядра. Но ядерный заряд, благодаря застреванию образовавшегося позитрона, увеличивается зато на единицу.

Перед нами — фундаментальное «правило смещения», понятие которое — значит получить ключ ко всем дальнейшим событиям.

Это правило гласит:

При всяком радиоактивном взрыве «альфа»-типа (т.-е. с выбросом альфа-частицы) атомный вес превращающихся элементов смещается в таблице Менделеева на 4 единицы влево (в меньшую сторону), а порядковый номер — на 2 единицы тоже влево. При бета же взрыве атомный вес можно считать не меняющимся вовсе, а порядковый номер смещается на единицу вправо.

Итак, взрыв за взрывом, взрыв за взрывом, до тех пор, пока на месте не останется вполне устойчивый ядерный остов, образующий нерадиоактивное вещество.

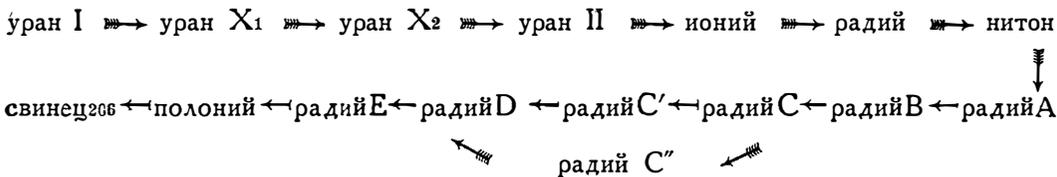
Так именно обстоит дело с сорока элементами, расположившимися между свинцом и ураном.

Все они—действительно радиоактивны или являются продуктами радиоактив-

ных веществ. Все они—родственники друг другу. Все они образуют родословное древо или—точнее—три древа, начинающиеся от трех самых тяжелых элементов и кончающиеся более легкими

ядрами—холодными углями сгоревших радиоактивных костров...

Вот первая из этих родословных—так называемый «ряд урана—радия»—в самом беглом его обозрении:

Атомное ядро «урана I» (№ 92, атомный вес 238), самое тяжелое из всех известных в природе ядер, взорвавшись первым взрывом и выбросив альфа-частицу, превращается, по «правилу смещения», в ядро элемента с порядковым номером на 2 и с атомным весом на 4 единицы меньшим. Перед нами—«уран икс один» (№ 90, атомный вес 234). Просуществовав некоторое время, ядро «урана икс один» взрывается в свою очередь, с выбросом на этот раз электрона. На развалинах «урана икс один» новое ядро—«уран икс два» (№ 91, атомный вес 234), с зарядом и массой, вычисленными опять по «правилу смещения».

Два дальнейших звена превращений («уран II», «ионий»), и перед наблюдателем—ядро с массой, растаявшей уже до 226, и зарядом 88. Весьма популярное ядро! Оно принадлежит элементу, получившему историческое название «радий», но представляющему, как видим, лишь вполне ординарное, шестое колено в урановом потомстве,—колено, куда менее замечательное по сравнению например с десятым звеном ряда.

10-й по счету элемент в урано-радиевом ряду—так называемый «радий С»—замечателен тем, что в то время, как основная часть его ядер распадается «по способу бета», другая часть претерпевает взрыв альфа.

Выпадение из нормы захватывает, впрочем, лишь ничтожно-малую часть ядер: 99,97 проц. всех атомов «радия С» взрываются с выбросом электрона, и только 0,03 проц. с вылетом альфа-частицы. Но—так или иначе—важным

последствием этого события является факт разветвления урановой родословной в десятом поколении,

Почему это происходит? Очевидно потому, что на развалинах «радия С» (№ 83, атомный вес 214) возникает теперь не один, как всегда, а два новых элемента.

99,97 проц. ядер «радия С» с их бета-распадом превращается—по правилу смещения—в ядра «радия С₁» (№ 84, атомный вес 214), затем (после альфа-взрыва)—в «радий D» и так далее. Остальные же ядра «радия С» дают начало новому элементу—«радио С₂» (№ 81, атомный вес 210), лежащему, как видно на схеме, в стороне от основной магистральной линии превращений. Взорвавшись однако вслед за тем, с выбросом бета-электрона, ядра «радия С₂» автоматически превращаются в ядра «радия D». И боковая ветвь, спустя два взрыва, вливается, таким образом, обратно в главный ствол родословной¹⁾.

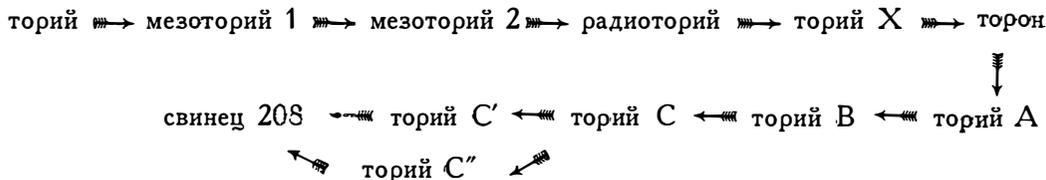
Еще три последовательных взрыва (из них два по типу «бета» и один—«альфа»), еще три новых элемента—и налицо давно ожидаемый финал спек-

¹⁾ Ясно, почему это происходит. Начиная от «радия С», первые два взрыва в обеих ветвях происходят, как сказано, в такой последовательности: в главной ветви—бета-альфа, в боковой—альфа-бета. Т.е. два эти взрыва, в месте взятые, приводят в обеих ветвях к выбросу одних и тех же частиц (лишь в разной последовательности). Но от перестановки слагаемых сумма не меняется! И после вычета этой суммы в обоих случаях на месте взрыва остается один и тот же элемент—«радий D». Обе ветви сходятся.

такля: нерадиоактивное, принадлежащее «свинцу 206», ядро с массой 206 и зарядом 82 — окончательно разоруженный «стакан» от 16 приемов взрыва вшегося уран-ядерного «снаряда». 16 взрывов подряд — и, в об-

щей сложности, налицо 32 единицы массы и 10 единиц заряда, безвозвратно развеянные в окружающем пространстве...

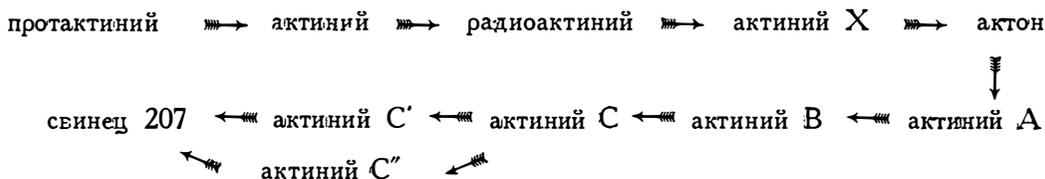
Во втором ряду — ториевом — примерно та же картина:

Плацдарм первоначального взрыва здесь — ядро металла тория с массой 232 и зарядом 90. 12 следующих один за другим превращений имеют своим результатом родословное древо из 12 (включая сам торий) элементов, из которых семеро («мезоторий 1», «торий икс», «торон», «торий А», «торий В», «торий С₂» и «свинец 208») обязаны своим возникновением альфа-взрыву, а четверо остальных («мезоторий 2», «радиоторий», «торий С» и «то-

рий С₁») — бета-распаду ядра. На девятом поколении ториевого ряда (смотри схему) — разветвление, в точности подобное тому, какое наблюдалось в ряду урановом. И в завершение всех превращений — опять нерадиоактивный элемент: «свинец 208», ядро, на 24 единицы массы и на 8 единиц заряда ущербленное по сравнению с исходным плацдармом.

Третья родословная — ряд актиния.

Ряд, начинающийся от элемента, называемого протактинием (№ 91, ат. вес 231). Через 10 элементов, через 10 превращений, он завершается благополучно на той же самой 82-й (свинцовой) клетке Менделеевской таблицы, где находят себе прибежище конечные продукты ториевого и уранового рядов¹⁾.

Мы подходим к решающему пункту проблемы.

¹⁾ Таким образом, весь свинец (или, вернее, все три изотопа свинца с атомными весами 206, 207, 208), добываемый в рудниках земного шара, является не чем иным, как остатком взрыва урановых, ториевых и протактиниевых атомных ядер. Накопление запасов свинца на земле продолжается, следовательно, непрерывно и идет вровень с таянием запасов урана, тория и протактиния!

Все 40 элементов от № 82 до № 92 — сказали мы — являются осколками распада трех последних ядер: урана, тория и протактиния. Только благодаря наличию на земном шаре урана, тория и протактиния химия имеет в своем распоряжении всё обширное хозяйство тяжелых элементов. Пусть так.

Но — спрашивается — как, в таком случае, объяснить присутствие на земной поверхности самих радиоактивных «отцов»?

Земля отделилась (вместе с другими планетами) от Солнца и существует — по данным астрономов — в течение вот уже 10 миллиардов лет. Как же могло случиться, что весь багаж тория, урана и протактиния, отошедший к Земле из недр солнечной материи, уцелел до се-

годняшнего дня? Ведь ядра этих элементов распадаются. И за 10 миллиардов лет не должны ли были они давно (со всем своим потомством) исчезнуть, превратившись нацело в мертвые глыбы свинца?..

Это можно объяснить только в том случае, если предположить, что темп распада урана, тория и протактиния настолько медленен, что их начальные запасы на Земле не успели еще полностью исчезнуть спустя 10 миллиардов лет.

Не нужно понимать это так, что взрыв каждого уранового, ториевого и протактиниевого ядра должен тянуться 10 миллиардов лет... Но речь идет о том, что в каждый момент времени распадаются не все наличные на Земле тяжелые ядра сразу, а лишь определенная их часть¹⁾, остальные же ядра ждут своей очереди.

Это предсказание в точности оправдалось по отношению к торию и урану. Давнишние исследования позволили с совершенной точностью установить, что в каждый момент времени распадается в среднем лишь

<u>1</u>	доля урановых и
<u>300.000.000</u>	
<u>1</u>	доля ториевых атомов.
<u>1.000.000.000</u>	

В результате: для распада половины всех наличных ядер урана требуется 5 миллиардов, а для поло-

¹⁾ На первый взгляд, кажется странным, что все ядра одного и того же типа взрываются не сразу (что понуждает их становиться в «живую очередь?»). Но всё дело в том, что радиоактивный взрыв происходит лишь в тех ядрах, которые в данный момент являются максимумо-неустойчивыми. Максимум же неустойчивости зависит от вполне определенного сочетания сил и движений внутриядерных частиц. Это сочетание может наступить у одних ядер в самый близкий момент, у других же спустя более долгое время. Так или иначе, но существует средний предел срока ожидания взрыва у любого ядра, и чем неустойчивее данный тип ядер в целом, тем короче этот срок и тем больше процент ядер, одновременно взрывающихся в любой момент.

вины ядер тория — 15 миллиардов лет.

Можно быть, таким образом, спокойными за хронологию урановых и ториевых радиоактивных семейств на Земле! Тех ресурсов урана и тория, которые попали 10 миллиардов лет тому назад на нашу планету, должно было хватить и хватило фактически до настоящего времени. Пока же существуют на Земле урановые и ториевые атомы, до тех пор гарантирована и продукция всего их многочисленного потомства: всех радиев, иониев, полониев, нитонов и прочих, распадающихся в свою очередь, но уже в гораздо более быстрых¹⁾ темпах.

Так обстоит дело с ураном и торием. А протактиний?

Величайшая загадка окутывает начало актиниевого радиоактивного ряда.

Родоначальник этого ряда — протактиний (№ 91, ат. вес 231) — как показали тщательные измерения скорости его ядерного взрыва, обладает периодом полураспада, равным 32.000 лет. Самый долговечный из его потомков — актиний — распадается наполовину через 20 лет. Остальные члены актиниевого ряда живут не более 19 дней. Таким образом, спустя уже сто с лишним тысяч лет с начала геологической истории земного шара на поверхности Земли не должно было остаться следа не только от ядер самого протактиния, но и от всех порожденных им радиоактивных

¹⁾ Это вполне понятно, если учесть, что ядра, получившиеся, как осколки, только что «встрянувшие» предшествующим взрывом, должны быть, как правило, гораздо менее устойчивыми, чем те ядра, которые взрываются в первый раз. И, действительно, в урановом ряду средняя продолжительность жизни элементов (период распада половины атомов) быстро идет на убыль. У радия он равен уже 1.600 лет, у полония — 136 дней, у «радия В» — 27 минут и наконец у «радия С» — одна миллионная секунды. В ториевом ряду период полураспада потомков тория не превышает 7 лет и достигает у «тория С» рекордно малой цифры: одной стомиллиардной секунды! Элементы со сроком жизни, меньшим нескольких лет, трудно изучать химически: они тают в руках исследователя, быстрее, чем кусок льда на весеннем солнце.

... \rightsquigarrow уран II \rightsquigarrow ионий \rightsquigarrow радий \rightsquigarrow и т. д.

\rightsquigarrow уран Y \rightsquigarrow протактиний \rightsquigarrow актиний \rightsquigarrow и т. д.

Между тем в декабре 1927 года А. Гроссе в Германии впервые получает 2 миллиграмма чистой окиси протактиния и определяет его точный атомный вес, оказывающийся равным 231.

Ядро же — потомок «урана игрек» (см. выше) весит 230!

И мост между «ураном игрек» и протактинием рухнет окончательно. Остается единственный возможный выход. Если ряд актиния не является боковой ветвью уранового ряда и если среди известных тяжелых элементов нет ни одного, который мог бы явиться «отцом» протактиния, то это означает лишь то, что протактиний имеет своим родоначальником какое-то новое, неизвестное до сих пор вещество. Правила смещения дают руководящую нить для его находки.

Если образование протактиния произошло в результате бета-взрыва, — элемент-родитель должен иметь ядро с той же массой, что и протактиний (231), и с зарядом, на единицу меньшим (90). Никакого такого элемента, однако, по имеющимся данным, не существует, и этот вариант должен быть исключен.

Вариант второй — альфа-распад. По тем же правилам смещения искомое ядро в этом случае весит $231 + 4 = 235$ и имеет заряд $91 + 2 = 93$. Оно принадлежит тогда 93-му элементу периодической системы, выходя за границы урана.

Существует ли такой элемент? Если да, тогда — наряду с поисками естественных следов этого элемента в природе — можно попытаться создать его искусственно! Можно попытаться, впервые в истории, приготовить на лабораторном столе атом с 93 электронами, вращающимися вокруг заряженного 93-кратным зарядом ядра. И, приготовив, посмотреть, действительно ли оно взрывается, давая в остатке протактиний?

Эту безгранично-смелую задачу и решил выполнить Энрико Ферми.

Наиболее естественным способом получить атомное ядро с зарядом 93 было бы забросить внутрь ядра урана (заряд 92) еще один протон (заряд 1).

Капитальная трудность всей проблемы заключается однако в том, что для манипуляций с атомными ядрами урана (и других последних номеров системы) совершенно непригодным оказывается весь привычный, состоящий из протонов и альфа-частиц, арсенал ядерных бомбардировок. Причина ясна.

Обладая сравнительно огромным положительным электрическим зарядом, ядра эти настолько сильно отталкивают налетающие на них положительно заряженные альфа-частицы и протоны, что те заворачивают назад, не долетая до мишени.

Единственный вид атомных снарядов, на которые никак не действуют исходящие от ядер электрические отталкивательные силы, — это частицы, лишенные вовсе электрического заряда: нейтроны.

Вооружившись достаточно мощным источником нейтронов, Ферми и его ученики приступают летом 1934 г. к своему историческому эксперименту.

Первым этапом была постепенная пристрелка нейтронной артиллерии сперва к легким, а затем и все более тяжелым ядрам и элементам. В конце нашего предыдущего «Обозрения»¹⁾ мы успели сообщить читателю о результатах опытов Ферми с фтором (№ 9), натрием (№ 11) и некоторыми другими легкими веществами. За ними последовали: железо (№ 26), мышьяк (№ 33), иод (№ 53), золото (№ 79) и ряд других, в общей сложности 47, обстрелянных нейтронами элементов. Во всех этих опытах нейтроны успешно про-

¹⁾ «Новый мир», кн. 6, с. г.

бывались внутрь ядер, застревая там и попутно выбрасывая оттуда, силой своего удара, альфа-частицы или протоны. В отдельных случаях дело ограничивалось застреванием в ядре нейтронного снаряда, без выброса внутриядерных частиц. В общем итоге получались новые ядра, новые, частью несуществующие в естественных условиях, радиоактивные вещества с периодами полураспада от нескольких секунд до многих суток (у «радиомышьяка»).

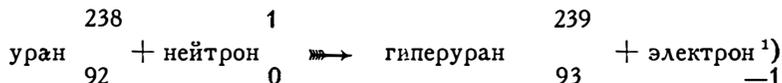
Но главная цель оставалась впереди.

Закончив предварительную «пристрелку», Ферми направляет свою нейтронную пушку (выбрасывающую около миллиона нейтронов в секунду) прямо на урановое ядро.

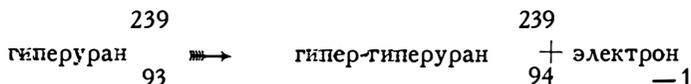
После нескольких минут бомбардировки «пушка» убирается прочь, и поднесенный к обстрелянной урановой крупинке чувствительный прибор обнаруживает возникновение нескольких (не зависящих от радиоактивности самого урана) потоков электронов с периодами половинного затухания: 10 секунд, 40 секунд, 13 минут, 40 минут и 1 сутки.

Происхождение этих потоков, в общих чертах, не вызывает споров.

Во всяком куске урана находятся, как известно, атомные ядра не одного только сорта: там находится, во-первых, все-

Т.-е. ядро обыкновенного урана с массой 238 и зарядом 92, вобрав в себя один нейтрон с массой 1 и нулевым зарядом, превращается в ранее неизвестное ядро (назовем его «гиперураном») с зарядом 93 и массой 239 и с одновре-

где «гипер-гиперураном» названо ядро — продукт с массой 239 и с зарядом 94, т.-е. на две единицы больше, чем у урана.

Итак, даже не один, а целых два за-урановых элемента — «де-

возможные изотопы урана, а во-вторых, все его радиоактивные потомки — от «урана X₁» вплоть до свинца... Обстреляв урановую крупинку, экспериментатор заранее имеет, таким образом, дело не с одной, а с несколькими разносортными ядерными мишенями. В результате продуктом бомбардировки должно в свою очередь оказаться множество новых типов ядер с разными степенями устойчивости и с разными периодами распада.

Исследованию химического качества (т.-е. порядкового номера в таблице Менделеева) этих ядер и был посвящен второй этап экспериментов Ферми.

Ответ получен. Из всех вновь образовавшихся на месте бомбардировки урана радиоактивных веществ только одно, а именно то, которое испускает поток электронов с периодом затухания в 12 минут, нельзя было отнести ни к 92-й (урановой), ни к 91-й (протактиневой), ни к 90-й (ториевой), ни к любой другой, низшей по номеру, чем уран, клетке таблицы.

Эти ядра принадлежали, значит, элементу с атомным номером, большим, чем 92. Учитывая далее, что на месте обстрела не замечается полета никаких других частиц, кроме электронов, картина явления расшифровывалась в следующем виде:

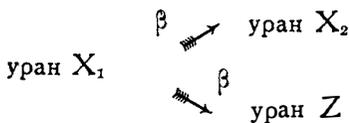
менным выбросом электрона. Будучи радиоактивным и, в частности, взрываясь «по способу бета», сам новый элемент должен немедленно претерпеть дальнейшее превращение:

вяносто третий» и «девятьсто четвертый» — в руках у физики!

¹⁾ Здесь и ниже цифры с правого края обозначают: верхняя цифра — массу, а нижняя — заряд атомного ядра.

И — при всем том — полное недоумение по основному пункту протактиниевой загадки, продолжающей оставаться столь же непроницаемой, как и накануне опыта.

На самом деле: атомный вес девяносто третьего элемента Ферми равен 239, в то время как ядро — «отец» протактиния должно весить (см. выше) 235! Распадаясь, далее, по типу «бета» (а вовсе не «альфа», как то требуется для создания моста к актиниевому ряду), «гиперуран» уведит нас в сторону еще бóльших, чем 93, номеров, т.е. в сторону, прямо противоположную

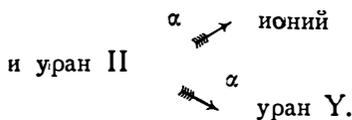

той, где лежит протактиний...

И наконец те 12 минут времени, в течение которых начисто распадается половина всех атомов «93», еще менее способны устроить физику, ищущую кандидата на место родоначальника протактиния со сроком существования в миллиарды и десятки миллиардов лет!¹⁾

Эта загадка — не единственная...

Рассматривая начало уранового радиоактивного ряда, мы констатировали выше наличие следующих превращений:

(Греческие буквы α (альфа) и β (бета) над стрелками показывают способ распада ядра).

Самый факт подобных разветвлений, т.е. двойственной трансформации одного и того же элемента в два разных вещества, был нам понятен, пока речь шла о взрыве одной части ядер исходного элемента по одному, а другой части ядер — по другому способу. Так, мы вспоминаем, что 99,97 проц. всех ядер «радия С», выбрасывая электрон, давали в остатке ядро «радия С₁», тогда как 0,03 проц. тех же ядер, испуская альфа-частицу, приводили к ядру «радия С₂».

Но как быть в двух вышеприведенных случаях? Тут все без исключения ядра «урана икс один» и «урана II» распадаются по одному образцу. Опыт показывает, что «уран икс один» испускает только бета-, а «уран II» — только альфа-лучи. Но если все ядра «урана икс один» теряют по электрону, то и в остатке здесь должны получиться ядра одного сорта с одним и тем же зарядом и одной и той же массой. Продуктом «урана X₁» должен быть один какой-то элемент. Между тем фактически их возникает здесь два: уран X₂ и уран Z. Оба они имеют по одинаковому атомному весу и одинаковому порядковому номе-

ру, — условие, казалось бы, вполне достаточное для того, чтобы сказать, что речь идет здесь об одном, а не о двух элементах. Однако элементы эти явно разнятся друг от друга! Уран X₂ распадается с половинным периодом в 1,17 минуты, уран Z имеет аналогичный период, равный 6,7 часа.

Еще разительнее обстоит дело с превращением «урана II» в ионий и «уран игрек». Обладая одним и тем же атомным весом и номером, ионий и «уран игрек» опять-таки должны были бы расшифровываться как псевдонимы одного и того же элемента. Между тем «уран игрек» распадается наполовину уже спустя

¹⁾ Облетевшее в августе с. г. весь мир сообщение директора крупнейшей в Европе обогатительной фабрики радиевых руд в Иоachimстале (Чехословакия) д-ра О. Коблика о находке им нового, весьма долговечного изотопа 93-го элемента, названного «богемием», возбудило на время надежды, что именно богемий окажется искомым прародителем протактиния. Увы, надеждам этим не суждено было оправдаться. Спустя несколько недель д-ру Коблику пришлось признать, что он пал жертвой недоразумения. То, что было принято им за следы «богемия», оказалось на самом деле примесью металла вольфрама к иоachimстальской урановой руде. Таким образом, никакого «богемия» в природе не существует вовсе, и загада протактиния продолжает оставаться в полной силе

25 часов, тогда как ионий имеет период полураспада, равный 100.000 лет!

Опять и опять, трижды непонятно: каким образом ядра с одной и той же массой и одним тем же зарядом (т.-е. с одним и тем же числом протонов и нейтронов), являясь копией одно другого, могут обнаруживать разную степень устойчивости? И еще менее того объяснимо: как допустить, что один и тот же элемент, испустив лучи одного и того же сорта (будь то альфа или бета), превращается в два разных вещества с разными темпами распада. Мы помним еще аксиому арифметики, согласно которой, если отнять поровну от двух равных величин, в итоге должны получиться опять равные величины.

Следует признать, что после опытов с тяжелыми элементами физика останавливается перед одной из самых многообещающих загадок, когда-либо загаданных нам природой. Вряд ли подлежит сомнению, что тайна «урана зет», «урана игрек» и протактиния свидетельствует о существовании каких-то совершенно новых и неизведанных еще глубин ядра атома, незнание которых препятствует пока дать на все эти головоломки правильный ответ.

О первых шагах физики вглубь этой пленительной области мы надеемся информировать читателя в следующий раз.

Литература и искусство

1. И. ГРОНСКИЙ—Десятилетие. 2. А. ЛЕБЕДЕВ—Верещагин и война. 3. Е. МЕЛИКАДЗЕ—Мысли мастеров искусства об искусстве. 4. Письма Жорж Санд

1. ДЕСЯТИЛЕТИЕ

И. Гронский

В декабре 1934 года исполняется десять лет существования журнала «Новый мир». Десять лет — срок, вообще говоря, небольшой, но в наше время это — целая эпоха. Для того, чтобы показать значение пройденного десятилетия, достаточно упомянуть два явления, имеющие всемирно-историческое значение. Это, во-первых, экономический кризис, охвативший все без исключения капиталистические страны, и, во-вторых, победа первой, и успешное выполнение второй пятилетки, превратившие Советский Союз из страны отсталой в технико-экономическом и культурном отношении в передовую, высоко индустриальную и культурную страну социализма.

Экономический кризис разбил вдребезги и сдал в архив надежды буржуазии и ее приказчиков из II интернационала на процветание капитализма, на возвращение так называемого «нормального» цикла, включающего кризис, депрессию, оживление и подъем народного хозяйства. От небывалого в мировой истории экономического кризиса капитализм переходит к депрессии, но депрессии особого рода, чрезвычайно затяжной и беременной новым кризисом,

еще более опустошительным, чем современный кризис, из которого капитализм до сих пор еще не вылез. Эта мрачная перспектива, или, точнее, отсутствие всякой перспективы, резко раздвигает полюсы современного капиталистического мира. На одном из них выстраиваются для штурма капитализма, для раскрепощения человечества отряды пролетарской социалистической революции, на другом — все силы реакции, получившие свое наиболее яркое выражение в современном черносотенстве, то-есть в немецком фашизме. Промежуточные, либеральные и радикальные течения, представляющие мелкую буржуазию, рассасываются, стираются, а представители этих течений поворачивают либо в сторону коммунизма, либо в сторону фашизма.

Этот процесс поляризации затронул и искусство. Причем в то время, как передовые и действительно подлинные художники поворачивают в сторону пролетариата и коммунизма, всякого рода дельцы от искусства пытаются приспособиться к реакции и превращаются в трубадуров мракобесия и славят уход в прошлое или в мир выдумок. Поэтому нечего удивляться тому чудовищному падению искусства, которое мы наблюдаем в странах капитала. Это — процесс закономерный. Когда художник

поворачивается в прошлое, он перестает быть художником; когда искусство поворачивается в средневековые или уходит в ирреальный мир, оно перестает быть искусством и превращается в шутовство, в более или менее забавное кривляние.

Капиталистический Запад, игравший некогда прогрессивную роль и создавший большое и прекрасное искусство, поворачивает в прошлое, глядится в средневековые и, как палач, убивает свое искусство.

Буржуазная литература уже не может создать великих произведений, способных пережить века, так же, как буржуазная живопись не может уже привокать к себе внимание, ибо она бездарна и ученически безграмотна. То же самое можно сказать об архитектуре и особенно о театре. Буржуазное искусство переживает глубочайший кризис, из которого оно уже не сумеет выкарабкаться, ибо еврейские погромы, пытки в застенках, убийства из-за угла и другие мерзости не могут вдохновить художников на создание больших произведений искусства, так же, как не может вдохновить их поворот в прошлое и идеализация этого прошлого, что и объективно, и субъективно является выступлением против прогресса и против тех сил, которые ведут борьбу за движение общества вперед.

Буржуазные философы и критики любят кричать о гибели искусства. Да, буржуазное искусство гибнет, — это верно, но на смену ему, законным его наследником, поднимается пролетарское искусство, во главе которого идет социалистическое искусство страны Советов.

В результате победы первой и успешного выполнения второй пятилетки в нашей стране создан новый социалистический общественный строй, основой которого является общественная социалистическая собственность. Из страны отсталой и некультурной наша страна превратилась в передовую индустриальную страну и в страну самого крупного и самого передового в мире земледелия.

Наша некультурность, являвшаяся притчей во языцех, ушла в область преданий, и страна наша является ныне светочем культуры, привлекающим к себе взоры всех лучших людей современного человечества. На необъятных пространствах нашей страны вырастают сотни и тысячи лабораторий и научно-исследовательских институтов. Десятки тысяч ученых бьются над тем, чтобы увеличить власть человека над природой, чтоб увеличить научно-техническую вооруженность своей социалистической родины. Трудями этого отряда социалистических работников наша наука поднята на такую высоту, на какой она раньше никогда не находилась. Теперь уже нельзя сказать, что наша наука плетется в хвосте мировой науки. Наоборот, она идет во главе научного прогресса, а наши ученые заслуженно пользуются всеобщим признанием и мировой славой.

Растущие и возникающие вновь социалистические города предъявляют к нашим архитекторам, скульпторам и художникам такие требования, о которых даже и мечтать не могут буржуазные архитекторы, скульпторы и художники. Строители социализма предъявляют к своим архитекторам требование о перестройке столицы своей страны, о создании десятков и сотен новых огромных городов, о радикальной перестройке, граничащей с постройкой заново, тысяч и тысяч сельскохозяйственных населенных пунктов, которые превращаются сейчас в небольшие, утопающие в зелени и цветах, благоустроенные города, олицетворяющие начало великого процесса преодоления противоположностей между городом и деревней. В этих своеобразных городах, населенных трактористами и комбайнерами, механиками и доярками, животноводами и полеводами, ударниками колхозов и совхозов и ударниками предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов, растут новые дома, с электрическим освещением, водопроводом, канализацией, растут великолепные школы, больницы, клубы, театры, музеи и стадионы.

Основное требование, которое пред-

являют сейчас рабочие и крестьяне к своим архитекторам, это требование монументальной, величественной и великокошней архитектуры, базирующейся на достижениях классической архитектуры прошлого, требование создания таких зданий, которые были бы достойны великой эпохи, которые были бы подлинным созданием искусства, отвечающим эстетическим требованиям социалистического человечества.

Эти новые города, их площади и улицы, их дома и сады украшаются скульптурой, памятниками, запечатлевающими людей и события великой эпохи.

А внутрь домов проникает монументальная и станковая живопись. Здесь так же, как и в архитектуре, строители социализма требуют от своих художников отказа от шутовства формалистов, требуют развития социалистического искусства, базирующегося на достижениях реалистического искусства прошлого.

Но особенно значительные достижения мы имеем в кино, в театре и в литературе. Во всех этих областях искусства мы оставили далеко позади современный буржуазный мир и в огромных масштабах создаем великое социалистическое искусство.

Эти успехи достигнуты нами благодаря тому, что к культурной жизни приобщился народ, миллионы рабочих и крестьян, благодаря укреплению и развитию пролетарского социалистического искусства, благодаря повороту старых мастеров искусства в сторону советской власти и переходу многих из них на позиции рабочего класса.

Эти успехи достигнуты потому, что весь фронт культуры и искусства повернут у нас не в прошлое, как у буржуазии, а в будущее, не в смерть и гниение, а в жизнь и захватывающую, радостную борьбу за счастье человечества. И эта устремленность в будущее, это радостное и вместе с тем гордое дерзание, эта величественная борьба за могущество своей социалистической родины, — вот что вдохновляет наших художников на создание великих произведений искусства.

Десять лет «Нового мира» — это десять лет развития нашей литературы. Перелистывая сейчас номера журнала за эти десять лет, видишь, как наши старые писатели, вместе со всей старой интеллигенцией, от колебаний между революцией и контрреволюцией, а затем от «нейтрализма» поворачивали в сторону советской власти, ставили свое искусство на службу рабочему классу.

Кризис капитализма и победа социализма, падение буржуазной культуры и буржуазного искусства и величайший расцвет социалистической культуры и социалистического искусства лучшей всякой агитации показали кадрам старой, колеблющейся интеллигенции, на чьей стороне правда, кому принадлежит будущее.

Журнал «Новый мир», шедший в ногу с развитием советской литературы, в начале своего существования ставил перед собой в качестве основной задачи собирание сил советской литературы для того, чтоб, опираясь на собранных вокруг журнала писателей, повести борьбу с правой, буржуазной частью художественной литературы за большинство писателей, за поворот колеблющихся писателей в сторону советской власти.

Несмотря на значительные ошибки прошлой редакции, бесспорно отразившиеся на развитии журнала и задержавшие его рост, журнал в общем справился с поставленными перед ним жизнью задачами и превратился в один из лучших советских литературно-художественных ежемесячников, в котором были напечатаны все или почти все выдающиеся произведения советской литературы и вокруг которого группируются сейчас все или почти все крупнейшие советские писатели нашей великой страны.

Во второе десятилетие художественная армия «Нового мира» вступает под знаменем Маркса и Энгельса, Ленина и

Сталина, под знаменем большевизма, под знаменем борьбы за искусство нового мира, за искусство социализма.

Подавляющее большинство писателей, вынесших на своих плечах «Новый мир», или уже осуществили переход на позиции рабочего класса, или его осуществляют в настоящее время. Писатели «Нового мира» со всей решительностью ставят перед собою задачу борьбы за мировоззрение большевизма. Они знают, что борьба за большевистскую культуру, за большевистскую литературу может успешно развиваться только тогда, когда мастера этой литературы будут вооружены теорией, будут вооружены мировоззрением большевизма. Переход на позиции рабочего класса, овладение мировоззрением большевизма и умение пользоваться этим оружием в своем художественном творчестве, — вот дорога, ведущая к социалистической литературе. Другой дороги, ведущей к социалистической литературе, нет и быть не может. Ее не найдут ни «рафинированные художники», ни «настоящие критики», прикрывающие своей болтовней о «других дорогах» и нападками на позицию, занятую «Новым миром», свою беспринципность. Социалистическая литература на данном этапе ее развития является пролетарской литературой, как пролетарская литература в нашей стране является социалистической литературой. Болтать о какой-то надклассовой абстрактной социалистиче-

ской литературе — это значит разоружать советскую литературу, это значит сбивать с толку советских писателей и задерживать их творческое развитие. Кому это выгодно и кому это нужно? Ясно, кому! Это выгодно и это нужно врагам рабочего класса, врагам пролетарской революции, врагам социалистической литературы. Закрывать глаза на происходящую в обществе классовую борьбу с остатками разгромленных пролетариатом эксплуататорских классов, которая получает свое отражение и в литературе, закрывать глаза на мифирование классового врага в литературе и вообще в искусстве, изображать дело так, что у нас в литературе и в искусстве отражения классовой борьбы нет и развитие происходит единым потоком, — это и значит скатиться на позиции классового врага, превратиться в его агентуру, чем, собственно, и характеризуется оппортунизм. «Новый мир» против этой оппортунистической позиции вел и будет вести непримиримую борьбу, разоблачая ее классовое существо.

Вступая во второе десятилетие под боевым знаменем большевизма, мы говорим: «Критика, вперед! Будь тем, чем тебе надлежит быть, — авангардом победоносной армии пролетарской социалистической литературы, помогающей писателям познать и правдиво отобразить великую эпоху Ленина и Сталина, великую эпоху рождения и утверждения нового социалистического мира.

2. ВЕРЕЩАГИН И ВОЙНА

А. Лебедев

I

Имя крупнейшего русского художника Василия Васильевича Верещагина хорошо известно не только в нашей стране, но и в Западной Европе и даже в Америке.

Вокруг творчества и личности Верещагина, вызывавших громадный интерес, велись и отчасти ведутся до сих пор сильные споры. Верещагину посвящены в русской и особенно в иностранной прессе сотни статей, очерков, десятки карикатур и стихов. Одни с бешеной злобой нападали на идеи верещагинских картин, признавая художественную ценность последних «равной нулю». Другие восторгались и высоко превозносили глубокую идейность и большое мастерство верещагинской кисти.

Этот огромный интерес в различных классах общества и мировую известность Верещагина завоевал безусловно своими знаменитыми картинами о войне, являющимися главной и основной частью его творчества. Правда, заслуженно известны и другие, «не военные», картины Верещагина. Значительная часть его произведений посвящена этнографии Востока, ряд картин написан на исторические и религиозные темы. Однако многие этнографические полотна были лишь подсобным, подготовительным материалом для главного — для батальной живописи художника, а его историческая живопись может быть правильно понята только в прямой связи с проблемой войны.

Война — эта основная тема десятков самых известных верещагинских полотен — была предметом многолетних наблюдений художника. Верещагин страстно изучал войну не «из прекрасного далека», а будучи ее непосредственным, активным участником. Как солдат выступает Верещагин во всех войнах царской России с 1867 года вплоть до 13 апреля (31/III) 1904 г., когда он погибает в Русско-Японскую войну от взрыва неприятельской мины.

И творчество, и жизнь, и даже смерть Верещагина были неразрывно связаны с войной.

Тем не менее на простой, казалось бы, но основной вопрос об отношении знаменитого баталиста к войне, на важнейший вопрос о том, как же изображал Верещагин войну в своих прославившихся во всем мире картинах, существуют два неубедительных и противоречивых ответа: одни рассматривают Верещагина как пацифиста, другие говорят, что он типичный «империалист».

«Верещагин, — пишет известный историк искусства, Мутер, — верный принципам новой России, явился обличителем милитаризма»¹⁾.

Верещагин — «яростный проповедник мира и войны против войны», — говорит Никольский в своей «Истории русского искусства»²⁾.

Другого мнения Динцес, считающий, что «Верещагин вовсе не был антимилитаристом, что он «против своей воли показал весь ужас кровопролития»³⁾.

Шамурины, авторы «Русской живописи», находят даже, что Верещагин в душе «любил» войну, «со всей ее стихийной могучестью, с ее потрясающими впечатлениями. И большинство своих картин он писал, любуясь...»⁴⁾.

Авторы той и другой точек зрения располагают целым арсеналом веских доказательств и верных иногда замечаний, однако они не в состоянии объяснить все творчество Верещагина и не в состоянии опровергнуть противоположные взгляды.

Кто же прав? Авторы обеих точек зрения страдают однобокостью и потому неправы. Одни, утверждая, что Верещагин — пацифист, закрывают глаза на

¹⁾ «Русская живопись в XIX веке». М 1900 г. Стр. 41.

²⁾ Никольский. «История русского искусства». Берлин. 1923 г. Стр. 181.

³⁾ Динцес. «Реализм 60—80-х гг.». Л. 1931 г.

⁴⁾ Шамурины. «Русская живопись». 1910 г. Стр. 84.

объективное. значение, которое имело творчество Верещагина. Они не понимают и сути пацифизма Верещагина. Другие, утверждающие «милитаристичность» Верещагина и его творчества, недопустимо игнорируют субъективные стремления художника, попутно «забывая» о наличии у него ряда самых ярких и самых сильных картин, которых, кстати сказать, совершенно нельзя объяснить с их точки зрения.

Каждый из этих авторов берет одну сторону вопроса и на ней основывает свою «концепцию», игнорируя бьющую в глаза другую сторону. Впрочем нашлись авторы третьей, «синтезирующей», точки зрения, увидевшие истину в «золотой середине». У Верещагина-де есть милитаристические и есть пацифистские картины, а кроме того, можно найти и такие, где есть и пацифизм, и милитаризм, так что понять нельзя. «...У Верещагина не только есть наряду с милитаристическими также пацифистские картины, как «Пирамида черепов» или знаменитая «Панихида», но зачастую оба эти момента сочетаются в одном произведении, так что в нем трудно разобратся»¹⁾.

Порочность этой точки зрения заключается в том, что она, претендуя на звание «марксистской», совершенно игнорирует учение основоположников марксизма о пацифизме и отделяет как нечто абсолютно исключительное буржуазный пацифизм от милитаризма. Поэтому автор с поразительной легкостью и разделяет механически произведения Верещагина 60—80-х гг. на милитаристические и пацифистские, не желая замечать, что все творчество Верещагина этого периода, представленное то с большей, то с меньшей яркостью, пронизано принципиально одинаковым отношением к войне: Федоров-Давыдов видит, как «зачастую» пацифизм и милитаризм сочетаются в произведениях Верещагина. Но, игнорируя марксизм, он бессилён увидеть, что не только «зачастую», но и всегда (за исключением, может быть, одной картины из

сотен картин) эти два момента органически соединены в картинах Верещагина 60 — 80-х гг., и более того: они не могут не быть соединены, поскольку Верещагин — буржуазный пацифист. Впрочем Федоров-Давыдов не называет Верещагина пацифистом, тем самым обходя и основную идею творчества Верещагина и многочисленные высказывания художника как в статьях, так и в письмах.

Точка зрения Федорова-Давыдова на Верещагина механически объединила существующие идеалистические и упрощенско-вульгарные взгляды на этого художника. Потому-то Федоров-Давыдов и вынужден констатировать, что, с его точки зрения, так «трудно разобратся» в сложном творчестве Верещагина.

Правильно понять Верещагина можно только в том случае, если изучить все его творчество, не вырывая отдельных «более пацифистских» или «более милитаристских» произведений, не игнорируя также писем, статей и речей художника.

Объяснить особенности и смысл творчества Верещагина можно только в свете конкретно-исторических условий, в которых он жил и творил.

Проблема верещагинского творчества может быть понята только в свете учения Ленина о русском буржуазном либерализме и о сущности буржуазного пацифизма.

II

Завершение формирования мировоззрения и расцвет художественного творчества Верещагина падают на первые десятилетия после реформы 1861 г.

Пореформенный период отмечается в России быстрым развитием капиталистической промышленности, дальнейшей капитализацией сельского хозяйства, ростом банков, усиленным железнодорожным строительством, появлением капиталистической тяжелой индустрии.

Несмотря на экономическое процветание, русская промышленная буржуазия не была полностью удовлетворена ни в

¹⁾ Федоров-Давыдов. «Реализм в русской живописи». 1933 г. Стр. 65.

политическом, ни в экономическом отношении.

Проводимые крепостниками реформы 60-х гг. не дали буржуазии ни «конституции», ни достаточно широкого внутреннего рынка и большой резервной армии промышленного пролетариата. Оставшиеся в обществе мощные пласты крепостнических пережитков тормозили капиталистическое развитие и даже сдерживали частично рост прибылей. Тем не менее в течение всего пореформенного периода русские либеральные буржуа лишены всякого подобия революционности. Угроза крестьянской революции («второй пугачевщины») и поднимающееся в 70-х гг. самостоятельное рабочее движение определяют с самого начала роль русской либеральной буржуазии как роль защитника прусского пути капиталистического развития страны. Боязнь революционного движения масс заставляет буржуазию плестись в хвосте либерального дворянства и смыкаться с ним. Либералы блокируются с реакцией во имя борьбы с демократией и революцией, угодничают перед самодержавием, которое нужно им как крепкая власть для борьбы с варварски эксплуатируемыми рабочими и крестьянами и для завоевания внешних рынков. Русские либеральные помещики и буржуазия 60 — 80-х гг. сильно заинтересованы в завоевании новых территорий. В этом отношении все симпатии либералов лежат целиком на стороне политики самодержавия.

Буржуазия не прочь принять участие в самой беззащитной и в значительной степени феодальной экспроприации туземных племен вновь завоеванных земель в Средней Азии и на Кавказе.

Вместе с тем, борясь за прусский путь развития капитализма, буржуазия, объективно, заинтересована при данной политической обстановке в переключении интенсивного роста капитализма в его экстенсивный рост, то-есть заинтересована в том, чтобы вовлечь в орбиту капиталистических отношений новые и новые территории и тем дать иной исход своей предпринимательской энергии и капиталам без особо быстрого развития капитализма в центре страны. Только

благодаря расширению сферы влияния капитала могли быть несколько ослаблены грозные социальные конфликты, вытекающие из особенностей развития страны по прусскому пути.

В разрешении основных политико-экономических вопросов разница между либералами и «крепостниками» была, как в 60-х гг., так и в последующий пореформенный период, не столь уж велика. И крепостники, и либералы были защитниками прусского пути капиталистического развития России. Все недовольство, вся неудовлетворенность буржуазии выражались лишь в «оппозиционности» к существующему порядку вещей.

И, чтобы выторговать и выпросить себе у помещичьей власти хотя бы небольшие привилегии, уступки, либералы не прочь были поугаждать эту власть тем самым движением масс, которого они сами боялись пуще всего.

Отсюда понятно и то, что известная часть либералов кокетничала с демократией, народничеством, играла в народническую фразеологию, оставаясь в основном противником народнического движения как выразителя интересов крестьянской революции. Объективный смысл игры либералов в народничество и демократизм заключался одновременно и в стремлении «вывеской демократизма обмануть массы». Выторговывание у правительства реформ, привилегий, подача петиций о конституции, уступки старым пережиткам, иногда прилугивание правительства революционным движением масс, заигрывание с массами, но в то же время сильнейшая борьба с движением этих масс, — такова тактика либеральной буржуазии в ее «походе за прогресс» как в дореформенный, так и пореформенный периоды. Чем далее идет развитие, чем сильнее выступает на революционную арену основной антагонист буржуазии — пролетариат, тем сильнее у либералов боязнь революционно-демократического движения масс, тем сильнее шарахаются они в лагерь реакции и тем скулее становятся их заигрывания с демократией. Они все более идеализируют «крепкую власть», частную собственность и столь дорогие

им устои «цивилизации». Одновременно с поправлением всей либеральной буржуазии и либерального дворянства значительные группы либералов переходят в лагерь самой махровой реакции и консерватизма, со стыдом вспоминая «грехи молодости» — свою прежнюю левую фразу. Эту эволюцию совершил в начале 60-х гг. Катков, а в конце 70-х гг. Суворин и др.

Все эти особенности социально-экономического положения либеральной буржуазии определяли собой ее идеологию, науку, искусство, литературу. В условиях «лихорадочной предпринимательской деятельности», при оппозиционном отношении к открыто реакционному идеализму правого крыла крепостников-помещиков, в борьбе с мировоззрением революционной демократии и, главное, в жесточайшей борьбе с рабочим движением развивается и оформляется идеология либеральной буржуазии, основанная у многих ее представителей на вульгарном материализме.

Громадную роль в этом вульгарном материалистическом мировоззрении (либеральной буржуазии) играют естественные науки, «положительные знания».

Развивающееся как в России, так и за границей естествознание материалистически объясняет все новые и новые области жизни, вытесняя идеалистические легенды. Методы естественных наук, абсолютно якобы аполитичных, беспристрастных, объективных, переносятся на разрешение вопросов философии, истории, эстетики, морали. Субъективный смысл этого процесса «натурализации» всей идеологии и стремления превратить все науки в объективное, беспристрастное освещение фактов, заключается в следующем: русская буржуазия, русские либералы в своей «борьбе» с крепостниками везде отыскивают «истину» и «правду жизни» (буржуазное право, мораль и идеи), стремясь возвести открытое ими на уровень «неизменных» законов природы. Не будучи революционными, русское либеральное дворянство и буржуазия не отвоёвывают своих прав у крупного консервативного дворянства, а ищут их в «есте-

ственной» природе вещей, они стремятся показать законность и натуральность своих идей, часто выводя их из человеческой природы. Чем меньше «тенденциозного теоретизирования», чем меньше «логистики» и больше «объективного» показа своих желаний как естественных желаний, выявляемых в процессе отражения природы, тем убедительнее будут звучать просьбы и чаяния либеральной буржуазии. А дальше просьбы и петиций либеральная буржуазия и либеральные помещики в отвоёвании своих прав и не шли. Наиболее цельное и полное свое выражение этот материализм получил не столько у историков, юристов, сколько у естественников типа Мечникова, Сеченова, выходивших в своих работах далеко за пределы естественных наук в область социологии, философии и даже искусства. Этот материализм в целом ряде вопросов неизбежно скатывался к субъективному идеализму во всех областях, в том числе и в искусстве.

Кроме того, следует отметить, что общее политическое поправление либеральной буржуазии определило эволюцию ее философских взглядов от вульгарного материализма 60 — 70-х гг. через попытку примирить материализм с идеализмом к чистейшему идеализму у значительной части ее представителей.

Идеология либералов несет в себе характерное робкое желание скромных реформ, скромной конституции, сильнейшую ненависть к крестьянской революции и еще большую ненависть к рабочему движению, некоторую неудовлетворенность существующим положением, а в то же время паническую боязнь смелой новизны. Наряду с большим интересом к вопросам естествознания периодическая и непериодическая литература либералов проявляет значительное внимание к вопросам морали и права. При этом оформлении своих нравственно-правовых норм и воззрений буржуазия пытается обосновать их законами природы, тем не менее вступая в явный компромисс с идеализмом. Идеологи либеральной буржуазии обосновывают законами природы усилившийся с конца 70-х гг. национализм, антисемитизм, а

также возросшие завоевательные и колониальные тенденции.

Значительная часть либеральной буржуазии 60—80-х гг. сама не религиозна. Ее подход к религии носит позитивистский характер. В этом отношении интересно то, что в научных, публицистических статьях и в искусстве образы Христа и Богоматери трактовались, как образы человеческие, не имевшие ничего божественного и обуреваемые теми же «проклятыми» вопросами, которые мучили самих либералов. Материалистический подход к действительности примиряется здесь с легендой о Христе.

Религиозные образы не могут быть для либералов полностью приняты, они модернизированы, очеловечены, но не выброшены. Либералы стоят на той точке зрения, что «безбожный» народ так же страшен, как и «абсолютно свободный народ». Все недовольство духовенством сказывается в длиннейших, туманных рассуждениях о пользе умеренной церковной реформы. Наконец необходимо отметить еще одну сторону идеологии либералов: это печать некоторой неудовлетворенности их. Несмотря на то, что либеральная буржуазия «тихим голосом скромно просила о чрезвычайно скромных вещах», правительство в лучшем случае игнорировало эти внешне-демократические просьбы, а в большинстве случаев преследовало авторов петиций, снимая их с должностей, сылая, а иногда и сажая в тюрьму. Преследование либеральных идей выражалось также во всяких цензурных ущемлениях, в закрытии либеральных журналов и т. д. Вот эта-то политическая ситуация, при которой буржуазия не могла ни выпросить, ни завоевать у правительства самых скромных уступок, безусловно была основной причиной тех ноток унылости и неудовлетворенности, которые пронизывают всю идеологию либералов. Однако это отнюдь не мешало либеральной печати и публицистике усилить борьбу с народничеством и особенно, начиная с конца 70-х гг., с марксизмом (см. «Вестник Европы»).

В области изобразительного искусства либеральная буржуазия представлена в пореформенный период группой таких

художников, как Верещагин, Шишкин, Литовченко, Крамской, Шварц, Антокольский и др., создавших своим творчеством определенный реалистический стиль в русском искусстве. Эти художники в области изобразительного искусства держались той же однобокой и половинчатой позиции, какой держалась либеральная буржуазия во всей своей политической деятельности. Они выступают против дворянско-крепостнического искусства, против художественных традиций дворянской академии, но вместе с тем они боятся радикальной критики как всех общественных порядков вообще, так и радикальной критики дворянского искусства. Если весь государственный аппарат России перестраивался и эволюционировал в буржуазном направлении, то наименее приспособивающейся к новым, буржуазным условиям была представительница дворянского государства в области искусства — Художественная академия.

Однако только это художественное учреждение располагало правами, средствами, пенсиями, премиями, раздавая их по собственному усмотрению.

Могли ли либеральная буржуазия, ее интеллигенция, ее художники полностью мириться с таким положением дел? Конечно нет, ибо либералы, — говорит Ленин, — «отличаются... тем, что представляют интересы буржуазии, которой необходим прогресс... обеспечение некоторой политической свободы», а академия оставалась насквозь феодальной, консервативной силой, тормозящей всякое развитие искусства.

Поэтому передовые либеральные художники-реалисты, как например Крамской, выходят из академии, не доучившись в ней, и в числе 13 конкурентов еще в 1863 г. организуют «Художественную артель», а потом и «Товарищество передвижных выставок», а Верещагин в 1874 г. публично отказывается от звания профессора академии. Художники-реалисты противопоставляют свое искусство, свои эстетические взгляды, свои мнения о художественном образовании всей системе академических традиций, взглядов и обучения. Художники-реалисты требуют уничтожения цен-

трального, привилегированного положения самой академии, требуют обновления ее состава. Они протестуют против системы раздачи художникам чинов, медалей, привилегий.

«Свободное искусство, — говорил Верещагин, — не нуждается ни в каких чинах... Чины, по моему мнению, — язва, ржавчина нашего организма... Искусство должно быть свободно от такого вредного вздора».

Идеалистическому «космополитизму» академического искусства с его оторванностью от жизни, с отсутствием в нем серьезных познавательных задач эти художники-реалисты противопоставляют свои взгляды на искусство, свое искусство. В основном эти новые взгляды на искусство и это новое искусство базируются на материализме, и искусство представляется им как отражение окружающего объективного мира. Примаг лежит для них не в искусстве, а в окружающей жизни. Окружающая среда определяет характер художественного произведения. Художник дает в своих произведениях только то, что есть в жизни. «Художник есть не что иное, как отражение общественного строя» — пишет известный скульптор Антокольский. Эти художники, выражая большие познавательные стремления буржуазии, выдвигают свою тематику, основанную на отражении местной, национальной, быденной и будничной русской жизни, колониальных природных богатств, этнографических материалов. Во всех своих работах — в портрете, жанре, пейзаже, в исторической живописи — художники этого социального направления стремились к возможно более точной передаче действительности, в чем и выразилось в искусстве то общее стремление к «натурализации» всех областей познания, которое было свойственно представителям либеральной буржуазии.

Спокойная, объективная передача того, что видишь, может только минимально нарушаться субъективными поправками. В письме к Суворину (25 января 1885 г.) Крамской пишет: «Портретист обязан ничего не вносить своего в концепцию портрета, а должен, как строгий ученый, объективно, спокойно и точно

наблюдать и принимать выводы из данных, каковы бы они ни были. Однако точная передача действительности, иногда со скрупулезной вырисованностью деталей, — не самоцель. Для этих художников-«объективистов» совершенно не достаточно нарисовать с большой точностью любой предмет, любое явление, попадающее на глаза. Для них всякое объективное изображение природы должно подтверждать определенную идею, определенные взгляды и мнения. Реализм этой группы художников характерен глубоко идейным объективизмом. Наиболее сжато эта мысль эстетики идейного «объективизма» сформулирована в интереснейшей статье известного либерала Кавелина «О задачах искусства» («Вестник Европы», 1878 г., книга 10, стр. 502): «Я признаю за художником право, — пишет он, — воспитывать во мне чувство любви к ближнему, сострадания, правды, делать меня чутким к благодатным настроениям, но только такими способами, какими это делает окружающая природа и реальная действительность... Вся разница между искусством и действительностью в этом отношении только та, что первое может дать нам преднамеренно, с выбором, по обдуманному плану, то, что последняя дает случайно, разрозненно, без выбора и плана». С глубокой иронией относятся эти художники-реалисты к учению академии о заимствовании у старых мастеров голых техники, о копировании классиков живописи, не могут разделять они и идеалистическую теорию искусства для искусства. Какое же место в общественной практике должно занимать искусство? Все представители либерально-буржуазного искусства сходятся на признании громадного воспитательного значения за искусством. «Борясь» с академией, казенным дворянским искусством, эти художники-реалисты однако не умеют в своем творчестве преодолеть до конца академизм как своеобразное выражение идеологии консервативного дворянства. Борьба с академией крайне непоследовательна и труслива: мы видим одних художников этой группы пенсионерами академии, других — одетыми в мунди-

ры профессоров академии (Шишкин, Маковский), третьих — дрожащими от страха за свою оппозиционную по отношению академии деятельность (Крамской). Интересно, что даже наиболее непримиримо настроенный к академии в 70-х гг. Верещагин начиная с 80-х гг. заметно меняет свое к ней отношение. «Не знаю, почему говорилось и говорится, кажется, — пишет Верещагин Стасову (март 1882 г.), — что я что-то имею против Академии. Конечно больший формализм, чем например в рисовальной школе, что была на Бирже, был неприятен. Профессора также почти все были плохи... Это были чиновники, а не учителя. Но против самой Академии как школы нелепо чего-либо говорить». Гораздо непримиримее и резче выступают эти художники начиная с 80-х гг. против эстетических идей Чернышевского и особенно против растущего с ростом рабочего движения социализма. Признавая за искусством воспитательное значение, они в страхе отмежевываются от известного тезиса Чернышевского о том, что искусство должно выносить приговор общественным явлениям. «...искусство не приговаривает, не казнит, а лишь только вызывает сочувствие» — писал Антокольский Стасову. В искусстве бояться не только яркого проявления политики, но и всякого выражения «морализирования» и всяких «сентенций». Многие из этих художников участвуют в эпоху реакции 80-х гг. в конкурсах на памятник Александру II, изображая царя другом освобожденного народа, наделяя его гениальностью, сверхъестественной добротой; нередко, особенно начиная с 80-х гг., у художников проскальзывает и стремление в своем творчестве соединить реалистический подход к изображаемому с идеалистической, религиозной тематикой.

Многие художники-либералы, начав свою деятельность реалистами и натуралистами, подошли в конце XIX века близко к импрессионизму.

Все более уходит искусство от общественно-злободневных вопросов. В искусстве все резче выражаются националистические мотивы, проявляющиеся между прочим в увлечении воспроизведе-

нием древне-русских художественных орнаментов, в подражании древней русской архитектуре и др.

Такова в кратких чертах обстановка в общественно-художественной области в период расцвета творчества Верещагина.

III

В. В. Верещагин родился 14 октября 1842 г. в городе Череповце, в семье крупного помещика-крепостника. С трех до восьми лет будущий художник прожил вместе со своей семьей в деревне Пертовке. Маленького Верещагина окружала обстановка, типичная для помещичьего дома того времени. Оберегаемый няней и родителями от общения с «людской», «девичьей» и деревней, мальчик все же рано увидел многие «прелести» крепостничества: порку дворовых, отдачу в солдаты провинившихся крестьян, сбор недоимок, насильную женитьбу крепостных и прочие явления, над которыми он впоследствии стал задумываться. Обычные игры и развлечения на реке, в лесу и в поле чередовались с домашним обучением грамоте, языкам, арифметике. Маленький Верещагин очень любил читать и еще больше интересовался рисованием, копируя картинки с платков няни и перерисовывая висевшие в доме гравюры. Несмотря на явный интерес и способности маленького Верещагина к рисованию, «никому и в голову не могла прийти мысль, что... нехудо бы дать художественное образование. Сыну столбовых дворян шестой родословной книги делаться художником, — что за срам!»²⁾. Восми лет мальчика родители отдали в малолетний кадетский корпус, а затем в морской корпус, совершенно не считаясь со склонностями ребенка. Но мальчик продолжал интересоваться рисованием, занимаясь в морском корпусе своим любимым делом под руководством художника Каменева. Грубая казарменная обстановка, шагистика, муштра морского корпуса не нравились Верещаги-

²⁾ «Детство и отрочество художника Верещагина». М. 1895. Стр. 56.

ну; мало привлекала его и профессия моряка. Еще учась в корпусе, Верещагин с увлечением посещал Петербургскую рисовальную школу Об-ва поощрения художеств, где проявил большие успехи. По окончании в 1860 г. морского корпуса Верещагин, несмотря на возражения родителей, твердо решил посвятить себя искусству и отказался от профессии моряка. В том же году он поступил в число учеников Академии художеств и получил от академии нечто вроде стипендии. Родители отказывались помогать «безумцу»-сыну, избравшему профессию художника. В академии Верещагин учился у Маркова, Моллера и Бейдемана и вместе с последним совершил поездку в Париж для писания фресок в русской церкви. После возвращения из Парижа будущий художник продолжил свои занятия в академии, получив в 1862 г. за эскиз «Избиение женихов Пенелопы возвратившимся Улиссом» 2-ю серебряную медаль. После этого успеха Верещагин решил воспроизвести нарисованную картину на громадном картоне. Попытка, видимо, удалась, и картон понаравился академическому начальству, но Верещагин, неудовлетворенный этой работой, изрезал ее на куски и затем сжег. Уже давно тяготили Верещагина классические художественные традиции, и это уничтожение картины было проявлением протеста против классицизма. Заграничное путешествие с Бейдеманом помогло Верещагину окончательно понять и осудить бессодержательную, пустую, оторванную от жизни академическую живопись. «Думаю, что виденное за границей было мне полезно; понятна сделалась рутинная Марковых и других профессоров в долг. Германская мысль и французская техника отняли у меня охоту слушать Шамшиных»¹⁾.

И в корпусе, и в академии, и после выхода из академии Верещагин много занимался самообразованием, слушая публичные лекции профессоров, путешествуя и читая. Художник с большим увлечением прочитал и продумал целый

ряд модных в то время книг, которые способствовали укреплению у него материалистического мировоззрения. Он читал Бюхнера, Дарвина, Бокля и др., часто вступая в спор по поводу прочитанного и защищая взгляды этих авторов.

В 1863 г. Верещагин поехал на Кавказ, отдавая все свободное от заработков уроками время рисованию. В следующем же году художник отправился в Париж, поступив учиться в школу французского художника Жерома. В 1865 г. Верещагин совершает вторую поездку на Кавказ, где без-устали, с величайшим увлечением, рисует всё окружающее. Национальные типы, национальная природа, быт, нравы населяющих Кавказ народностей с громадным интересом изучались и зарисовывались художником. Возвратившись в Париж, Верещагин на основе своих кавказских зарисовок и наблюдений нарисовал карандашом между прочим и прекрасную, необыкновенно тонкую и выразительную работу — «Религиозная процессия мусульман в Шуше». Продолжая упорно, по 16 часов в сутки, работать в школе Жерома до 1867 г., Верещагин лишь ненадолго отлучился в Россию, в имение дяди (1866 г.), где сделал ряд этюдов для картины «Бурлаки». В 1867 г. Верещагин отправляется в Туркестан. Он с головой уходит в любимую работу, без-устали зарисовывая и изучая природу, людей и быт среднеазиатских народов. Однако Верещагину пришлось скоро бросить эти занятия, так как разгорелась война с Бухарой, а художник хотел увидеть своими глазами эту войну. Приехав в только-что взятый русскими Самарканд, Верещагин стал участником обороны этого города от пытавшихся взять его обратно узбеков. Русский гарнизон был малочисленен, терпел недостаток в пище и почти не имел надежды на спасение. Художник не столько рисовал, сколько стрелял, ходил в штыковую атаку, поражая весь гарнизон храбростью, неутомимостью и знанием военного дела. Однако этот холодный, храбрый и даже жестокий воин был глубоко потрясен войной, ее ужасами и жестокостью.

¹⁾ Из письма Верещагина к Стасову, май 1882 г.

Свидетель и участник жестокого истребления отстаивающих свою свободу узбеков, свидетель истребления не только мужчин, но и женщин и детей, Верещагин был нервно потрясен. Очевидно именно тогда зародилось у Верещагина горячее желание показать в живописи действительную войну. За участие в обороне Самарканда Верещагин получил георгиевский крест.

Возвратившись ненадолго в Европу и устроив в 1869 г. в Петербурге свою первую выставку, Верещагин поехал опять путешествовать по Туркестану, проехал Киргизию, путешествовал по границе с Китаем. Эти два путешествия по Туркестану, оба сопряженные с опасностью и военными приключениями, дали Верещагину большое количество материалов для создания известных батальных картин. Уже после первой поездки в Туркестан художник нарисовал «После удачи» и «После неудачи». В это же время были созданы и бытовые картины «Опиумеды», «Баба и его поклонники» (после уничтоженной самим художником). С 1871 г. по 1874 г. Верещагин усиленно работал в Мюнхене, где и была создана серия «Варвары» из семи картин: 1) «Высматривают», 2) «Нападают врасплох», 3) «Окружили — преследуют», 4) «Представляют трофеи», 5) «Торжествуют», 6) «Апофеоз войны» и 7) «У гробницы святого». В этот же период были написаны «Смертельно раненый», «Тсс... Пусть войдут», «Вошли», «Забитый», «Людоед», «Парламентеры» и др.

В 1873—74 гг. Верещагин устроил свои выставки в Лондоне и Петербурге. Петербургская выставка имела громадный успех, но вместе с тем Верещагин в связи с ней подвергся страшным нападкам за то, что якобы «унизил», «оклеветал» «доблестное русское воинство». Травля Верещагина со стороны тупых генералов, не способных понимать ничего, кроме казенного, подсахаренного прославления «доблестной» армии, привела к тому, что художник впал в сильнейшее нервное потрясение. В этом состоянии им были уничтожены три прекрасных картины: «Вошли», «Окружили — преследуют» и «Забитый».

Остальные картины были куплены Третьяковым.

В 1874 г. Верещагин отправился путешествовать по Индии. Узнав, что Академия художеств произвела его в профессора, художник демонстративно отказался от этого звания. Поднялась новая волна самых злобных и клеветнических выступлений против Верещагина. Его не только ругали за «дерзость» отказа, но обвиняли и в том, что туркестанские картины будто бы написал не он сам. Реакционная пресса захлебывалась от этих сенсаций, ложь которых была вскоре доказана. В Индии, как и в других местах, Верещагин принялся энергично за работу. Несмотря на громадные трудности, он взбирался на высочайшие горы Гималаев, без-устали рисовал там при жестоких морозах, терпя всякие лишения и оставаясь иногда даже без пищи. В довершение всех трудностей обстановки английские власти признали в художнике русского шпиона и усиленно за ним следили. Хотя и основательно расшатав свое здоровье, Верещагин вывез из этого путешествия громадное количество материалов, этюдов, преимущественно отражавших этнографию Гималаев и Индии.

Возвратившись в Париж, он стал работать главным образом над созданием индийской «Исторической поэмы в множестве колоссальных картин». В своем письме к Стасову (21 августа 1878 г.) Верещагин говорит об основном смысле этой Индийской серии. «Замысел моих картин: история заграбастания Индии англичанами». Серия должна была показать, как на протяжении столетий предприимчивые англичане то рублем, то ружьем, вначале унижаясь, а затем торжествуя, покоряли богатейшую и прекраснейшую Индию. Художник не успел выполнить всего своего замысла и написал только некоторые из задуманных картин, в частности работу, которая должна была стать заключительной, — «Процессия английских и туземных властей в Джемуре».

В 1877 г. Верещагин, как только вспыхнула Русско-Турецкая война, спешит к театру военных действий с целью

изучать войну и людей. Верещагин принимал участие в самых опасных и самых безрассудных операциях, делая не только наброски видимого в своем альбоме, но и активно сражаясь. Он был участником и свидетелем взятия Шейново, Адрианополя, видел штурм Плевны. В одной из самых опасных операций Верещагин был ранен и едва не умер в лазарете. В этой же войне был убит брат В. Верещагина — Сергей, а другой брат, Александр, был ранен. Глубоко потрясенный виденными ужасами войны и смертью любимого брата, Верещагин, по свидетельству очевидцев, был похож на полубезумного. Ему чудился и мерещился раненный, окровавленный, всеми покинутый брат, тяжелым кошмаром давили его сотни тысяч искалеченных, стонущих и тщетно просящих помощи солдат.

Оборотная сторона войны еще более, чем в Туркестане, волновала внешне спокойного и холодного Верещагина и еще более укрепила в нем пацифистские настроения.

В 1878 г. художник возвратился в Париж и принялся с изумительной работоспособностью работать над картинами из Русско-Турецкой войны. Были написаны: «Дорога в Плевну», «Перевозка раненых», «Шипка-Шейново», «Панихида», «Перед атакой» «После атаки», «На Шипке все спокойно», «Александр II перед Плевной», «Победители», «Перевязочный пункт» и др. Выставляя свои работы на выставках в Петербурге, Париже, Берлине, Вене, Верещагин опять вызвал целую бурю, с одной стороны, восторгов, а с другой — ненависти. Беспрестанная травля, которой подвергался художник, обвинения в нигилизме, в бунтарстве сильно волновали его. Одно время он решил даже совсем бросить батальную живопись. «Больше батальных картин писать не буду, — баста, — пишет возмущенный Верещагин Стасову (29 апреля 1882 г.), — я слишком близко принимаю к сердцу то, что пишу, выплакиваю (буквально) горе каждого раненого и убитого. К тому же не только в России, но и в Австрии и в Пруссии признали революционное направление моих

военных сцен. Ладно же, пусть пишут не революционеры, а я, нигилист, посмотрю, а может, и посмеюсь в кулак». «В Индии, — жаловался непричастный к революции либерал Верещагин Стасову (27 сентября 1882 г.), — меня считают (большинство) за агента русокого правительства, а русское правительство, в особенности сам, считают меня за агента революционеров и поджигателей, недостает только, чтобы заподозрили во мне английского агента...»

В 1882 г. неутомимый Верещагин опять едет в Индию, а затем в Сирию и Палестину. В связи с этим появляются новые серии картин — индийских и палестинских. В частности появляются интереснейшие картины: «Индийская казнь», «Римская казнь» и «Казнь заговорщиков в России». В Палестинской серии, наряду с этнографическими картинами, были написаны картины на сюжеты из евангелия. Последние картины представляли большой интерес как попытка разрешения религиозных тем в реалистически бытовом плане. Так, например, «Святое семейство» показано не разряженным, чинным и праздным, как это традиционно изображалось. Христос, богородица, братья и сестры Христа (существование братьев и сестер Христа — это тоже новшество) изображены в обстановке обычного двора, прилегающего к жилищу. Здесь нет ни божественного ореола, ни праздности и торжественности: богородица кормит ребенка, дети играют, Иосиф и брат Христа плотничают. Двор завален мусором, на стене развешено белье, пеленки, по двору бродят куры. В том же духе бытовизма выполнены и другие евангельские картины. Несмотря на то, что Верещагин в них, как он сам говорил, не «нападал на идею христианства», которую высоко чтит, реакционные клерикалы повели против «кошунственных» картин Верещагина целый поход. Выставленные в Вене в 1885 г. евангельские картины фанатик-монах облил серной кислотой, а венский епископ Гангльбауэр опубликовал против них целое воззвание, в церквах в связи с выставкой Верещагина служились «очистительные» обеды и т. д.

Постоянное преследование Верещагина со стороны правой печати немало способствовали появлению определенных черт в личном характере художника. Этот сильный не только физически и умственно, но и в волевом отношении человек стал замкнутым и нелюдимым. Даже доступ в мастерскую Верещагина и в Париже, и под Москвой имели лишь очень немногие друзья (в частности Стасов), и то — крайне редко. Гордый и щепетильный Верещагин всегда боялся потерять свое достоинство, «независимость», унизиться до заискивания и лести. Вследствие этого прямой, а иногда и резкий, Верещагин слыл у многих за умалишенного, а у других — за «нигилиста».

Вызвавшие в Европе столько ненависти картины Верещагина с Венской выставки 1885 г. были отправлены затем в Нью-Йорк, где пользовались громадным успехом и заслужили целые хвалебные гимны американской прессы, а затем многие из них были проданы на аукционе в 1890 г.

В течение девяти лет (1890 — 99) Верещагин путешествует по России, Крыму, Кавказу, изучает старинную русскую архитектуру, зарисовывает старинные церквушки, прекрасную природу крымского и кавказского побережья и дикий, суровый пейзаж Севера. С 1889 г. по 1900 г. художник пишет громадную Наполеоновскую серию, предварительно изучив большое количество книг, материалов, преданий, относящихся к 1812 году.

Жажда новых приключений и впечатлений побуждают этого железного, энергичнейшего человека на новые путешествия. Он едет в Америку и дважды путешествует по острову Куба. Результатом этих путешествий явился ряд новых картин из испано-американской войны. В 1901 г. Верещагин пишет между прочим и серию «В госпитале», «Письмо к матери», «Письмо прервано», «Письмо осталось неоконченным». В 1902 г. написана картина «Взятие Рузвельтом Сан-Жуанских высот».

В следующем же году, будучи уже 61 года, художник отправляется в новое, далекое и трудное путешествие по

Японии, из которого привозит большое количество этюдов и зарисовок, близких по своему характеру к импрессионизму. Едва успев возвратиться из Японии в Европу, Верещагин вновь едет на Дальний Восток, где в это время разразилась Русско-Японская война. Художник хочет еще раз наблюдать войну своими глазами, с тем, чтобы перенести виденное на полотно.

Попытка еще раз увидеть войну и показать обществу «правду войны» окончилась трагически. Художник погиб 13 апреля 1904 года. Интересно, что даже в последнюю минуту перед смертью он, стоя на палубе тонущего корабля, невозмутимо и хладнокровно зарисовывал в свой походный альбом видимую сцену сражения.

Так кончилась эта яркая, полная опаснейших приключений, постоянных путешествий, жизнь.

Верещагин, этот неутомимый, энергичный искатель «художественной правды», справедливо считал, что нет и быть не может большого художника без широкого образования, без большой работы над своим развитием. Поэтому-то вся его жизнь прошла в упорнейшей работе над самообразованием, одним из лучших средств которого художник считал путешествия.

IV

Верещагин, считавший себя «художником-мыслителем», относился к задачам своего творчества с величайшей серьезностью. Одновременно с другими представителями либерализма в искусстве он глубоко возмущался тем, что в современном ему обществе искусство часто снижалось «до уровня-забавы», а на живопись многие смотрели, как на развлечение или как на мебель. Верещагин был сторонником глубоко идейного искусства, которое являлось бы важным воспитательным средством и которое было бы отягощено чувством «серьезной гражданской ответственности». Каждая картина должна содержать в себе определенную идею, осознанную художником, — в этом смысл серьезного художественного творчества. Верещагин, за-

ботающийся о том, чтобы идеи его картин были максимально развиты, писал свои произведения целыми сериями, где одна картина дополняла и продолжала мысль другой.

Верещагин был не только «художником-мыслителем», как он сам себя называл, но и неустанным, энергичным популяризатором-пропагандистом определенных идей через демонстрацию своих картин. Он устроил более 40 собственных выставок в различных городах России, Германии, Австрии, Франции, Англии, Швеции, Норвегии, Бельгии, Америки, всегда заботясь о том, чтобы его картины смотрело возможно большее количество публики. Для этого он часто устанавливал бесплатный или дешевый вход, говоря, что ему приятней посещение 30.000 простолудинов, чем 3.000 графинь. И наплыв публики был всегда невиданно большой. Бывали такие дни, когда выставку картин Верещагина посещало по 20.000 человек. Забота о том, чтобы те серьезные идеи, которые были выражены в картинах, не затерялись, а навели зрителя на определенные мысли и выводы, — эта забота вынуждала Верещагина отказываться от участия в выставках совместно с другими художниками, выставявшими «занимательные», но недостаточно глубокие по идее картины. «Вы меня спрашиваете, — писал Верещагин Стасову, — не хочу ли я выставить вместе с другими на Передвижной выставке? — Нет, не хочу. Чудно мне, что вы об этом спрашиваете: каждая моя картина должна что-либо сказать, по крайней мере, только для этого я их и пишу (вместе они скажут, может быть, еще более и яснее, потому что направление мысли многих сходно). С какой же стати приплетаться им к царевне Софье¹⁾ в белом атласном платье и другим более или менее интересным сюжетам, которые только отвлекут от них внимание и уменьшат непременно впечатление. К тому же я выработал свою технику, имею сказать много интересного и приучил общество к тому, что в картинах моих нет лжи и фальши — смотреть меня

всегда пойдут, — зачем же мне компания?»¹⁾.

Каковы же те «серьезные и глубокие» идеи, которые Верещагин считал долгом воплощать в своих картинах и неустанно пропагандировать в крупнейших городах Европы и Америки?

Каковы же те животрепещущие взгляды художника, которые вызывали такой громадный интерес в сотнях тысяч посетителей верещагинских выставок?

Основную идею своего творчества, посвященного проблеме войны, Верещагин видел в борьбе с войной, смертной казнью и в пропаганде идей пацифизма. Цели своего творчества Верещагин формулировал в своем письме к П. М. Третьякову: «Передо мною, как перед художником, Война, и ее я бью сколько у меня есть сил; сильны ли, действительны ли мои удары — это другой вопрос, вопрос моего таланта, но я бью сразмаха и без пощады»²⁾.

Трезвый, внешне холодный, активный участник войн, Верещагин в различных своих статьях признавался, что война, с ужасами, бедствиями, страданиями, заставляла его много раз плакать. «В жар, в лихорадку бросало меня, когда я смотрел на все это и когда писал потом мои картины. Слезы набегают и теперь, когда вспоминаю эти сцены, а умные люди уверяют, что я «холодным умом сочиняю небывлицы». Подожду и искренне порадуюсь, когда другой даст правдивые картины великой несправедливости, именуемой войной»³⁾.

Эта оценка войны, как «величайшего человеческого «бедствия», как дикого, безобразного «избиения людей», как «кровожадного зверя», сохраняется у Верещагина, хотя и не с одинаковой силой, на всю жизнь, и даже незадолго перед смертью Верещагин пишет своему другу, художественному критику Кляре-ти, о Русско-Японской войне 1904 г.: «Бедствие человеческое снова воспрянуло: зверь поднял свою голову опять,

¹⁾ Письмо Верещагина к Стасову 6 февраля 1879 г. Архив Стасова. Академия наук

²⁾ Из письма Верещагина к Третьякову от 3 мая 1879 г.

³⁾ Верещагин «На войне в Азию и Европе». М. 1894 г. Стр. 322.

¹⁾ Намек на «Царевну Софью» Репина.

и какой это теперь зверь» (28 марта 1904 г.).

Эти пацифистские настроения настолько сильны у Верещагина, что он, всегда дерзко и демонстративно отказывавшийся от всяких почетных званий и наград, официально претендует на получение Нобелевской премии мира, конкурируя при этом с основателем Красного креста Дюпоном. «Дюпон своим делом милосердия достиг того, что дал успокоение сентиментальным душам при наступлении войны, я же действовал, как мудрый отец, который вместо того, чтобы проповедывать своему сыну правила морали, повел его в больницу и показал все последствия порока...¹⁾. И эта претензия на звание «апостола мира» не была пустой жадной славы или жадной денег. «...Скромничать не буду, а заявляю смело, что желаю и могу участвовать в этом состязании. Одни распространяют идею мира своим увлекательным могучим словом, другие поборники выставляют в защиту ее разные аргументы, религиозные, экономические и другие, а я проповедую то же посредством красок. Не скажу, что крупное денежное вознаграждение меня совсем не интересует... но несравненно важнее для меня признание того, что искусство в данном отношении имеет такое же облагораживающее, воспитательное значение, как изящная литература и ораторское красноречие»²⁾).

До Верещагина живописцы обычно изображали войну лишь как увеселение, как блестящую серию торжеств, парадов и побед. На картинах же Верещагина, едва ли не впервые в истории живописи, война предстала неприкрашенной, ужасной и кровавой, такой, какой ее видел и понимал художник. «Война, наблюдаемая вблизи, когда находишься в самом кипении ее, ужасна, и, кто сам видел ужасы разрушения и сцены страдания, тому едва ли придет на мысль находить победу столь возвышенной и красивой, потому что зрелище крови, стоны раненых и хрипение умирающих должны на-

полнить сердце глубокой скорбью. Тысячи здесь кидаются в битву и ежеминутно падают сотнями, мертвые и изувеченные»¹⁾.

Блеск парадов и побед не скрывал перед Верещагиным всей бесчеловечности войн, а внушал чувство отвращения к величайшему бедствию человечества. «Разве война имеет две стороны: одну приятную, привлекательную, и другую некрасивую и отталкивающую? Существует лишь одна война, во время которой стараются заставить врага как можно больше потерять людей убитыми, ранеными и пленными и во время которой сильный бьет слабого до тех пор, пока слабый не запросит пощады»²⁾. Такой знал Верещагин войну и такой хотел ее показать в своих картинах. С сильной злобой и ненавистью высмеивал и уничтожающе критиковал Верещагин попытки подкрасить ужасы войны, дать в картинах только узкопатриотическое слепо-казенное воспевание доблестей «русского воинства».

Попытка Третьякова навязать Верещагину свое понимание задач, стоящих перед батальной живописью, встретила со стороны художника резкую отповедь и сильное возмущение. Вот что писал Верещагин по этому поводу Стасову: «Он хочет, чтобы я проникся тем, чем он проникся, а именно «жертвами русского народа, подвигами его войск, а также некоторых отдельных личностей...» Он смотрит на мою картину только как на преддверие к моим работам, а не как на серьезную работу... Ах, неумытое рыло! Да с чего он взял, что он может давать такие советы и что, того более, я приму их. — Да я их оставляю, как память того скудоумия, с которым разные аршинные кулебяки выступают советчиками серьезным художникам и, пожалуй, мыслителям, каковым и я себя считаю, кажется, с кое-каким основанием. В особенности после последней кампании (Русско-Турецкая война 1877—78 гг.— А. Л.) передо мною ясно, во всеоружии... стоит ужасный призрак войны, с кото-

¹⁾ Из письма Верещагина к Цабелю в декабре 1897 г.

²⁾ Из беседы Верещагина с Christianienser. «С.-П. Ведомости», 1904 г. 20 апреля, № 106.

¹⁾ Заимствовано у Булгакова. «В. В. Верещагин», стр. 12.

²⁾ Заимствовано у Булгакова. «В. В. Верещагин», стр. 13.

рым при всем моем желании схватиться я боюсь не совладать, к которому, прямо сказать, не знаю, как подступиться, с которой стороны его подрить, укусить, ужалить, — а этот мудрец, пожертвовавший сто, тысячу, может быть, сто тысяч рублей на войну и, может быть, потерявший полдюжины родственников, желает, чтобы я проникся всеми этими жертвами русского гражданина, воспел бы их вместе с результатами — «переходом Балкан, славным миром, массой пленных, пожалуй, чумою и Ура! Ура! Ура! без конца...»

«Да ведь ни вы, ни П. М. (Третьяков. — А. Л.), ни я анархистом или политическим убийцею не были и не будем, — так зачем же нам бросаться в такой узкий патриотизм, который ничего не видит за славой и вонью от куч неприятельских тел... Неужели это я для Павла Михайловича писал мою апофеозу войны? — вот не ожидал!..»¹⁾

Итак, борьба с войной, ее ужасами и бедствиями были той основной идеей, которой Верещагин посвятил свою батальную живопись.

Каким же образом воплощал Верещагин идеи пацифизма в своем творчестве? Каковы особенности творческого метода этого художника-пацифиста? Пропаганда идей мира Верещагин осуществлял не писанием картин с придуманными «кровавыми» сражениями, условно-казенными, академически-выдержанными «битвами» или страшными символическими сюжетами, а показом той реальной войны, свидетелем и участником которой он сам был.

Верещагин еще на школьной скамье с резкостью отвергал советы учителей подражать в своих картинах старым мастерам живописи, а не писать факты простой окружающей жизни. «Образцы», — говорил Верещагин, — предполагают подражание, чего я не допускаю. Учитель Гох в школе рисования говорил, бывало: рисуйте так, чтобы всякая ваша черта походила на рафаэлевскую, — что за вздор! Надобно рисовать так, думал я всегда, чтобы ни одна

черта не походила на рафаэлевскую. Образцы на своем месте, для своего времени, остаются крупными, несравненными произведениями, но они же в повторении, в подражании — бессмысленны»¹⁾. Художник должен рисовать реальный мир, реальную войну.

Действительная, реальная война настолько ужасна, отрицательное в ней настолько очевидно, что нет никакой необходимости фантазировать. Надо только правдиво передать на полотне то, что видишь, ничего не скрывая и не прибавляя. События войны, занесенные на полотно, сами будут говорить за себя. Роль художника заключается в том, чтобы тщательно отыскать наиболее характерный эпизод, кусок действительности, а затем зарисовать его с минимальными изменениями.

«В своих наблюдениях жизни... я был особенно поражен тем фактом, что даже в наше время люди убивают друг друга повсюду под всевозможными предлогами и всевозможными способами. Убийство гуртом все еще называется войною, а убивание отдельных личностей называется смертной казнью. Повсюду то же самое поклонение грубой силе и та же самая непоследовательность; с одной стороны, люди, убивающие своих ближних миллионами, ради зачастую неисполнимой идеи, возводятся на высокий пьедестал общественного восхищения; а с другой стороны, люди, убивающие отдельных личностей из-за черствого куса хлеба, беспощадно и быстро истребляются, — и это совершается даже в христианских государствах, во имя того, чье учение было основано на мире и любви. Факты эти, которые мне приходилось наблюдать, во многих случаях, произвели сильное впечатление на мою душу; обдумав тщательно этот сюжет, я написал несколько картин войны и казней. Я взялся за обработку этих сюжетов далеко не в сентиментальном духе, так как мне самому случалось убить в различных войнах немало бедных своих ближних, а следовательно, я не имел права сентиментальничать. Но вид этих

¹⁾ Письмо Верещагина к Стасову 1 мая 1879 г.

¹⁾ Из письма Верещагина Булгакову. Булгаков — «В. В. Верещагин» СПб. 1905 г. Стр. 32.

Груд человеческих существ, зарезанных, застреленных, обезглавленных, повешенных на моих глазах по всей области, простирающейся от границ Китая до Болгарии, неминуемо должен был оказать живое влияние на художественную сторону замысла... Я задумал рассмотреть войну в ее различных видах и передать их верно. Факты, положенные на полотно без прикрас, должны красноречиво говорить сами за себя»¹⁾.

Большой объективизм — вот основа творческого метода Верещагина. Чем правдивее будет зарисован выбранный художником факт, тем убедительнее идея картины, ибо эта идея — не фальшь, не ложь и не выдумка художника, а истина, которая живет в самой природе вещей. Таков примерно смысл рассуждений Верещагина, разделяемый всей художественной школой, к которой он принадлежал. Однако, как и для других художников-реалистов, выражавших идеологию либеральной буржуазии, для Верещагина величайшая точность изображения и объективизм есть только способ, средство сделать язык живописи более убедительным, но никак не самоцель искусства. «Живопись, как и все, с большими или меньшими скачками назад и в стороны, все-таки идет вперед... Уменьше писать или, вернее, копировать кожу уже не составляет более цели, а только средство»²⁾.

Серьезный «гражданский» долг — показать «правду войны», добыть «правду в красках» — толкал Верещагина в самые опасные военные экспедиции, в наиболее сильно обстреливаемые неприятелем районы. Только испытав лично все ужасы войны, участвуя в атаках, в боях, подвергаясь всем тем опасностям, которым подвергается каждый солдат, только в этом случае художник представит обществу на полотне настоящую войну. Будучи опасно ранен в Русско-Турецкую войну, Верещагин анализировал свои поступки и спрашивал се-

бя, что гнало его в самое пекло войны. «Гнало то, — отвечал я сам себе, — что я захотел видеть большую войну и представить ее потом на полотне не только, какую она по традициям представляется, а такую, какая она есть в действительности... Мне приходилось выслушивать множество выговоров за ту легкость, с которой я пошел в опасное дело... Не хотели люди понять того, что моя обязанность, будучи только нравственною, не менее, однако, сильна, чем их; что выполнить цель, которою я задался, а именно: дать обществу картины, настоящей, неподдельной войны, нельзя, глядя на сражение в бинокль из прекрасного далека, а нужно самому все прочувствовать и проделать, участвовать в атаках, штурмах, победах, поражениях, испытать голод, холод, болезни, раны... Нужно не бояться жертвовать своею кровью, своим мясом, иначе картины мои будут «не то»...»¹⁾.

Этот эмпирический подход к действительности, которая должна быть занесена на полотно, был настолько велик у художника, что он с места сражения собирал вороха пропитавшихся кровью мундиров и оружия, сам ходил в штыковую атаку, отстреливался из землянок, под пулями среди самого кипения боя рисовал, сидя на походном табурете. Однажды во время Русско-Турецкой войны, когда Верещагину понадобилось нарисовать момент казни через повешение, он попросил казнить пойманных башибузуков, так как «никогда еще не видел этой процедуры». То же объективистское отношение к изображаемому заставляло Верещагина тщательнейшим образом воспроизводить в картинах то освещение, которое было в натуре, и стать одним из первых пленэристов. «Может ли кто-либо сказать, что у меня какая бы то ни была сцена, имевшая место в действительности при ярком солнечном освещении, была написана при освещении мастерской, чтобы, например, сцена, происходившая под морозным небом Севера, была воспроизведена мною в теплом замкнутом уголке из

¹⁾ Из предисловия к каталогу Нью-Йоркской выставки Подчеркнуто мною. — А. Л.

²⁾ Из письма Верещагина Булгакову Булгаков — «В. В. Верещагин». Стр. 32—33.

¹⁾ Верещагин. «На войне». Изд. 1902 г. Стр. 58.

четырёх стен? Едва ли кто скажет это. Следовательно, я имею право считать себя представителем реализма, такого реализма, который требует самого строгого обращения со всеми деталями творчества и который не только не исключает идеи, но заключает ее в себе»¹⁾ — говорил Верещагин.

Чрезвычайно характерным примером протокольно-объективистского отношения художника к изображаемому является картина «Дуваны в праздничных нарядах», где с громадной точностью выписаны яркие восточные халаты дервишей. Если внимательно всмотреться в разноцветные полосы этих халатов, то можно на одной из них прочесть следующую надпись: «Антонов и Коку»... Это, очевидно, марка русской мануфактурной компании, сбывавшей свой товар в Среднюю Азию. Имея собственные эстетические вкусы, дервиши нашли красивымшить в свой костюм и марку купеческой фирмы. Художник же считал обязательным для себя ничего не изменять в виденном и зарисовываемом объекте. Эмпирическим подходом к изображаемому объекту характеризуется почти вся батальная живопись Верещагина рубежа 60—70-х гг. В картинах Русско-Турецкой войны есть также большая точность, однако она не доходит до прежнего полунатуралистического объективизма, который был в Туркестанской серии. Начиная с 80-х гг. у художника заметна эволюция от эмпиризма к компромиссу между эмпиризмом и идеализмом, компромиссу, который отчасти характерен для Наполеоновской серии 90-х гг. и который столь ярко был выражен в религиозных композициях 1883—85 гг.²⁾

¹⁾ Верещагин. Статья «Реализм».

²⁾ «Реализм, — говорит теперь Верещагин, — не является противником чего-либо такого, что дорого для современного человека, — он не расходился ни со здравым смыслом, ни с наукой, ни с религией. Разве возможно чувствовать что-либо другое, кроме самого глубокого благоговения к учению Христа. Разумеется, мы придаем совершенно иную оценку многим вещам, которые объяснялись не так несколько веков назад... На пороге двадцатого столетия мы не можем допустить, что небеса населены святыми и ангелами; что в недрах земли обитают черти...» («Реализм».)

Итак, лучшие военные картины Верещагина составлены на основе тщательного наблюдения художником реальной войны, на основе тех многочисленных набросков и зарисовок, в которых он добросовестно протоколировал все те реальные эпизоды войны, которые представляли интерес как наглядное доказательство пацифистских идей и как интересный материал познания, новых местностей, новых народов. Картины Верещагина опирались также на громадные коллекции материалов и памятников, собранных художником на полях сражений под пулями, снарядами и при многочисленных путешествиях по Европе, Азии и Америке.

Пропаганда идей пацифизма не выдуманная сюжетом, а видами и сценами реальной войны, той войны, которую художник мог видеть и изобразить, только десятки раз рискуя собственной жизнью, показ «правды войны», — вот что было таким новым, оригинальным, глубоко волнующим и интересным в картинах Верещагина для широких слоев населения Старого и отчасти Нового Света, в атмосфере постоянных войн XIX века.

V

Верещагин, этот искренний противник войны и смертной казни, неутомимый проповедник идей пацифизма, был, в сущности, только буржуазным пацифистом. Пацифизм Верещагина, проявляемый в его деятельности, в высказываниях и, как увидим далее, в художественном творчестве, был непоследователен и ограничен, как и всякий буржуазный и мелкобуржуазный пацифизм. Борясь с войной и ее ужасами, плача при одном воспоминании об отдельных эпизодах войны, Верещагин сам убивал направо и налево не только в открытом бою, в атаке, наступая или обороняясь, но убивал, развлекаясь, от нечего делать, удивляя своей исключительной жестокостью даже озверевших от крови генералов царской армии. Так, во время обороны Самарканда Верещагин «тешился» расстреливанием со стен города узбеков.

Не менее характерным является участие Верещагина в разбойничьем набеге отряда русских пограничных войск на мирное население, живущее за китайской границей, с целью самого беззащитного и ничем не прикрытого грабежа. Мы уже упоминали о просьбах Верещагина, обращенных к генералам Струкову и Скобелеву во время Русско-Турецкой войны 1877 г. — заменить двум пойманым башибузукам расстрел повешением. Интересно, что даже генерал Струков на эту просьбу заметил: «Что это вы, Василий Васильевич, сделали таким кровожадным»¹⁾.

Буржуазный пацифизм Верещагина отнюдь не исключал, а, наоборот, обязательно предполагал известный национализм и патриотизм. Борясь с ярко-казенным патриотизмом, Верещагин был вовсе не против умеренно-либерального патриотизма. Война — «дикое, безобразное» избиение людей, но в момент опасности необходимо защищать Россию, — так рассуждал Верещагин. Когда брат Василия Васильевича, Александр, будучи раненным в 1877 г., хотел уехать с фронта в Петербург, художник-«пацифист» писал ему: «Уходить с театра войны офицеру, легко раненному, не следует... Смотри же не ма л о д у ш и ч а й, помни, что времена для России тяжелые, очень тяжелые, и не переходи добровольно из первого ряда в раек... Советую тебе в нынешнюю же кампанию стараться получить и георгиевский крест...»²⁾

«Александру, — пишет Верещагин Стасову, — я, перед отправлением его в полк, прочитал приятельское наставление и потребовал, чтобы бравее и исправнее его не было казака в армии...»³⁾.

Те же патриотические настроения побуждали этого «апостола мира» всегда заботиться о силе, мощи и боеспособности русской армии. Верещагин в 1889 г. обращается к русскому обществу через печать с советами об укреплении войска.

Примерно те же советы об укреплении мощи крепостей и русской армии продолжает давать Верещагин, через 15 лет после этого обращения к русскому «обществу». Однако эти советы теперь даются не «обществу», а «верноподданнически» — Николаю II. Верещагин, одновременно со всеми либералами, все более правее. Идеи пацифизма, которые всегда органически соединялись у Верещагина с идеями милитаризма, все более и более заглушаются последними, хотя никогда окончательно не исчезают. «Борясь» против войны, Верещагин просит дать больше пушек, мостов, быстроходных крейсеров. Не о мире с японцами просит «пацифист» Верещагин, а о том, чтобы не заключать мира.

Вот несколько выдержек из писем Верещагина к Николаю II, написанных в 1904 г.:

«Прикажите, ваше величество, чтобы полумиллионная армия, под командою многоопытного сподвижника и вдохновителя покойного Скобелева, генерала Куропаткина, двинулась против врага... Одно известие об этом сразу успокоит всех друзей наших и устроит всех врагов. Не сломить, не победить Японию или победить ее наполовину — нельзя из опасения потерять наш престиж в Азии. Вся Россия молит ваше величество пребыть твердым до конца и по примеру покойного предка вашего, императора Александра I, произнесит громко слово его: «Не положу оружия, пока не смирю это государство шулера...»

О войне до победного конца, — вот о чем «верноподданнически» умоляет «независимый» либерал, пацифист Верещагин, Николай II:

«Позвольте верноподданному вашему известить вас, что в армии вашей, сытой, довольной, веселой и с нетерпением ждущей случая схватиться с врагом, так оскорбившим вас и Россию, есть серьезная боязнь, как бы вы не смиловились над ним и не заключили мира, не наказавши его полностью. Только этого и бояться» — пишет Верещагин¹⁾.

¹⁾ Верещагину. «На войне» 1902 г. Стр. 259.

²⁾ Из письма В. В. Верещагина к А. Верещагину. Ноябрь 1877 г.

³⁾ Из письма Верещагина к Стасову 18 августа 1877 г.

¹⁾ «Красный архив». 1931 г. Т. II.

Верещагин великолепно видел ужасы войны, возмущался ими, но в то же время считал необходимым покорение русскими то Средней Азии, то Турции, то Японии. Он правильно оценивал покорение Англией Индии как акт грабежа, он возмущался войнами вообще, но в то же время признавал необходимость определенного сорта войн. Война — ужас и бедствие, но например русская «цивилизация» должна проникнуть к «варварам» и подчинить их. «Варварство средне-азиатского населения, — писал Верещагин еще в 1874 г., — так громадно, а экономическое и социальное положение так низко, что, чем скорее проникнет туда, с которого бы то ни было конца, европейская цивилизация, тем лучше»¹⁾.

Уже из приведенных материалов с достаточной ясностью видно, как неправы не только те искусствоведы, которые говорят, что Верещагин любил войну, но неправы и те, которые без всяких оговорок называют его «апостолом мира».

Верещагин воплощал в себе, в своем мировоззрении и, как увидим дальше, в своем художественном творчестве, характерные особенности идеологии русских либералов. Верещагин субъективно — пацифист. Разумеется, этот пацифизм и субъективно был непоследователен. Объективно же этот пацифизм был специфическим проявлением тех «демократических» взглядов и настроений, в которые пряталась русская либеральная буржуазия, чтоб заирывать с массами и «пугать» самодержавие. «Русский либерализм, — говорил Ленин, — оказался достаточно «ловким» политиканом, чтобы назвать себя «демократическим» в целях борьбы с демократией и подавления ее самостоятельности. Таков обычный и нормальный способ действия всякой либеральной буржуазии во всех капиталистических странах: вывеской демократизма обмануть массы, чтобы отвести их от действительно демократической теории и... практики»²⁾.

Но, как только заходил вопрос о конкретной войне русской буржуазии и русских помещиков за новые территории, новые рынки, торговые пути и колониальное сырье, Верещагин, хоть и «плача», брал в руки попеременно то кисть, то винтовку и шел в первых рядах русской армии, доказывая необходимость данной войны, несмотря на ее ужасы. Пацифизм Верещагина был непоследователен и не мог быть последователен, поскольку художник признавал, несмотря на свое либерально-оппозиционное отношение к самодержавию, основные устои буржуазного общества.

Война в капиталистическом обществе «столь же законная форма капиталистической жизни, как мир» (Ленин). (Подчеркнуто мною. — А. Л.)

Война, являющаяся прямым и неизбежным развитием основ частной собственности, является «простым продолжением политики другими средствами»¹⁾.

Признавая основы буржуазного общества, Верещагин не мог при всем своем искреннем, быть может, желании решительно и последовательно бороться с войной, так как действительная борьба с войной предполагает революционную борьбу со всей системой капиталистических отношений. Но Верещагин, как истый либерал, не только не выступал революционером, но смертельно боялся и ненавидел всякое революционное, социалистическое движение, защищая строй частной собственности, эксплуатации, религиозного дурмана и войн. Пагубная боязнь революционного выступления масс, боязнь социалистов, которых Верещагин представляет себе, как и большинство либеральных буржуа, «уравнителями», заставляет художника забыть о некоторой неудовлетворенности существующим строем. При виде грозной опасности социализма либерал-ху-

¹⁾ Из предисловия к английскому каталогу выставки Верещагина в Лондоне в 1874 г.

²⁾ Ленин. Соч., т. XVI, стр. 125.

¹⁾ Выражение Клаузевица, очень понравившееся Ленину.

дожник отбрасывал свои претензии к самодержавию и ожесточенно боролся с надвигающимся призраком революции.

Верещагин хочет реформ, хочет обновления существующего строя, но не революции, в борьбе с которой он видит основные цели искусства. Искусство должно быть тем же верным оплотом «цивилизации», каким является армия и церковь. «Вооружившись доверием публики, искусство гораздо теснее прикинется к обществу, станет его союзником ввиду серьезной опасности, которая угрожает современному обществу, тому обществу, которое мы все знаем, которое мы все более или менее склонны любить и уважать... Все другие вопросы нашего времени бледнеют перед вопросом социализма, который надвигается на нас грозно, словно молниеносная громовая туча. Народные массы, в течение долгих веков влачившие жизнь, граничившую с медленной голодной смертью, уповая на лучшее будущее, не желают более ждать... Они громогласно требуют себе недоимок, то-есть дележа всех богатств... Они требуют себе уравнения под один уровень, подведение под одну мерку талантов и способностей, причем все работники прогресса и комфорта будут получать одну и ту же плату... Они угрожают взорвать на воздух общественные здания, церкви, картинные галереи, библиотеки и музеи, проповедают настоящую религию отчаяния»¹⁾.

И далее продолжает художник: «Кто признанные и официальные защитники общества? Армия и церковь. Предположим, настанет день, когда священнослужители окончательно потеряют свое влияние на народ, когда солдаты опустят долу жерла своих пушек, — где же общество найдет себе тогда оплот? Искусство должно и будет защищать общество тем с большей заботливостью и тем с большим рвением, что его служители знают, что «уравнители» не расположены отвести им то почетное и достойное положение, которое они занимают теперь... Люди эти открыто заявляют, что талант — роскошь, талант —

аристократическая привилегия, а потому талант следует сбросить с его пьедестала до общего уровня, — принцип, которому мы никогда не подчинимся. Мы будем защищать и отстаивать улучшения существующего порядка вещей, посредством мирных и постепенных мероприятий»¹⁾.

Не революционное уничтожение существующего строя, а подновление его реформами, парламентом, выторговывание себе привилегий, — таковы идеалы художника. Кто идеализирует революцию, тот пусть вспомнит уроки Парижской коммуны. Верещагин не останавливается перед клеветой на коммунаров. «Церкви, дворцы, картины и музеи будут преданы сожжению, — проповедывал Верещагин в Пеште. — Кому это кажется фантастичным, тот пусть только вспомнит о событиях, сопровождавших господство Парижской коммуны»²⁾.

Какой же, по мнению Верещагина, существует способ избежать революции, разрешить грозные социальные конфликты? Первый — это довериться талантам науки, литературы, искусства, предоставив им свободу печати, слова и другие свободы. Предоставьте либералам конституцию, разделите с ними власть, — это будет лучшей гарантией против революции. Однако, это не все: «Богатые и сильные мира могут помочь делу, не доводя до революционного шага, не производя переворота в существующем общественном порядке, если только они серьезно позаботятся о несчастных; это, несомненно, обеспечило бы за ними безмятежное наслаждение всею массою их богатства...»³⁾.

Искорените бедность, дайте голодным деньги, которые идут сейчас на войну, — этим вы выльчите величайшие социальные конфликты, — проповедывал Верещагин в одной из американских церквей.

Таковы вкратце общественно-политические взгляды Верещагина.

¹⁾ Статья Верещагина «Реализм»

²⁾ Из публичного выступления Верещагина в Будапеште. См. «Художественный журнал» 1886 г., том VIII, стр 55—58

³⁾ Верещагин «Реализм».

¹⁾ Статья Верещагина «Реализм».

Неудивительно поэтому, что, когда шел вопрос о выборе — война или социализм, пацифист Верещагин предпочитал войну и видел, несмотря на обуревающие его идеи мира, громадное социальное родство своей кисти и института буржуазных войн. «Мой друг, покойный генерал Скобелев, — говорит Верещагин, — раз спросил меня: «Как понимаете вы движение социалистов и анархистов?»..»

«Прежде всего, — отвечал я, — люди эти являются противниками междонародных войн; затем их оценка искусства весьма ограничена... Так что, если они когда-нибудь заполучат власть в свои руки, то вы с вашими стратегическими соображениями и я с моими картинками, — мы оба будем немедленно сданы в архив. Понимаете ли вы?» — «Да, я это понимаю, — отвечал Скобелев, — и отныне я намерен бороться с ними». (Статья «Реализм».)

Как видим, политические взгляды Верещагина не отличались левизной. Либерализм Верещагина проявлялся не только в чаянии буржуазных свобод, отрицании казенщины и академизма в живописи и некотором религиозном вольнодумстве. Верещагин возмущался безудержной травлей своих произведений в консервативной печати, тяготился свирепой реакцией, царившей в России, и белым террором. «Кабы можно было дышать у нас свободно, конечно я не поехал бы теперь никуда, кроме России, — писал Верещагин из Парижа Стасову, — но судите сами, мыслимо ли это теперь... Нашего брата, свободо-мыслящего художника (хотя вовсе не преступника), пошлют на казенный счет разве на поселение в Сибирь, а уж никак не для наблюдения ее. Разве я стал бы жить в *Maison Laffitté*¹⁾, если бы не видел абсолютной невозможности свободно работать дома? Разве я дурак? Разве я враг себе и своему таланту?»²⁾

¹⁾ Название мастерской Верещагина, близ Парижа

²⁾ Из письма Верещагина к Стасову 4 декабря 1881 г.

Храбрый «защитник родины» боялся вернуться в Россию, рискуя попасть в тюрьму: «Между нами, — пишет Верещагин Стасову в следующем году, — я думаю предпринять большое путешествие, разумеется, не по России... Вы поймете, что при наших порядках теперь писать этюды и покушаться на жизнь разных особ — одно и то же, по крайней мере картины войны мои были сочтены чуть-чуть не за откровенный бунт... Знаете ли вы, что за время моего пребывания в Питере городской был на посту у ворот моего дома, а М. Н.¹⁾ громко говорил, что я стою во главе нигилизма»²⁾. «Нигилистом, вы знаете, признала меня вся наша императорская фамилия с нынешним императором во главе»³⁾.

Свирепая расправа правительства с революционерами в 70-х гг. произвела на Верещагина сильное впечатление. «Как ни подлы убийства социалистов и анархистов, как ни утопичны их желания и требования, а все-таки, мне кажется, делают ошибку, поступая так драконовски» — пишет Верещагин Стасову же в 1879 г. (1 мая). «Кабы не белый террор, с каким бы удовольствием покатыл я по России...»⁴⁾

Весь протест и вся оппозиционность Верещагина к существовавшему режиму выражались лишь в стремлении «не пресмыкаться», «не терять своей независимости» и т. д. «Верный» этим принципам, Верещагин стремился держать себя с представителями высшей власти, лицами царской фамилии и даже с царем, почти «как равный». Он демонстративно не снимал шапки в разговоре с царем, не заискивал, как большинство русских художников; и однажды отказался принять у себя наследника, так как последний перед тем не смог принять Верещагина. Но это уж был высший предел верещагинской «независимости», а в основном он оставал-

¹⁾ Очевидно, имеется в виду великий князь.

²⁾ Из письма Верещагина к Стасову 16 января 1882 г.

³⁾ Из письма Верещагина к Стасову от 29 апреля 1882 г.

⁴⁾ Из письма Верещагина к Стасову 27 ноября 1882 г.

ся типичным «верноподданным» либералом.

Буржуазный пацифист Верещагин оправдывал и поддерживал всякую конкретную войну, которая велась в интересах русской буржуазии. Верещагин объективно не был борцом против буржуазных войн, так как он был плоть от плоти буржуазии, которой нужны войны и которая без войн не может существовать.

«Пацифист» Верещагин не выдвигал и не мог выдвигать реальных средств борьбы с войной, так как «борьба против войны требует прежде всего ясного понимания всей сущности данной войны и ее причин»¹⁾.

Верещагин же причину войн видел в недостаточной культурности людей, в произволе отдельных лиц, в свойствах души русского человека и т. д.

Буржуазный пацифизм Верещагина был абстрактной проповедью мира. Об этом говорит и он сам, называя свою проповедь мира «отвлеченно-философской». Подвергаясь бешеной травле продажного реакционного «Нового времени», Верещагин отвечал на эту травлю следующим: «Могу только пожалеть, что отвлеченно-философское указание на ужасы войны (ужасы, о которых наше и другие европейские общества имеют весьма смутные представления) могло быть понято в узком смысле укора именно русскому человеку»²⁾. В одном из своих писем к Стасову Верещагин говорит, что его занимает «вообще мировая идея войны».

Как бы взгляды Верещагина ни были искренно направлены против войны, эта отвлеченная проповедь мира не способствовала уничтожению войн. Более того, объективно его творчество, как увидим дальше, мешало борьбе с войной, ибо абстрактная проповедь мира только отвлекала массы от революционных, единственно действительных средств уничтожения войн, внушая массам «доверие к гуманности буржуазии». «Одной из форм одурачения рабочего

класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира» — говорил Ленин¹⁾.

Итак, Верещагин был типичным буржуазным пацифистом в эпоху становления в России промышленного капитализма. Субъективно искренняя, но абстрактная проповедь мира буржуазного пацифиста Верещагина объективно в его поступках, его проповедях и в его картинах диалектически превращалась в пропаганду войны, отвлекала массы от революционных средств борьбы с войной и, передавая в замаскированной форме типично буржуазные идеи, выражала вожделения и аппетиты русской буржуазии к завоеванию колоний. Пацифизм Верещагина был своеобразной демократической фразой, розовой дымкой, которой русская буржуазия 60—90-х гг. XIX века, пробовавшая заигрывать с демократией, прикрывала свои колониальные аппетиты.

Однако было бы большой ошибкой видеть в пацифизме Верещагина «сознательное» с его стороны одурачивание масс. Именно все отличие пацифизма буржуазии той эпохи, когда она играла еще некоторую, хотя и очень небольшую, прогрессивную роль, все отличие пацифизма Верещагина от буржуазного пацифизма господ, заседавших в эпоху империализма в комиссиях «по разоружению», заключается в том, что Верещагин субъективно искренно был противником войны. Современные же буржуазные «пацифисты», в частности фашистские и социал-фашистские пацифисты, и объективно, и субъективно — сторонники войны; они совершенно сознательно используют пацифизм и разговоры о разоружении для обмана масс и подготовки новых войн.

Обратимся теперь к верещагинскому художественному творчеству.

Мы рассмотрим только две серии картин Верещагина, написанных им в 60—80 гг. и представляющих собой, так сказать, вершину его батальной живописи.

1) «Тезисы VI конгресса Коминтерна».

2) «Голос» от 28 февраля. 1880 г.

1) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 127—128.

VI

Туркестанские картины, написанные Верещагиным в конце 60-х и начале 70-х гг., были первым его опытом в области батальной живописи, первой попыткой показа «правды войны» и пропаганды пацифистских идей. Некоторые из этих картин составляют, как уже говорилось выше, серию, названную Верещагиным довольно выразительно и лаконично — «Героическая поэма», «Варвары».

Первая картина рисует узбеков-разведчиков, высматривающих расположение русского военного лагеря. На второй и третьей картинах — «Нападают врасплох» (1871 г.) и «Окружили, преследуют» — изображается неожиданное нападение громадных полчищ среднеазиатцев на русский лагерь и «героическая» смерть русского отряда. Картины «Представляют трофеи» и «Торжествуют» рисуют победителей-узбеков среди военных трофеев — отрезанных голов русских солдат. Затем идет «У гробницы святого благодарят всевышнего» (1873 г.) и, наконец, «Апофеоз войны» (1871 г.) — груда черепов, — результат победы одних и поражения других.

Рассмотрим некоторые из этих картин подробнее. Картина «Торжествуют» не оставляет сомнений в том, кого же считает Верещагин «варварами».

Большая площадь Самарканда, замкнутая сзади фасадом роскошной мечети, полна сидящих и стоящих по кругу узбеков. Параллельно фасаду мечети по всей площади расставлены длинные толстые шести с насаженными на них головами русских солдат. Это боевые трофеи узбеков. В центре образовавшегося из человеческих тел круга двигается усиленно жестикулирующая фигура муллы. Площадь притихла, замерла. Все напряженно слушают фанатические, почти истерические речи оратора. Нет ни одного движения из создавшегося человеческого круга. А мулла, указывая на останки побежденных, все более и более взвизгивает нервы, разжигает страсти и ненависть этой толпы к русским. Победители «торжествуют». Фа-

тизм муллы сейчас передастся всей толпе, и она будет озлоблена и ожесточена до последней степени. Отдельные фигуры людей, животных, мечеть — все это сделано художником с большим мастерством. Видимо, отдельные части картины были вначале зарисованы с натуры на этюды и потом с этюдов перенесены на картину и скомпонованы. В картине исключительно точный, великолепный рисунок, сочные, свежие краски. Крупный талант Верещагина не только как рисовальщика, но и как живописца проявляется впервые в начале 70-х гг., именно в туркестанских работах. До этого Верещагин работал преимущественно карандашом, акварелью и очень редко масляными красками. Четкий, сухой и правильный рисунок, протоколирующий все мелочи изображаемой темы, характеризует уже ранние работы художника. Ранняя масляная живопись Верещагина, по отзывам современников, была академична. Но во всей силе рисунок и яркие, сочные и разнообразные краски появляются только теперь. В отношении красок, колорита очевидно несомненное влияние на Верещагина искусства Жерома. В данной картине с большим вниманием, документально точно выписаны отдельные детали, яркие, цветистые, пестрые хаалаты, чалмы, узоры мечети и даже кувшины на переднем плане.

Картина не содержит в себе единства зрительного впечатления и представляет собой рассказ, сумму нескольких разрозненных и недостаточно соединенных, по крайней мере на переднем плане, предметов. Яркие локальные краски способствуют усилению этого впечатления. Каждую фигуру нужно долго отдельно от других рассматривать, необходимо обойти глазами всю картину со всеми ее деталями, и только после этого станет ясно содержание и отыщется центр.

Одна из ранних написанных маслом картин Верещагина — «Торжествуют» — безусловно реалистическое произведение. Однако эта вещь несет в себе сильное влияние академизма и характерна борьбой натуралистически-реалистической и академической тенденций. «Борьба» с академизмом, Верещагин

долго не может преодолеть его. Композиционная построенность картины, выражающаяся в замкнутости заднего фона, в отсутствии прорыва в глубину, в расположении людей и животных по кругу, в помещении сюжетного центра в геометрическом центре картины, напоминает нам академическое искусство. Симметрия, уравновешенность, декоративность и парадность полотна свидетельствуют также о сильнейших рецидивах академизма. О том же говорят окрашивающие, локальные краски. Еще более чувствуется академизм в некоторых других работах Туркестанской серии, в частности в «Продаже ребенка-невольника» и в «У дверей Тамерлана». Последняя работа, несмотря на иллюзионистически-натуралистическую выписанность отдельных деталей, по характеру структуры цвета, его окрашивающему значению, по уравновешенной, фронтальной, центрικής композиции сильно напоминает академическую живопись. Это бессилие Верещагина полностью преодолеть академические традиции в живописи было своеобразным выражением бессилия русской либеральной буржуазии в ее трусливой оппозиционной «борьбе» с господствовавшим реакционно-консервативным дворянством и его идеологией. Картина «Торжествуют», благодаря соединению рецидивов академизма с реалистически-объективистской тенденцией, значительно ослабляется в своих достоинствах. Сохраняя академические принципы построения картины, художник как реалист уже не может целиком подчиниться этим принципам, и они превращаются в какой-то неполноценный и даже рудиментарный момент. Отдавая дань законам академической живописи, художник поместил сюжетный центр в геометрическом центре ее, но вместе с тем строгающее, «абсолютное», документально-точное воспроизведение деталей картины потребовало от художника выделения и подробной проработки в картине переднего плана, который, с точки зрения этой «абсолютной правдивости», естественно, должен быть видимым лучше, чем второй и третий планы. Поэтому-то центр картины с трудом отыскивается зрителем, и глав-

ная, в сущности, фигура муллы обращает на себя далеко не первое внимание. Зато второстепенные детали переднего плана в ущерб второму и третьему планам зафиксированы во всех подробностях.

Однако проанализируем дальше идею этого произведения. Верещагин дополняет художественные средства выражения замысла надписью на раме картины: «Торжествуют»: «так повелевает бог». «Нет бога кроме бога...» Художник подчеркивает этим, что зверство узбеков благословляется их «варварской» религией и что от фанатизированных узбеков ничего русским ожидать нельзя, кроме самых диких зверств.

Головы русских солдат выделяются темными пятнами на фоне ясного неба и роскошной мечети. Они свидетельствуют об ужасах войны. Картина подчеркивает, что завоевание русскими Средней Азии — это не триумфальный марш одетой в парадные мундиры армии. Многие солдаты сложили свои головы. Многие семьи там, в глубине страны, осиротели. Страшная смерть постигла завоевателей. Ужасные, жестокие стороны войны в «Торжествуют», как и в других картинах, доходили до современников. На широчайшие слои русского и иностранного общества, воспитанного на сладеньких академических батальных, верещагинский реализм, эти срисованные с природы искалеченные, обезображенные головы солдат производили колоссальное впечатление. Идея пацифизма, буржуазного пацифизма, безусловно содержится в «Торжествуют». Однако при первом же анализе картины становится очевидной не только вся ограниченность и порочность буржуазного пацифизма, но и с ясностью обнаруживается то, что буржуазный пацифизм не противоречит милитаризму, а обязательно соединяется с ним и переходит в него. Мы видели по письмам, статьям и высказываниям Верещагина, что он хотел в своих произведениях бороться с войной, хотел ее «подрыть», «укусить» и т. д. В «Торжествуют» же, как и в ряде других картин, Верещагин воплощает идею мира в показе отдельных ужасов и жестокостей

войны. «Отвлеченно-философская», абстрактная идея пацифизма, выраженная художником в конкретной форме торжества «диких» победителей-узбеков, снижается до констатации зверств войны, ответственность за которые несут по смыслу картины те же «варвары». Эта картина Верещагина говорит, что война — нечеловеческое, ужасное, жестокое дело. Смотрите, какой ужасной смертью погибли солдаты! Но кто инициатор и организатор этих зверств? «Дикари», «варвары». Какой путь уничтожения войн указывает зрителю картина? Взваливая ответственность рисуемых зверств на узбеков, картина заставляет зрителя искать в них и причину войны. Завоюйте, покорите этих «варваров», внесите им цивилизацию (т. е. превратите их в колониальный народ), и вы уничтожите войны, — таков смысл картины «Торжествуют» и таков диалектический путь превращения буржуазного пацифизма в прямую агитацию за войну.

Совершенно ясно, что картина в свое время возбуждала в буржуазном и мелкобуржуазном русском зрителе ненависть к среднеазиатским народам, извращая смысл завоевательной политики русского царизма. В «Торжествуют» идея показа ужасов войны выражена художником в самой слабой степени по сравнению с другими картинами. Однако, рассматривая внимательно это произведение как одно из звеньев всей серии «Варвары», мы убедимся, что момент пацифизма присутствует и здесь.

В картине «Представляют трофеи» идея показа ужасных сторон войны так же, как и в «Торжествуют», выражена художником в показе диких нравов вождей покоряемых народов. В роскошном самаркандском дворце подчиненные бухарского эмира наслаждаются своего «владыку» зрелищем отрезанных голов русских солдат. Восточная роскошь только подчеркивает «дикость» и «зверские нравы азиатов».

Какие чувства, кроме ужаса и ненависти к покоряемым народам и жалости к русскому солдату, вызывали у современников такие произведения, как «Высматривают» (1873 г.), «Нападают

врасплох», «Окружили — преследуют», где художник безусловно хотел показать зрителю не только «варваров», но и войну во всех ее ужасах. Зритель, смотревший на изображенные в картинах отрубленные головы, изуродованные трупы русских солдат, испытывал не столько ужас перед войной, сколько чувство ненависти к «диким, жестоким варварам», горячую любовь и жалость к русским «героям», желание помочь этим «героям» в их «цивилизаторской» (читай: разбойничьей) миссии. Картины «пацифиста» Верещагина мобилизовали зрителя на дело помощи и сочувствия русской армии.

В небольшой картине «Нападают врасплох» это переплетение пацифизма и милитаризма при объективно-ведущем значении последнего особенно ясно. Беспечно разбрелись отдельные солдаты по долине близ лагеря. Забыта была всякая осторожность. Неожиданной грозной лавиной налетела на лагерь «дикая» пестрая, режущая, колющая страшная конница неприятеля. Голчутся конями и убиваются разбредшиеся по полю солдаты. Из всех сил бегут они, вытянув вперед руки к палаткам, но напрасно: неприятель их настигает. Ужас войны подчеркивается художником каждой деталью картины. Вот беспомощный, сброшенный лошадию на землю солдатик пытается отвести неумолимый удар пики. Рядом с ним другой солдат, настигнутый неприятелем, наивно пытается защитить себя протянутой рукой от нависшего сабельного удара. Распростертая фигура убитого солдата свидетельствует о серьезности схватки. Клубами поднимающаяся с земли густая пыль скрывает от русских истинное количество неприятеля. Видны лишь первые ряды этой страшной, уничтожающей все на своем пути, конницы. Кажется, что нет конца этой налетевшей неумолимой лавине. Прекрасно переданный тяжелый, дымный воздух, стоящий над долиной, подчеркивает напряженность положения. Горы громадным каменным кольцом окружили долину. Кучке русских солдат нелегко бежать, негде спастись, горы отрезали отступление. Пейзаж подчер-

кивает обреченность русского отряда. Верещагин обладал всегда исключительным умением дать в картине такой пейзаж, который замечательно ярко подчеркивал всю драматичность действия. Это умение во всей своей силе проявилось и в данной картине. Близ палаток лагеря собралась горсть русских солдат, защищающая, сомкнувшись, свою жизнь и свою «честь». «Умрем — не посрамим земли русской!.. Мертвые срама не имут» — написано на раме картины. Русские решили героически умереть.

Здесь два лагеря. Один — «дикий», неумолимо жестокий, безгранично большой; этот лагерь — нападающий. Другой — маленький, обороняющийся, храбрый, героически-возвышенный и в то же время великодушный. Так сумел Верещагин исказить действительную войну, зарисовывая только конкретные, «истинные факты». Это бьющее в глаза соединение в картине Верещагина пацифизма и воинствующего шовинизма даже самые ярые сторонники буржуазного и мелкобуржуазного пацифизма считали вполне законным, — настолько ограничен сам этот буржуазный пацифизм. Демократически настроенный Стасов, прославлявший картины Верещагина за выраженные в них идеи пацифизма, восхвалял их и за то, что они дают героический образ «схватки дикой цивилизации» с «цивилизацией светлой».

Многие консервативные генералы, глядя на верещагинские картины, возмущались тем, что победителями в этих картинах часто были изображены «варвары». Однако эти полотна были объективно лишь новой, буржуазной, более высокой, более утонченной и более сильной формой пропаганды воинствующего национализма и милитаризма, чем парадная дворянская батальная живопись.

«Весь свет, — писал Стасов, — увидел.. целую эпопею «Варвары», где, как никогда и ни у кого, попробовано изобразить последнее столкновение, последнюю схватку дикой, зверской, полуживотной цивилизации с цивилизацией светлой, человеческой, европейской, все заливающей; все видели и поняли, как верно и правдиво была изображена национальная русская натура, простая, на-

ивная и кроткая, сама не сознающая своей геркулесовской мощи и великого своего дела, когда под видом солдата с ружьем в руках совершает великие исторические дела...¹⁾.

Мирно настроенный русский человек с древнейших времен испытывал бедствия войны. На него нападали в древности то половцы, то печенеги, а теперь нападают воинственные среднеазиатские народы; они несут войну, они источник столько несчастий, — такова мысль «Нападают врасплох» и «Окружили — преследуют». Эту ведущую мысль «Нападают врасплох», «Окружили — преследуют» и «Парламентеров» опять-таки хорошо уловил Стасов.

«Вот для начала маленькая кучка русских, не хотящих сдаваться ярким восточным халатакам и решивших лечь костями среди последнего поля, точь-в-точь те русские, которые тысячу лет тому назад стояли непобедимой горсточкой вокруг Святослава. Только костюм переменялся... — Вот вам... солдатики наши, застигнутые и окруженные врасплох, так же, словно тысячу лет тому назад; ничто не отучило их от беспечности и кое-какства, но зато никто не перешеголяет их в последнюю минуту, когда пришлось дорого жизнь продать, расстрелять все до последнего патрона, сомкнувшись спинами, и потом, среди стелющегося голубого дыма и налетающей дикой орды, точь-в-точь прежних печенегов или половцев, упасть один за другим кроткими, неведомыми, скоро позабытыми героями и богатырями»²⁾.

Рассмотрим теперь знаменитый «Апофеоз войны» (1872 г.). Зрителя поражает краткая выразительность этого замечательного произведения. Идея картины поясняется надписью на раме: «Посвящается всем великим завоевателям: прошедшим, настоящим и будущим». Верещагина часто за его объективизм, точность воспроизведения деталей обвиняют в отсутствии всякого обобщения. «Апофеоз войны» говорит о том, что у Верещагина в отдельных произведени-

¹⁾ Стасов. Соч., т. I, ч. II, стр. 609.

²⁾ Стасов. Соч., т. I, ч. II, стр. 503.

ях не только есть обобщение, но это обобщение иногда достигает величайшей силы и выразительности. «Апофеоз войны» — это реалистическое произведение, по интенсивности обобщения приближающееся к символу. И тем не менее даже в этой вещи мы найдем элементы точнейшей передачи виденного. Достаточно указать на воспроизведенные шрамы от сабельных ударов на черепах. Картина бедна и скупа по сюжету, здесь нет ни действия, ни действующих лиц. Громадная груда черепов символизирует результаты войны и смертной казни. «Апофеоз войны» — это одно из лучших произведений Верещагина. Сильный своей выразительностью, простотой и лаконичностью, «Апофеоз» приковывает к себе внимание, заставляет задумываться, несмотря на бедный, в сущности, сюжет. Лучше, ярче, выразительнее, чем в «Апофеозе войны», Верещагин нигде не смог выразить идею жестокости, дикости войн. «Апофеоз войны» — это изображение смерти, уничтожения, разрушения. На первый взгляд кажется, что Верещагин хочет выразить эту абстрактную идею безотносительно к определенному времени и определенному народу. Этому впечатлению способствует надпись на раме картины. В картине нет ни указания на причину войн, ни на способы их уничтожения. Это как будто не отображение реальной действительности, а надуманный символ. Однако более внимательно отнесшийся к картине зритель заметит, что пирамида черепов помещена не на нейтральном каком-нибудь фоне, а на довольно-таки правдоподобно воспроизведенной голой, выжженной желтой степи, с сухими, голыми и мертвыми деревьями, не только символизирующими разрушение, но и показывающими, что воспроизведенное имеет место очевидно в Азии. Еще более ориентируют нас в этом изображенные на правом плане картины среднеазиатские постройки. Припомним теперь, что «Апофеоз войны» был заключительной картиной серии «Варвары» и что вся серия показывала зверства и жестокость среднеазиатских народов. В «Апофеозе войны» изображены черепа тех несчастных

русских солдат, которых мы видели в картинах «Нападают врасплох», «Окружили — преследуют», и прежде, чем попасть в пирамиду, эти черепа, по замыслу художника, зритель должен был видеть в «Представляют трофеи» и «Торжествуют», следовательно, это черепа не вообще неизвестных людей, это черепа европейцев, в частности русских, обезглавленных «варварами». Сюжет картины не безотносителен ко времени и пространству. Картина должна была показывать вместе с другими картинами «среднеазиатских варваров», которых в это время подчиняли русские помещики и буржуазия. Верещагин, доказывавший своими картинами иконное, существующее тысячелетиями, благородство русских, в данной картине хотел доказать, что зверские нравы и обычаи Тамерлана сохранены «варварами» и поныне. Именно это и говорит об «Апофеозе» Верещагин в составленном им каталоге.

«Эта картина исторически верна: Тимур, или Тамерлан, заливший кровью всю Азию и часть Европы и считающийся теперь великим святым у всех среднеазиатских магометан, везде соорудил подобные памятники своего величия. В нынешние же времена голова знаменитого немецкого путешественника Шлагинтвейта также попала, судя по среднеазиатским рассказам, в подобную гору черепов¹⁾. Мы видим, таким образом, что и в «Апофеозе войны», как и во всех других картинах серии «Варвары», идея пацифизма выражена в показе конкретных зверств тех же «среднеазиатцев». Как в «Торжествуют», как в «Нападают врасплох», так и в «Апофеозе войны» мы имеем принципиально одно и то же отношение художника к войне, а также одни и те же средства выражения пацифистских идей. Интересно, что первоначально Верещагин «Апофеоз войны» предполагал даже назвать «Апофеозом Тамерлана», настолько очевидно было желание преподнести идею о триумфах войны и показ ужасов войны в привычной уже

¹⁾ «Каталог к картинам, этюдам и рисункам Верещагина». Москва, 1879 г.

форме зверства «азиатов». И только под влиянием Франко-Прусской войны художник решил обобщить название картины и надпись на ее раме. Таким образом, когда говорят, что «Апофеоз» — «пацифистская» картина, а вот «Торжествуют» — это сплошной «милитаризм», то рассуждают недостаточно верно. Трудность определения в «Апофеозе» конкретно-исторических данных, отсутствие сцен, костюмов, по которым можно бы было определить время и место действия, а также обобщающая надпись позволили Верещагину менее заметно для зрителя проявить обратную сторону своего пацифизма и, наоборот, ужас войны, идею буржуазного пацифизма представить в более абстрактной форме. В тех картинах, где отрицательные стороны войны выражены в более конкретной форме, милитаристичность Верещагина более ярко выступала на передний план. Однако даже эта наиболее абстрактная и символическая картина содержит в себе добрую долю национализма и милитаризма. Разница между первыми и последней картиной серии «Варвары» лежит не в том, что в одних картинах художник выражал пропаганду войны, а в других пропаганду мира, — разница заключается в разной степени обобщения. Идеи же, которые художник хотел выразить в этих картинах, принципиально-политически, качественно, так сказать, были одни и те же. Но в нашу эпоху неискушенный зритель, благодаря надписи и громадному обобщению сюжета, воспринимает эту картину как символ апофеоза войны вообще. Зная же историю картины, зная, что она — завершающее звено серии «Варвары», а также обратив внимание на то, что «Апофеоз войны» дан именно на примере среднеазиатской действительности (и это далеко не случайно), зритель поймет, что даже этот, на первый взгляд «чистый», пацифизм не отгорожен китайской стеной от милитаризма. В композиционном отношении «Апофеоз войны» не лишен академических традиций. Резко бросаются в глаза контуры симметричной, построенной правильным треугольником, пирамиды. Художник в угоду этому академическо-

му принципу пожертвовал даже несколько своим об'ективизмом. Много груд черепов видел художник в своих путешествиях по Средней Азии, но трудно поверить, чтобы могла существовать такая стройная, не рассыпающаяся от ветра, бурь, хищных птиц, пирамида.

Каждая деталь картины — эти мертвые деревья, этот полуразрушенный безлюдный город, высохшая трава, отсутствие всякой жизни, кроме питающихся падалью птиц, — подчеркивает смысл картины — показ апофеоза войны. Пейзаж картины и в данной вещи как нельзя более способствует раскрытию идеи картины, представляя собой не фон, не аксессуар, а полноценную часть сюжета. Исключительно удачно подобран желтый колорит, сам по себе символизирующий умирание и смерть. В картине с большим мастерством передано небо и далекая синяя полоска гор, видимых на горизонте. Ясное южное небо подчеркивает еще более сухость выгоревшей бесплодной земли и мертвенность всего окружающего. Уже в туркестанских картинах Верещагина развивается и совершенствуется блестящее умение художника воспроизвести яркоголубое южное небо, яркое солнечное освещение и воздух. Но в индийских этюдах это умение достигает наибольшей вершины. Безбрежность, глубину, синеву, бархатистость южного индийского неба немногие художники могли так передать, как это делал Верещагин. Интерес к проблемам передачи света и воздуха, имеющий место уже в Туркестанской серии, еще более возрастает в дальнейшем, особенно в Индийской серии. Художник пропелет необходимость рисовать воздух на воздухе, а не в комнате или мастерской. Однако пленэра в импрессионистическом смысле слова ни в Туркестанской, ни в Индийской, ни в Русско-Турецкой и Наполеоновской сериях нет, хотя и есть робкие попытки живописно изобразить например стену в «Дверях Тамерлана». Ни свет, ни воздух не разрушают формы предметов, не уничтожают строгого рисунка и локальных красок. Лишь в этюдах, привезенных из путешествия по Японии, художник подходит близко к импрессионизму.

Ряд других картин Верещагина из Туркестанской серии передает нам реальные, с большой точностью нарисованные, отдельные эпизоды войны. Картина «Смертельно раненный» (1873 г.) — это сцена из обороны Самарканда.

«Солдата пуля ударила в ребра, — вспоминает художник, — он выпустил из рук ружье, схватился за грудь и побежал по площадке вкруговую, крича: «Ой, братцы, убили, ой убили! Ой, смерть моя пришла.» — «Что ты кричишь-то, сердечный, ты ляг» — говорит ему ближний товарищ. Но бедняк ничего уже не слышал, он описал еще круг, пошатнулся, упал навзничь, умер, и его патроны пошли в мой запас». Художник прекрасно сумел передать в напряженной, бегущей прочь от всех этих ужасов, фигуре сильнейшие страдания умирающего насильственной смертью солдата. От боли и смертельного страха теряющий сознание человек, обезумев, схватился за рану руками. Величайшая трагедия этого несчастного человека ярко и в то же время просто выражена художником. Впечатление напряженности, драматичности происходящих событий художник усиливает мастерски схваченными позами убитых. Прекрасно передано бледное от поднимающегося порохового дыма небо, выгоревшая бесплодная песчаная почва и знойная, раскаленная атмосфера жаркого дня. Разумеется, эта картина в современном ей зрителе укрепляла не столько идею мира, сколько опять-таки вызывала сочувствие и жалость к русскому солдату.

В драмах и трагедиях, которые изобразил Верещагин в Туркестанской серии, героем выступает рядовой солдат. Художник в каждой картине поет целые гимны этой страдающей, простой, терпеливой, одетой в солдатские шинели, массе. Правда, в некоторых картинах изображены и офицеры: но эти офицеры в «Нападают врасплох», «Пусть войдут» и других картинах органически сливаются с массой солдат: офицеры столь же просто одеты, они подвержены тем же опасностям, которые существуют для солдат. Здесь офицер не выделяется, не противопоставлен массе, — он рассма-

тривается едва ли не как равная часть армейского коллектива. В туркестанских картинах героизирован образ солдата. Офицер же, если и героизирован, то героизирован как солдат, как рядовой воин, сражающийся только в первых, а не последних рядах. Эта «демократичность» персонажей Туркестанской серии в истории русской батальной живописи сама по себе была новой и прогрессивной чертой, однако эта «демократичность» объективно только способствовала выражению ведущей идеи картины — оправданью внешней политики самодержавия. Проникаясь сочувствием к страданиям солдатской массы, зритель незаметно начинал ей сочувствовать, начинал жалеть ее. Наоборот, масса нападающих и побеждающих националов рассматривалась зрителем, как источник мучений, которым подвергались солдаты. Сочувствие к страданиям русских солдат у зрителя, таким образом, незаметно переходило в радость по случаю их побед и в печаль — по случаю их поражения. Публика начинала отождествлять симпатии к личной судьбе страдающих солдат с сочувствием к тому делу, которое эти солдаты осуществляли. Широкая демократическая публика, оставшаяся равнодушной к избитым изображениям титанических мучений всяких именитых сверхлюдей, героев, полководцев, была потрясена страданиями тысяч обычных, реальных и, главное, простых людей, людей, которые были плотью от плоти самой этой публики. «Демократизация» персонажей делала картины Верещагина действеннее, «доходчивее» для «народа»; она создавала вокруг картины атмосферу расположения, доверия, так как в картине демократические слои зрителей видели не чужую, а свою собственную трагедию. Все это облегчало пропаганду основных идей картин.

Чувство жалости к русскому солдату воспитывала также и такая нашумевшая картина Верещагина, как «Забитый», рисующая убитого, непохороненного солдата, труп которого оставлен ушедшим русским отрядом. Этот труп оставлен в поле: распоряжение хищным птицам.

Выбранные художником яркие образы действительной войны тонко пропагандировали в разных слоях общества те идеи, которые, будучи выражены официальным, казенным языком, у многих не находили сочувствия. Не даром говорилось, что картины Верещагина есть завоевание для России не меньшее, чем завоевание в Средней Азии генерала Кауфмана. Многие журнальные отзывы того времени о картинах Верещагина говорят именно об этом впечатлении.

«Картины эти... самый блестящий и долговечный памятник, воздвигнутый в память Кауфмана и его сподвижников — в память тех страшных затруднений, которые Россия могла преодолеть только при помощи русского солдата... — писалось во «Всемирной иллюстрации» (1874 г., № 273). — Когда я смотрел на этих писанных солдатиков, я страдал за них и радовался за их нравственную несокрушимую силу. А помните труп, позабытый среди степи, добычу смерти и хищных птиц? Ведь эта картина так и говорит русскому сердцу: не позабудь этого позабытого, вспомни, что и его так же, как и тебя, мать родила, пеленала, грудью кормила...» Или: «Г. Верещагин не рутинер, не подражатель, он выбрал новый путь для прославления нашего солдата, и хорошо сделал, что не пошел по избитой колее».

Подобные отзывы о картинах Верещагина давала преимущественно либеральная пресса. Не менее интересен и отзыв известного писателя Мордозцева о картинах Верещагина: «Этот ужас, который я испытываю перед его картинами, возвышает в моих глазах подвиг русского народа так, как не возвысили бы тысячи других батальных изображений его храбрости»¹⁾.

Не только батальная живопись Верещагина, но и этнографическая вызывала у зрителей те же отзывы. Вот перед нами «Самаркандский зиндан» — подземная тюрьма-клоповник, в которой гибли сѐдаемые клопами заключенные.

Жестокой пыткой проходил для обитателей этой тюрьмы каждый час пребывания в ней. В картине прекрасно передан падающий в яму сверху свет, который растворяется постепенно в вечном мраке подземной тюрьмы. Этот льющийся слабый свет, играя на отдельных предметах и фигурах людей, как бы подчеркивает полную отрешенность заключенных от свободы, света и свежего воздуха. Вся картина вызывает в зрителе ужас перед этим тонким по своей жестокости наказанием. Другая картина, «Продажа ребенка-невольника», пытается, в сущности, апеллировать к «сердобольной» либеральной части общества по поводу ужасов рабства, творящихся у «варваров», и либеральное общество возмущается, негодуя на дикость «рабовладельцев», забывая, что подобная торговля детьми более десяти лет до момента написания картины была обычной в практике русской «цивилизации». «Поклонники бачи» передает факт гомосексуальной любви у «диких». Как видим, художник зафиксировал не просто быт народов Средней Азии; он зафиксировал определенные стороны этого быта, которые способствовали в то время утверждению легенды о необходимости покорения варваров ради их «культурного» приобщения.

Таким образом, мы рассмотрели, хотя и довольно кратко, основные картины Туркестанской серии, мы видели, как неизменно пацифистские идеи Верещагина переплетались с идеями дикости «варваров», необходимости их покорения и т. д. Однако эти далеко не «левые», а всего лишь слабо-либеральные картины считались «мятежными», тенденциозными консервативной частью общества.

Верещагина, который гордился своей объективностью, жертвуя собственной кровью, глубоко удручали эти обвинения. Не меньше удручали его обвинения в отсутствии патриотизма, обвинения в нигилизме и политической неблагонадежности.

«Мы все еще не можем освободиться от того средневекового предрассудка, что художник должен непременно кого-либо

¹⁾ «Новое время», 1880 г., № 1442. (Приводя это письмо, «Новое время» не соглашается с ним.)

или что-либо прославлять», — писал позднее с горечью Верещагин немецкому критику Пичу.

В своей полуавтобиографической повести «Литератор» Верещагин в уста Верховцева вложил свое глубочайшее возмущение русской консервативной критикой, обвинявшей художника в тенденциозности. «Выпустишь труд хорошо обдуманый, осмысленный рассказ из пережитого, перечувствованного, — «Тенденция, Тенденция! Злой умысел! Это вредный человек!», — не затруднятся и не постыдятся изречь несогласные со взглядами автора люди... В России выворачивали наизнанку самого человека, дожиливались его тайных помыслов и побуждений. Критика граничила с ненавистью, сыском и доносом». Верещагину ставили в упрек то, что русская армия, уходя, никогда не могла оставить на седение пшицам труп погибшего солдата («Забывтый»). Его укоряли в том, что он показывает победу не русских, а азиатов, и прочее. Нашлось большое количество людей, которые сочили пропаганду Верещагиным идеей пацифизма революционной. Даже этому ограниченному, непоследовательному пацифизму, который всюду переходил в милитаризм, заостенелые консерваторы отказывали в «правах гражданства». И это не только в России, это было в Германии и даже в «демократической» Америке. Автор этих строк в архиве бывшего с.-петербургского цензурного комитета удалось найти интересный документ, мотивирующий запрещеение всякого воспроизведения картины «Забывтый».

«Дозволение картины «Забывтый», изображающей убитого солдата, оставленного в степи непохорошенным, отклонялось в разное время как вследствие ее тяжелого сюжета, так и заключенного в сюжете протеста против тяжести войны и ее жестокостей и противу военачальников, могущих допустить таких «забывтых», положивших жизнь во славу родины». Изображение «протеста против тяжести войны» счел недопустимым известный немецкий полководец Мольтке, запретивший солдатам посещать выставку Верещагина. Это запрещение было потом распространено и на

школьников. Мало отличались от германцев в заботах о воспитании подрастающего поколения и американские власти... «в одном из городов (кажется, в С.-Луисе), — писала Стасову жена Верещагина (22 ноября 1904 г.), — учащихся не пускали смотреть картины Василия Васильевича, как в н у ш а ю щ и е о т в р а щ е н и е к в о й н е». Таковы были условия, в которых Верещагин осуществлял свой «гражданский долг» пропаганды идей отвращения к ужасам войны.

Верещагинский реализм, приближающийся в отдельных случаях в конце 60-х и начале 70-х гг. к натурализму, несмотря на наличие известного обобщения, никогда не поднимался до реализма Репина. Репин сумел в каждом типе «Бурлаков», «Крестного похода», «Террористов» дать исключительные по силе и глубине психофизиологической и социальной характеристики типы. Рассматривая отдельные персонажи «Крестного хода», вы видите за каждым из них характеристику целого класса русского общества. Глубина психологической характеристики этих персонажей просто неисчерпаема. Вы находите каждый раз все новые и новые черты в каждом данном лице. Репин сумел гениально синтезировать громадное количество типичного, характерного для сотен и тысяч людей, в одном лице какого-либо горбуна, пропагандиста, протодиакона и т. д. У Репина сила обобщения, типизация образов подлинно гениальна. Но этой поразительной глубины образов при всем замечательном таланте Верещагина мы в его произведениях не найдем. В «Торжествуют» метко схвачены позы стоящих и сидящих узбеков, в «Смертельно раненом» замечательно передана трагическая поза солдата в агонии, наконец замечательно переданы, например, торговцы ребенком-невольником. Но каждый из этих прекрасных образов никогда не поражает зрителя овоей глубиной. Зритель не будет стоять у картины Верещагина часами, рассматривая изображенные типы. Верещагин передает позу, внешний жест, дает замечательно сходный, верно переданный момент, но у него никогда нет

репинской неисчерпаемой глубины типов. Верещагинское сходство какое-то холодное, внешнее, при котором нельзя придраться ни к одной детали, но при котором дается не тип, а острее индивид. Строжайшее отношение Верещагина к натуре мешало ему свободно, по-репински обобщать и синтезировать действительность. У Верещагина есть обобщение, но он преимущественно художник конкретного, виденного, но не общего. Поэтому-то он и не дал нам в своих произведениях сильных по глубине психологической и социальной характеристики типов. Интересно, что у Верещагина цвет, краска в картине обычно имеет, если так можно выразиться, только протоколирующее значение, тогда как у Репина она глубоко эмоциональна, то есть выступает мощным средством передачи глубоких чувств, сильных переживаний. Знаменитый современник Верещагина, Крамской, правильно подметил эту слабость нашего баталиста: «Верещагин не из тех художников ... которые раскрывают глубокие драмы человеческого сердца... он объективен гораздо больше, чем человеку свойственно вообще». Рационализм, холодность, неспособность передать глубину человеческих переживаний — вот в чем обвиняют Верещагина и другие знаменитые художники. Но можно ли обвинять такого эмпирика, как Верещагин, в излишнем рационализме? Да, можно. Абстрактную, «рациональную» идею пафизма Верещагин доказывал изображением «правды», изображением виденного, изображением конкретного. Картина, правдиво передавая мельчайшие детали действительности, конкретное, была для художника в значительной степени иллюстрацией, доказательством его рациональной идеи. Верещагин боялся обобщений, хотя и не мог не допустить их совершенно. Давая в таких картинах, как «Забутый», «Окружили — преследуют», известное обобщение, художник подвергся обвинениям в клевете, в тенденции, неправде. А это было самым сильным, самым страшным для него обвинением, так как не даром он ставил целью своего творчества показ только «правды», только

«истины». Не даром он, гордившийся своим объективизмом, под влиянием обвинений во лжи, уничтожил «Забутого» и «Окружили — преследуют».

Эмпиризм Верещагина, его объективизм не дают, однако, нам права говорить, что он «типичный натуралист» в том смысле, в котором употребляли обычно это слово. Натурализм характеризуется обычно рядом черт. Натурализм иллюзионистически воспроизводит действительность, он фотографически точно воспроизводит любой предмет. Бездумное, пассивное, поверхностное отношение художника к вопросу о том, что изображать, и кропотливейшее выписывание деталей объекта изображения. Натурализм не выражает ярко оценки изображаемому факту. Натурализм не дает обобщения. При всем своем объективизме и эмпиризме Верещагин не может быть отнесен к подобному сорту художников. Нет необходимости доказывать идейность верещагинского творчества. Для верещагинской живописи объективно-реалистическое, тщательное, протоколирующее отношение к действительности есть, не самоцель, а средство. В произведениях Верещагина присутствует ярко выраженная оценка действительности. Правда, эта оценка дается чаще и больше самим выбором объекта изображения, однако никто не может сказать, что у художника нет этой оценки, данной и обобщением содержания. Разбирая например «Апофеоз войны», мы видели у Верещагина наличие обобщения. Сам Верещагин говорил:

«Я... утверждаю, что в тех случаях, когда существует лишь простое воспроизведение факта или события без всякой идеи, без всякого обобщения, может быть, и найдутся некоторые черты реалистического выполнения, но реализма здесь не будет и тени, то есть того осмысленного реализма, в основе которого лежат наблюдения и факты, — в противоположность идеализму, который основывается на впечатлениях и показаниях, установленных а-приори» («Реализм»). Можно и нужно говорить о чрезмерном эмпиризме Верещагина, но идейность его произведений, наличие яр-

ко выраженной оценки действительности, наличие в ряде картин обобщения, хотя и не достигающего репинской силы, не дает нам права относить этого художника целиком к натурализму. Весь верещагинский реализм — весьма крайний по своему объективизму. Но этот реализм не однокровен в разное время. Этот реализм в ряде картин Туркестанской серии, сочетаясь с непреодоленными остатками академизма, был близок к натурализму. В Русско-Турецкой серии мы уже имеем значительное преодоление академических традиций и в то же время значительное отдаление от натурализма. Характерно например то, что даже обилие деталей, их выписанность, их выделение на передний план, которое было характерно для Туркестанской серии, в Русско-Турецкой серии совершенно отпадает. Что же касается Палестинской серии, Наполеоновской серии и других поздних работ Верещагина, представляющих собой в известной степени компромисс идеализма и реализма, то здесь с еще меньшим правом можно говорить о натурализме Верещагина.

Работы Верещагина, посвященные Русско-Турецкой войне, по своему содержанию являются дальнейшим развитием туркестанских картин. Картина «Шейка-Шейново» содержит в себе характерное для Верещагина переплетение идей пацифизма с прославлением доблести русского войска. Картина изображает реальный эпизод из Русско-Турецкой войны, свидетелем которого был сам художник. Среди изображенных на картине действующих лиц мы найдем поэтому и самого художника. «На другой день победы при Шейнове, — вспоминает Верещагин, — войска были поставлены левым флангом к горе св. Николая, фронтом к деревне Шейново. Скобелев, выехавший из деревни, дал шпоры лошади и, сняв фуражку, на всем скаку приветствовал солдат: «Именем отечества, именем государя — спасибо, братцы!»

Весь передний план и центр картины заполнены трупами русских солдат и турок. Внимание зрителя приковывается прежде всего к этим лежащим вдоль укреплений трупам. Верещагин с неиз-

менным реализмом рисует весь ужас последствий войны. Слева навзничь лежит солдат с вытянутыми кверху руками. Вильговки давно уже нет в этих руках, но моментальная смерть и мороз сохранили их положение в том виде, в каком они были перед смертью. У этого солдата отсутствует лицо. Вместо лица — сылошная кровавая рана. Другой солдат, уткнувшись лицом в снег, окрасил кругом себя все кровью. Дальше и дальше без конца с потрясающим реализмом изображены наваленные безголовые изуродованные трупы; около самого бастиона лежит бесформенная кровавая куча убитых турок. Мрачное, свинцовое небо, суровый, угрюмый, холодный пейзаж, громады гор, покрытых снегом, — все это усиливает впечатление от ужасных трупов, разбрызганной крови, искалеченных членов.

Показав жертвы боя под Шейновым, художник изображает летящую на быстрых конях кавалькаду ген. Скобелева и его свиты по фронту войск, выходящих бесконечно далекой лентой. На бравое приветствие генерала и свиты брошены в воздух сотни солдатских шапок. Польное упоение победой. И хотя все время помнится первое тяжелое впечатление от множества валяющихся трупов, бравая блестящая группа всадников, эти приветствуемые длинные ряды войск, эти крики ура, оглашающие громом всю долину, показывают, что художник радуется этой победе, он ее прославляет. Ужасы, изображенные на переднем плане картины, как цветное стекло, затемняют, омрачают, но не устраняют впечатления от торжества по случаю победы. Таков основной смысл картины.

В картине нет уже той нарочито построенной композиции, какую мы видели в ряде туркестанских картин. Отсутствие этой академически построенной композиции вызвало много нареканий на художника. «Знаете ли, что мне многие ставили в вину за мои последние картины? — То, что в них нет composition; можно, видите, надумать, что это фотографии с натуры, раскрашенные. Во-первых, и это не дурно, а во-вторых, эти глупцы не понимают, что композиция, сочинение есть, только

оно не заметно, значит, не худо» — писал Верещагин Стасову (январь 1882 г.). Картина объединена единой тональностью и единым колоритом, хотя локальная раскраска отдельных предметов еще имеет место. Прежнее обилие деталей, их выписанность, характерная для картин Туркестанской серии, пропадает. В картинах Русско-Турецкой серии нарастает живописность, увеличивается интерес к передаче воздуха, иногда появляется глубокое пространство. Картины становятся менее яркими и теряют обычную верещагинскую жесткость. Вместе со всей русской буржуазной живописью Верещагин эволюционирует в сторону передачи одномоментно воспринятой действительности. От многопредметности, разобщенности, детализации художник-искатель «правды в красках» идет к тональному и цветовому объединению всей картины. Эта новая концепция изображения действительности казалась еще более объективной и правдивой, напоминая фотографию. Новые живописные достижения были необходимой предпосылкой на пути к появлению импрессионизма с его изображением не только одномоментно воспринятой действительности, но и изображения самого восприятия, самого впечатления от реального мира.

Картина «Панихида», изображающая сотни убитых солдат, считается заслуженно одной из самых сильных картин Верещагина. В этой картине с большой ясностью выражены идеи пацифизма. Необозримое поле усеяно, как срубленным лесом, трупами молодых, рослых людей. До зрителя моментально доходит весь ужас этой картины. Группы потеряли свои резкие очертания, обмякли; в воздухе как будто чувствуется гнилостная атмосфера разложения. Мрачное небо подчеркивает ужас сцены. Здесь погибли страшной смертью сотни полных жизни людей. Как же хоронят их? С почестями и многолюдными демонстрациями? Нет! Одиноко торчат какая-то сонная фигура попа и фигура какого-то военного. Смерть стала настолько обычным явлением, что никто из этих могильщиков не потрясен ею. Два чиновника по долгу службы, может быть,

ради заработка, пришли хоронить эти жертвы войны. Столько страданий, столько горя принесут там на родине известия о смерти отцов, мужей и братьев! А здесь эти сотни изуродованных трупов хоронят только двое чиновников. Полурабодоушная фигура военного резко контрастирует с видом ужасного поля, покрытого человеческим мясом. Художник этим контрастом вызывает в зрителе какое-то внутреннее возмущение. Художник дал в картине кадящего и отпевающего священника не для того, чтобы внести ноты умиротворения в мрачную симфонию смерти, а для того, чтобы подчеркнуть, выявить казенность этого умиротворения. Нарядная риза попа, уминая фигура военного, наконец вся ординарность этого отпевания на фоне кровавого поля воспринимаются невольно, как горькая ирония художника над жестокостью, холодным казенным равнодушием людей к «величайшему бедствию человечества, именуемому войной». Не в последний раз фигура попа благословляет в картинах Верещагина то, что сам художник считал величайшими недугами человечества, — смертную казнь и войну. Несомненно, этим художник выражал привычными ему методами, отображением природы, свое отрицательное отношение к попытке сгладить ужасы войны, «умиротворить» протестующую душу с помощью церкви, с помощью попа. В замечательной картине, примерно того же времени, «Казнь заговорщиков в России» Верещагин из всей публики выделил громадного, гладкого попа — проповедника христианского братолюбия, который с гнусным любопытством смотрит на процедуру казни через повешение. Мало этого, поп демонстративно помещен на фоне фигуры конного жандарма. Зверства жандармов — это фон для фигуры духовенства. Пять виселиц, любопытная толпа обывателей, не менее любопытный поп, наблюдатель подлости царского самодержавия, жандармы, — таково трогательное единство действующих лиц этой картины. Судя по многочисленным письмам и сочинениям художника, можно определенно утверждать, что, будучи сторонником религии

и христианского учения, Верещагин в своем либерализме доходил до антиклерикализма. Не случайно он разоблачал корыстолюбие духовенства, его интриганство, низости и прочее. В «Панихиде» нет, разумеется, антирелигиозного момента, но тенденция выявить отвратительное ничтожество церковно-казенной попытки сглаживания ужасов войны, отчаятельной бойни, здесь и субъективно, и объективно налицо.

Пацифистские идеи ярко проявлены в «Панихиде», как и во многих других картинах Русско-Турецкой серии. Желание показать ужас Русско-Турецкой войны сразу же после заключения мира охватило Верещагина. И это желание было теперь еще более сильным, чем раньше. Художник задался целью смыть с лица войны ее «румяна и белила». «Вот теперь комедия окончилась, — писал Верещагин Стасову, как только кончилась Русско-Турецкая война (письмо от 29 января 1878 г.), — публика аплодирует, актеры вызваны или будут вызваны, скоро будут потушены лампы и люстры, и декорации, такие красивые и такие натуральные, выкажут свою подделку и картон. Оказывается, что и мне приходится смывать малую толику румян и белил с лица»¹).

Но и в этих картинах мы имеем все же только буржуазный пацифизм. Вглядевшись в картину «Панихида» еще более внимательно, мы увидим, что она более конкретна по содержанию, чем это кажется вначале. Здесь изображены трупы русских, а не турок, и эти трупы не просто убитых, а трупы зверски искалеченных людей. У многих трупов вырезаны куски кожи. Некоторые трупы обезглавлены, обуглены, у других перерезан затылок или горло. Картина опять-таки ужасы войны, идею пацифизма передает в показе зверств «дикарей» и «варваров» турок (теперь уже новых «дикарей»), с которыми русские помещики и буржуазия ведут войну. Здесь также изображен реальный факт, который видел сам художник, и о котором он рассказывал зрителям на вы-

ставках, в печати, в письмах, в беседах. Зрители знали и чувствовали, что «Панихида» не только показ ужасов войны, но и одновременно показ зверства турок. Вот как описывал Верещагин Стасову (7 октября 1877 г.) события, которые он потом зарисовал в «Панихиде»: «Затрудняюсь передать вам впечатление массы в несколько сот наших егерей, павших под Телишем и изуродованных турками... В отдельных кучках, прикрытых землею, лежали тела всячески избитые, у кого перерезано горло или затылок, отрезан нос, уши, у некоторых вырезаны куски кожи или продолговатые, или аккуратными кружками; некоторые в груди или в других местах подожжены и обуглены. Когда этих несчастных повыкопали из набросанной на них земли, то представилось что-то до того дикое, что словами трудно сказать... Турки знали, что они делали...»

Зритель, современник картины, внимательно рассмотревший ее, знающий, что изображено на картине, прочитавший каталог, поминивший войну с турками, был до глубины души потрясен увиденным. Но он уже жаждал не мира, а верил в необходимость «наказания» турок. «Пацифизм» картины не устранял милитаристского угара. Много зверств и со стороны русских войск видел Верещагин, но идеи пацифизма не случайно показывались им преимущественно на турецких примерах.

Если «Панихида» показывала результат зверства турок, то «Победители» рисовали нам мародерство турецких солдат, раздевавших и обыскивавших трупы русских. Нет надобности говорить о чувстве возмущения турками, которое охватывало зрителя. Ужасы войны изображены в ряде других картин Русско-Турецкой серии: «После атаки», «Транспорт раненых», «На Шипке все спокойно». Но и эти картины не боролись с войной, а только вызывали в обществе чувство гуманности по отношению к русскому «солдатику», желание помочь армии; вызывали чувство возмущения теми пьянствующими, губящими армию генералами, которые допускали ничемную гибель солдат (например «На Шипке все спокойно»). Картины Рус-

¹) Подчеркнуто мною. — А. Л.

ско-Турецкой серии способствовали укреплению русской армии. Не случайно на выставку этих картин в Петербурге часто с удовольствием ходил ген. Скобелев и бросался в избытке признательности Верещагину на шею; не случайно и то, что картины Русско-Турецкой войны понравилась Александру II, но зато в Будапеште турецкий генеральный консул демонстративно должен был уйти из выставочных зал, говоря, что «картины эти, чрезмерно возвышая русских, унижали турок». (Замимствовано из работы Булгакова: «Верещагин»).

Интересно, что в Русско-Турецкой серии, хотя и есть прежняя «демократичность» персонажей, но несравненно больше отведено места офицерам, генералам, чем раньше. Скобелев («Шипка-Шейново»), Александр II и его свита («Александр II перед Плевной»), офицеры и генералы («Перед атакой» и т. д.) — все они занимают уже не только количественно иное место, чем офицеры в картинах Туркестанской серии, но они теперь как бы выделены из солдатской массы. Это важные, великолепно одетые, представительные начальники, приказ которых равносителен закону. Они — вершители судеб, они — вожди.

«Подростком я видела выставку Верещагина, — говорит Н. К. Крупская, («Правда», от 11 сентября 1933 г.). — Такие картины, как та, где штаб царской армии, одетый в чистые шивелы, в белых перчатках, удобно устроившись в стороне от схватки, смотрит в бинокли на идущую вдали битву, никогда не забудутся». (Н. К. Крупская имеет в виду очевидно картину «Александр II перед Плевной»). Если в Туркестанской серии офицер был слит с солдатской массой, то здесь он не солдат, а только руководитель. Офицеры, полководцы изображены далекими от опасности, от сражений, они только издали руководят боем. Это настолько заметно в картинах Верещагина, что крайние консерваторы усмотрели здесь даже пасквиль. В своем письме к Стасову Верещагин (9 апреля 1882 г.) передает такой интересный факт: «Мольтке ворчал в берлинском обществе на картине мою, представляю-

щую императора Александра II; что они там находят! — говорит, что подумают, будто и наш, то-есть германский, император, также сживал, а то как же, смешно императору махать саблей. Солдатам и школам запрещено было ходить гуртом на мою выставку. Вот-то дураки и идиоты». Тот факт, что Верещагин выделяет офицера-начальника, уделяет ему больше места, больше значения, говорит не о «пасквиле» художника, а о том, что роль личности в военных событиях расценивается Верещагиным теперь выше, чем раньше. Однако не следует преувеличивать этого. Даже в этот период личные качества исторического лица недооцениваются и не принимаются Верещагиным достаточно во внимание. Это подтверждает ряд мест из сочинений художника. Примером могут служить и неопубликованные письма Верещагина к Стасову периода окончания Русско-Турецкой войны.

Верещагин пишет например о том, что ему для картин Индийской серии, где будет выведен принц Уэльский, безразличны личные качества этого принца. «Много причцов, от Уэльского до нашего императора включительно, придется мне изображать, но, признаюсь, я не буду разбирать, кто из них более негодяй или более презренны, как вы выражаеесь, я буду брать их, как исторические лица и модели...» (12 августа 1878 г.).

Несомненно однако, что все же роль личности в исторических событиях оценивается Верещагиным теперь выше, чем раньше. Со второй половины 80-х гг. и в 90-х годах эта тенденция, развиваясь, переходит у Верещагина иногда прямо-таки в ясно идеалистическую переоценку роли личности в истории.

Обе прераданные серии картин — Туркестанская и Русско-Турецкая — были, как мы знаем, попыткой художника показать «правду войны». Верещагин стремился показать эту «правду войны» путем самой строгой передачи виденного, пережитого, с минимумом изменений действительности в картинах. Гарантировало ли такое строго эмпирическое отношение к действительности передачу подлинной «правды войны»?

Из анализа содержания его картин мы уже видели, что подлинной «правды войны» художник не дал нам. Его картины до мельчайших подробностей передают реальные случаи и эпизоды войны. Но это еще не есть показ правды войны. В самом деле, вспомним такие картины, как например «Нападают врасплох» и «Окружили — преследуют». Здесь обобщен ряд реальных действительных событий из Туркестанской войны, свидетелем которых был сам художник. Нельзя никоим образом сказать, что тут что-либо изображено неверно по сравнению с действительностью. Верно и то, что отдельные малочисленные отряды русских бывали в положении обороны, верно и то, что эти отряды подчас уничтожались узбеками или киргизами и т. д., наконец верно и то, что с русскими пленниками мало церемонились взявшие их в плен народы Средней Азии, отстаивая свою независимость. Но дает ли какая-либо из этих картин основное, главное, характерное для данной войны? Разве характерно то, что на русских нападали узбеки, а не наоборот? Разве на картинах Верещагина видно понимание того, что борьба «варваров» есть в действительности героическая оборонительная борьба отстаивающих свою независимость узбеков? Верещагин давал в большинстве случаев частные, не типичные факты в своих картинах; он давал такие факты, которые не схватывали главного, основного в данной войне. А главным и основным в этой войне было не то, что в отдельных случаях русские отряды уничтожались узбеками, а то, что русское самодержавие завоевывало среднеазиатские народы с целью превращения их в колониальных рабов. Можно ли в картинах Верещагина найти хоть половину этой «правды войны» — Разве «зверства» турок, изображенных в Русско-Турецкой серии, вскрывают истинную «правду» войны 1877—78 гг., ее действительные причины и следствия? Конечно нет. Картины Верещагина, изображающие «правду войны» в смысле верности отдельных, специально выбранных художником эпизодов, дезориентировали зрителя и мешали ему постиг-

нуть истинную правду войны в ее основе. Партийный буржуазный подход художника сказывался не только в трактовке отдельных образов, например образов «героических» русских солдат и «диких» узбеков; партийно-буржуазный подход Верещагина сказывался главным образом в выборе изображаемых объектов. Самый «объективизм» и якобы «беспартийный», «беспристрастный» подход к изображаемому был лишь своеобразным средством выражения типично-буржуазных идей. Верещагин как верный сын русской буржуазии заносил на полотно мародерство турок, зверства «азиатов», но нигде не фиксировал в картинах бандитизма, мародерства, утонченной жестокости русских, хотя и видел эти факты постоянно в окружающей его действительности. Правдиво вскрывая отдельные эпизоды войны, Верещагин не смог сочетать эту правдивость со вскрытием сути явления и тенденций его развития. Нет сомнения, что истинной классовой сути войны Верещагин не мог дать и понять в силу общей буржуазной ограниченности своего мировоззрения.

В истории искусства с «легкой» руки А. Бенуа установилась традиция отрицания всякого «художественного» значения за живописью Верещагина. Для реакционной школы Бенуа и его эпигонов оказалось неприемлемым все русское идейно-агитационное и социально-насыщенное искусство 60-х, 70-х и 80-х гг. Это искусство, благодаря своей ярко выраженной идейности, благодаря большому интересу к злободневным вопросам общественной жизни, теряло, по мнению школы Бенуа, специфические художественные особенности. Это не искусство, а агитка, — говорили единомышленники Бенуа о живописи Перова, Репина и других.

Вполне естественно, что и Верещагин со своей идейной социально-заостренной, хотя и не революционной, живописью попал в «немилость» к мирискусникам. И он, оказалось, по мнению Бенуа и его последователей, не был художником, не был живописцем, не учел «специфики» искусства. Мирискусники не могли простить Верещагину идейности его картин.

«Всюду, где Верещагин стремился щеголять своими «идеями», он впадал в художественное безвкусице, в дешевое и чересчур наивное эффектночание... — говорили мирискусники, — он всю жизнь оставался дилетантом живописи, художником, абсолютно не знавшим мастерства своего искусства, и не только не знавшим его, но (и в этом сказался дух времени — антиэстетические тенденции 60-х гг.) не желавшим его знать»¹⁾. Величайшее достоинство многих художников 60—80-х годов, в том числе и Верещагина, — глубокая его идейность, большая социальная острота тематики — признавались «мирискусниками» за потерю специфики искусства. «Чисто-художественные» достоинства реалистической живописи Верещагина оказались «равными нулю». Какую же специфическую особенность живописи утеряли картины Верещагина, по мнению Бенуа? Вот что пишет этот историк живописи о Верещагине:

«Заслуга его перед искусством, стремящимся как-раз найти в загадочной значительности форм разгадку высших тайн, равняется нулю. Верещагин не был никогда художником...»²⁾.

Мы охотно соглашаемся с Бенуа в том, что, если видеть специфику искусства в какой-то мистической «разгадке высших тайн» посредством «загадочных» форм, то Верещагин не может претендовать действительно на звание художника. Но попробуйте найти эту заумную «специфику» не только у Верещагина! Едва ли бы досужему Бенуа удалось найти ее и в самых лучших классических образцах творчества гениев искусства — Рубенса, Рембрандта, Рафаэля, Леонардо да-Винчи и других.

В страхе убегая в своем искусстве прочь от общественно злободневных вопросов текущей жизни, реакционные критики из «Мира искусства» лучшее, что было в творчестве Верещагина, признали худшим и поставили ему в вину то, что он был реалистом, а не мистиком.

Мы знаем, что идеи, выраженные в творчестве Верещагина, сплошь и рядом были идеями реакционными, мы согласны с тем, что этот художник не давал тех глубоких, обобщающих типов, какие можно найти например у Репина. Но только явно реакционная критика может отрицать в Верещагине крупного художника. Идейность верещагинских картин, реалистический показ ужасов капиталистической действительности в виде тысяч убитых и искалеченных на войне людей, следы смерти и разрушения, показанные на картинах Верещагина, делают его творчество особенно ценным. Не нужно забывать, что впервые в истории русской, если не мировой, живописи вместо сладеньких парадов Верещагин показал пусть не типичные и не особенно глубокие эпизоды войны, но зато эпизоды настоящей войны. Потрясающие кровавые ужасы, а не красивые сражения, характеризовали у Верещагина войну. Это было новым, прогрессивным явлением, и этого нельзя забывать при оценке верещагинского творчества. Несмотря на то, что идеи буржуазного верещагинского пацифизма неразрывно переплетены с идеями милитаризма, картины Верещагина используются и должны быть использованы как мощное оружие для антиимпериалистической пропаганды не только в смысле разоблачения сути буржуазного пацифизма даже в его лучшем варианте, но и в смысле показа тех мучений, которым подвергают капиталисты трудящихся ради наживы. Последнее можно сделать не потому, что творчество Верещагина «не носит художественного характера», как говорят «утонченные эстеты», а как-раз наоборот. Наиболее сильными в отношении яркости выявления ужасов капиталистической войны являются как-раз такие произведения, как «Апофеоз войны», «Панихида», «Дорога в Плевну», где имеются максимальное для Верещагина художественное обобщение образов, где имеются наиболее ярко выраженные образы, где есть просто замечательное сочетание пейзажа с основным содержанием картины, где имеются многие композиционные, тональные и другие достоинства. Мы рассматриваем достоин-

¹⁾ «Мир искусства», 1904 г., № 10.

²⁾ Бенуа. «История живописи в XIX веке» «Русская живопись», 1901 г. Стр. 191.

ства произведений Верещагина с точки зрения их реалистического отображения окружающего мира. И, подходя таким образом к творчеству нашего баталиста, мы признаем наиболее ценными как раз те его картины, где ярче всего проявилась идея, которую он хотел выразить,—идея показа ужасов войны. Другими словами, подходя к оценке картин с другим критерием, чем тот, которым оперировал Бенуа, мы видим, что произведения Верещагина тем лучше, чем ярче выражена и материализована субъективная идея художника — показ ужасов войны.

Но даже и те, кто до сих пор еще расценивает художественные достоинства картин с точки зрения только формальных достижений, недопустимо отрывая форму от содержания, не вправе сказать, что Верещагин «не был художником». Замечательный, четкий рисунок Верещагина может и должен стать пред-

метом внимательного изучения. Умение передать солнечный свет, южное изнойное или суровое северное небо, умение передать контурные, тональные и цветовые особенности отдельных национальных пейзажей, построек, костюмов и т. д. достигают у Верещагина очень большой высоты. Недаром крупнейшие художники, современники Верещагина, в противоположность Бенуа, оценивали так высоко мастерство верещагинской кисти.

«Теперь только я понял его и оценил эту свежесть взгляда, эту оригинальную натуральность представлений. Какие есть у него чудеса колорита живописи и жизни в красках! Просто необыкновенно! Простота, смелость и самостоятельность, кои я прежде не ценил», — писал Репин восторженно Стасову (9 июня 1877 г.). Еще выше оценивали достоинства верещагинской живописи Жером, Мейссонье и другие крупные европейские художники.

3. МЫСЛИ МАСТЕРОВ ИСКУССТВА ОБ ИСКУССТВЕ

Е. Меликадзе

Собрать для советского читателя высказывания наиболее крупных, характерных и показательных представителей мирового изобразительного искусства, внимательно и тщательно прокомментировав их, — задача довольно сложная. Эту задачу и постарался разрешить Изюгиз недавно вышедшими двумя толстыми томами¹⁾.

Редакция сборников проделала большую работу по собиранию, систематизации и отбору материала. Сборникам предпослали вводные статьи. Безусловно удачной является статья тов. Аркина (второй том), — в ней вполне ясно и четко проанализирована эволюция французского изобразительного искусства эпохи промышленного капитализма. К сожалению, этого нельзя сказать про вводную статью тов. Б. Николаева: общие рассуждения о кризисе буржуазии

и буржуазного искусства эпохи империализма заняли в ней гораздо больше места, чем конкретная характеристика этого кризиса.

Однако ни в вводных статьях, ни в коротеньких биографиях художников не дано четкого анализа материала, в плане проблемы о художественном наследии. Кроме того, высказывания мастеров искусства об искусстве нужно было рассматривать в связи с господствующими философскими идеями и системами, — без этого невозможно понять до конца смысл этих высказываний. Ведь эти материалы печатаются «для того, чтобы знакомство с ними послужило нам орудием более глубокого познания буржуазного искусства» (т. III, стр. 65) и критического освоения буржуазного наследия новым, социалистическим, реалистическим искусством.

С этой точки зрения далеко не все приводимые в сборниках высказывания имеют одинаковую ценность. Нужно было особенно подчеркнуть высказыва-

¹⁾ «Мастера искусства об искусстве», под общей редакцией Д. Аркина и Б. Терновца II том. 1933 г. Цена 16 р. 50 к. III том. 1934 г. Цена 20 руб.

ния таких художников, как Давид, Делакруа, Курбэ и др., имеющие особенное значение для нашего искусства.

В числе других чрезвычайно ценны высказывания художника Великой французской революции — Давида. В противовес импрессионистам, кубистам и всевозможным формалистам он поднимал значение искусства до принципа государственности. С другой стороны, он требовал, чтобы государство помогало искусству, направляя его развитие. Вся его творческая деятельность была проникнута этим духом. Став на сторону революционной буржуазии — молодого прогрессивного класса, — Давид развивал такие взгляды на искусство, которые в корне отрицали установки реакционного, дворянского, классического искусства.

Вслед за лозунгом государственности искусства Давид выдвигал другой лозунг — национальной народности искусства. Выступая против оторванности искусства дворянской Франции от народа, он восклицает: «Кто сможет отрицать, что до сих пор французский народ был чужд искусствам и что он жил среди них, не принимая в них участия» (том II, стр. 182). И далее, критикуя ту же установку старого искусства, он писал, что «природа и ход нашей мысли изменились со времен революции; и мы не вернемся, надеясь, к сложным тонкостям, которые так долго угнетали гений» (стр. 186).

Он при этом гордо заявлял, что не боится со стороны публики «ни пристрастия, ни партийности, и ее суждения — это добровольные дары, доказывающие ее вкус к искусствам; ее похвалы — свободное выражение удовольствия, которое она испытывает, и такие награды стоят несомненно большего, чем награды академических времен» (там же). Давид считал, что, когда народ принимает произведения искусства, высказывая свое отношение к ним, он тем самым открывает полезный путь художнику и приводит «к прогрессу искусства и к усовершенствованию морали», которую художники непрестанно должны иметь своей целью. Для того, чтобы приблизиться к народу, чтобы сделать народ-

ным свое искусство (в буржуазном смысле этого слова), Давид немало потратил творческой энергии на обслуживание революционных празднеств, которыми, как выражался Робеспьер, народ давал спектакль самому себе.

Эти проповеди — народности искусства — вовсе не являются «яркой установкой на «свободный рынок» для произведений искусства» (стр. 439), как это кажется уважаемым комментаторам и авторам примечаний. Это — проповедь такого искусства, которое охватывает широкие народные массы и, направляемое государством, организует их в нужном для молодой буржуазии направлении.

Давид в молодые годы обращался к Рафаэлю с просьбой удостоить признать его, после перерыва в триста лет, одним из своих наиболее преданных учеников. В его творчестве чувствуются формы античного искусства, но, с другой стороны, ярко проступают и реалистические тенденции. Эти тенденции заметны и в его высказываниях об искусстве. Поэтом он и мог так резко бороться против дворянского классического искусства в академии, мог вместе с другими художниками заявить, что «наиболее мудрые законы становятся с течением времени неудобноисполнимыми и даже вредными» (стр. 145). Он мог, далее, насытить свои произведения и высказывания требованиями о том, что: «Искусства, следовательно, должны погуще и более образно содействовать общественному просвещению, но при условии их возрождения: гений искусства должен быть достоин народа, который он просвещает; он должен всегда развиваться при помощи философии, которая будет внушать ему только великие и полезные идеи» (стр. 159).

Давид неоднократно подчеркивает необходимость извлечь из природы «наиболее прекрасное» и «наиболее характерное. Он ставит необходимым условием, чтобы художник систематически расширял познавательные возможности своего искусства, чтобы художник был философом своего времени.

Для нашего искусства особенно интересен и следующий его призыв к худож-

никам: «Ищите правду движения; характеризую его, опасайтесь больше холода, чем жара; подавайте горячо». Давид прекрасно понимает, что искусство действует на чувства и через чувства. «Памятники искусства, — по правильному его замечанию, — достигают цели не только тем, что очаровывают зрение, а тем, что проникают в душу, производят на дух глубокое впечатление, подобное действительности: вот тогда-то черты героизма, гражданских добродетелей, открытые перед взорами народа, наэлектризуют его душу и породят в нем стремление к славе, к самопожертвованию за благо отечества» (стр. 159 — 160). Нашим художникам в этом отношении не мешало поучиться у Давида, — не все наши художники дают изображение внутренней жизни явления, не все их произведения проникают в душу зрителя.

Не меньший интерес представляет и литературное наследство Делакруа. Творчество Делакруа, наряду с творчеством Домье, является высшей точкой французского буржуазного искусства XIX века. Что бы ни говорили о Сезанне, все же факт остается фактом: именно Делакруа является вождем той школы живописи, которую буржуазия могла создать как лучшее в своем прогрессивном движении. Все то, что создано буржуазией (начиная с импрессионизма), — это уже продукт кризиса буржуазного искусства. Сезанн как родоначальник кубизма еще сильнее отражает этот кризис.

Делакруа в своих высказываниях отбрасывает все то, что у его предшественников по классу было взято напрокат у старого искусства. Делакруа настаивает на свободном выборе средств для наиболее эффективного изображения. Он допускает большую творческую фантазию, но требует и правдивости изображения, подчеркивая роль типичности. «В простоте — главная прелесть портрета... настоящие портреты — это те, которые пишутся с современников: их принято видеть на холсте такими, какими мы их встречаем в жизни, хотя бы это были знаменитости» (стр. 324). С другой стороны, он неоднократно под-

черкивает, что все, что называется аксессуарами, должно быть подчинено изображению основной фигуры, одной идеи.

«Аксессуарами являются не только обстановка и мелкие детали дальних планов, но и их драпировка и даже самые персонажи, а в главных персонажах — отдельные их части... Причина, в силу которой плохие живописцы не в состоянии дать прекрасного, заключается в том, что, помимо прочности основной идеи произведения в смысле правды, их аксессуары не только не соответствуют общему впечатлению, но, наоборот, ослабляют его тщательным выпячиванием тех деталей, которым следовало бы отвести подчиненную роль» (стр. 339).

Для него не существует отдельных красивых мест картины, — отдельное место красиво только в том случае, если оно подчинено общему. Делакруа постоянно подчеркивает значение обобщений, концентрированности всех средств изображения с целью большей выпуклости основной идеи произведения. Во всех этих требованиях имеется положительное начало, но, когда Делакруа продолжает свою мысль дальше, становится ясной ее отрицательная идеалистическая установка.

Например: если требование творческой фантазии до определенного момента является положительным, то после того, как это требование начинает противоречить реалистическому познанию и изображению явлений, оно превращается в свою противоположность. Так это случается с Делакруа. А когда он принимает определение прекрасного в искусстве как «идеализованной правды» (причем эта идеализация противоречит реальным законам развития явления), то это уже выходит из рамок тех высказываний, которые могли бы помочь советскому художнику в его творчестве.

Не мешало бы особенно подчеркнуть и значение высказываний Курбэ — этого революционного мелкобуржуазного художника, который очень близко примыкал к пролетарскому движению. Чисто буржуазную установку Давида о народности искусства вообще Курбэ

конкретизовал, — он говорил о демократичности искусства, вкладывал в это понятие некоторый классовый смысл. В этом — заслуга Курбэ. Заслуга его и в том, что его установка очень близка к материализму.

Курбэ более решительно, чем кто-либо до него, порывает с идеалистическим искусством классицизма. Даже больше: в известной мере он борется против тогдашнего официального вкуса. Он считает тяжелейшим делом, когда заказчики хотят, чтобы художник писал их портреты, «одетыми по-воскресному» (стр. 404), то-есть в приукрашенном, припудренном виде. Он бьется над тем, чтобы «передать нравы, идеи, облик» (стр. 407) своей эпохи, но не просто, а именно в своей оценке. Он особенно подчеркивает, что в произведении искусства изображаемое явление должно быть оценено: это следует особо отметить. Отсюда — его энергичное, отрицательное отношение к классическому и романтическому искусству. Художник реально должен видеть и отображать мир, глубоко мысля и расцуждая о нем.

В творчестве Курбэ немало мелкобуржуазных индивидуалистических, анархически-отрицательных элементов, но тем не менее овладение его наследством дает очень много положительного и полезно-го нашим художникам.

Не лишен интереса и ряд других высказываний художников эпохи промышленного капитализма. Интересно высказывание Гохарта о целесообразности, правильности, симметричности, о простоте (стр. 89) и т. д. Или же утверждение Милле и Рейнольдса о том, что природа есть источник, дающий возможность бесконечного усовершенствования искусства, и т. д.

Отмечая большое значение подобных высказываний художников, не надо закрывать глаза и на то, что в основе их лежит идеалистическое миропонимание. Нетрудно например подметить, что мировоззрение Делакура связано с идеалистической философией Гегеля. Но смысл критического освоения наследия состоит именно в том, чтобы, отбросив всю идеалистическую шелуху, использо-

вать то рациональное и полезное, что так имеется в высказываниях этих художников.

Совершенно иначе обстоит дело с высказываниями, собранными в третьем томе. Этот материал может нас интересовать лишь постольку, поскольку он облегчит возможность глубже понять разложение искусства эпохи империализма. Поиски в них «рационального зерна» будут по большей части праздной тратой энергии.

За редким исключением, все они повторяют, что нужно писать на основе непосредственных впечатлений, ища в них каких-то внешних эффектов и контрастов, или — что все нужно трактовать в виде цилиндра, шара, конуса, куба и т. д.

Высказывания, собранные в третьем томе, показывают, как их авторы, следуя требованиям своего класса, разлагали и обедняли свое искусство, вовсе не подозревая об этом. Только очень немногие из них чувствовали, что кризис искусства непрерывно углубляется и ширится.

В этом отношении любопытны высказывания Ван-Гога. Находясь под влиянием общего течения, Ван-Гог благодаря своей мелкобуржуазной природе иногда был способен критически взглянуть на происходящее. Он чувствовал, что развитие искусства движется назад, но не был в состоянии объяснить это. Он например не только отмечал, что именно Рембрандт и голландская живопись являются лучшим, что создано в живописи, но и прямо выдвигал целесообразность «косвенным образом вернуться к Рембрандту» (стр. 297).

Но сколько бы Ван-Гог ни восхвалял Рембрандта и Курбэ и сколько бы ни хотел вернуться к их реализму, он не смог избежать судьбы своего класса: ему суждено было стать предшественником того направления в искусстве, которое впоследствии получило название экспрессионизма. Но, повторяем, Ван-Гог прямо говорит о кризисе современного ему искусства, обращая взоры на великих реалистов, — и в этом состоит положительное значение его высказываний.

У импрессионистов же настолько глубока бедность мысли, что в их высказываниях нельзя найти ничего, подобного мыслям Ван-Гога. Они лишь говорят об искании «сильных эффектов», «пятен» (Буден, стр. 108), о получении «во что бы то ни стало серии различных эффектов освещения» (Монэ, стр. 127) и так далее.

В этом отношении не остается в долгу перед своими современниками и Ренуар. Он вообще отрицает необходимость мыслить. Его не интересует выбор сюжета, идейность картины. Для него «все, что дает повод группировке нескольких фигур, достаточно», лишь бы «поменьше литературы, поменьше думающих фигур» (стр. 194). Начав от отказа изображать социально насыщенную действительность, импрессионизм пришел к отказу от изображения объективной реальности. Последующий этап развития буржуазного искусства прошлого и начала нашего столетия дошел до противопоставления объективному миру субъективных схем.

Характерным представителем этого периода развития буржуазного искусства является Сезанн. Его высказывания характерны именно в этом отношении. Все, что «всемогущий бог разворачивает перед нашими глазами», он видит в виде геометрических предметов. «Трактуйте природу посредством цилиндра, шара, конуса, причем все должно быть приведено в перспективу, чтобы каждая сторона предмета, всякого плана, была направлена к центральной точке. Линии, параллельные горизонту, передают пространство, другими словами, выделяют кусок из природы или, если хотите, той картины, которую всемогущий бог разворачивает перед нашими глазами» (стр. 219). Вот и вся «философия» искусства Сезанна. Искать чего бы то ни было рационального в высказываниях Сезанна (родоначальника кубизма) не приходится. Приходится лишь удивляться тому, как в нашем советском искусствоведении находятся люди, которые, ничего не понимая в искусстве Сезанна, забивают уши художникам рассуждениям о материализме Сезанна.

Чем ближе к нам по времени художники, тем беднее мыслями их высказывания. Самое характерное в высказываниях Матисса заключается в требованиях бессодержательности искусства. По его мнению, «давать изображения исторических событий не является больше задачей живописи» (стр. 395). Но Матисс не останавливается на этом, — он идет дальше. Он вообще не считает нужным изображать предметы со своими «детальными и мелочами, поскольку существует фотография». По его мнению, для зрителя не важно содержание произведения: «Произведение должно в самом себе нести свое полное значение и внушать его зрителю раньше, чем он узнает самый сюжет произведения» (стр. 390).

Наконец именно в этом смысле характерны и высказывания Пикассо. Он не сомневается в том, «что искусство не есть истина. Искусство — это ложь, — продолжает он, — позволяющая нам приблизиться к истине, по крайней мере к истине познаваемой. Художник должен найти способ, чтобы убедить публику в истинности своей лжи» (стр. 440). Сезанн, Матисс, Пикассо и другие целиком представляют лицо буржуазного искусства эпохи империализма.

Как история буржуазного искусства, так и анализ собранных в сборниках высказываний показывает, что только в начальную пору буржуазного искусства крупные его представители были реалистами (в рамках буржуазной ограниченности). Со второй же половины девятнадцатого века реалистическое искусство представлено художниками, протестующими против буржуазного общества. И только пролетариат, радикально изменяющий буржуазный мир, в состоянии создать подлинно реалистическое искусство. Мы являемся сейчас очевидцами того, как некоторые художники, перешедшие на сторону пролетариата, очищают свое мировоззрение от идеализма, постепенно приближаясь к реализму.

Хотелось бы в заключение подчеркнуть, что составители третьего тома недопустимо замолчали ряд ценнейших материалов: не приведены например интереснейшие письма Ван-Гога к Бер-

нару, в которых он высказывает свои мысли о Рембрандте, Гальсе, Гольбейне, Джотто и т. д., не приведены и его высказывания об анархии и разрухе буржуазного общества, о распаде буржуазного искусства и о том, что расцвет искусства возможен в будущем социалистическом обществе, и т. д.

Дальше: если что-нибудь нужно было привести из высказываний Гильдебрандта, то в первую очередь «Дополнительные статьи к проблеме формы», то есть ответную статью Гильдебрандта на критику его книги, в которой в сжатом виде он изложил свою концепцию о понимании сущности искусства, и т. д. Все

это странно еще и потому, что в разбухшем третьем томе приведен ряд материалов, не представляющих почти никакого интереса.

Итак, материал, опубликованный во втором и в третьем томах, за некоторыми исключениями, является ценным для нашего искусства. Следует только избегать того «объективизма», которым проникнуты все комментарии. Крупнейшим недостатком нужно считать и то, что основной материал никак не истолкован с точки зрения нашего сегодняшнего дня, — с точки зрения социалистического реализма и утверждения нового мировоззрения.

4. ПИСЬМА ЖОРЖ САНД

(Окончание ¹)

Перевод, предисловие и примечания Н. СЛАВЯТИНСКОГО

XXXI. *Густаву Флоберу, Круассе*

Ноган, октябрь 1866 г.

Дорогой друг,

Ваше письмо переслано мне из Парижа. Оно у меня, я слишком дорожу им, чтобы затерять его. Вы ничего не говорите о наводнении, и я думаю, что Сена не наделала у вас глупостей, и тюльпановое дерево не пострадало. Я боялась, что у вас будут неприятности, и я задалась вопросом, достаточно ли высока насыпь со стороны реки, чтобы защитить вас. Здесь нам нечего бояться: наши речушки очень своевольны, но они от нас далеко.

Какое счастье обладать такими ясными воспоминаниями о других воплощениях. Воображение и эрудиция — вот ваша память. Но случается, что у людей, которые ничего ясного не могут припомнить, есть очень живое ощущение своего перевоплощения в века. У меня был чудакотатый брат, который часто говорил: «В те времена, когда я был собакой...» Он считал себя человеком лишь с недавних пор. Что же касается меня самой, то я полагаю, что некогда я

была растением или камнем. Я не всегда уверена, что живу вполне, а иногда я испытываю большую усталость оттого, что чересчур много жила. Словом, я не умею, я не смогла бы сказать, как вы: «Я владею прошлым».

Но в таком случае вы полагаете, что раз существуют перевоплощения, то смерти нет? Если вы осмеливаетесь говорить это «обжорам», то у вас есть мужество, и это хорошо. И у меня оно есть, отчего я слышу недалеко; но я от этого ничего не теряю, будучи недалеко и во многих других отношениях.

Я с восхищением прочитаю ваши впечатления о Бретани; я слишком мало видела, чтобы говорить о ней. Я стремилась получить лишь общее впечатление, и это дало мне возможность воссоздать одну-две картины, в которых у меня была необходимость. И я тоже прочитаю вам их, хотя сейчас это еще какая-то каша.

Почему вы не напечатали вашего путешествия? Вы кокетничаете: вы считаете, что не все сделанное вами заслуживает быть показанным. Вы неправы: все, что сделано мастером, поучительно, и не надо бояться показывать свои наброски и этюды. Они все-

¹) См «Новый мир», кн. 11 с г.

таки выше читателя, а ему дают столько вещей, которые не поднимаются над его уровнем, что бедняга так и остается вульгарным. Надо любить этих глупцов больше, чем себя самого; разве по-настоящему не они несчастны на свете? Ведь именно они, лишенные вкуса, лишенные идеалов, скучают, не наслаждаются, не годны ни к чему. И пусть они заставляют вас умолкнуть, пусть высмеивают, выражают недовольство, это неизбежно. Но не надо их покидать, а надо всегда бросать им хороший хлеб, который они предпочитают отбросам. Пресытившись нечистыми отбросами, они будут есть хлеб; но если его не будет, то они будут питаться отбросами: *in secula seculorum*.

Я слышала, как вы говорили: «Я пишу лишь для десяти или двенадцати человек».

В разговоре случается высказывать много такого, что объясняется влиянием минуты. Но нашлись бы другие, кто выразился бы так же: таково было мнение «Понедельника» или тезис этого дня. Внутренне я протестовала. Двенадцать человек, для которых вы лишете и которые вас ценят, равны вам или превосходят вас; вы никогда не испытывали никакой потребности прочесть одиннадцать других, чтобы стать самим собой. Следовательно, надо писать для всех, для всех, нуждающихся в приобщении, а когда тебя не поняли, то терпеливо начинай сначала. А поняли, радуйся и продолжай. В этом весь секрет наших настойчивых трудов и нашей любви к искусству. Чего стоит искусство без сердца и разума, вкладываемых в него? Оно уподобилось бы такому солнцу, которое не бросает лучей и не дает жизни.

Подумайте, не так ли это? Если это вас убедило, то вы никогда не узнаете, что такое отвращение и усталость. И если нынешнее время бесплодно и неблагодарно, если писатель теряет всякую способность воздействия, всякий авторитет у публики, стараясь служить ей как можно лучше, то ему остается прибежище — будущее, которое поддерживает мужество и исцеляет все раны, наносимые самолюбью. Случается, что творимое в жизни добро, кажется, сотни раз

не дает непосредственных результатов; но это все же поддерживает традицию желать добра и творить добро, а без этого все пошло бы прахом.

Разве с 89-го года мы не шлепаем по грязи? Разве не приходилось шлепать по грязи, чтобы дойти до 48-го г., когда мы погрязли еще глубже, но для того, чтобы прийти к должному? Вы мне скажете, как вы это понимаете, и я перечитаю Тюрго, чтобы доставить вам удовольствие. Я не могу обещать, что дойду до Гольбаха, хотя и он не бесполезен. Вы назовете мне эпоху пьесы Буйэ. Я останусь тут, усердно работая, но готовая прибежать к вам и любящая вас от всего сердца. В настоящее время, когда я уж больше не женщина, я стала бы мужчиной, если б господь был справедлив; у меня была бы физическая сила, и я вам сказала бы: «Поедемте путешествовать, в Карфаген или другое место». Но приходится постепенно впадать в детство, у которого нет ни пола, ни сил, и там-то начинается перевоплощение; какое оно? Я узнаю это раньше вас, и если я смогу, я возвращусь, чтобы сказать вам об этом во сне.

XXXII. Густаву Флоберу, Круассе

Ноган, 21 декабря 1868 г.

Разумеется, я дуоюсь на тебя и сержусь, не в силу несправедливых притязаний или эгоизма, но, напротив, оттого, что мы живем сейчас радостно и весело, а ты не захотел рассеяться и позабавиться с нами. Ты был бы прощен заранее, если бы ты развлекался где-либо в другом месте. Но ты отказался ради затворничества, ради того, чтобы портить себе кровь, отказался из-за работы, которую ты проклинаяешь и которой, если ты все же хочешь и должен заниматься ею, ты мог бы заниматься вдоволь, но так, чтобы она не поглощала тебя целиком.

Ты говоришь мне, что таков уж ты по натуре. На это ничего не возразишь. Но приходится очень сокрушаться по поводу того, что друг, которого обожаешь, это какой-то узник, который живет далеко и которого никак не освободишь.

Быть может, это с твоей стороны некоторое кокетство, чтобы тебя больше жалели и больше любили. Я же не зарываюсь целиком в литературу, и я много смеялась и весело жила в эти праздничные дни, вспоминая о тебе и говоря о тебе с другом из Пале-Рояля, который был бы счастлив повидаться с тобой, который любит тебя и очень ценит. Тургенев оказался счастливее нас, ему удалось оторвать тебя от чернильницы. Я мало знакома с ним, но знаю его наизусть. Какой талант, и притом оригинальный и закаленный. Я нахожу, что иностранцы пишут лучше, чем мы. Они не позируют, а мы, мы или позируем, или хвастаемся; у француза нет социальной среды, нет интеллектуальной среды.

Я исключаю тебя, твоя жизнь — исключение, и исключаю себя, из-за присутствия мне божественной беззаботности. Но я не умею холить и полировать; и я слишком люблю жизнь, меня чересчур привлекает приправа и все, что не является обедом, чтобы я могла стать заправским литератором. У меня были приступы, но непродолжительные. Существовать, когда тебе нет дела до собственного «я», так хорошо, и жизнь, в которой не играешь больше роли, — такая красивая пьеса для зрения и слуха! Когда же надо проявлять себя, я бываю полна мужества и решительности, но я больше не забавляюсь.

Ты — завзятый трубадур, и я подзреваю, что ремесло писателя занимает тебя больше всего на свете. Несмотря на твои слова, искусство — это, быть может, твоя единственная страсть, а твое заточение, которое способно растрогать меня, как дуру, какой я на самом деле являюсь, — это для тебя блаженство. Если это так, тем лучше. Но ты хоть признайся в этом, чтобы успокоить меня.

Я покидаю тебя, чтобы пойти одеть марионеток, потому что с наступлением дурной погоды мы снова играем и смеемся, и, я полагаю, так мы скоротаем зиму. Вот глупая женщина, которую ты любишь и которую ты называешь матером. Хорш мастер, который предпочитает забавы работе!

Ты можешь глубоко презирать меня, но не переставай меня любить. Лина поручает мне сказать тебе, что ты не бог весть какая шишка, Морис тоже ужасно сердит на тебя, но все-таки они невольно любят тебя и целуют. Наш друг Плошу хочет, чтобы тебе напомнили о нем; он тоже обожает тебя.

Твоя, неблагодарный.

Я смеялась, прочитав глупое вранье «Ф и г а р о». Кажется, это приняло гротескные размеры. Газеты подкинули мне внука вместо двух моих внучек и рассказали о католическом крещении вместо протестантского. Это пустяки, надо же немного лгать, ради развлечения.

XXXIII. Густаву Флоберу, Париж

Ноан, 30 ноября 1869 г.

Дорогой друг, мне вздумалось перечитать твою книгу; моя невестка тоже прочла ее, и кое-кто из моих молодых людей, все искренние и увлекающиеся читатели и притом неглупые. Мы все того мнения, что это прекрасная книга, не уступающая по силе лучшим книгам Бальзака, но более реальная, то-есть более верная истине от начала до конца.

Чтобы обойтись без цветов фантазии, надо сочетать в себе с суровостью твоей работы великое искусство и изящную форму. Однако, ты полными пригоршнями рассыпаешь перлы поэзии в картинах, не считаясь с тем, понятны эти картины твоим персонажам или нет. Розанетта не знает в Фонтенебло, по какой траве она ступает, и все же она поэтична.

Это работа мастера, и твое место навсегда упрочено за тобой. Живи же как можно спокойнее, чтобы дольше прожить и побольше оделать. В моем воображении промелькнули начало и конец статьи, благоприятной тебе. Но я не знаю, что кругом творится. Мне кажется, политика поглощает все.

Держи меня в курсе. Если тебе не воздадут должного, я буду возмущена и выскажу то, что я думаю. Это мое право.

Я не знаю наверное, когда, но в течение ближайшего месяца я приеду в

Париж, чтобы обнять тебя и взять тебя с собой, если мне удастся сдвинуть тебя с места. Мои дети очень рассчитывают на это, и мы все шлем тебе наши похвалы и ласковые приветы.

Твоя, мой старый трубадур,
Жорж Санд.

XXXIV. Ему же

Ноган, 4 декабря 1869 г.

Сегодня я переделала свою статью. Я чувствую себя лучше, и она стала яснее. Завтра я жду от тебя телеграммы. Если ты не наложишь своего «вето», я отошлю статью Ульбаху, который в этом месяце, 15-го числа, выпускает свой новый журнал. Он прислал мне сегодня письмо, в котором настойчиво просит какую-нибудь статью. Этот первый номер, я думаю, будут много читать, и он найдет широкий отклик. Мишель Леви лучше кого-либо другого может судить о том, что тут было бы полезно предпринять: посоветуйся с ним.

Тебя, кажется, удивляет недоброжелательство. Ты чересчур наивен. Ты не представляешь себе, до чего твоя книга оригинальна и как она многих «коробит», благодаря той силе, которая в ней содержится. Ты думаешь, что творишь вещи, которые пройдут легко, как письмо на почте; ну да, как же!

Я особенно много говорила о форме твоей книги; ее понимают меньше всего, а это как-раз наиболее сильная сторона книги. Я попыталась объяснить простакам, как они должны читать, потому что именно простаки и создают успехи. Хитрецы не желают другим успеха. Злые меня не занимали; много чести для них.

Четыре часа. Я получаю твою телеграмму и отсылаю свою рукопись Жирардэну.

Ж. Санд.

XXXV. Густаву Флоберу, Париж

Ноган, 14 декабря 1869 г.

Моя статья все не появляется, зато печатаются другие, которые плохи и несправедливы. Браги всегда лучше обслуживаются, чем друзья. А затем, когда

одна лягушка начинает квакать, вмешиваются другие.

Ты расплачиваешься за манеру, которая еще не освящена рутинной, и надо стать идиотом, чтобы не понимать этого. Абсолютное безличие — вещь спорная, и я не принимаю его абсолютно; но я в восторге от того, что Сен-Виктор, который так много разглагольствовал и промил мой театр за то, что он не безличен, покидает тебя вместо того, чтобы тебя защищать. Критика не знает, куда она зашла: чересчур много теорий.

Не смущайся всем этим и иди прямо вперед. Не создавай себе системы, повинуйся своему вдохновению.

Какая прекрасная погода, по крайней мере у нас, и мы в тесном домашнем кругу собираемся встретить рождество. Я сказала Плошу, чтобы он тебя похитил; мы тебя ждем. Если ты не можешь явиться с ним, то все-таки приезжай, чтобы не быть на Новый год в Париже, — это так скучно.

Лина просит меня передать, что тебе разрешат остаться в халате и в туфлях. Дам и посторонних нет. Словом, ты нас осчастливишь, ведь ты давно нам обещаешь приехать. Целую тебя. Я еще больше, чем ты, сержусь на эти нападки, но они меня не смущают, и если бы я была с тобой, мы быстро оправились бы, и я принялась бы за новый роман.

Целую тебя.

Твой старый трубадур Ж. Санд.

XXXVI. Густаву Флоберу, Круассе

Ноган, 9 января 1870 г.

У меня столько корректурных гранок, что я от этого оступела. Но мне это необходимо, чтобы утешиться после твоего отъезда, трубадур моего сердца.

Твою книгу все еще хоронят. От этого она не перестает быть хорошей и прекрасной. Справедливая оценка будет дана позже, — рано или поздно для нее наступит время. Повидимому, твоя книга появилась не во-время; или, пожалуй, она чересчур ко времени: она слишком настойчиво указывает на хаос, царящий в умах; она задела незажившую рану; в ней чересчур многие узнали себя.

Здесь тебя все обожают; совесть тут слишком чиста, чтобы сердиться на правду. Мы говорим о тебе целыми днями. Вчера Лина сказала мне, что она в большом восхищении от всего, что ты делаешь, но что она предпочитает «Саламбо» твоим новейшим полотнам. Если бы ты сидел тут где-либо в уголке, ты услышал бы следующие от нее, от меня и других: он выше окружающих людей. Его ум, как и он сам, вне обычных пропорций. В этом отношении у него по крайней мере столько же от Гюго, сколько от Бальзака; он художник, а Бальзак не был им. Он не заговорил ещё полным голосом. Его огромный ум смущает его. Он не знает, будет ли он поэтом, или реалистом; а так как он и то, и другое, то это стесняет его. Надо, чтобы он разобрался в своих видениях. Он все видит и все хочет схватить сразу. Он не по плечу публике, которая привыкла есть маленькими порциями и давится большими. Но публика все же придет к нему, когда она разберется, в чем тут дело. Он пойдет в ход довольно быстро, если автор с ним пойдет к желанию быть понятным. Для этого его ленивый ум должен кое-чем поступиться. Надо подумать, прежде чем давать подобный совет.

Вот итог того, что тут говорят. Не бесполезно знать мнение добрых людей и молодежи. Наиболее молодые говорят, что «Воспитание чувств» опечалило их. Они, еще не жившие, не узнали себя в нем. Они сохранили еще иллюзии, и они говорят: «Почему этот столь добрый, любезный, веселый, простой, симпатичный человек хочет разочаровать нас в жизни?» Они говорят это необдуманно, но так как это их инстинктивное ощущение, то, быть может, надо считаться с ним.

Аврора болтает о тебе и все укачивает твоего бэби. Габриэлла называет полишинеля мой маленький, и не садится обедать, не посадив его против себя. Мы обожаем эту детвору, они — наши идолы.

После твоего позавчерашнего письма я получила вчера письмо от Бертонна, который сообщает, что «Во льноотпусценник» пойдет лишь числа 18-го

или 20-го. Подожди меня, раз ты можешь немного задержать свой отъезд. Погода чересчур плоха, чтобы ехать в Круассе. Я всегда не без усилия расстаться со своим дорогим гнездом, когда нужно ехать по делам моей печальной профессии; но это усилие минимально, когда я надеюсь найти тебя в Париже.

Целую тебя от себя самой и от всего выводака.

XXXVII. Густаву Флоберу, Круассе

Ноан, 26 июля 1870 г.

Я нахожу эту войну отвратительной. А марсельеза с разрешения правительства, это — святотатство. Люди — дикие и тщеславные скоты.

... У нас 40—45° жары в тени. Жгут леса: какая варварская тупость! Волки забегают к нам во двор, и по ночам мы прогоняем их: Морис при помощи револьвера, я при помощи фонаря. Деревья расстаются с листвой и, быть может, с жизнью. Нам недостает питьевой воды. Неурожай почти полный; но зато у нас война, какое счастье!

Сельское хозяйство гибнет, нам угрожает бескормица, нужда растет и готова превратиться в жакерию. Но мы разобьем пруссаков. Мальбрук в поход собрался!

Ты правильно сказал, что для того, чтобы работать, нужна известная радость, а где ее найти в это проклятое время?

К счастью, у нас все здоровы. Когда я вижу, что Морис и Лина работают, а Габриэлла и Аврора играют, я не смею жаловаться, из страха потерять все.

Я люблю тебя, мой дорогой старик, мы все тебя любим.

XXXVIII. Госпоже Эдмонд Адам, Париж

Ноан, 15 августа 1870 г.

Дорогое дитя!

Пусть будет, что будет, но дай, господи, чтобы рабочие не сделали революции только для себя самих. Сейчас такие хорошие условия для того, чтобы она произошла бескровно. Уличные битвы

вызывают раздоры и ужасы, которые делают победу бесплодной и эфемерной. Монархическое правление рушится само собой, и дай, бог, чтобы оно было похоронено благодаря общему содействию: армии, буржуа, ремесленников, бандитов, мошенников, претендентов и радикалов. Тогда у нас будет сносная социальная революция. А иначе я ничего хорошего не жду от завтрашнего дня.

Напишите нам, что видит и думает Адам. Мы живем в тревоге. Надо прогнать одним ударом пруссаков и империю.

Привет от всех нас. Своевременно ли жертвовать теперь что-либо другое, кроме белья для раненых? Не будет ли это разворовано администрацией? Я хочу, чтобы все дошло до госпиталей. Скажите мне, как это сделать.

*XXXIX. Господину Эдмонду Плошу,
Париж*

Ноган, 5 сентября 1870.

Какое великое событие, какой прекрасный день среди стольких несчастий! Я не надеялась, что свобода победит, не встретив сопротивления. Вот почему я говорила: не будем заливать кровью землю, которую мы хотим защищать. Но все эти соображения отступают перед зрелищем великих и искренних манифестаций. Париж поднялся, как один человек. Вот что надо было сделать еще две недели назад. Тогда мы не потеряли бы столько храбрецов. Но дело сделано. Да здравствует Париж!

Целую тебя от всей души. Мы немного опьянены.

XL. Госпоже Эдмонд Адам, Париж

Ноган, понедельник, 5 сентября 1870.

Да, да, хоть один счастливый день среди такого отчаяния. Да здравствует республика, во что бы то ни стало! Я писала несколько дней назад: «Подождите». Париж не ждал, Париж завоевал свою свободу, не встретив сопротивления.

Надеюсь, что древо ее, будучи так посажено, примется и окажется жизне-

способным. Теперь надо отвоевать родину!

Целую вас, мы все нежно обнимаем вас.

*XLI. Господину Александру Сен-Жану,
Ним*

Ноган, 19 апреля 1872.

Я вовсе не хочу, чтобы вы зачеркивали последние стихи. Они не похожи на другие стихи, это их первое достоинство, и, поскольку прозаик может судить об этом, они мне кажутся прекрасными. Эпиграф очень оригинален. Эта колесница без лучей для межпланетных путешествий, — это, повидимому, наука; это, быть может, астрология, ставшая астрономией. Облегчите мне мою маленькую работу; я представляю ее во всяком случае на ваше усмотрение, прежде чем отослать, и сделаю исправления лишь с вашего согласия. При первом чтении мне показалось, что в лице иностранца выведен, собственно говоря, поэт, которому нет никакого дела до этой колесницы, ни до всего, что ему предлагают. Но, видя, что он так печален, так пресмыкается по земле, что он так ступевался перед всем, так безучастен ко всему, видя, что он наделен таинственной душой, которая существует и в нем, и вне его, я перестала понимать.

Я довольно музыкальна для того, чтобы восхищаться хорошо пропетой ролью и не придирааться к странной выходке, на которую рискнул художник. Но, я настаиваю на этом, надо, чтобы публика видела недостаток и стояла за него. Непонятность возмущает ее. Она хочет слукавить и отгадать. Она не считается с тысячами достоинств. Словом, она посредственна потому, что она масса.

В искусстве существует две школы, я охотно выразилась бы: две религии. Первая относится пренебрежительно к посредственности, к массе, к публике. Она правильно указывает на то, что лишь немногим доступно понимание возвышенного и что надо работать для небольшого числа впечатлительных душ, не обращая внимания на других. Она

называет вульгарностью все, что является уступкой медлительному и тяжелому уму масс. Это школа Бетховена. Другая школа говорит, что надо быть понятным всем, так как, вступая в общение с толпой, надо вступать в связь с чужими сердцами и совестью. А если кто хочет быть понятым лишь самим собой, пусть себе поет в одиночестве в лесу. Но если к нему сбегутся слушатели, хотя бы даже это были фавны, то, если певец не замолкает, он должен подчиниться необходимости говорить этим неотесанным существам таким образом, чтобы просвещать и подымать их над собственным состоянием при помощи ясных или по крайней мере доходчивых парабол. Я сама долго колебалась между этими двумя школами. И я стала в ряды школы Моцарта, говоря, что раз у меня в душе возникло доброе или прекрасное чувство, то я должна стремиться так выразить его, чтобы оно проникло во многие другие души, что ни одной из них я не должна пренебрегать. Наконец, если бы Моцарт и Мольер не снизошли бы до того, чтобы быть ясными, я не дошла бы до понимания Данте и Бетховена. А отсюда, споря иногда с очень выдающимися умами, я пришла к заключению, что талант возлагает на его носителя обязанности.

Искусство для искусства — пустое выражение. Искусство ради правды, искусство ради красоты и добра, — вот религия, которую я ищу, и если я говорю о себе самой, для которой известность — это мученичество, а удаление от мира — это рай, то я делаю это для того, чтобы сказать вам, что, сочинив красивое произведение, ваш долг — опубликовать его, сделав его предварительно доступным простонародью.

Вот моя адвокатская речь. Вы сами судья в вашем деле, но позвольте мне сказать вам, что, даже решившись на все уступки, которые я вам советую сделать, вы не можете быть уверены в том, что найдете отклик, которого оно заслуживает. Успех зависит от многих случайностей. Но когда и вы, и я сделали все для того, чтобы спустить на воду хорошо оснащенное судно, то, короток ли,

долг ли будет его путь, наша литературная и философская совесть будет спокойна.

Еще одно слово, хотя я чувствую, что мое вмешательство тут должно быть очень деликатным. Вы пишете: «Если это издание изменит к лучшему мою судьбу...» А в другом месте вы мне сказали: «Я абсолютно не знаю подобного рода вещей».

Издание книги приносит автору лишь очень скромные результаты. Ему надо написать много книг, писать их всю жизнь, и если они почти все будут нравиться, то он сможет этим жить. Новое произведение, как бы оно ни было превосходно и поразительно, не дает большого отзвука. В эпоху предубеждений и поклонения реальности, как наша, критики занимаются лишь своими друзьями и знакомыми. Серьезным изменением в вашем существовании будет сознание, что вы исполнили ваш долг, что вы бросили в толпу, внимательную или глухую, красивую ноту, которая звучала в вашей душе и которая не будет потеряна, даже если вам показалось, что она не встретила отзвука.

Ничто не теряется — вы это знаете.

Моя невестка пишет мне, что она хочет и надеется вас видеть. Присылайте мне отныне три экземпляра, которые вам угодно было мне предназначить. Указывайте на одном из них исправленные еграта и переводите значение слов. Я не знаю ни латинского, ни греческого. Я сохраню этот экземпляр у себя и воспользуюсь им для своего введения. Подумайте об эпилоге. Из него, на мой взгляд, надо вычеркнуть несколько строчек, чтобы лишить поэта чуждых сюжету личных черт.

Примите уверения в моей преданности.
Ж. Санд.

XLII. *Густаву Флоберу. Париж*

Ноган, 25 октября 1872.

Твои письма падают на меня дождем, который, смачивая, заставляет прорасти все зародыши, находящиеся в почве. Они вызывают во мне желание от-

ветить на твои доводы, которые сильны и требуют ответа.

Я не претендую на то, что мои возражения будут столь же сильны: они искренни, они идут от моих корней, как растения. Вот почему я написала сейчас фельетон на задетую тобой тему, обращаясь на этот раз к одной подруге, которая тоже пишет мне в твоём духе, но пишет до известной степени с точки зрения духовной аристократии, на что у нее недостаточно столь желанных ею прав.

Мои корни такого рода, что их не вырвешь из себя, и меня удивляет, что ты ждешь от них тюльпанов, когда они могут дать лишь картофель. С первых же дней моей сознательной жизни, когда, самостоятельно просвещая себя у постели моей парализованной бабушки, либо в поле, в те часы, когда я доверяла ее попечению Дешартра, я ставила себе самые элементарные вопросы об обществе, и не больше разбиралась в этом в семнадцать лет, чем шестилетний ребенок, нисколько не больше. Это благодаря наставнику моего отца, Дешартру, у которого ноги были не в ладу с головой, так как при большом образовании он был лишен здравого смысла; благодаря монастырю, куда меня захихнули, бог знает, почему, сами будучи неверующими, а также благодаря полной реставрации, когда моя бабушка, хотя и философ, но слабая, умирающая женщина, умирала, не будучи в силах противостоять монархическому течению.

Я читала тогда Шатобриана и Руссо. Я переходила от евангелия к «Общественному договору». Я читала историю революции, написанную ханжами, историю Франции, написанную философами, и в один прекрасный день соединяла все это, как свет от двух ламп, и так у меня появились принципы. Не смейся, это принципы очень искреннего ребенка, которые я сохранила, пройдя через все, через «Лелию» и романтическую эпоху, через любовь и сомнение, через полосы энтузиазма и разочарований. Любить, жертвовать собой, вновь овладеть собой, когда жертва вредна для тех, кто является ее

объектом, и жертвовать собой снова в надежде послужить настоящему делу, любви.

Я не говорю здесь о личной страсти, я говорю о расовой любви, о чувстве, выходящем за пределы себялюбия, идущем от ужаса перед своим одиноким «я». И тот идеал справедливости, о котором ты говоришь, я никогда не отделяла от любви, потому что первый закон для того, чтобы естественное общество могло существовать, — это взаимная помощь, как у муравьев и пчел. Это соревнование всех, направленное к единой цели, принято называть инстинктом у животных. Это неважно: у человека инстинкт — это любовь. Кто отказывается от любви, отказывается от правды, от справедливости.

Я пережила несколько революций, и я видела вблизи их главных актеров. Я заглядывала на самое дно их души, вернее, на дно их кошелька: никаких принципов. И вместе с тем никакой подлинной духовной культуры, никакой силы, никакого постоянства. Они во всем видели лишь средство, преследуя личные цели. Лишь у одного из них были принципы, далеко не все превосходные, но для этого человека его собственная личность была ничто в сравнении с ними, — это Барбес.

Среди людей искусства и литераторов я не нашла ничего глубокого. Ты — единственный человек, с которым я могла обмениваться мыслями, помимо тех, что относятся к нашему ремеслу. Не знаю, был ли ты однажды у Маньи, когда я им сказала, что все они бары. Они сказали, что не следует писать для невежд. Они оплевывали меня за то, что я хотела писать именно для этих невежд, так как они-то больше всего нуждаются в этом. Господа имеют всего довольно, богаты, удовлетворены. Глупцы же испытывают недостаток во всем, и мне их жаль. Любить и жалеть — неотделимы. Вот несложный механизм моей мысли.

У меня страсть к добру и никакого сентиментального отношения к раз принятым решениям. Я презираю тех, кто притязает на то, что у него мои принципы, и кто поступает как-раз обратно

тому, что он говорит. Мне не жаль поджигателя и убийцу, которых карает закон; я испытываю глубокую жалость к классу, жизнь которого, грубая, запущенная, бескрылая, беспомощная, приводит к тому, что в его среде появляются подобные чудовища. Мне жаль человечество, я хотела бы видеть его добрым, потому что я не хочу отделять себя от него; ведь оно — это я сама, ведь зло, которое оно причиняет себе, поражает меня в сердце. Ведь его постыдные действия заставляют меня краснеть; ведь его преступления терзают мои внутренности; и я не могу представить себерая ни на небе, ни на земле только для себя одной.

Ты должен меня понять, ты, воплощенная доброта...

XLIII. Густаву Флоберу

Ноган, 27 ноября 1872.

Морис горд и счастлив, что ты написал ему. Никто не может доставить ему большего удовольствия, и ничье поощрение для него столько не значит. И я тоже тебе благодарна, так как я разделяю его отношение к тебе.

Как, ты окончил «Святого Антония»? Не надо ли подыскать издателя, раз ты сам не заботишься об этом? Не можешь же ты оставить его в своем портфеле? Ты не хочешь иметь дела с Леви, но найдутся другие. Скажи мне, и я начну действовать, будто для себя самой.

Ты обещаешь исправиться позже. А пока ты не хочешь встряхнуться. Приезжай и прочти «Святого Антония», и мы поговорим об его издании. Что значит поездка из Круассе к нам для мужчины? Если ты не хочешь приехать к нам, когда мы веселимся и празднуем, приезжай в более спокойное время, когда я одна.

Вся семья обнимает и целует тебя.

XLIV. Густаву Флоберу, Круассе

Ноган, 8 декабря 1874.

Мой бедный и дорогой друг!

Чем несчастливее ты становишься, тем больше я тебя люблю. Как ты мучаешь-

ся и как ты все в жизни близко принимаешь к сердцу. Ведь то, на что ты жалуешься, — это жизнь. Лучше она никогда и ни для кого не была. Ее можно чувствовать то больше, то сильнее, понимать то больше, то сильнее и, значит, больше или меньше страдать, и чем дальше впереди своей эпохи находится человек, тем больше он страдает. Мы, как тени, проходим под небом, затянутым тучами, сквозь которые изредка и едва-едва пробивается солнце, и мы беспрестанно кричим вслед этому солнцу, которое ничего не в силах сделать. Мы сами должны разогнать над нами тучи.

Ты чересчур любишь литературу. Она убьет тебя, а ты не убьешь человеческой глупости. Бедная, дорогая глупость, которую я не могу ненавидеть, но на которую я гляжу материнскими глазами; ведь это детство, а всякое детство священо. Какой ненавистью ты проникся к ней! Какую войну ты ведешь с ней!

У тебя слишком много знаний, ты забываешь, что есть нечто такое, что выше искусства: а именно — мудрость; искусство в его апогее — это лишь ее высшее выражение. Мудрость обнимает все: красоту, истину, добро и, значит, энтузиазм. Она учит нас находить вовне нечто такое, что выше нас, и ассимилировать его через созерцание и восхищение.

Но я не смогу дать тебе представление о том, как я смотрю на счастье, то-есть умение принимать жизнь такой, какая она есть. Человек, который мог бы повлиять на тебя и спасти тебя, — это старик Гюго. Потому что он и большой философ, и великий художник, какой тебе нужен и каким я не являюсь. Надо чаще видаться с ним. Я думаю, он успокоит тебя. А во мне слишком мало мятежного, грозного, чтобы ты мог меня понять. Что касается его, то я думаю, что при нем остались его молнии и что он все-таки приобрел кротость и благодущие старости.

Почаще встречайся с ним и расскажи ему о своих мучениях, которые, как я вижу, очень велики, и слишком уж сбиваются на сплел. Ты чересчур много думаешь о мертвых, ты слишком веришь в их покой. У них его нет. Они ищут так же, как и мы. Они деятельно ищут.

Все мои домашние здоровы и целуют тебя. Что до меня, то я не выздоравливаю. Но я надеюсь, выздоровевшая или нет, пожить еще, чтобы воспитывать моих внучат и чтобы любить тебя, пока во мне есть дыхание.

XLV. Густаву Флоберу, Париж

Ноган, 18 и 19 декабря 1875.

... Я знаю, что ты осуждаешь доктрину о личном вмешательстве автора в литературном произведении. Прав ли ты? Быть может, это не столько эстетический принцип, сколько отсутствие убеждений? Нельзя иметь за душой какую-либо философию без того, чтобы она сказалась. Я не думаю давать тебе литературные советы, у меня нет готового суждения о твоих друзьях-писателях, о которых ты мне говоришь. Я сама все высказала Гонкурам. Что же касается других, то я твердо уверена, что они и больше моего знают, и талантливее меня. Однако, я думаю, что всем им и, в особенности, тебе, недостает твердого, широкого взгляда на жизнь. Искусство — это не только живопись. К тому же, настоящая живопись полна души, идей, которые подталкивают кисти. Искусство — это не только критика и сатира; критика и сатира — лишь одна сторона правды.

Я хочу видеть человека таким, каков он есть. Он не добр или дурен, а и добр, и дурен. Но есть еще нечто... оттенок! Оттенок для меня — цель искусства. Будучи и добрым, и злым, человек имеет внутреннюю силу, которая ведет его к тому, чтобы быть очень плохим и чуть-чуть хорошим, или — очень хорошим и чуть-чуть плохим.

Мне кажется, что твоя школа не заботится о сущности вещей, что она часто остается на поверхности явлений. Из-за напряженных поисков формы она слишком легко относится к содержанию, она адресуетя к образованным людям. Но нет образованных людей вообще. Прежде всего есть люди. За любым повествованием, за любым фактом надо видеть человека. Это недостаток «Воспитания и чувств», над которым я долго размышляла, задаваясь вопросом, по-

чему так хорошо и крепко сделанное произведение вызвало столько недовольства. Этим недостатком было отсутствие активности персонажей. Они подвергались воздействию событий, но никогда не овладевали ими. И я думаю, что ты пренебрег тем, что составляет главный интерес в повествовании. На твоём месте я попыталась бы сделать как-раз обратное тому, что сделал ты; временами ты в скармливаешь себя Шекспиром и хорошо делаешь. Он как-раз и ведет людей на схватку с событиями. Заметь, что или в добре, или в зле события всегда побеждаются ими. Они раздавливают их или бывают раздавлены вместе с ними...

XLVI. Густаву Флоберу, Париж

Ноган, 12 января 1876.

... Ты предпочитаешь хорошо сделанную фразу всякой метафизике. Я тоже люблю, когда в нескольких словах резюмировано то, что у других растянуто на несколько томов. Но надо разобраться в сущности этих томов (принимая ее или отвергая, это безразлично), чтобы найти тот возвышенный итог, каким становится литературное искусство в своем высшем выражении. Вот почему не надо презирать никаких усилий человеческого разума, направленных на поиски правды.

Я говорю это потому, что у тебя есть готовые решения, очень крайние на словах. По существу, ты читаешь, изучаешь, трудишься больше, чем я, чем множество других. Ты приобрел образование, какого у меня никогда не будет. Ты во сто раз богаче, чем все мы. Ты богач, а жалуешься, словно нищий. Подайте нищему, у которого матрац набит золотом, но который хочет питаться лишь красиво сделанными фразами и отборными словами. Но, глупец, ты поройся в своем сенике и ешь свое золото. Питайся идеями и чувствами, найденными в своей голове и в своем сердце; слова и фразы, форма, с которой ты так носишься, появится сама, как результат твоего пищеварения. Ты рассматриваешь ее, как цель, а она — лишь следствие. Счастливое откровение вырастает лишь из эмоции, а эмоция вырастает из

убеждения. То, во что нельзя пылко верить, не взволнует.

Я не хочу сказать, что ты не веришь, наоборот: вся твоя жизнь, с ее привязанностями, покровительством и добротой, очаровательной и простой, доказывает, что ты — убежденнейший человек на свете. Но, как только ты обращаешься к литературе, ты хочешь, не знаю, почему, быть другим человеком, человеком, который должен исчезнуть, должен перестать существовать, человеком, которого нет. Какая смешная мания! Какое фальшивое правило хорошего вкуса! Наше произведение ценно лишь постольку, поскольку мы сами имеем цену.

Кто тебе говорит, что надо выставлять напоказ свою личность? Это, действительно, никуда не годится, если только это не делается открыто, как в ином рассказе. Но что это за болезненная фантазия отворачивать свою душу от того, что делаешь? Скрывать свое собственное мнение о выводимых персонажах и, следовательно, оставлять читателя в неуверенности относительно того мнения, которого он должен придерживаться о них, — это значит не желать быть понятым, и с этой минуты читатель вас покидает; потому что, если он хочет выслушать историю, которую вы ему рассказываете, то лишь при условии, что вы ему ясно покажете, в ком сила, а в ком слабость.

«Воспитание чувства» было книгой непонятой, я настойчиво говорила тебе об этом, ты меня не послушал. Там нужно было либо короткое предисловие, либо, при удобном случае, какое-либо выражение, пусть хоть какой-нибудь удачно найденный эпитет, осуждающий зло, характеризующий упадок, подчеркивающий усилие. Все действующие лица этой книги слабы, недоношены, исключая тех, у кого дурные инстинкты. Вот упрек, с которым к тебе обращаются, потому что никто не понял, что ты хотел точно изобразить это плачевное общество, которое поощряет эти дурные инстинкты и разрушает благородные усилия. Когда нас не понимают, то это всегда наша вина. Читатель прежде всего стремится к тому, чтобы по-

нять нашу мысль, а ты надменно отказываешь ему в этом. И он думает, что ты его презираешь, что ты насмеяешься над ним. Я тебя поняла, потому что я тебя знала. Если б мне принесли твою книгу без имени автора, я нашла бы ее прекрасной, но странной, и я задала бы себе вопрос, аморальный ли ты человек, скептик ли, человек равнодушный, или у тебя сердце обливается кровью? Ты говоришь, что так оно и должно быть и что г. Флобер нарушит правила хорошего вкуса, если он обнаружит свою мысль и укажет на цель своего литературного произведения. Это ложная, архаичная мысль. С того момента, как г. Флобер пишет хорошо и серьезно, читатель привязывается к его личности и готов погибнуть с ним или спастись. Если же он оставляет вас в неуверенности, то им перестают интересоваться, им становятся недовольны или просто бросают его.

Я уже выступала против излюбленной тобой ереси, что писать надо для двадцати умных людей, а на остальных наплевать. Это неверно, потому что ты сердиться на отсутствие успеха и близко принимаешь это к сердцу. Притом ведь не нашлось двадцати критиков, положительно отнесшихся к этой столь значительной и так хорошо написанной книге. Следовательно, не надо писать ни для двадцати человек, ни для трех, ни для ста тысяч. А надо писать для всех тех, кто жаждет чтения и кому может принести пользу хорошее чтение. Следовательно, надо прямо высказывать, что есть в тебе наиболее возвышенного в моральном отношении, и не делать тайны из морального смысла и из того, что есть полезного в твоём произведении. «Госпожу Бовари» нашли безнравственной. Если одна часть публики кричала о скандале, то другая, более здоровая и численно превосходящая первую, часть видела в книге суровый и разящий урок, данный женщине без совести, без веры, урок тщеславию, честолюбия, безрассудству. Ее жалели, искусство этого хотело; но урок оставался ясным, и он был бы еще яснее, он был бы уроком для всех, если б ты захотел более открыто высказать свое мне-

ние, мнение, которого надо держаться о героине, ее муже и ее любовниках.

Это желание изображать явления такими, каковы они есть, жизненные перипетии, как они представляются взгляду, по-моему, не очень обосновано. Изображайте, как реалист, или, как поэт, инертные вещи, — это мне безразлично. Но когда приходится касаться движений человеческого сердца, то это дело другое. Вы не можете отвлечься от своего «я» при этом рассмотрении. Ведь человек — это вы, а люди — это читатель. И думайте, что хотите, но ваше повествование — это беседа между вами и им. Если вы холодно показываете ему зло, никогда не показывая добра, он начинает сердиться. Он задает себе вопрос, он ли плох, или плохи вы сами. Вы работаете, однако, над тем, чтобы взволновать его и привязать к себе. И вы никогда этого не достигнете, если вы не взволнованы или если вы скрываете вашу взволнованность так хорошо, что он считает вас безучастным. Он прав. Высшее проявление безучастности противочеловечно, а роман должен быть прежде всего человеческим. Если он не человекен, то никто не будет ему признателен за то, что он хорошо написан, что у него хорошая композиция и что в нем много удачных наблюдений. Ему недостает существенного качества: интереса.

Читатель легко отрешается и от книги, в которой все действующие лица добры, без оттенка и без слабостей. Он хорошо видит, что и это нечеловечно. Я думаю, что искусство, особенно искусство повествования, приобретает цену лишь благодаря противопоставлению характеров; но я хочу, чтобы в их борьбе торжествовало добро. Пусть события раздавят человека, я согласна, но пусть это не замазает его или не умалит, и пусть он идет на костер, чувствуя, что он счастливее своих палачей.

15 января.

Прошло уже три дня, как я написала это письмо, и каждый день я собиралась бросить его в огонь; оно длинно и несвязно, и по всей вероятности бесполезно. Натуры, в известном отношении противоположные, с трудом понимают друг

друга, и я боюсь, что ты не лучше поймешь меня, чем бывало прежде. Но я все же посылаю эту пачкотню, чтобы ты видел, что я занята тобой почти столько же, сколько собой.

После неудач, которые тебя глубоко смутили, тебе нужен успех. Я говорю тебе о том, где находятся некоторые условия этого успеха. Сохраняй свой культ формы, но больше занимайся содержанием. Не считай истинную добродетель общим местом в литературе. Дай ей своего героя, и пусть сквозь толпу этих сумасшедших и идиотов, над которыми ты любишь насмеяться, пройдет нечто сильное и честное. Покажи, что есть основательного среди этих интеллектуальных отбросов. Словом, откажись от условностей реалистов и вернись к истинной реальности, в которой прекрасное перемешано с безобразным, тусклое с блестящим, но где воля к добру все же находит себе место и применение.

Целую тебя от всех нас.

XLVII. Густаву Флоберу, Круассе

Ноган, 25 марта 1876.

Я много могла бы сказать о романах г. Золя, и лучше, если я выскажусь в фельетоне, чем в письме, потому что здесь возникает один вопрос общего характера, который лучше трактовать со срежней головой. Но сначала мне хотелось бы прочесть книгу г. Додэ, о которой ты тоже говорил мне, но заглавия которой я не припомню. Напиши издателю, чтобы он выслал мне ее наложенным платежом, если он не даст мне ее бесплатно, только всего. В общем, подходя с философской критикой к приемам автора, скажу (и я не возьму обратно этих слов), что «Ругоны» — книга большой ценности, книга сильная, как ты говоришь, и достойная того, чтобы стать в первом ряду.

Эти слова ничего не изменяют в моем взгляде на то, что искусство — это искажение правды, а правда — это изображение добра или зла. Художник, который видит лишь одно, так же фальшив, как тот, который видит лишь другое. Жизнь — это вовсе не скопище преступников и отверженных. Честных лю-

дей немало, потому что общество все-таки существует, и в нем есть известный порядок, и не так уж много в нем безнаказанных преступлений. Это правда, что господствуют глупцы. Но общественная совесть давит на них и заставляет их уважать право. Пусть выставляют напоказ и бичуют негодяев, — это хорошо и даже морально, но пусть нам говорят и показывают нам тех, кто является противовесом. А не то наивный читатель, каким по преимуществу он и является, проникается отвращением, огорчается, приходит в ужас и отвергает вас, чтобы самому не притти в отчаяние.

Как твое здоровье? Тургенев пишет мне, что твое последнее произведение весьма замечательно: значит, ты не прогорел, как ты утверждаешь...

XLVIII. Доктору Анри Фавру, Париж

Ногаи, 28 мая 1876.

Спасибо за ваше доброе письмо, дорогой друг. Я буду следовать всем вашим предписаниям. Я хочу добавить к своему вчерашнему отчету ответ на ваши сегодняшние вопросы. Общее состояние не ухудшилось и, несмотря на возраст (около семьдесят два года), я не чувствую приступов старости.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письма к Флоберу: XXV, XXXI, XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII, XLII, LXIII, LXIV, LXV, XLVI, XLVII.

В тридцать третьем письме речь идет о романе Флобера «Воспитание чувства». Статью о «Воспитании чувства», про которую говорит Жорж Санд в этом и следующем письме, см. в ее книге «Вопросы искусства и литературы», 1878 г. Там же — статья о «Саламбо».

В переписке Жорж Санд с Флобером часто встречаются упоминания о Тургеневе, с которым она была близко знакома. Тургенев в письме-некрологе, адресованном издателю «Нового времени» Алексею Суворину (9/21 июня 1876 г.), дал очень высокую оценку Жорж Санд, как писательницы и как человека. Не менее высоко ценила и Жорж Санд Тургенева, — это видно хотя бы из ее беглых замечаний о нем, разбросанных в ее переписке. Вот еще два упоминания о Тургеневе из писем, не вошедших в это собрание. В январе 1872 г

Ноги здоровы, зрение лучше, чем двадцать лет назад, сон — спокойный, руки такие же уверенные и такие же ловкие, как в молодости. Когда я не страдаю от тех ужасных болей, происходит феномен, присущий, несомненно, этой локализованной болезни: я чувствую себя сильнее и физически свободнее, чем когда-либо прежде. У меня была легкая астма: теперь она исчезла. Я подымаюсь по лестнице с такой же легкостью, как и моя собака.

Но так как часть жизненных функций совершенно исключена, я задаюсь вопросом, куда я иду, не следует ли ожидать внезапного конца в один из ближайших дней. Я предпочла бы знать это немедленно, чем быть застигнутой врасплох. Я не из тех, кого печалит то, что и он подвержен великому закону, и кто бунтует против того, что всему живому положен предел. Но, чтобы выздороветь, я исполню все предписания, и если у меня будет промежуток хотя бы в один день между припадками, я приеду в Париж, чтобы вы мне помогли продолжать мое дело, так как я еще чувствую себя полезной моим домашним.

Морису лучше. Мы горячо желаем выздоровления вашей больной, верим, что вы ее спасете, и любим вас.

Ж. Санд

Жорж Санд писала Флоберу, который был в это время в Париже: «Мне жаль, что я не в Париже, потому что я не буду третьей, когда ты станешь читать Тургеневу твоего «Святого Антония». А 26 октября того же года Жорж Санд упрекает Флобера: «Ты избегаешь своих друзей, ты погружаешься в работу и считаешь потерянным то время, которое уходит у тебя на то, чтобы любить или испытывать на себе любовь других. Почему ты не приехал к нам с г-жей Виардо и Тургеневым? Ты их любишь, ты восхищаешься ими, ты знаешь, что у нас тебя обожают, но ты стараешься, однако, уклониться и остаться в одиночестве».

Письмо XLI. Александр Сен-Жан — провансальский поэт, автор поэмы «Синедиз», которая доставила ему некоторую известность.

Письмо XLVIII, адресованное врачу Анри Фавру. Через два дня после этого письма Жорж Санд слегла и, после десяти дней страданий, умерла 10 июня 1876 г.

Книжное обозрение

1. КНИГА СТРАШНОЙ ПРАВДЫ—С. Д—в. 2. КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ. „От двух до пяти“.— Б. Анибал

КНИГА СТРАШНОЙ ПРАВДЫ

Американские негры! Сколько о них написано книг, вызывавших жалость и негодование, начиная хотя бы со знаменитой «Хижины дяди Тома».

В современной литературе Америки также много этих книг, написанных и белыми, и самими неграми. Мулат Уолтер Уайт в романе «Огонь из кремня» дал образ доктора-негра, пытавшегося жить с белой буржуазией в мире и окончившего свой путь прямой борьбой с нею. В следующем романе, «Вестово», Уайт стал сдержаннее, а потом превратился в тихого проповедника классовой гармонии.

Джесси Фоссет дала в «Позоре» ряд картин того, как черная интеллигенция выбрасывается из интеллектуальной жизни только за то, что она — черная.

Клод-Жак Кей в романе «Назад в Гарлем» дал ряд реалистических зарисовок, но не увидел, что черная юбка покрывает одинаково и капиталиста, и пролетария.

Прекрасен роман Бурхардта Дю Бойса «За серебряным рупом», написанный еще в 1911 г. и остающийся по сей день замечательнейшим художественным произведением из жизни негров.

А нетрагическая поэзия! Посмотрите вышедший в ГИХЛ сборничек «Африка в Америке», и вы буквально затоскуете, что так мало знаете стихи поэтов-негров.

Один из лучших негритянских поэтов Америки, Лэнгстон Хьюз, дал также первый реалистический роман о неграх-рабочих «Сквозь слезы» (второй том, «Санди», им тоже закончен).

И вот теперь появляется книга о неграх, написанная белым, и так написанная, что невольно содрогаетесь, читая ее.

Американский журналист Д. Спивак в книге «Негр из Джорджии», вышедшей и у нас, в ГИХЛ, разворачивает поистине страшную картину положения негров в Америке.

С черным можно сделать все, что только придет в голову тем белым, у которых есть деньги. Герой книги, Дэвид,—простой рабочий парень.

Он попадает в каторжный лагерь. Кончился срок — его освобождают.

Но белому плантатору Дирингу нужны рабочие руки — хлопок созрел, а убирать не-

кому. И абсолютно невинные негры, в том числе и Дэвид, по ложному обвинению заключаются в тюрьму, там на них накладывается штраф, его уплачивает Диринг — и готово: рабочие руки получены.

Негр болен? Умирай, это обходится дешевле, чем лечение. Негр не может работать? Пуля в лоб — прекрасное средство. Негр может убежать? Что ж, «свободных» негров охраняет конная стража. Негр все же убежал? За ним охотятся с собаками. Негр заявляет протест? Плеть хлещет до костей, — какое это прекрасное средство от протеста! Негр хочет жаловаться на белого? Могила не выдает тайн.

Рабы стоили денег, — с ними обращались лучше. Свободные негры ничего не стоят, — с ними можно разговаривать на языке голода, истязаний и пыток.

Она страшна, эта книга Д. Спивака, революционного журналиста, сейчас печатающего в журнале «Новые массы» цикл очерков о классовой борьбе в Америке. Она кажется невероятной, но она правдива от первой до последней строчки. Спивак подчеркивает в предисловии, что он не брал ряда совершенно страшных случаев только потому, что они ему не казались типичными, и что все, что он описывает, подтверждается документами и фотоснимками.

Лэнгстон Хьюз в своей статье о книге Спивака со всей категоричностью подтверждает, что Спивак пишет правду, и только правду.

Да, это — правда, которая сжимает сердце, которая рождает ненависть и боль, которая потрясает.

Факты Спивака, точно раскаленные куски металла: до них страшно дотронуться, они обжигают. Но так живут сотни тысяч черных людей, но так страдают сотни тысяч трудящихся-негров, но так существуют миллионы.

Прочтите книгу Спивака, это современное продолжение «Хижины дяди Тома», освобожденное от сладкого филантропизма Бичер-Стоу.

Прочтите книгу Спивака — и вы почувствуете еще сильнее, как прекрасно то дело, которое творит пролетариат, освобождающий человечество, все народы и все расы.

Корней Чуковский. — «От двух до пяти». Четвертое издание. Изд-во писателей в Ленинграде. 1934. Стр. 248. Тираж 10.500 экз. Цена 2 р. 40 к., перепл. 90 коп.

Несомненное достоинство Чуковского в том, что он умеет писать интересно. Интересна и эта книга — о детской речи в возрасте от двух до пяти лет, о праве ребят на сказку, о детских стишках и поэтике последних.

«Никому не советую думать, — пишет в предисловии автор, — будто в этой книжке педагогика. Я не педагог, а писатель, и наблюдаю детей исключительно для писательских надобностей». Несмотря на это. «О двух до пяти» не без пользы прочтут и педагог, и педолог, и отец и мать, и просто читатель, любящий детей.

Каждая из статей, включенных в книгу, снабжена большим количеством примеров. Опираясь на них, Чуковский показывает, что та самая детская речь, на которую объезжали и доморощенные фребелы не обращают никакого внимания, считая ее ничего не значащим детским лепетом, в лучшем случае забавным, при более внимательном рассмотрении полна живого интереса. В ней раскрывается своеобразнейший мир ребенка. Так называемый детский лепет имеет свои определенные, характерные формы, его развитие совершается по определенным законам. Автор отмечает у детей необыкновенное чутье языка, острое смысловое восприятие слова, борьбу с метафоричностью и трафаретностью языка взрослых, словотворчество, динамичность речи, огластывание существительных, овеществление слова, борьбу с заторами — выбрасывание трудных согласных.

Приводимые примеры детских разговоров, словечек и выражений («Прислушиваюсь», «Говорят, трехлетние») интересны сами по себе, однако подбор их, конечно, субъективен, а кроме того, очевидно, что часть из них подерглась литературной правке Чуковского. На мысль об этом наводит следующее: в 1929 году в изд. «Огонек» вышли «Колотки и копатки» того же автора, являющиеся прообразом «От двух до пяти», и в них отдельные разговоры ребятешек даны в иной редакции, чем в рецензируемой книге. Так, на стр. 25 «Колоток и копаток» читаем:

— Баба морду мылом моет!

— У бабы не морда, у бабы лицо. Морда только у коровы и лошади

— А у дяди морда?

— У дяди тоже лицо

— Нет, у дяди все-таки немножко морда.

Этот же разговор в рецензируемой книге (стр. 63) сокращен и выправлен дядя изъят совсем, третья и четвертая фразы выкинуты, а последняя читается так

— Нет, у бабы все-таки немножечко морда.

Правка, казалось бы, незначительная, но если первая запись подлинна, то, этой прав-

ки, даже исходя из «писательских надобностей», совсем не следовало делать, не только потому, что она вносит искусственность, но и ограничивает объект сравнения ребенка, а у читателя пробуждает сомнения в подлинности записей.

Наоборот, другим детским разговорам Чуковский в последней редакции придает больше выразительности, чем в первой, соединяя две простые фразы в одну сложную (разговор о лошади — «Колотки и копатки», стр. 24, «От двух до пяти», стр. 59).

Детские стишки — перевертыши, кричалки и дразнилки — разработаны Чуковским более подробно и систематически, чем речь. Но они также, очевидно, подвергнуты правке, олитературиванию. К ним подобраны такие заголовки, которых какой-нибудь двухлетней Оле ни за что не выдумать (напр, иронический заголовок к стишкам «Последняя новость» — стр. 200).

В статьях о детских стишках автор рядом примеров показывает, какие стихи и почему любят дети, а на основе их разработки дает «заповеди для детских прозаителей». «Я называю мои домьслы заповедями, — оговаривается он, — не потому, чтобы я чувствовал себя Моисеем... а потому, что основная природа всех заповедей... именно в том, что они нарушаемы... Это — просто вежи...» Но если «просто вежи», тогда не следовало совсем употреблять такого обязывающего названия, заполнять им целый ряд страниц и в конце-концов признаться, что это обязывающее название ничего не значит.

В качестве иллюстрации принципов построения детских стихов Чуковский дает тексты своих поэмов, широко известных среди малышей, — «Мойлодыря», «Бармалея», «Тараканища» и «Мухи-Цокотухи».

В книге Чуковского много нового, свежего и интересного, — он остроумен и занимателен, но его остроумие и занимательность в отдельных случаях, не давая ничего нового, перерастают уже в недостатки — повторяемость, поверхностность, своеобразный анекдотизм.

К недостаткам «От двух до пяти», наряду с указанными, следует отнести слабую разработку большой и важной темы — «Прежние дети и нынешние».

Кстати, отметим, что меньшого из маниловских детей зовут не Аристид, как утверждает Чуковский (стр. 81), повторая ошибку, допущенную еще в «Колотках и копатках» (стр. 40). Гоголь называет его Алкидом, и Гоголю, нам думается, в данном случае виднее.

Несмотря на целый ряд недостатков, переиздание «От двух до пяти» в известной мере отвечает насущной потребности знать больше о детях, интерес к которым и забота о них у нас, в СССР, неуклонно возрастают

Содержание журнала „Новый мир“ за 1934 г.¹⁾

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ:

- Адуев, Ник. Как ее зовут? Музыкальная комедия в стихах. VII—5.
- Воронский, А. Три повести. IX—12, X—96.
- Гарри, А. Ключи города, рассказ. II—138.
- Зингер, Макс. Огни, повесть. I—88, II—60.
- Зингер, Макс. Великий фасад, V—125.
- Зорич, А. Счастье, рассказ. VI—109.
- Иванов, Вс. Похождения факира, роман. IV—5, V—39, VI—38, VII—57, IX—105, X—93.
- Карцев, Алексей. Магистраль, роман, VI—69, VII—115, VIII—120, IX—38, X—44, XI—21, XII—46.
- Киршон, В. Чудесный сплав, пьеса. V—5.
- Леонов, Л. Скутаревский, пьеса. VI—5.
- Лажнев, И. Записки современника. I—204, II—82, III—186, IV—88.
- Низовой, Павел. Недра, роман. I—114, II—153, III—28, IV—49.
- Никандров, Н. Морские просторы, повесть. V—81, VI—119.
- Никандров, Н. Пловучий дворец, рассказ. XII—110.
- Никифоров, Г. Час торжества, рассказ IX—33.
- Никулин, Л. Стамбул, Анкара, Измир. VII—155, VIII—174, IX—72.
- Новиков-Прибой, А. С. Последние главы, (Из 2-й книги «Дусима»). VIII—12.
- Новиков-Прибой, А. С. Под пение петухов, (Из 2-й книги «Дусима»). XII—26.
- Новиков, А. Разведка, из записок красногвардейца. V—109.
- Олеша, Юрий. Строгий юноша, пьеса для кинематографа, VIII—66.
- Пильняк, Бор. Три рассказа: I. Мастера. II. Тень писателя Гоголя. III. Пространства и время. III—5.
- Пильняк, Бор. Рассказы: I. Товарищ Сорокина. II. Христианское рождество. III. Собачья судьба. IV—41.
- Пильняк, Бор. Рассказы: 1. Кавказский хребет в лагодехской пыли. II. Рассказ о двадцатом годе. III. Повесть о спецовке. V—73.
- Пильняк, Бор. Рассказ о кристаллообразованиях. IX—5.
- Пильняк, Бор. Рассказы: I. Рождение прекрасного. II. 400 гг чайной. X—37.
- Пильняк, Бор. Большой шлем, рассказ XI—5.
- Пильняк, Бор. Камень, небо, рассказ. XII—34.
- Сейфуллина, Л. Таня, рассказ. VIII—55.
- Сейфуллина, Л. Молодость, рассказ. XII—17.
- Скиталец. Дом Черновых, главы из романа, X—75, XI—73.
- Слетов, П. — Равноденствие, роман. I—157, II—89.
- Смирнов, Ник. Рассказы: I. Первый рейс. II. Горечь. X—125.
- Толстой, А. А. Петр Первый, роман, книга вторая, I—192, II—21, III—15, IV—70.
- Фарид, Л. и Пильняк, Бор. Весна в Хорезме. — Записки уполномоченного I—60.
- Фарид, Л. и Пильняк, Бор. Хлебная революция. Осень в Кулябе. — Записки уполномоченного. II—39.
- Фарид, Л. и Пильняк, Бор. Волга. Мугань цветет. — Записки уполномоченного. III—62.
- Эль-Регистан. Хайбер, сын пустыни, рассказ. XI—64.
- Южин, М. Начало, драматические картины из эпохи первой революции. XII—77.

СТИХИ И ПОЭМЫ:

Асеев, Ник. Два стихотворения. XI—19.

Алексеев, Н. Клад. X—74.

Багрицкий, Эдуард. Трактор, поэма. IV—36.

Багрицкий, Эдуард. Итак, бумаге терпеть невмочь. VII—86.

Башметов, Мухан. Расставанье, перевод Павла Васильева. X—35.

Браун, Н. Березка. VI—37.

Браун, Н. Четыре стихотворения. IX—9.

Васильев, Павел. Анастасия I—228.

Васильев, Павел. Синицын и К°, поэма. VIII—90.

Васильев, Павел. Стихи XII—23.

Вышеславский, Л. Песня о варениках. XII—109.

Жаров, А. Два паспорта, поэма. I—153.

Железнов, П. Сыну. V—72.

¹⁾ Содержание составлено в алфавитном порядке. Римские цифры обозначают номер книги, арабские — страницу.

- Зарудин, Ник. Лирические стихотворения. IX—36.
 Казин, Василий.—Два стихотворения. XII—71.
 Лахуги. Труд рапортует. I—202.
 Мюзам, Эрих. Два стихотворения, перевод А. Жарова. VIII—54.
 Наседкин, В. Два стихотворения. IX—92.
 Пастернак, Бор. Переводы из грузинских по-
 этов. III—12.
 Прокофьев, А. Два стихотворения. XI—63.
 Руставели, Шота. Барсова шкура, поэма, песнь первая, перевод С. Клычкова, предис-
 лие А. С. VI—97.
 Санников, Г. Рассказ о пустыре. XII—75.
 Спасский, С. Хибиногорский дневник. XII—
 74.
 Табидзе, Тициан. Рион-порт, поэма X—5.
 Чачиков, Александр. Два стихотворения, V—79
 Черноморцев, Л. Посиденки. VIII—149.

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, МАТЕРИАЛЫ:

- Абих, Р. Фердоуси. XI—176.
 Адамов, Е. Кризис 1914 года. VIII—210.
 Анисимов, И. Андре Жид. IV—223.
 Анисимов, И. Андре Мальро VIII—253.
 Аранович, Д. Планировка и архитектура соци-
 алистической Москвы. X—134.
 Ашукин, Н. Труд Валерия Брюсова. X—230.
 Богословский, Н. Пушкин-критик. IX—149.
 Беранже. Письма Перевод, предисловие и
 примечания Н. Славятинского. VIII—261,
 IX—180
 Бубнова, О. О турецком искусстве. I—266.
 Акад. Вавилъ, Н. И. Праздник советского
 садоводства. XI—139.
 Варшавский, Л. Германские большевики в
 подполье. VII—222
 Проф. Визе, В. Ю. Поход «Литке»
 XII—120.
 Гарри, А. Все выше и выше I—245.
 Гронский, И. О живописи. VI—201.
 Гронский, И. Великая эпопея. VII—185.
 Гронский, И. Съезд мастеров советской лите-
 ратуры VIII—5.
 Гронский, И. Десятилетие XII—185.
 Десятилетие «Нового мира», — приветствия
 М. И. Калинина, Ф. Гладкова, М. Шолохова,
 А. Новикова-Прибоя, А. Леонова, Вс. Ивано-
 ва, Б. Пастернака, Б. Ясенского, Вл. Лидина,
 Ал. Толстого, К. Федина, М. Слонимского,
 М. Козакова, Н. Тихонова, Б. Лавренева,
 Н. Никитина, А. Чапыгина, Бор. Пильняка,
 М. Шагиняна, Л. Сейфуллиной, А. Малышкина,
 Я. Купаль, П. Ширяева, П. Низового, А. Пе-
 регудова, А. Карцева В. Зазубрина, М. Зин-
 гера, А. Гаирова, П. Васильева, технических
 работников «Нов мира». XII—7.
 Зингер, Макс. Герои Советского Союза
 IV—142.
 Зингер, Макс. «Литке», ты сделал хорошо!
 XII—130
 Иванов, Н. Жан Жионо VII—264.
 Изгоев, Н. Кабарда. VII—192.
 Изгоев, Н. Июнь VIII—197.
 Карцев, А. Сталиниис III — 125.
 Кайт, Л. Марка Геринга. VII—212.

- Корнев, Н. Герои современной Австрии.
 IX—110.
 Корнев, Н. Вильгельм III. X—176.
 Корнев, Н. Внешняя политика Советского
 Союза. XI—154.
 Куц, Бела. Вооруженные силы двух фронтов.
 IV—201.
 Лебедев, А. Верещагин и война. XII—189.
 Литературный путь П. Васильева, из стено-
 грамм вечера, посвященного творчеству П. Ва-
 сильева (3 апреля 1933 г.). VI—218.
 Львов, В. Е. Ленин и физика. I—40.
 Львов, В. Е. Научное обозрение. III—175.
 Львов, В. Е. Перпетуум мобиле — послед-
 нее слово буржуазной физики. V—224.
 Львов, В. Е. Научное обозрение. VI—149.
 Львов, В. Е. Спор об эфире. X—208.
 Львов, В. Е. Научное обозрение. XII—165.
 Меликадзе, Е. Мысли мастеров искусства об
 искусстве. XII—226.
 Микитенко, И. О создании Союза советских
 писателей СССР и об украинской литературе.
 VIII—234.
 Проф. Неменов, М. Из впечатлений о Гер-
 мании. II—248.
 Нусинов, И. Дворянско-буржуазный и соци-
 алистический реализм. V—243.
 Иксанов, Н. Отрочество Горького. VII—
 241.
 Пильняк, Бор. Рассказ о с'езде писателей.
 XI—185.
 После с'езда — за работу. IX—143.
 Раскольников, Ф. Марафон танцев. IV—211
 Раскольников, Ф. Обыск у Ленина. VII—
 235.
 Рахья, Э. Мои предоктябрьские и послеок-
 тябрьские встречи с Лениным. I—24.
 Рогдаева, О. Путь Мячурина. XI—143.
 Рожков, П. Эдуард Багрицкий III—195
 Рожков, П. Социалистический реализм и
 «здоровая эмпирия». VI—168.
 Ромм, М. Восхождение на пик Сталина.
 II—224, III—149.
 Россовский, Мих. Уборочная. IV—156.
 Россовский, Мих. Люди колхозных полей.
 X—154.
 Санд, Жорж. Письма, перевод, предисловие и
 примечания Н. Славятинского. XI — 209,
 XII—231.
 Сарматов, С. Эрнст Тельман. XI—112.
 Серебрянский, М. Артем Веселый XI—188.
 Скляров, И. Жемчужина. IV—187.
 Соболевский, Н. Последний роман Кнута
 Гамсуна. V—256.
 Соболевский, Н. Книга отчаяния и смерти.
 IX—170.
 Спектатор, М. За десять лет I—230.
 Спектатор, М. Три кризиса V—192.
 Спектатор, М. Аграрный кризис. X—191.
 Спектатор, М. Два года депрессии особого
 рода. XII—139
 Старчаков, А. Тарас Шевченко. II—252.
 Старчаков, А. По страницам архива. X—238
 Стрельцов, Г. Десять лет без Ленина II—5.
 Стрельцов, Г. Съезд победителей. II—5.
 Сысоев, П. — И. Е. Репин, как представи-
 тель революционного народничества. X—245.

Таиров, Александр. По обе стороны экватора XI—94.

Шагилян, Мариэтта. Беседы с начинающим автором, I—259, II—201.

Фатуев, Р. Мост на Азарго. V—154.

Проф. Федоровский, Н. Десять лет работы института прикладной минералогии. IX—125.

Хамадан, Ал. Пропаганда войны в Японии. VIII—224.

Хамадан, Ал. В лагере фашистской реакции XII—151

Эфрос, А. Мартирос Сарьян III—210

Юрьев, А. В стране Ибн-Сауда. XI—165.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ:

Веневитинов, Д. В. Полное собрание стихотворений. «Academia», 1934 г. IX—203. К. Богаевская.

Вересаев, В. Спутники Пушкина. Выпуск I. «Мир». 1934. Стр. 230. XI—237. К. Богаевская.

Вихрев, Е. Палешане. МТП. 1934 Стр. 388. VIII—284 С. Иванов.

Гарри, А. Паника на Олимпе. Изд. во писателей в Ленинграде. Стр. 195 VIII—283. Н. Замосшкин

Гверацци, Ф. Д. Осада Флоренции, историческая повесть. «Academia». 1934 г. VIII—287. Н. Львов.

Гнедин, Е. Разоружение — узел международных противоречий. Соцэкиз. 1934 г. Стр. 134. VI—229. Дм. Бухарцев

Дадзелло, Массимо. Этторе Фьерамоска или Барлетский турнир. «Academia». 1934 г. Стр. 470. XI—238. С. Иванов

Дмитриев, А. Адмирал Макаров, роман. Изд. во писателей в Ленинграде. 1934 г. IX—202 Г. Тарпан.

Жизнь замечательных людей: Ал. Дейч — Генрих Гейне, А. Дживилегов — Данте, Ал. Дейч и Е. Зозуля — Свифт. Жургазоб'единение. VII—271 Ю. Добранов

Зарудин, Ник. Страна смысла Повести молодого времени МТП. 1934. Стр. 230. XI—234 Дм. Гельман

Зингер, М. Тагам, повесть. «Советская Литература». 1933 г. Стр. 153. VI—228. Дм. Гельман

Кахаиа, М. Осенние маневры ГИХЛ. 1933 г. Стр. 172 II—225. М. Полякова.

Книга страшной правды. С Д—в. XII—244

Массовый читатель о художественной литературе; I—Из опыта одной заводской библиотеки. С. Дзюбинский II. — Из опыта одной газеты Н. Изгоев. IX—195.

Меншуткин, Б. Н. Важнейшие этапы в развитии химии за последние полтора десятилетия. Издание Академии наук СССР. 1933 г. Стр. 118. V—263. Н. Замков.

Никулин, Л. Дело Жуковского, рассказы. «Советская Литература». 1934 г. Стр. 156. XI—236. Б. Анибал.

Новое известие о России времени Ивана Грозного — «Сказание Альберта Шлихтинга». Академия наук СССР. 1934 г. Стр. 62. VI—229. Н. Замков.

Орсини, Фелче. Воспоминания. «Academia». 1934 г. Стр. 552. VIII—285. Н. Замков.

Раскольников, Ф. — Рассказы мичмана Ильина. Стр. 172, «Советская литература», 1934 г. II—270. М. Полякова.

Санников, Г. Сказание о каучуке в одиннадцати песнях. ГИХЛ. 1934 г. Стр. 77 V—262. А. Ефремин.

Сергеев-Цеский, С. Гоголь уходит в ночь, повесть. МТП 1934 г. Стр. 126. IX—201. К. Литовцева.

Серебрякова, Г. Юность Маркса, роман, книга первая, ГИХЛ, 1934 г. Стр. 194. III—224. Д. Гельман.

Соколов-Микитов, И. Ленкорань. Изд. во писателей в Ленинграде. 1934. Стр. 156. VII—268. Н. Замосшкин.

Талейран. Мемуары «Academia». 1934, Стр. 270. VII—269 Ю. Корхов.

Третьяков, С. Тысяча и один трудовой Яковлев, А. — Огни в поле. II—269 И. Скляр.

Улин, Л. — Нэн МТП. 1933 г. Стр. 206. II—271. М. Зингер.

Чуковский, К. От двух до пяти. Изд. во писателей в Ленинграде. XII—245 Б. Анибал.

Шепли, X. От атомов до млечных путей. ГТТИ, 1934. III — 226. В. Е. Львов

Шкапа (Гриневский), И. — Лицом к лицу. МТП. 1934 г. Стр. 272. V—261. Д. Гельман.

Штакеншнейдер, Е. А. Дневник и записки. «Academia» 1934 г. Стр. 582. Жихарев, С. П. Записки современника. «Academia». 1934 г. Стр. 469 IX—206 С. Иванов

Языков, Н. М. Полное собрание стихотворений «Academia». 1934 г. Стр. 926. VI—226. Н. Бельчиков.

Редакция:

А. И. Безыменский.
Ф. В. Гладков.
В. В. Григоренко.
И. М. Гронский.
Л. М. Леонов.
А. Г. Малышкин.
В. П. Ставский.

Отв. редактор И. М. Гронский.

Издатель: «Известия ЦИК СССР и ВЦИК».